

Абдылдажан Акматалиев

ЧИНГИЗ
АЙТМАТОВ:

ЖИВИ
И ПОМНИ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ОТДЕЛЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ Ч.АЙТМАТОВА

Абдылдажан Акматалиев

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ:
ЖИВИ И ПОМНИ

2-847873

Azərbaycan milli
kitabxanası

БИШКЕК
«ИМАК ОФСЕТ» – 2015

УДК 82/821.0
ББК 83.3 Ки
А 40

Рекомендовано к печати Ученым советом Института языка и литературы
им. Ч.Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики

Рецензент:

академик, доктор филологических наук, профессор *Али Габиббейли*

Акматалиев Абдылдажан.

Чингиз Айтматов: Живи и помни. – Б.: «Имак-офсет», 2015 – 384 с.

ISBN 978-9967-12-523-0

Творчество Чингиза Айтматова, бесспорно, является мировым наследием. Его назвали классиком литературы еще при жизни.

Философия Айтматова – это прежде всего философия человека. Вся жизнь писателя свидетельствует о том, с каким отчаянием неумным вдохновением он писал ответ на главный вопрос, так волновавший его: Как человеку и человеком быть?

Цена человеческой жизни с каждым днем становится все меньше. Должен ли человек думать об этом в своей повседневности?

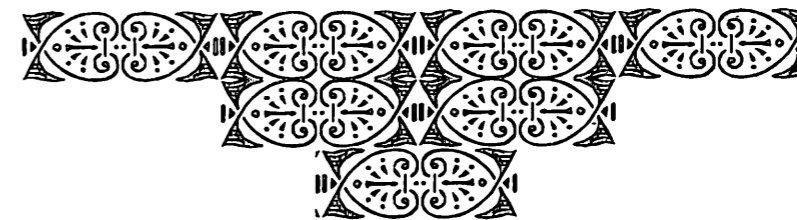
Произведения Айтматова и анализ Акматалиева – об этом.

А 40

УДК 82/821.0
ББК 83.3 Ки

ISBN 978-9967-12-523-0

© Акматалиев А., 2015
© «Имак-офсет», 2015

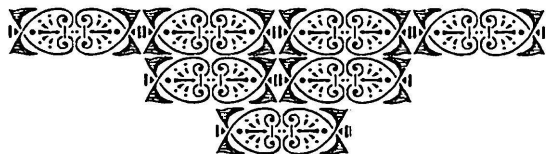
*Упаси вас, о люди, от бед
нелюдских –
Упаси от пожаров
неугасимых,
Упаси вас, от дел
непоправимых,
Упаси вас, о люди, от бед
нелюдских...*

Ч.Айтматов.

* * *

«Совесть – это великое достояние, великое наследие человеческого рода, человеческого сознания, человеческого духа. Благодаря совести человек становится человеком».

Ч.Айтматов.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВА Ч. АЙТМАТОВА

«И ТОГДА Я ОТКРЫЛ ДЛЯ СЕБЯ... ШЕКЕР»

Истоки любого большого таланта – в его детстве. Именно в детстве происходит становление человека как личности, в детстве он получает первые уроки добра и зла, любви и ненависти, красоты и уродства, первые уроки нравственности, гуманизма. И первыми наставниками в начале большой жизни, первыми учителями в познании мира, примером для подражания, объектом для восхищения и предметом гордости являются родители. И, очевидно, никто не будет отрицать то, что и Чингиз Айтматов тем, что стал всемирно известным писателем, прежде всего обязан отцу – Торекулу Айтматову и матери – Нагиме Айтматовой. И поэтому Слово о писателе мы решили начать с рассказа о его родителях.

Отец писателя – Торекул Айтматов (1903–1937) был видным партийным и государственным деятелем. Он родился в кишлаке Шекер, что на берегу реки Куркуреу, в семье крестьянина-середняка. Страстно стремящийся к знаниям Торе-

кул в четырнадцать лет окончил русско-туземную школу. В 1920 году его избирают секретарем комитета бедноты кишлака Грозный, а через год он становится слушателем Московского Коммунистического университета трудящихся Востока. После завершения учебы его принимают в ряды членов ВКП(б). С 1924 по 1926 год он работает заместителем заведующего, затем заведующим отделом пропаганды и агитации Киробкома ВКП(б), а позже секретарем Караколо-Нарынского окружкома ВКП(б), секретарем Джалал-Абадского кантонного комитета ВКП(б) (1926–1929), народным комиссаром промышленности и торговли Киргизской АССР и председателем республиканского Совета народного хозяйства (1929–1931), первым секретарем Аравано-Бууринского райкома ВКП(б) (1931–1933), вторым секретарем Киробкома ВКП(б) (1934–1935).

В 1935 году Торекул Айтматов был послан на учебу в Москву в институт Красной профессуры, где учился до 1937 года. В том страшном году он был репрессирован как «враг народа».

С юных лет приобщилась к активной общественной работе и мать писателя – Нагима Хамзаевна Айтматова (1904–1970). Образование она получила в советской школе, открытой в 1919 году в городе Караколе (Пржевальске), там же вступила в комсомол. С 1924 года работала завотделом Каракольского кантонного комитета комсомола.

С Торекулом она познакомилась в Пишпеке. Через некоторое время он попросил её руки, и вскоре молодые супруги переехали на юг республики, в Джалал-Абад, где Нагима Хамзаевна работала секретарем райкома комсомола, а немного позже – секретарем кантонного исполнительного комитета. Круг ее забот был безграничен: работа среди женщин, ликвидация безграмотности, борьба с пережитками прошлого, проведение в жизнь земельно-водной реформы – и все это было архиважно, все требовало безотлагательного решения. От Нагимы Хамзаевны требовались самоотверженность, преданность работе, эрудиция, высокая политическая грамотность. И надо сказать, что она показала себя в те годы неплохим работником.

После ареста мужа некоторое время она работала в детском саду (1938–1939), затем инспектором, бухгалтером Кировского райфинотдела (1940–1954). В 1954 году она ушла на заслуженный отдых.

Несмотря на то что судьба отнюдь не была скупа на всевозможные испытания, что на ее долю достались годы унижений, лишений, бесправия, годы, полные тре-

воги за будущее детей, Нагима Хамзаевна была все же счастливым человеком. Ведь вырастить в ее тогдашнем положении четверых детей, каждый из которых – гордость для любой матери, да не просто вырастить, а крепко поставить на ноги, дать великолепное образование, – это было великим материнским подвигом, великим счастьем. И, безусловно, к ней, к ее образу, вполне можно отнести любое из высказываний писателя о женщине. В статье «Снега на Манас-Ата» он пишет: «... будь я скульптором или художником, жизнь посвятил бы тому, чтобы создать образ женщины военных лет, в котором попытался бы выразить в едином порыве все свои чувства благодарности, восхищения, гордости и сострадания к ней, к этой великой фигуре XX века». И еще: «Мать – это начало Родины, мать – это родной язык, мать – это совесть, вкушенная вместе с материнским молоком». Не исключено, что именно образ родной матери и навеял полные величия и простоты образы Толгонай и Матери-Земли в повести «Материнское поле». Безмерная грусть и безмерная благодарность звучат в посвящении, которым писатель предваряет эту повесть: «Отец, я не знаю, где ты похоронен... Посвящаю тебе, Торекулу Айтматову. Мама, ты вырастила всех нас, четверых... Посвящаю тебе, Нагиме Айтматовой».

Будущий писатель мирового масштаба родился в 1928 году в кишлаке Шекер Кировского района. Видный казахский ученый, друг и сокурсник Торекула Айт-

матова по Коммунистическому университету Бейсенбай Кенжебаев, вспоминает: «Перед тем, как разъехаться по домам, мы с Торекулом в знак дружбы договорились дать своим первенцам, если родятся мальчики, имя Чингиз, если же у одного из нас родится мальчик, а у другого девочка, то мы решили породниться. Скоро у меня родился сын, и назвал я его, согласно уговору с Торекулом, Чингизом. Этим же именем назвал своего первенца и Торекул»¹. Кыргызский антропонимист Ш. Жапаров так объясняет происхождение этого имени: «Имя Чингиз произошло от тюрко-монгольского слова «тенгиз» («тенис», «тенгдис»), что означает, буквально, «океан» и подразумевает нечто великое, просторное, безграничное»².

Большинство тюркоязычных народов и народностей понимает это имя, как синоним слов «правдолюбец», «носитель правды».

Многочисленные примеры того, что читатели дают своим детям имя писателя и имена героев его произведений, несомненно, являются одним из доказательств почитания ими таланта Чингиза Айтматова. К примеру, известный кыргызский кинорежиссер Болот Шамшиев назвал сына Чингизом. Казахский поэт Мухтар Шаханов с гордостью писал в газете «Казахстанская правда» (1986, 29 октября) о том, что в итальянском городе Венеция встретил человека, назвавшего сына именем Чингиз в честь Айтматова. Поэт Суюнбай Эралиев рассказывал о

молодых литовских супругах, назвавших своего первенца Даниярисом.

Маленький Чингиз воспитывался в детском садике № 1 города Ош. У одной из воспитательниц этого садика Карамат Орунбаевой сохранилась старая фотография, на которой будущий писатель запечатлен вместе с другими своими сверстниками. Карамат Орунбаева вспоминает: «Когда Айтматовы переезжали во Фрунзе, я выпросила у Нагимы Хамзаевны на память эту фотографию. «Береги этот снимок, Карамат, – сказала тогда мне Нагима-эже. – Ты ведь, все-таки, была для него как вторая мать... Пусть эта фотокарточка останется тебе на память о нашей дружбе!»

И вот уже много лет эта пожелтевшая фотография хранится в нашем доме...»³.

Детство есть детство. Когда взрослые спрашивают у ребятишек, кем они станут, когда вырастут, то в большинстве случаев уверенно отвечают, что станут шоферами, летчиками или военными. Влекут мальчишек техника, армия, и с этим ничего не поделаешь. Да и откуда им знать в таком малом возрасте, что существуют сотни и сотни не менее интересных профессий.

В один из жарких летних дней 1935 года известный, ныне покойный, поэт-сатирик Райкан Шукурбеков по заданию редакции побывал в детском садике, который посещал и маленький Чингиз. Придя в садик, Шукурбеков собрал вокруг себя ребятишек и задал им единственный вопрос: «Кем вы будете, когда вырастете?»

Детишки наперебой принялись с гордостью называть свои будущие профессии. Среди них был и маленький Чингиз Айтматов. Популярный поэт настолько заинтересовался серьезным семилетним мальчуганом, что решил взять у него интервью. Это интервью было опубликовано в одном из номеров газеты «Ленинчил жаш». И мы решили полностью воспроизвести его текст, не сомневаясь в том, что этот историко-литературный факт заинтересует читателей.

ЧИНГИЗ ХОЧЕТ СТАТЬ ШОФЕРОМ

Чингизу семь лет. Он очень опрятен и дисциплинирован. К этому приучили его дома. Мы с Чингизом беседовали больше часа. Он не смущается, прямо высказывает свои мысли.

– Кем ты станешь, когда вырастешь? – задал я ему простой вроде бы вопрос. Он, не в силах сдержаться, выпалил заветное:

– Я буду шофером.

– Что ты делаешь дома после садика?

– Дома у меня есть свой уголок. Там я занимаюсь.

– Какие книги есть в твоём уголке?

– Детские книжки, газеты, журналы.

– Чем ты еще занимаешься дома?

– Играю, умываюсь, ужинаю, а когда приходит время, ложусь спать.

– Где твой отец?

– В Москве.

– Зачем он туда поехал?

– Он там учится.

– А где работал твой отец до учебы?

– Он работал секретарем райкома партии. Потом секретарем Киробкома, а теперь учится. Это он соорудил перед отъездом мой уголок. Отец и мама любят меня, а я стараюсь быть послушным. А шофером я хочу стать сам.

– Какие игрушки есть у тебя дома?

– Их у меня много, но мне нужна большая машина, чтобы я мог сидеть в кабине. Отец обещал привезти мне такую из Москвы. Скоро привезет.

Белолицый мальчик, который ничуть не робея, уверенно отвечал на мои вопросы, – это Чингиз, сын Айтматова. Он уже умеет читать книги и газеты с крупным шрифтом, учится писать.

Этот мальчуган воспитывается в детском садике. Мечта Чингиза стать шофером – несомненно сбудется. Для этого у него есть все возможности⁴.

Никто, естественно, не придал особого значения этому интервью, не предполагая даже, что это была встреча двух больших талантов, и даже сам Райкан Шукурбеков не мог, разумеется, предвидеть, что пройдет время и смысленный мальчишка, у которого он брал интервью, станет не шофером, а всемирно известным писателем.

В детстве будущему писателю довелось пожить и в айле. «Песни и сказки, слышанные мною от бабушки, встречи с народными сказителями и акынами, несомненно, скрасили мое детство», – говорит писатель. К тому же, бабушка писателя – Айымкан Сатан кызы и ее дочь, тетя

писателя – Каракыз-апа, были настоящим кладом сказок, старинных песен, былей и небылиц. Вместе с бабушкой маленький Чингиз ездил в горы, на летние кочевки, дивился народным праздникам, знакомился с обычаями, укладом жизни сельчан, приобщался к удивительному, немного наивному, но все же прекрасному миру деревенских мудрецов и поэтов, музыкантов и сказителей.

В связи с тем, что Торекул Айтматов стал слушателем Института Красной профессуры, вся семья переехала на жительство в Москву. Родители отдали Чингиза в столичную школу, но он проучился в ней лишь два года. В 1937 году отца арестовали, и осиротевшая семья вернулась в Шекер. Настали тяжелые дни. Друзья, знакомые, родичи помогали кто чем мог. Особенно большую заботу Айтматовы ощущали со стороны Каракыз-апы. Она ухаживала за приболевшей Нагимой Хамзаевой, приглядывала за детьми, кормила, поила их, обстирывала, в общем, старалась сделать все, чтобы они не чувствовали себя обделенными.

Однажды Чингиз вместе с младшим братом Ильгизом собирали в степи хворост и повстречали конного человека. Чингиз Торекулович так вспоминает об этой встрече: «Человек расспросил, чьи мы. И хотя это было мучительно, не опуская глаз, я назвал нашу фамилию.

– А что у тебя за книга? – поинтересовался он.

То был школьный учебник, как сейчас помню, учебник географии, который я

носил за поясом. Он посмотрел книгу и сказал:

– В школе хотите учиться?

Еще бы! Кусая губы, чтобы не расплакаться, мы кивали головами.

– Хорошо, будете учиться! – и с тем уехал.

А через неделю мы уже ходили в школу. Человек, встретившийся нам, оказался одним из учителей, Тыналиевым Усубалы»⁵.

Кстати, фамилия Тыналиев встречается в повести «Ранние журавли». Вполне возможно, что тот реальный учитель и явился прототипом одного из персонажей повести председателя колхоза Тыналиева.

Одной из первых учительниц Чингиза в Шекерской школе была Инкамал Жолоева. Как вспоминает Инкамал-апа, маленький Чингиз всегда добросовестно готовился к занятиям, прекрасно усваивал пройденный материал. «В те далекие времена он был крепышом с красным галстуком на шее. И был он очень спокойным. Не бегал во время перемены сломя голову, подобно другим ребятам. Часто я видела его задумавшимся о чём-то своем... У Чингиза был красивый почерк, и потому его часто привлекали к работе над выпуском школьной стенгазеты. Был он живым, любознательным, целеустремленным мальчиком. И в силу этой любознательности старался не пропускать ни одного более или менее интересного школьного мероприятия»⁶.

С образом Инкамал-апы, учительницы, посвятившей жизнь свою тяжелейшему

делу образования и воспитания, фанатика (в хорошем смысле этого слова) своего дела, мы встречаемся на первых же страницах повести «Ранние журавли».

«Озябая, закутанная в грубовязаную шерстяную шаль, учительница Инкамал-апай рассказывала на уроке географии о Цейлоне, о том сказочном острове, что находится в океане близ берегов Индии». Она рассказывала о вечнозеленом острове с удивительной природой, и ученики, забыв о голоде, лютой стуже, стоявшей за окном, заморожено притихали, мысленно оказываясь в жаркой прекрасной стране. И нетрудно представить сидящего среди этих голодных, озябших ребятшек задумчивого лобастого подростка – будущего знаменитого писателя Чингиза Айтматова.

Подросток Чингиз рано приобщился к великому русскому языку, к русской литературе. Вот что пишет писатель:

«...то, что мой отец в первые годы революции оказался грамотным человеком, то, что он стал одним из первых коммунистов-кыргызов, был на руководящих постах, живо интересовался политикой и литературой, к тому же моя мать – Нагима Айтматова – тоже была грамотной, вполне современной женщиной, позволило им сразу приобщить меня к русской культуре, русскому языку и, стало быть, к русской литературе, – разумеется, детской литературе»⁷.

Чингиз Торекулович вспоминает о первом «экзамене» на знание русского языка, который ему устроила сама жизнь в

далеком детстве на летовке в горах, где он, как обычно, был с бабушкой.

«Колхозы в те годы только поднимались, только начинали устраиваться. В то лето на нашем джайлоо случилась беда. Племенной жеребец, купленный колхозом незадолго до этого, внезапно окошел. Среди бела дня упал со вздутым животом и испустил дух. Табунщики переполошились, жеребец был ценный, донской породы, привезенный из далекой России. Послали гонца в колхоз, оттуда – в район. И через день к нам в горы приехал русский человек.

Высокий, рыжебородый, с голубыми глазами, в черной кожаной куртке, с полевой сумкой на боку. Я его очень хорошо запомнил. Он не знал ни слова по-киргизски, а наши – по-русски. Надо было провести осмотр, выяснить обстоятельства гибели животного, составить документ. Табунщики, недолго думая, решили, что переводчиком буду я. А я в это время стоял в толпе ребяташек, мы глядели на приезжего.

– Пошли, – сказал мне один из табунщиков и взял за руку. – Этот человек не знает языка, ты переведи, что он говорит, а то, что мы скажем, скажешь ему.

Я застеснялся, испугался, вырвался и убежал к бабушке в юрту. За мной побежала вся гурьба, снедаемая любопытством. Через некоторое время снова приходит тот человек, жалуется на меня. Бабушка всегда была ласкова, а в этот раз строго нахмурилась.

– Ты почему не хочешь разговаривать с приезжим, тебя ведь просят большие люди, разве ты не знаешь русского языка?

Я молчал. За юртой притаились ребята – что будет?

– Ты что, стыдишься говорить по-русски или ты стыдишься своего языка? Все языки богом даны. Пошли. – Она взяла меня за руку и повела. Ребята снова за нами.

В юрте, где в честь гостя уже варились свежая баранина, было полно народу. Пили кумыс. Приезжий ветеринар сидел вместе с аксакалами. Он поманил меня, улыбаясь:

– Заходи, мальчик, иди сюда. Как тебя зовут? Я тихо пробормотал. Он погладил меня:

– Спроси у них, почему этот жеребец погиб, – и достал бумагу для записи.

Все стихли в ожидании, а я никак не могу выдать ни слова. Бабушка сидела сконфуженная. Тогда меня взял к себе на колени старик, наш родственник, прижал к себе и сказал на ухо доверительно и очень серьезно:

– Этот человек знает твоего отца. Что же он скажет ему о нас, скажет, каким плохим растет у киргизов его сын! – И потом громко объявил: – Сейчас он будет говорить. Скажи нашему гостю, что это место называется Уу-Саз...

– Дядя, – робко начал я, – это место называется Уу-Саз, ядовитый луг, – а потом осмелел, видя, как радовались бабушка и этот приезжий человек, и все, кто был в юрте. И на всю жизнь запомнил

тот синхронный перевод разговора, слово в слово на обоих языках. Жеребец, оказывается, отравился ядовитой травой. На вопрос, почему не едят эту траву другие лошади, наши табунщики объяснили, что местные лошади не едят эту траву, они знают, что она несъедобная. Так я все и перевел.

Приезжий похвалил меня, аксакалы дали целый кусок вареного мяса, горячего, душистого. Я выскочил из юрты с торжествующим видом. Ребята вмиг окружили меня.

– Ух, как здорово! – восхищались они. – Ты по-русски шпаришь, как вода в реке, без остановки! – На самом деле я говорил запинаясь, но ребятам угодно было представить это так, как им хотелось. Мы тут же съели мясо и побежали играть».

Превосходно владея двумя языками, Чингиз в школьные годы много читал. Ему хотелось знать многое, хотелось быстрее определиться в жизни, и книги для него были катализатором, способствующим становлению его, как личности. Но вскоре грянула война...

Война оставила свой след в жизни будущего писателя. Отцы и старшие братья ушли на фронт, и непомерная ответственность за все колхозные дела легла в основном на хрупкие еще плечи подростков. И четырнадцатилетнему Чингизу, несмотря на его возраст, пришлось временно оставить школу и принять на себя непростые обязанности секретаря сельсовета. Эти обязанности не исчерпывались простой канцелярской работой, юному

секретарю приходилось решать серьезные общественные, хозяйственные, административные вопросы. Ежедневно он занимался и колхозным производством, и проводил с воинами на фронт, и обеспечением семей колхозников продовольствием и одеждой, и еще многими другими делами.

Однажды произошел такой случай. Один из призванных в труд-армию чабанов нагрубил нарочному и не явился в сельсовет, откуда мобилизованных отправляли в район. Юному секретарю пришлось идти к чабану домой, чтобы разобраться в этом чрезвычайном, по законам военного времени, происшествии. Чабан встретил его зло и раздраженно. Оказалось, что он весь год ходил с отарой, кочевал с семьей, детьми. Вместо положенных четырех пастухов работал с женой вдвоем. На трудодни ничего не получил. Теперь его мобилизовали, он спустился с гор в свой нежилой, заброшенный дом, в котором хоть шаром покати, никаких припасов – ни топлива, ни одежды, ни корма для коровенки. Да к тому же и жена заболела. И не мог он бросить ее и голодных, мерзнущих ребятшек в нетопленном доме, не обеспечив их хоть кое-какими припасами. Однако, никто не имел права хотя бы временно оставить чабана дома, это было бы явным нарушением закона. А закон есть закон. Нарушать его никому не дозволено. Надо было искать выход. И тогда Чингиз дал слово чабану, что сам лично позаботится о его семье. А исполнить данное слово было в тех условиях почти невымысли-

мо. Колхоз бедствовал, катастрофически не хватало рабочих рук, всего было в обрез и рассчитывать на то, что председатель колхоза легко согласится оказать какую-нибудь материальную помощь семье чабана, не приходилось.

Писатель так вспоминает об этом случае: «Не так-то просто оказалось выбить у председателя колхоза то, что требовалось. У него в колхозе своих дел, нужд по горло. С него спрос за все: дай план, дай то, дай это. И никто не скажет колхозу: возьми! Только – дай! А чтобы дать, надо работать. А с кем работать, кому работать? Некому развозить по дворам сено, солому. В труд армию уходит человек – пусть идет: не он один. Вся страна воюет. Все семьи нуждаются, все бедствуют...»

Надо ж такому случиться, в недобрый час подступился я к председателю. Наболело, накопело на душе человека. Но я настаивал, как мог, доказывал, просил. В отчаянии готов был за вилы схватиться...»

Как смотреть в глаза людям Чингизу, если б он так ни с чем и ушел бы от председателя? Что сказал бы тому чабану, когда он вернется домой? Не мог отступить молоденький секретарь сельсовета. В этот же день Чингиз вместе со своим сверстником Паизбеком привез во двор к чабану воз с соломой и вручил ему бумажку с распоряжением председателя о выдаче его семье восьми килограммов муки и двадцати килограммов картофеля. И сказал, что сено привезет на следующий день.

После этого случая авторитет секретаря сельсовета резко возрос. А он, стараясь оправдать свой авторитет, не жалел ни сил, ни времени, чтобы хоть чем-то помочь измученным войной людям. Детство было забыто и казалось каким-то далеким, словно его никогда и не было. Теперь он, как и другие его сверстники, жил взрослыми заботами, думал взрослые думы, делал взрослую работу. А в редкие минуты отдыха все его мысли были о фронте, о желанной победе, которая была еще так далека...

Писатель вспоминает: «В 1942 году наш колхоз в Шекере решил распахать дополнительно более 200 гектаров новых земель под яровые. «Хлеб для фронта!» Этим было сказано все. По нынешним понятиям, вспахать пару сотен гектаров – никаких проблем. Загнал трактор на полосу – и делу конец. Тогда же, при конном тягле, при считанных плугах в колхозе, поднять сверх плана такую пашню было делом подвига. Да, именно так! За день четырехконной упряжкой двухлемешного плуга можно было вспахать немногим более полугектара... Чтобы поспеть со вспашкой и севом, в тот год выехали в поле самой ранней весной...

В первые же дни я поехал проведать своих товарищей на поле в Кок-Сайскую степь. Когда выезжал утром, день стоял, серый, пасмурный. А когда приехал, вдруг повалил снег, закружило, побелело, и повалил крупный, густой, бесшумно падающий, быстро тающий снег. Он шел на огромном, пустынном простран-

стве, застилая взор на весь белый свет. Тишина стояла кругом, безлюдье... Вдоль черной, перекинувшейся через пригорок полосы загона один за другим шли плуги, как корабли в тумане на крутизне воды...

Шел снег. В его белой завесе ползли черные упряжки плугов. Плуги шли не останавливаясь... ребят узнаю по голосам: Байтик, Тайырбек, Сатар, Анатай, Султанмурат... Мои одноклассники. Я долго не приближался к ним, не хотел, чтобы они видели, как я плачу...

Читаешь эти строки, и перед глазами встают герои повести «Ранние журавли». Читатель, наверное, помнит, как однажды в школу пришел председатель Тыналиев и после короткого вступления обратился к школьникам с просьбой: помочь распахать залежные земли на Ак-Сае. Надежда была только на них. Школьники, понимая чрезвычайную ответственность этого дела, решили послать на Ак-Сай Султанмурата, Анатаю, Эркинбека, Эргеша и Кубаткула.

Пришло время, и ребята отправились выполнять задание. Но случилась беда: воры увели коней. «Аксайский десант» был вынужден прервать работу.

И этот случай с кражей лошадей взят из жизни.

«Однажды ночью, – вспоминает писатель, – раздался сильный стук в окно. Нагнувшись с седла, кто-то кричал: «Вставай! Быстрее на конюшню! Лошадей увели!» Я мигом оделся и побежал... До самого рассвета рыскали мы по оврагам,

по буеракам, по заброшенным зимовкам, но нигде и следов не видно. Опытные воры оказались. Мы очень переживали: готовили лошадей к весновспашке, ради этого бросили учебу...

Тяжкие были времена, и ноша, которую жизнь взвалила на плечи четырнадцатилетнего секретаря сельсовета, была непомерно тяжела даже для взрослого человека. Ко всему можно привыкнуть, ко всему можно притерпеться, всякое может выдержать человек, напрягая волю, мужество, все душевные и физические силы, но забыть о том горе, о тех муках, которые война принесла в каждый дом, отвлечься от той страшной реальности, что почти каждый день вторгалась в жизнь, не смог бы, казалось, ни один здравый человек.

Где-то далеко на западе гремела война, в бесконечных российских просторах, украинских степях, белорусских лесах гибли люди, и казенные треугольнички, несшие в себе страшную весть, летели во все концы страны. И страшно было вручать людям эти крохотные листки бумаги, извещающие о смерти отца, сына, брата, мужа.

Писатель вспоминает: «...жутко вынимать из казенной полевой сумки, доставшейся мне по наследству от прежнего секретаря, небольшую, размером с ладонь, печатную бумагу с военным штампом и подписями майоров, капитанов или других штабных лиц. Текста несколько строк. Тихо зачитываю, перевожу слова на киргизский язык и умолкаю. Слышу

тяжкий, опустошенный вздох, будто каменная осыпь зашуршала с горы и поползла, покатила вниз. Трудно поднять мне глаза, хотя я ни в чем не виноват. Я отдаю бумагу. «Спрячьте», – говорю. И тут сдерживаемый, сдавленный плач матери прорывается вдруг судорожными рыданиями и затем долгим, бесконечно горестным плачем. Неужели эта бумажка дана взамен живого сына?!»

Частенько мальчику хотелось изодрать в мелкие клочки, сжечь проклятую «похоронку», лишь бы не видеть плачущую мать или вдову, но делать этого было нельзя. Кто-то все равно должен был взять на себя эту жуткую обязанность.

Позднее писатель в ряде своих произведений снова и снова воспроизведет события тех давно минувших дней. И, наверное, именно причастность его к тем событиям, умение сопереживать, впечатлительность, навсегда врезавшая в память образы людей и все, что с ними было связано, обусловили пронзительную, высочайшую трагедийность тех страниц, в которых он рассказывает о людском горе, о человеческих страданиях. Вот причитают, обливаясь слезами Толгонай и Алиман в «Материнском поле»: «Мама, вдовы мы, мама! Несчастные вдовы! Погасло наше солнце... Черный день настал!»

А вот строки из «Ранних журавлей»: «Идя следом за Чекишем, десантники громко заплакали, заголосили вместе, как учил их Чекиш:

– О, отец наш Сатаркул, славный отец наш Сатаркул, где мы увидим тебя те-

перь, где ты склонил свою золотую голову?

В эту минуту, в минуту общего горя, отец Анатая Сатар воистину был их родным отцом, и воистину в ту минуту он был славен, потому как величие каждого человека познается близкими лишь тогда, когда они его лишаются».

Слишком много подобных минут пришлось пережить в юности писателю, очень много людского горя видел он.

В годы войны довелось ему работать и налоговым агентом в райфинотделе, и учетчиком в тракторной бригаде. В срок четвертом году всю осеннюю страду будущий писатель проработал помощником комбайнера. И как свидетельствует тот самый комбайнер – Тойлубай Усубалиев, – справлялся со своими обязанностями прекрасно.

«Мне кажется, что то лето было самым героическим в моей жизни, – говорит писатель. – Во всяком случае, я его никогда не забуду...»

Те августовские дни, о которых вспоминает Сейит в повести «Джамиля», безусловно, «списаны» писателем с тех летних дней сорок четвертого года. Возможно, именно тогда будущий писатель повстречался в жаркой степи с будущими героями своей повести Джамилей и Данияром.

А вскоре пришла долгожданная Победа. «О, Победа! Мы так долго ждали тебя. Здравствуй, Победа! Здравствуй!» Это строки из повести «Материнское поле». Нет в этом произведении ни праздничных

салютов, ни грандиозных сцен всенародного ликования. Мастерски, скупыми, точными мазками изображает писатель этот день. И веришь, что все так и было, ибо он и сам был среди тех, кто долгие четыре года старался своим трудом приблизить Победу.

Возвращались в аил фронтовики, и, благодаря настойчивости одного из них – учителя и айльного поэта Мырзабая Укуева, – колхоз отправил группу бывших школьников на учебу. Чингиз в 1946 году стал студентом Джамбульского зооветеринарного техникума.

С первых дней он целиком отдался учебе, не чуждался и общественной работы и довольно быстро завоевал авторитет и популярность, среди студентов. Способного, думающего, энергичного студента Айтматова уважали и преподаватели техникума.

Не будет преувеличением, если сказать, что преподавательница литературы Юлиана Петровна Ильина и педагог Алексей Васильевич Штубендорф явились первыми наставниками в огромном мире литературы, именно они привили Чингизу любовь к русской классике. Впрочем, в одной из автобиографических статей Чингиз Торекулович с любовью называет имена своих техникумовских учителей: «Вспоминаю одного из своих первых учителей – Алексея Васильевича Штубендорфа, – пишет писатель. – Несмотря на то, что он не имел никакого отношения к урокам литературы, для меня и для моих товарищей по техникуму он был подобен

компасу в мире литературы. Он приходил в класс и, прежде чем начать урок, непременно рекомендовал прочесть ту или иную книгу. Давал книге краткую характеристику. И говорил все это не равнодушно, а страстно. И мы брали эту книгу и читали»⁸.

Штубендорф откуда-то прознал, что Чингиз пробует писать, и однажды попросил у него позволения ознакомиться с его рукописями. Оказалось, что студент увлекается стихотворчеством. Учитель посоветовал Чингизу попробовать силы в прозе, и тот попытался посредством прозы изобразить сцены из студенческой жизни. Написанным остался удовлетворен.

И после этого проза полностью вытеснила из его творчества поэзию. Те его стихи не сохранились, и мы сейчас не можем судить о том, какого поэта потеряли. Но читая поэтические строки в «Джамиле», «Восхождении на Фудзияму», в «Пегом псе», в романе «И дольше века длится день», можно получить представление об уровне поэтического дарования прозаика. И, возможно, этот его дар обусловил яснейшую лиричность всех, без исключения, его произведений:

Пегий пес, бегущий краем моря,
Я к тебе возвращаюсь один –
Без аткычха Органа,
Без отца Эмрайина,
Без аки-Мылгуна,
Где они, ты спроси у меня
Но сначала дай мне напиться воды...⁹

Нет, нескончаем вечный спор –
Как человеку человеком быть?
И на войне все тот же спор –
Как человеку человеком быть?
В победных кликах слышу спор –
Как человеку человеком быть?
В предсмертных криках слышу спор –
Как человеку человеком быть?
Вот победим, и тот же спор –
Как человеку человеком быть?
Кто навязал нам этот спор,
Кто ниспослал нам вечный спор –
Как человеку человеком быть?¹⁰

Василий Григорьевич Ступников – техникумовский комсорг тех лет – прекрасно помнит, как в 1946 году Чингиза принимали в комсомол. Чингиз с Василием были друзьями, вместе обсуждали прочитанное, читали друг другу свои стихи, рассказы. Однажды они набрались храбрости и послали свои произведения в областную газету, откуда вскоре пришел ответ, что ни рассказы Чингиза, ни стихи Василия редакция не считает возможным опубликовать. Чингиз тогда сказал другу: «Не поняли. Ничего, не сегодня, так завтра опубликуют. Я им докажу, что могу писать, что стану писателем».

«Он уже тогда с уверенностью смотрел в свое будущее», – говорит Василий Григорьевич. Первый неуспех не сломил друзей, а лишь заставил более самокритично отнестись к своему собственному творчеству, научил бережнее и тщательнее обращаться со словом.

И после окончания техникума Чингиз не терял связи с Василием. Уже через

много-много лет в выходящей в Джамбуле на двух языках областной газете «Шугыла» – «Радуга» появилось такое вот поздравление: «Пользуясь приездом в Джамбул, поздравляем через Вашу газету Вашего автора, известного поэта Василия Ступникова, с пятидесятилетием. Желаем творческих успехов, счастья в жизни, здоровья. Писатель Чингиз Айтматов, поэт Вадим Егоров».

И в том, что спустя десятилетия, ставший знаменитым писатель не забыл своего старого друга, видны его простота, человечность, преданность дружбе.

В одном из интервью писатель говорил:

«Я писал в одной из своих статей, что литературное творчество определяют люди и книги. Может быть, даже сначала книги. Я не думаю, что это преувеличение. Вспоминаю, каким ярким озарением на всю жизнь явилась для меня в ранние годы встреча с книгами Мухтара Ауэзова, помню потрясение от шолоховских романов; тогда я впервые понял, ощутил, что у слова есть свои недра; магия слова была для меня настолько сильна, что у меня невольно возникло желание как бы приподнять с бумаги каждое слово и заглянуть: что за чудодейственная сила таится в нем?»

Хотя рукописи первых рассказов писателя и не сохранились, ясно, что именно в те годы началось его становление, именно тогда определился круг его симпатий и антипатий, круг тех общечеловеческих проблем, которые будут волновать его потом всю жизнь.

Чингиз с отличием закончил техникум и в 1948 году стал студентом Киргизского государственного сельскохозяйственного института имени К.Скрябина. Интерес к художественной литературе не проходил. Но теперь он не читал все подряд, не читал ради того, чтобы просто убить время, а стал читателем требовательным, взыскательным, выискивающим в прочитанном крупицы полезного. Стал делать заметки, сначала для себя, а затем эти записи превратились в серьезные литературоведческие статьи. В те годы писателем были опубликованы статьи «О русско-киргизском словаре»¹¹, «О терминологии киргизского языка»¹², «Перевод, далекий от оригинала»¹³, в которых он сделал обстоятельный анализ состояния дел в киргизском терминологии и подробно, с полным знанием дела, остановился на недостатках художественного перевода стихотворений Грибоедова и Некрасова. Эти статьи, сделанные на высоком профессиональном уровне, сразу же привлекли внимание литературной общественности.

В студенческие годы Ч. Айтматов познакомился с известными писателями А. Токомбаевым, К. Джантошевым, К. Баялиновым, за творчеством которых следил еще со школьной скамьи, и, благодаря встречам с этими признанными мастерами художественного слова, стал вскоре вхож в литературные круги.

Его бывший сокурсник, с которым они вместе жили в одной комнате студенческого общежития, Эгемберди Айтымбетов, вспоминает: «Как-то Чингиз был дежур-

ным по комнате, и в его обязанности, помимо всего прочего, входило и приготовление ужина. Сидим и ждем, а Чингиза с нашим традиционным супом все нет. Прошли все сроки, и я отправился на кухню. Гляжу, сконфуженный Чингиз суетится у примуса. Оказалось, что он увлекся книгой, забыл о примусе и суп выкипел. До сих пор помню, что Чингиз тогда отказался есть, мотивируя тем, что по его недосмотру часть супа выкипела, и поэтому ужин ему не полагается. По вечерам мы часов в девять-десять заваливались спать. А Чингиз нередко просиживал за какой-нибудь книжкой до самого утра»¹⁴.

Жизнь после военной разрухи только-только налаживалась, большинство студентов жили на одну стипендию, которой едва хватало на пропитание. А ведь нужно было еще покупать книги, тетради, одежду. И Чингиз вместе со своими однокурсниками подзарабатывал на железнодорожной станции, разгружая вагоны с картофелем, фруктами, овощами, дровами.

Пролетели пять лет, Чингиз получил диплом с отличием и был направлен на работу в колхоз.

В студенческие годы Айтматов попробовал свои силы и в художественном переводе. На киргизский язык перевел повесть Катаева «Сын полка» и роман Бубеннова «Белая береза». Понес рукописи в издательство, но получил обескураживающий ответ, что эти произведения уже переведены на киргизский язык и ско-

ро выйдут в свет. И все-таки работа над переводом этих вещей не пропала даром, опыт тот был весьма полезен для начинающего писателя, и, по существу, именно тогда и начался большой творческий путь, который продолжается и по сей день.

Ранние рассказы Айтматова написаны под явным влиянием своих предшественников и во многом подражательны («Газетчик Дзюй», «Ашым», «Мы идем дальше» (1952–1953)). В рассказе «Газетчик Дзюй» изображен маленький японский мальчик, продавец газет, собирающий подписи под Стокгольмским воззванием в защиту мира. Сюжетная основа рассказа «Ашым» – история старика, у которого война отняла единственного сына, его борьба за мир. Рассказ «Мы идем дальше» написан под влиянием газетных материалов, рассказывающих о грандиознейшей стройке того времени – строительстве Волго-Донского канала.

Им был написан еще ряд произведений, содержание которых во многом повторило сюжеты прочитанных когда-то книг, но автор, чувствуя неудовлетворение от написанного, не стал их публиковать. Писать так, как он писал раньше, Айтматов уже не мог. Он понимал, что нужно избавляться от подражательности, штампов, трафаретов, осознавал, что необходимо искать свою тропу в литературе, что нужно писать книги, отображающие реальную действительность.

«В искусстве слова все являются учениками, но каждый идет своим собственным путем», – говорил М. Пришвин.

Начало творчества Айтматова пришлось на то время, когда молодая киргизская литература уже крепко встала на ноги и обрела свои литературные традиции. И поэтому, говоря о становлении Айтматова-писателя, нельзя умолчать о влиянии на его творчество киргизских писателей К.Баялинова, А.Токомбаева, Т.Сыдыкбекова.

«Мое становление как писателя, – говорит Айтматов, – проходило под влиянием киргизско-казахской и русской литератур».

«Абай» М.Ауэзова был в те годы его настольной книгой. Роман большого казахского писателя стал для молодого прозаика огромной школой литературного мастерства, примером художественного переосмысления действительности, образцом ненавязчивой передачи читателям доступным языком философских воззрений автора, школой мастерского изображения внутреннего мира героев.

Русская литература – один из источников, из которого берет начало киргизская профессиональная письменная литература, – одна из ветвей многонациональной советской литературы. Кроме того, она является тем мостом, без которого немислимы взаимосвязь и взаимообогащение литератур. Айтматов четко определил роль и значение русской литературы для развития культур ранее отсталых народов, не имевших до революции письменных литератур. «Лично я считаю, – говорит писатель, – что многие национальные советские литературы

происходят от самой русской литературы, от ее плоти и духа. Скажем прямо: не было бы русской литературы – не было бы и современной казахской, киргизской, туркменской, каракалпакской и многих других литератур». По мнению писателя, «никакая другая литература – ни английская, ни французская, ни немецкая, ни американская – не смогли выполнить такую благородную историческую миссию, не смогли «породить» по своему образу и подобию родные ей национальные литературы»¹⁵.

Богатый идейно-эстетический опыт русских писателей имел огромное значение для оттачивания пера Айтматова, равно, как и многих других национальных писателей. Однако, осваивание Чингизом Айтматовым опыта русских писателей происходило несколько иначе, чем у киргизских писателей старшего поколения. Известный критик К.Асаналиев отмечает: «Естественно, что Чингизу Айтматову не пришлось повторять путь Сыдыкбекова, которому приходилось осваивать опыт русской прозы вплоть до «технологии», скажем, диалога. Т.Сыдыкбеков начинал буквально с азбуки, а Айтматов смог начинать свой творческий путь, уже переняв достижения и опыт своего предшественника»¹⁶.

Известный ученый Г.Ломидзе, отмечая, что невозможно так вот прямо, пальцем, указать на Толстого, Чехова, Горького, Шолохова или какого-либо другого писателя, что вот именно тот или этот является учителем Айтматова, подчерк-

нул, что без их общего эстетического опыта он не смог бы подняться до столь значительных высот в своем творчестве.

«Толстого нет, но есть его уроки, уроки великого искусства», – справедливо говорит Чингиз Айтматов.

Айтматов – один из тех писателей, кто с величайшей бережностью усвоил уроки великого писателя. Толстой был великим знатоком психологии людей, непревзойденным портретистом. А творчество его по праву считается высочайшим примером аналитического психологизма.

Особенность творчества зрелого Айтматова – это умение раскрыть диалектику внутреннего мира своих героев. Да и сам он писал, что в «необъятном океане русской литературы я особенно люблю в Толстом мудрость и психологическую сложность образов». Налицо – ученик и учитель, великий мастер и талантливый последователь.

В творчестве еще одного классика русской литературы Ф.М.Достоевского Айтматов превыше всего ставит истинный гуманизм писателя, его веру в человека, умение живыми, яркими красками изобразить внутреннюю красоту или уродство героя, превосходное знание человеческой души.

Близки Айтматову революционная романтика великого пролетарского писателя М.Горького и удивительный драматизм, сочность языка, ясность и точность изображаемых характеров в творчестве нашего знаменитого современника М.А.Шолохова. Айтматов пишет: «...Ми-

хаил Шолохов оказал на меня благотворное воздействие, ибо я видел, как, описывая своих людей, свои хутора и станции, он создал произведения, обогатившие мировую литературу»¹⁷.

Привлекали молодого писателя и безграничная любовь к человеку в творчестве Чехова, и неяркое, но мастерское изображение мира у Бунина, интеллектуальность Леонова, лиричность и, в то же время, высокая гражданственность Твардовского, революционный пафос Фадеева. С увлечением читал он ставшие классикой советской литературы книги «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Как закалялась сталь» Н.Островского, роман А.Фадеева «Молодая гвардия» и многие-многие другие произведения самых разных авторов, каждое из которых было чудесным неповторимым миром.

Чтение было школой мастерства, школой искусства. И учился он у достойных мастеров.

Уже в таких ранних рассказах, как «Белый дождь», «Ночной полив», «На реке Байдамтал» ясно ощущается попытка автора глубже исследовать характеры и диалектику психологии героев, образы выпуклы, правдивы, ситуации, в которых по воле автора приходится действовать героям, кажутся достоверными, убедительными.

Писатель неустанно работает над собой: доводит до совершенства диалоги и монологи, оттачивает искусство композиции, снова и снова переписывает пейзажи, которые использует только в силу

необходимости, шлифует авторскую речь, которая в ранних его произведениях играет весьма существенную роль. Большой школой была для писателя работа над переводом на русский язык второй части романа Тугельбая Сыдыкбекова «Среди гор».

Познакомились они с Сыдыкбековым так: однажды дверь кабинета известного писателя бесшумно открылась, и в комнату робко вошел молодой человек высокого роста. «Простите... я не помешал Вам?» – стеснительно проговорил он, даже не пытаясь скрыть волнение, охватившее его при виде знаменитого писателя.

«Уже после нескольких фраз, после первых его вопросов мне понравился этот молодой парень, – вспоминает Т.Сыдыкбеков. – Хорошее впечатление оставил этот светлолицый обаятельный джигит. Я даже забыл о своих неотложных делах, и мы, помню, долго с ним беседовали».

С переводом романа Сыдыкбекова одним из первых познакомился казахский поэт Саттар Сейтхазин и был поражен тем, как превосходно владеет русским языком его молодой киргизский коллега.

1956 год был тройне радостным для писателя. Во-первых, в этом году был посмертно реабилитирован его отец, во-вторых, Чингиз стал членом Союза писателей, в-третьих, осенью он был принят на Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького. Учеба на Высших курсах стала громадным событием в его жизни. «Если бы

я не поехал на учебу в Москву, то никогда бы не смог написать свои повести», – писал он позднее.

В Москве он познакомился с Кайсыном Кулиевым, Давидом Кугультиновым, Абдыджамилом Нурпеисовым. Айтматов всегда выделялся своей любознательностью. Так вспоминает Айтматова Давид Кугультинов: «Лекции слушал он внимательно, с большим интересом, профессор забрасывал неожиданными вопросами. Был принципиальным, правдивым, часто выступал на всевозможных литературных вечерах и диспутах, и выступления его отличались серьезностью, весомостью аргументов, принимал весьма активное участие в общественной работе».

«Мне открылся поразительный, неведомый мир искусства, который я почувствовал, который меня манил, звал, – говорит Ч. Айтматов. – Он меня потряс. Может быть, это звучит несколько возвышенно или, наоборот, наивно, но тогда передо мной забрезжил мировой литературный опыт. Это было страшно, потому что я перед ним почувствовал себя абсолютно безоружным, растерянным. И радостным, потому что мне открылся ориентир – стремление к этому опыту, а там – что бы ни случилось. Не знаю точно, какими словами я думал в ту пору, но, кажется, я понял всем существом, что могу попытаться приблизиться к нему только на основе своего жизненного опыта, духовного опыта своего народа. Но чтобы начать двигаться, я должен был

прежде всего освободиться от многих пут сентиментализма, натурализма, в какие был закован своими прежними, «провинциальными» представлениями о «настоящей» литературе, а главное – перестать жить, я бы сказал, «чужой» жизнью выдуманных мной героев, только притворяющихся людьми. Для меня преодоление юношески наивных иллюзий было, таким образом, связано с необходимостью стать самим собой, попытаться понять: кто я как человек, как литератор, не самозванец ли, воспользовавшийся чужим правом?»¹⁸.

Высшие курсы дали Айтматову то, без чего ему трудно было бы состояться как писателю – знание теории литературы. Сплав его таланта, жизненного опыта и знаний, полученных на курсах, не замедлил дать результаты – писатель создает повесть «Лицом к лицу». Уже сама тема повести – история дезертира, ради спасения своей жизни бежавшего с фронта, – была нова в советской литературе. В те времена обращение к подобной теме требовало от автора определенного мужества – официальная критика могла обвинить писателя в отходе от принципов социалистического реализма и в сотне других грехов, к тому же повесть мог не принять и читатель, воспитанный на целом потоке ура-патриотических произведений, появившихся в те годы. И действительно, как объяснить читателям – почему он написал не о героях, не сцадающих своей жизни ради Великой Победы, а о каком-то мерзавце, забывшем долг свой пе-

ред Родиной, перед народом и перед своими детьми? Поймут ли они, что писатель должен отображать не только светлое и оптимистичное, но и то трагедийное, что привнесла в жизнь война, должен исследовать психологию не только положительного героя, но и героя отрицательного, отвергшего все общепринятые нормы морали, пошедшего на преступление ради спасения своей жизни? Читатель и только читатель мог ответить на эти мучавшие писателя вопросы.

Первым, кто ознакомился с рукописью повести, был критик Кенешбек Асаналиев, совершенно случайно оказавшийся в те дни в Москве. Встретились они в гостинице, где остановился Асаналиев, и молодой автор, горевший желанием услышать чье-нибудь компетентное мнение о своей новой вещи, упросил критика посвятить ему вечер. Повесть была написана от руки, в нескольких общих тетрадях, и автор сам вслух читал ее своему первому читателю, а вернее слушателю. Асаналиеву повесть очень понравилась, и он тут же сказал Айтматову, что, по его мнению, «Лицом к лицу» – событие в киргизской прозе.

Прочитали рукопись повести и сокурсники писателя казахские поэты Саттар Сейтхазин и Жаппар Омирбеков. По их единодушному мнению, во многом созвучном с мнением Асаналиева, повесть была весьма и весьма незаурядна и ее смело можно было поставить в один ряд с лучшими произведениями советской литературы тех лет. Затем повесть была обсуж-

дена на писательском семинаре, где ей дали высокую оценку. Видный советский писатель, главный редактор журнала «Октябрь» Ф. Панферов, прочитав повесть, включил ее в план.

Бывшие студенты Киргизского государственного университета вспоминают, что однажды известный ученый-языковед Константин Кузьмич Юдахин, читавший в университете курс лекций по сравнительной грамматике тюркских языков, войдя в аудиторию, вместо того чтобы начать лекцию, показал студентам журнал «Октябрь» и спросил: «Читали?» – «Да!» – хором ответили студенты. «Такой вещи в киргизской литературе еще не было! – забасил академик. – Великолепная повесть!» И до самого звонка ни о чем другом уже не говорил. Это был первый и единственный случай, когда академик, всегда превыше всего ставивший дисциплину, вовремя не прочитал запланированную лекцию.

В повести «Лицом к лицу» Айтматов показал себя мастером психологического анализа человеческого характера. С первых же страниц повести завязывается тугой узел сюжета. Темной ночью дезертирует из армии главный герой повести Исмаил. Впрочем, образ Исмаила обозначен автором в полутонах, и вся трагедийность, динамика повести связаны с внутренней драмой Сейде. Сейде предана мужу, любит его искренне. Лишиться его она не хочет. Однако, не только любовь ослепляет ее. Вся ее трагедия в том, что она еще находится под влиянием патри-

архальных обычаев и потому так узок вначале ее мир, потому так жалки ее интересы. Сейде делится с Исмаилом последним куском хлеба, тайком доставляет ему одежду, искренне веря, что пройдет война и ее Исмаил опять станет таким же, как все люди. Она никак не может понять, что Исмаил давно уже потерял человеческий облик. Ложны ее представления о человеческом счастье, несбыточны мечты. Но постепенно мучительно наступает ее прозрение. Кульминацией сюжета повести является сцена пропажи единственной коровы соседки Сейде Тойтой. Мрачна тональность повествования, мрачен пейзаж, что подготавливает читателя к внезапной трагической развязке. В финальной сцене перед нами уже не та, прежняя, Сейде. Прозревшая, наконец-то понявшая всю ложность своего положения, она встречается лицом к лицу с мужем, и как он жалок, как бессилен перед ней. Трагична жизнь Сейде, трагичен финал повести, но в этой трагедии есть и свое светлое начало. Сейде освобождается от тех пут, которые не давали ей выпрямиться во весь рост, обретает истинное человеческое достоинство. И в этом оптимизм этой трагедии.

Повесть «Лицом к лицу» была этапной в творчестве молодого писателя. Именно в ней его талант проявился в истинном качестве. Успех повести окрылил писателя, заставил поверить в свои силы. Он с еще большим рвением принимается изучать творчество классиков мировой литературы, особое предпочтение оказывая

Шекспиру, Т. Манну, Фолкнеру, Хемингуэю, Толстому, Горькому, Шолохову. Старается не пропускать ни один писательский семинар, участвует во всех мероприятиях Союза писателей. По поручению Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС вместе с Ж. Омирбековым они изучают положение о выпуске книг национальных писателей в издательствах «Советский писатель», «Молодая гвардия», «Детская литература» и приходят к выводу, что необходимо больше переводить на русский язык произведений писателей из братских республик.

В том же (1957) году Айтматов начинает работу над повестью «Джамиля». Писал он ее сразу на двух языках: напишет страницу на киргизском языке и тут же переводит ее на русский. Работалось легко, и уже через несколько месяцев с повестью ознакомились первые читатели – все те же поэты С. Сейтхазин и Ж. Омирбеков. Поэты были в восторге от новой повести своего товарища и предложили немедленно отправить ее в Казахстан, главному редактору литературно-художественного журнала, выходившего на казахском языке, Зейнулле Кабдолову.

А вскоре состоялась встреча с человеком, который со свойственной ему прозорливостью увидел в молодом авторе будущего блестящего мастера художественного слова. То был великий Мухтар Ауэзов.

С. Сейтхазин так рассказывает о первой встрече двух выдающихся писателей:

«Всевозможные литературные семинары, совещания в Союзе писателей проводились довольно часто. Мы старались не пропускать ни одного из подобных мероприятий. Однажды состоялось обсуждение новой книги Михаила Дудина. Народу собралось много, и опоздавший к началу Мухтар Ауэзов остался без места. Увидев его, Чингиз встал и предложил сесть. А на следующий день Ауэзов пригласил нас к себе в номер гостиницы «Москва». Долго беседовал с нами. Один экземпляр «Джамили» остался в тот день у него».

Жаппар Омирбеков вспоминает, как Чингиз познакомился с великим Арагоном: «В одном из литературных совещаний принял участие Арагон и выступил с большой, продолжавшейся около часа, речью, в которой упомянул и имя Мухтара Ауэзова, что нас, естественно, обрадовало. В перерыве мы подошли к Ауэзову. С ним рядом был Арагон. Ауэзов представил нас великому французцу, сказав, в частности, о Чингизе следующие слова: «Это талантливейший киргизский писатель, в журнале «Октябрь» опубликована его повесть «Лицом к лицу», обязательно прочитай ее, мне она очень понравилась».

Арагон пообещал прочитать повесть.

И разве есть большее счастье для молодого автора, чем встреча с двумя великими коллегами, тем более, что один из них дает высокую оценку только что вышедшей повести, а другой обещает немедленно прочесть ее!..

«Джамиля» была опубликована в восьмом номере журнала «Новый мир» за

1958 год. И сразу же началось ее победное шествие по странам и континентам. Еще вчера мало кому известный автор становится знаменитым.

В чем же секрет обаяния «Джамили»?

Повесть невелика по объему, лаконична и, на первый взгляд, весьма проста. Но за этой кажущейся простотой скрываются тщательно построенная композиция, глубочайшее проникновение во внутренние миры героев, удивительная выразительность, лиричность, непринужденность повествования. Повествование ведется от лица Сейита, младшего брата мужа главной героини повести Джамили. Неторопливо ведет Сейит свой рассказ на первых страницах повести, и эта неторопливость сменяется взволнованностью лишь тогда, когда он упоминает о своей жене – жене старшего брата – Джамиле. Но постепенно рассказ становится все эмоциональнее, страстнее, чему виной появление еще одного героя – Данияра. Чиста, тонка, прекрасна Джамиля, за внешней неприметностью прячет большую сильную душу Данияр, и кажется естественным, даже необходимым то, что разгорается в их душах огонь любви, любви истинной, всепоглощающей. Не по любви вошла замуж Джамиля. Садык женился на ней лишь из желания утешить свое уязвленное самолюбие (однажды, на играх в честь праздника животноводов, он опозорился, не сумев догнать ее во время игры в «кыз-куумай» – «догони девушку», и решил своеобразно отомстить, своровав ее). Четыре месяца дове-

лось прожить им вместе, но не проснулось чувство, и лишь впитанное вместе с материнским молоком чувство покорности не позволило Джамиле уйти из дома нелюбимого мужа. Свыклась она, смирилась со своим положением, однако, зрел в ней стихийный протест, и виной тому был отчасти и сам Садык, вернее, его письма с фронта, холодные, равнодушные, которые «походили одно на другое, как ягнята в отаре» и в которых Садык лишь в самом конце бегло упоминал о Джамиле.

И тут встреча с Данияром... Начинается мучительная борьба в душе Джамили. Зарождается любовь... Завораживает Данияр Джамилю своей прекрасной песней, переворачивает душу Джамили, очаровывает и Сейита, потрясенного страстью, с которой певец изливал свою душу, самого себя: «Больше всего меня поразило, какой страстью, каким горением была насыщена сама мелодия. Я не знал, как это назвать, да и сейчас не знаю, вернее, не могу определить только ли это голос, или еще что-то более важное, что исходит из самой души человека, что-то такое, что способно вызвать у другого такое же волнение, способно оживить самые сокровенные думы». И еще говорит Сейит: «Это был человек, глубоко влюбленный. И влюблен был, – почувствовал я, – не просто в другого человека; это была какая-то другая, огромная любовь – к жизни, к земле. Да, он хранил эту любовь в себе, в своей музыке, он жил ею.

Равнодушный человек не мог бы так петь, каким бы он ни обладал голосом».

Уходит Джамиля с Данияром, переступает тысячелетние законы патриархального быта, осуществляется ее мечта...

Удивительно свободно, красиво написана повесть, и не без оснований Луи Арагон назвал ее «самой прекрасной на свете повестью о любви», а великий казахский писатель и ученый Мухтар Ауэзов дал такую характеристику «Джамиле»: «Повесть Айтматова психологична, естественна и проста... Это новое явление в киргизской прозе».

Грузинский поэт Иосиф Нонешвили в своей статье «Счастье Джамили» пишет: «... Как поэт я могу сказать, и в этом нет ни толики преувеличения, что эта вдохновенная проза по своему поэтическому качеству напоминает русскую классическую прозу».

Известный узбекский писатель Камиль Яшен вспоминает: «Нашел «Джамилю», с интересом прочитал, она мне очень понравилась, и я тут же стал пропагандировать ее среди наших узбекских писателей и работников печати. Одна мысль не давала мне покоя: «Интересно, каков же писатель, создавший произведение, которое изумило мир?» Вскоре на одном из очередных пленумов Союза писателей СССР мне предоставилась возможность познакомиться с ним. Это было так. Одним из вопросов, стоявших в повестке дня пленума, был вопрос о работе с творческой молодежью. Во время перерыва ко мне подошел молодой человек, предста-

вился (это и был Чингиз Айтматов) и сказал: «Камиль-ага, я записался для выступления, но, видимо, наши старшие товарищи так и не дадут слова нам, молодым. А было бы, наверное, интересно, если бы свое мнение высказали и те, кому посвящен пленум».

Мне он понравился своей прямоотой, и я тут же обратился к председательствующему: «Может, дадим теперь слово молодым, к примеру, представителю среднеазиатского региона Чингизу Айтматову». После перерыва Айтматову предоставили слово. Выступление его было остро, содержательно и по-молодому задорно».

Не будет преувеличением сказать, что теплые слова Мухтара Ауэзова в статье «Путь добрый» стали напутствием Айтматову, благословением старшего товарища по перу.

Мухтар Ауэзов всегда с нетерпением ждал новых произведений своего молодого коллеги и приветствовал Айтматова, что он пишет и на русском языке.

Творческие взаимоотношения между учителем и учеником настолько углубились, что постепенно перешли в дружеские, почти родственные: Чингиз относился к Мухтару Омархановичу с сыновней почтительностью, а мэтр по-отцовски любил Чингиза, помогал ему и советом и делом.

Еще один казахский писатель Кубан Шынгытбаев вспоминает:

«Однажды я позвонил в больницу, где лежал Мухтар-ага, и сообщил ему, что

собираюсь во Фрунзе. Он очень обрадовался и попросил передать привет киргизским братьям по перу и особенно Чингизу Айтматову. А через несколько дней его не стало».

Эта потеря была чрезвычайно тяжела для Айтматова. Слишком много значил для него Ауэзов. И не только для него...

«Мне кажется, – писал Айтматов в одной из своих статей, – на формирование современной среднеазиатской художественной мысли и всей духовной жизни наших соседствующих народов Ауэзов оказал такое же влияние, как в свое время Пушкин на развитие русской культуры».

И еще: «Чтобы обозревать мир, чтобы быть видным для других, чтобы перекликаться, провозглашая достоинства человеческого духа, надо иметь такие вершины, как Мухтар Ауэзов. С высоты Мухтара Ауэзова мы судим о себе и общаемся с другими культурами и народами».

По инициативе Айтматова были сняты художественные фильмы «Выстрел на перевале Караш» (режиссер Болот Шамшиев) и «Серый лютый» (режиссер Толмуш Океев), сценарной основой которых послужили произведения Ауэзова. Эти фильмы, удостоенные множества наград на всесоюзных и международных кинофестивалях, стали свидетельством роста национального искусства двух народов – казахского и киргизского.

Позже Айтматов способствовал выходу в свет на русском языке повести Мухтара Ауэзова «Лихая година», не публиковавшейся по неизвестным причинам, и написал к ней предисловие.

Много лет прошло с тех пор, как повстречались великий мэтр и талантливый ученик. «Кем был тогда Ауэзов и кем был Айтматов? – пишет критик Кенешбек Асаналиев. – Первый – автор всемирно известного романа «Абай», классик многонациональной советской литературы, а второй – слушатель Московских Высших литературных курсов, то есть, всего лишь дебютант в большой литературе. И разве мог тогда кто-нибудь предположить, что пройдет каких-то два десятка лет, и мы, говоря о достижениях художественной литературы народов советского Востока, вслед за именем Мухтара Ауэзова будем называть в первую очередь Чингиза Айтматова»¹⁹.

Быстро пролетели годы учебы на Высших курсах, и Айтматов возвращается в Киргизию. На III съезде писателей республики творчеству молодого писателя дается высокая оценка и его утверждают главным редактором журнала «Литературный Киргизстан». Айтматов энергично берется за дело, в короткий срок налаживает работу, всячески поддерживает инициативные начинания своих сотрудников, в журнале открываются новые рубрики, чаще стали публиковаться произведения русских советских писателей и авторов из братских республик. Вырос тираж, шире стал круг читателей. Постепенно молодой редактор постиг все секреты трудной редакторской работы, что, безусловно, помогло ему позднее, когда он возглавил редакцию журнала «Иностранная литература».

В 1960 году Айтматов работает в газете «Правда» собственным корреспондентом по Средней Азии и Казахстану. Это позволило ему досконально изучить обычаи, традиции, хозяйственный уклад народов этого обширного региона.

В это время выходят его яркие публицистические статьи, затрагивающие самые разные проблемы, он постоянно бывает в самой гуще народной жизни, и, несомненно, многие встреченные им на журналистских тропах люди становились впоследствии прототипами героев его произведений.

И сегодня Айтматов посвящает публицистике много сил и времени, и поистине необъятен спектр проблем, которые его волнуют: это нравственность и эстетика, проблемы мира и войны и вопросы языка и литературы, межнациональные отношения и охрана окружающей среды.

Часто на литературных вечерах, читательских конференциях читатели задают писателю такой вопрос: «Не мешают ли работе над художественными произведениями Ваши занятия журналистикой?» И он терпеливо разъясняет, что журналистика помогает вникать в сущность многообразных явлений жизни, не дает превратиться в кабинетного писателя, далекого от реальной жизни, она дает бесценный материал для работы над новыми книгами. Наверное, именно благодаря тому, что Айтматов всегда в гуще жизни, всегда среди людей, столь достоверно звучат его произведения, столь свежи образы, создаваемые им...

Не может не волновать читателя история нравственного крушения Ильяса, главного героя повести «Тополек мой в красной косынке». Не сумел Ильяс достичь нравственной высоты Асель – «тополька в красной косынке», не смог сбечь свою любовь, и виной тому лишь он сам.

Хотя автор скуп в изображении душевных качеств Асель, все же мы видим полнокровный, выпуклый образ девушки изумительной нравственной чистоты. Теряет Ильяс свое счастье, но эта потеря заставляет его заново оглянуться на прожитую жизнь и сделать соответствующие выводы. Прозревает Ильяс, и его прозрение наполняет повесть оптимизмом.

«Образ Ильяса потряс меня, моих однопольчан, – так написал писателю вьетнамский воин Нган Ха. – Вы помогли мне понять жизнь, понять ее смысл. Образ Ильяса научил меня правильно жить, научил до конца беречь свое счастье».

В ответном письме Айтматов выразил уверенность, что никто не сможет сломить героический вьетнамский народ, не смогут победить таких преданных революции, родине воинов, как Нган Ха.

В 1961 году выходит рассказ «Верблюжий глаз». Герой рассказа Кемель – выпускник десятилетки, приехавший в Анархай, на целину, по комсомольской путевке. Кемель – чистый, честный юноша с поэтической душой. Полным антиподом Кемелю в рассказе выступает Абакир – алчный, мелочный, черствый человек. Противостояние Кемеля и Абаки-

ра – это борьба двух противоположных начал, и Кемель выходит в ней победителем. Рассказ лаконичен, но емко, образы четки и точны, и нет сомнения в том, что это великолепное произведение было свидетельством роста мастерства писателя.

В повести «Первый учитель» (1962) Айтматов создал яркий образ коммуниста двадцатых годов. Главный герой повести Дюйшен, демобилизованный красноармеец, открывает в аиле школу и учит детей. «Буду учить вас всему, что знаю сам...» – говорит Дюйшен детям. Дюйшен – человек бесстрашный, ради исполнения своей мечты готов отдать все свои силы тем, кого он учит. Он душевно богат и щедро делится своим богатством с людьми. Дела его, на первый взгляд, вполне будничны, но то обновление, которое он привносит в киргизский аил, превращает будничность в героическое. Для Алтынай и других учеников Дюйшен не просто учитель, учащий их писать и считать, а учитель жизни, новой жизни.

Айтматов пишет: «Да, в «Первом учителе» я хотел утвердить новое понимание положительного героя в литературе и сознательно идеализировал образ коммуниста, беззаветно преданного делу революции. Я постарался взглянуть на этот образ нашими, современными глазами, я хотел напомнить теперешней молодежи о ее бессмертных отцах...»²⁰.

Читатель из Японии Одзава Масаносукэ в письме к Айтматову спрашивал о том, насколько повесть «Первый учи-

тель» соответствует истории, реальной жизни народа и насколько правдив образ Дюйшена.

В статье-ответе «Человек Ленина» Ч.Айтматов говорит, что образ Дюйшена не придуман воображением автора, что в годы революции было много подобных исторических фигур.

«Нам, учителям, очень дорога и близка повесть «Первый учитель, – говорит Герой Социалистического Труда учитель Апыш Койчуманов. – Дюйшен – родник, из которого черпают вдохновение, окрыленность киргизские учителя... Его образ свят для нас. Мы, ветераны, учились у него».

С великим почтением относится писатель к нелегкому труду учителя. Свидетельством тому являются созданные им образы Майсалбека («Материнское поле»), Инкамал апы («Ранние журавли»), Айши апы («Восхождение на Фудзияму»), Абуталипа («И дольше века длится день») и многие статьи, посвященные проблемам воспитания и образования.

За выдающийся вклад в дело воспитания молодежи писатель был награжден медалью Крупской.

Айтматов писал: «Если бы я не обратился к реальной жизни с ее сложностями и противоречиями, если бы не вернулся в своем творчестве к родине, к Шекеру, к людям... я перестал бы писать. Я открыл свою родину, свою землю, аил Шекер»²¹.

Читая его произведения, мы словно воочию видим и бурные воды реки Кур-

куреу, и тополя Дюйшена, и поле Толгонай, и заснеженную вершину Манас-Ата, видим и слышим простых людей, поражаемся той точности, с какой писатель смог перенести на страницы своих книг этот прекрасный удивительный мир со всеми его радостями и горестями, болями, проблемами.

Шекер... Стал знаменитым маленьким аилом, и названия-то которого не отыскать ни на одной, даже самой подробной, географической карте. Аил, давший миру Чингиза Айтматова...

«Как же не назвать благословенной ту землю, которая, породила Чингиза!» – в избытке чувств восклицает казахский писатель и драматург Калтай Мухамеджанов. Да, воистину благословенна эта земля, благословенен Шекер, который, несомненно, будет когда-нибудь отмечен в литературном атласе звездой не самой последней величины.

ТВОРЧЕСТВО – ЭТО ЖИЗНЬ

В 1963 году сборник «Повести гор и степей» был удостоен Ленинской премии. Как вспоминает казахский ученый Е.Исмаилов, Мухтар Ауэзов прозорливо верил, что когда-нибудь произведения Айтматова будут выдвинуты на соискание этой высокой награды.

Со всех концов страны шли письма, телеграммы, отправители которых поздравляли писателя с этим радостным событием в его жизни. Вот некоторые из них:

«Дорогой Чингиз! От всего сердца поздравляю с великой наградой за твой честный труд, бесконечно радуюсь за тебя.

Почитающий тебя

Константин Симонов».
Москва.

«Айтматову. Горячо поздравляю с Ленинской премией, крепко обнимаю.

Кайсын Кулиев».

«Дорогой Чингиз! По-братски горжусь и радуюсь присуждением тебе Ленинской премии. Желаю счастья, успехов в творчестве.

Баурджан Момыш-Улы».
Алма-Ата.

Высокая награда обязывала еще с большей требовательностью относиться к своему творчеству. Айтматов создает одно из самых объемистых произведений – повесть «Материнское поле». Написал он ее в четырех вариантах. Прототипом Толгонай – главной героини повести послужила колхозница по имени Толгонай из таласского колхоза «Джийде».

Казахские писатели Тахави Ахтанов и Зейнулла Кабдолов, которым автор прочитал отрывок из новой повести, были поражены непохожестью этой вещи на предыдущие.

Непохожа она на прежние вещи прежде всего высокой трагедийностью, звучащей на протяжении всей повести. Неожиданна и героиня – Толгонай – немолодая женщина, чья долгая жизнь и легла

в основу повествования. Нова для писателя и композиция повести, выстроенная в виде страстного диалога двух матерей – Матери-Человека и Матери-Земли. Вместе с тем, по точному, лаконичному письму угадывается все тот же Айтматов, только Айтматов более зрелый, более, возможно, суровый, сложный.

Человек превыше всего на свете. Научить человека добру может только человек. Все дети одинаковы, нет среди них плохих. Каждый появившийся на свет ребенок – дитя всего человечества. Счастье матери неотделимо от всенародного счастья. Земля свята, человек жив землей. Жизнь – вечна, труд – бессмертен. В этих и подобных им аксиомах и заключается философская доминанта повести.

«Материнское поле» – повесть о трагедии матери. В годы войны Толгонай одного за другим теряет самых дорогих людей – мужа Суванкула, сыновей Касыма и Майсалбека, затем лишается последней своей надежды – младшего сына Джайнака и юной невестки Алимана. Но горе не сломило ее, она находит в себе силы выстоять, не согнуться. Не потеряла Толгонай веры в добро, не раздавили ее страшные потери.

«Материнское поле» – повесть о величии материнской души, о неиссякаемой воле человека. В изображении Айтматова овдовевшая, лишившаяся детей Толгонай превращается в Мать с большой буквы, в общечеловеческую Мать.

Писатель мастерски использовал такой прием, как условный диалог между Ма-

терью-Человеком и Матерью-Землей, который был необходим для точного и выпуклого изображения трагедии Толгонай. И писателю в полной мере удалось решить эту задачу. Толгонай – человек, живущий не для себя, а для людей, корни ее в народе, и потому судьба ее неотделима от народной судьбы.

После завершения работы над «Материнским полем» Айтматов на несколько дней едет на отдых в Алма-Ату. Остановился он у известного казахского ученого и писателя Зейнуллы Кабдолова. Однажды на десерт были поданы яблоки, и Айтматову под руку попало удивительно красивое крупное красное яблоко. Тогда, желая развлечь своего друга, Айтматов рассказал ему давнюю историю, случившуюся с одним из его товарищей по институту и связанную с таким же алым яблоком. «Ты напиши об этом, ты должен написать рассказ!» – загорелся вдруг Кабдолов. И потом уже не отставал до тех пор, пока рассказ не был написан.

«И вот я, как мог, постарался исполнить волю моего друга, – говорит Айтматов. – Читатели часто спрашивают: «Как рождается новое произведение, с чего начинается?» Сложен путь у каждой вещи, да и много этих путей. Оказывается, иногда можно написать вот так, благодаря другу. Я и сам поражен тем, как это у меня получилось...»

И по праву рассказ «Красное яблоко» был посвящен автором Зейнулле Кабдолову.

Этот рассказ поднимает важные морально-этические проблемы. Красное яб-

локо – символ счастья. Найденное в осеннем саду Анарой – дочерью главного героя рассказа Исабекова, оно помогает ему осознать свою неправоту в отношениях с женой, останавливает от непоправимого шага, который он едва не совершил.

В 1962 году Чингиза Айтматова избирают председателем Союза кинематографистов Киргизии, и, благодаря его неумолимой энергии, киргизское кино вскоре приобретает всемирную известность.

Выходят на экраны фильмы «Первый учитель», «Небо нашего детства», «Выстрел на перевале Караш», «Серый лютый», «Материнское поле», «Белый пароход», «Красное яблоко», которые с успехом прошли по экранам многих стран мира и были отмечены наградами на всевозможных кинофорумах. В кинокритике заговорили о «киргизской школе» киноискусства. Успехи киргизского кино были неразрывно связаны с деятельностью и творчеством Чингиза Айтматова. За фильмом «Первый учитель», который можно по праву считать началом становления киргизского кино, экранизируются почти все его произведения. К его прозе обращаются режиссеры А. Михалков-Кончаловский, Л. Щепитько, С. Урусевский, Г. Базаров, И. Поплавская, Б. Шамшиев, Т. Океев. Лариса Щепитько, вспоминая о своей работе над фильмом «Зной», сценарной основой которого послужил рассказ «Верблюжий глаз», говорила: «Его драматургия национальна по форме, но в ней существует весь комплекс проблем современности. Его сюжетные конструк-

ции легко укладываются в современный классический образ. И это дает возможность каждый раз на основе его произведений создавать в кинематографе абсолютно современное произведение».

В 1963 году Айтматов становится членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям. И с того времени он постоянно участвует в работе этого Комитета.

Писатель часто бывает в родном аиле, общается с односельчанами. Как-то в одну из поездок привез замысел новой повести – повести о коммунисте Танабае. Одна из сюжетных линий повести – трудная судьба буланого иноходца Гульсары. Удивителен рассказ о коне, образ Гульсары то оборачивается аллегорией, то снова развивается в реалистическом повествовании. Конь – часть самого Танабая, часть его души. Образы старого коня и старого человека взаимно обогащают друг друга. Надо сказать, что у писателя особое отношение к коням. Из всех животных конь, наверное, ближе всего его душе. Кинорежиссер Гернштейн в своем документальном фильме «Айтматов» снял писателя скачущим вместе со своими односельчанами на коне, участвующим в козлодрании, и, без всяких преувеличений, Айтматов выглядел в этих кадрах превосходным наездником. Верхом на коне Чингиз Торекулович запечатлен на великом множестве фотографий, хранящихся в домашнем архиве. То ли это напоминает о себе детство, проведенное в аиле (ведь в те времена техники в колхо-

зах почти не было, и пахали и возили на лошадях, и ничего ценнее этих животных не было), то ли в городском жителе Айтматове говорит древняя кровь кочевников – лихих джигитов, а может, это просто сказывается любовь к природе, но, повторяем, писатель питает особую слабость к этим благородным животным. Свидетельством этому и Чабдар из «Ранных журавлей», и Гульсары, и Донкулук из «Плахи». А вот что говорит сам Чингиз Торекулович:

«Когда мне нужно в Москву или Каир, я сажусь на самолет. Но пусть не обидятся на меня уважаемые товарищи Туполев, Антонов и Ильюшин – зрелище мчащегося реактивного самолета не пробуждает у меня волнения крови, хотя разум мой преклоняется перед инженерным гением. А вот когда я вижу всадников, летящих на красавцах конях и слитых с этими конями почти в единое существо, – вот тогда кровь моя вскипает. Я испытываю наслаждение, азарт, я остро чувствую красоту коня, красоту бешеного движения, грацию, ловкость наездника».

«Прощай, Гульсары!» была опубликована в третьем номере журнала «Новый мир» за 1966 год.

Герои этой повести – старый человек и его верный старый иноходец Гульсары. Через призму восприятий этих двух героев писатель передал картины жизни киргизского аила довоенного и послевоенного времени. Сложна судьба чабана Танабая, многое довелось пережить ему в долгой жизни, были в ней и неумная,

всепобеждающая радость и тяжкая усталость, горечь поражения и отчаяние от чувства своего бессилия перед алдановыми и сегизбаевыми.

«Прощай, Гульсары!» – это не просто произведение о чабанском житье-бытье, это размышления о человеке, его месте в жизни, долге, чести, совести. Писатель не идеализирует своего героя. Танабай – человек ищущий, сомневающийся, ошибающийся. Жизнь поворачивает его к прошлому, которое он прежде воспринимал упрощенно, возвращает его к самому себе, – отсюда и невольное прозрение Танабая. Когда-то он в пылу революционной горячки выступил на комсомольском собрании с речью о ликвидации юрт. Услышал откуда-то, что юрта должна исчезнуть, что она пережиток прошлого. Выдвинул лозунг: «Долой юрту! Хватит жить по старинке».

Однако, пришло время и судьба наказала Танабая. Исчезли старые мастера, не сумевшие передать свое искусство молодым, и табунщику, затем чабану Танабаю пришлось жить на летовке в горах в старой, закопченной юрте. «Юрте было много лет, и если она еще кое-как держалась, то только благодаря долготерпению Джайдар. Целыми днями чинила она юрту, приводила в жилой вид, а через неделю-другую снова расплзлась кошма, зияли прорехи, задувал ветер, сыпал снег, протекал дождь. И опять жена принималась за починку, и конца этому не было видно».

Довелось ему в свое время раскулачить и своего сводного брата Кулубая, и рас-

плата приходит к Танабаю не только в лютой ненависти Кулубая, но и в том, что сам он в конце концов оказывается почти в таком же положении.

Сложен образ Танабая, невозможно уместить его в рамках какой-либо схемы. Иной раз автор смело и убедительно передает сложные переживания Танабая через судьбу иноходца. Великолепны, ярки эти строчки. Айтматову удалось найти блестящий способ изображения внутреннего мира человека, человеческих переживаний, и этим способом явилось сопоставление, взаимопроникновение двух образов – Танабая и Гульсары, параллельное их изображение. Неразрывна судьба человека и его верного спутника. Связан человек тысячами нитей с породившей его природой, и потому так близок иноходец своему хозяину, потому невосполнимой потерей для Танабая становится смерть Гульсары.

Много у Танабая в жизни было потерь и разочарований, но он не утратил веру в людей, веру в жизнь – и именно в этом суть образа Танабая.

В 1966 году газета «Московский комсомолец» провела опрос с целью выявить лучшее произведение года, и большинство читателей таковым назвали повесть «Прощай, Гульсары!».

В 1968 году повесть была удостоена Государственной премии СССР. В том же году Айтматову было присвоено высокое звание народного писателя Киргизии.

А тем временем зреет замысел нового произведения, задуманного вначале как

рассказ, но превратившегося в ходе работы в повесть. В статье «Вечна, как жизнь»²² Чингиз Айтматов писал:

«...Как-то осенью я ездил на Иссык-Куль в Сан-Ташские леса. Встретил там одного водителя грузовика. Он мне и рассказал, что зашли сюда откуда-то два марала. Одного из них убили, а другой – ушел. «И, видно, никогда теперь не вернется...» – сказал он с грустью. Он показал мне и дом лесника, где они ночевали. Так я попал на тот кордон, где жил мальчик из «Белого парохода».

Новой повести Айтматов дал название «После сказки», однако Твардовский, бывший в то время главным редактором журнала «Новый мир», предложил назвать ее «Белым пароходом», и под этим названием она и увидела свет в 1970 году в первом номере этого журнала.

Повесть эта – история маленького мальчика, живущего на глухом лесном кордоне высоко в горах, мальчика с ранней душой, одинокого в этом мире, у которого никого и ничего на свете не было, кроме деда да двух сказок.

Первая сказка – об отце, который плывал матросом на белом пароходе по синему-пресинему озеру. Мальчик не помнил его, не помнил и матери. Но он твердо верил, что отец плавает матросом на Иссык-Куле. Мать же, как разошлась с отцом, так и сгинула. Ни разу больше не появилась на лесном кордоне, оставив совсем крохотного мальчонку на попечение деду.

В бинокль с горы мальчик часто видел белый пароход. И он мечтал стать

рыбой, поплыть по реке к синему озеру, к этому белому пароходу, на котором, как он был уверен, плавал отец. Это и была его первая сказка. А вторая сказка – это легенда о Рогатой Матери-оленихе, которую ему рассказал дед Момун, легенда о спасительнице киргизского народа.

Сюжет повести прост: когда на кордон пришли маралы, Момун убивает самку марала, которую сам же отождествлял с легендарной Матерью-оленихой. Потрясенный предательством, мальчик идет к реке и уплывает, вернее, погибает. Не остается у него ни одной сказки: одну убивает самый близкий ему человек – дед Момун, а вторая исчезает с его смертью.

В повести есть еще действующее лицо – Орозкул, зять Момуна. Это жестокий человек, деспот, пьяница, искренне полагающий, что весь мир таков. Орозкул написан резко, точно, даже порой нарочито грубо. Противоположность ему – расторопный Момун, как называют его старики. Момун терпелив, сдержан, но и он однажды восстает против орозкуловского диктата. Однако, его ярости хватило ненадолго. Уже на следующих страницах тот же Орозкул подбивает Момуна на подлость: старик, каясь, убеждая себя, что делает это во имя дочери и внука, стреляет в свое божество – Рогатую олениху. Умирает олениха, умирает сказка, погибает мальчик. Злосчастным предательским выстрелом Момун убивает своего внука, предает себя, свои великие заветы. Смертью мальчика утверждается истинность заветов деда Мому-

на. Не примирился мальчик со злом, и в этом его нравственное превосходство над Орозкулом и ему подобными.

В статье «Необходимые уточнения»²³ Айтматов пишет: «Некоторые читатели сетуют: разве не властен был автор иначе распорядиться судьбой героя? Нет, не волен я был. Такова логика художественного замысла, имеющего свои, не подвластные автору принципы. Не мог я поступить так, как посоветовал в письме один читатель: Орозкула арестовать, деда Момуна отправить на пенсию, мальчика в город, в школу-интернат. Это мило, но это означало бы амнистию злу. У меня был только один выбор – писать или не писать повесть. А если писать, то только так».

«Белый пароход» вызвал споры среди читателей и критиков, но в одном все они были единодушны – новая повесть Айтматова, безусловно, – событие в советской литературе.

Айтматов принимает самое деятельное участие в переиздании великого эпоса «Манас», пропагандирует его за рубежом, всячески содействуя переводу эпоса на другие языки. Во многих своих статьях писатель так или иначе упоминает эпос, да и литературоведы часто отмечают, что творчество Айтматова, его мастерство берут начало в народном эпосе, в частности, в «Манасе». И вот все это становится толчком к написанию нового крупного прозаического произведения, в котором Айтматов хотел изобразить далекое прошлое киргизского народа и которому писа-

тель дал название «Плач перелетной птицы». Однако, в силу определенных причин, он пока не завершил эту работу и читателям был предложен лишь отрывок из нее.

В 1974 году Чингиз Айтматов избирается действительным членом Академии наук Киргизской ССР.

Как академик, писатель живо интересуется состоянием дел в самых различных отраслях науки. И кто бы из академиков ни общался с ним, будь то почвовед А. Мамытов, фармаколог А. Алтымышев или философ А. Алтымышбаев, для любого из них мнение писателя дорого. Вот что говорит академик ВАСХНИЛ и Академии наук Киргизской ССР Аман Мамытов:

«Мы с Чингизом познакомились в начале шестидесятых годов. Очень скоро стали друзьями. Прошло немного времени, и Чингиз стал знаменитым. Мы, его друзья, радовались его успехам, гордились им. Когда повесть «Прощай, Гульсары!» была удостоена Государственной премии СССР, то я даже написал стихотворное поздравление. Я случайно оказался в Москве, когда ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда, и наши общие знакомые горячо поздравляли меня, словно я был причастен к награде моего друга.

В наши дни образы героев Айтматова становятся своеобразными эталонами стойкости, принципиальности, нравственной чистоты, трудолюбия, преданности своему народу, своей земле, своему Отечеству.

Я по нескольку раз перечитываю каждую его новую вещь, ибо невозможно сразу объять весь спектр философско-нравственных проблем, которые Айтматов затрагивает в той или иной степени.

Земля – наше бесценнейшее достояние, наша кормилица. И недаром главная героиня повести Чингиза «Материнское поле» Толгонай изливает сердце не кому-либо иному, а Матери-Земле.

Мы с Чингизом частенько говорим об Иссык-Куле, о нашей земле, о людях и вообще о всякой всячине, и я заметил давно, какой он прекрасный слушатель, как переживает, когда где-нибудь что-то в нашей жизни, – я имею в виду, в жизни всего народа, страны, – не ладится. Чингиз Айтматов вызывает невольное восхищение глубиной своего мышления, своей простотой, нравственной чистотой, своей искренней озабоченностью за судьбы всего человечества. Редко рождаются на свет такие великие люди, как он».

В новой повести «Ранние журавли» Писатель снова обращается к событиям военных лет. Но на этот раз автор изображает тяготы войны через судьбы подростков. Ведь именно на их плечи и плечи их матерей легли те труды и заботы, без плодов которых была бы немыслима победа.

Видимо, автор недаром назвал повесть «Ранние журавли». В тот год журавли прилетели рано, что по стариковским приметам предвещало дружную весну, мягкое лето и богатый урожай. И герои повести Султанмурат, Анатай, Эркинбек

радовались этим добрым вестникам, с восторгом встречали их, наперегонки мчась навстречу первым стаям и от избытка чувств крича что-то, словно надеясь на то, что крылатые глашатаи весны поймут их. И на несколько минут забылась даже война. Нам кажется, что писатель своим названием провел символическую параллель между подростками и журавлями, тем самым возложив на название определенную идейную и информационную нагрузку.

Тем, что Айтматов ставит нескольких ребят-подростков в центр повествования, он словно отдает моральный долг этим рано повзрослевшим мальчишкам, своим сверстникам, мужественно встречавшим самые тяжелые испытания судьбы. Султанмурат, Эркинбек, Анатай, Эргеш, Кубаткул... Совсем мальчишки... Первые подвиги, первые встречи со Злом, первые потери...

Великолепно раскрыт в повести образ главного героя – командира аксайского десанта Султанмурата, образ кристально честного, справедливого, удивительно цельного душевно подростка.

«Ранние журавли» – факт блистательного продолжения писателем творческого поиска, начатого им в его предыдущих произведениях. В 1976 году повесть была отмечена Государственной премией имени Токтогула, что стало свидетельством высокой оценки литературной общественностью республики достоинства этого высокохудожественного произведения.

Нивхский писатель Владимир Санги рассказывает:

«Однажды Айтматов был у меня в гостях. Я как раз вернулся из поездки на Север, привез дикую утку-широконоску, по-нивхски – утку лувр. Пока утка жарилась на кухне, я разговаривал с Чингизом и предложил: «Хочешь, расскажу нивхскую легенду об утке? Эта легенда о тех временах, когда не было суши, только вода, и утка не знала, где снести яйцо».

...Кряква-широконоска жарится на кухне, Айтматов и я разговариваем, он слушает легенду об утке лувр. Слушает, я вижу, с большим интересом. Кряква еще не готова, и я решаю рассказать Чингизу один случай из своей жизни, из своего детства»²¹.

Рассказал тогда Санги Айтматову о том, как однажды его, семилетнего, старики взяли на охоту в море, как они заблудились в тумане и как, благодаря пролетающей мимо полярной совы, сумели сориентироваться и были спасены...

«Выслушав все это, Айтматов очень разволновался, – продолжает Санги. – Потом резко спросил: «Будешь писать?» – Я с удовольствием ответил: «Дарю!»²².

Прошло немного времени, и в журнале «Знамя» (1977, № 4) была опубликована новая повесть Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря». Повесть вышла с посвящением Владимиру Санги.

«Айтматов изучал нивхский фольклор, внимательно прочитал многое из того, что написано о нивхах, в том числе мной, – говорит Санги, – однако, главное, – мастерство писателя, его умение проникнуть в жизнь другого народа, най-

ти в этой жизни проблемы большого человеческого масштаба...» – говорит Владимир Санги²³.

В «Пегом песе...» писатель на материале жизни нивхского народа исследует состояние духа человеческого в экстремальной ситуации, когда напряжение душевных сил человека достигает апогея. О благородстве эта повесть, о готовности к самопожертвованию ради ближнего своего, о человечности, о смысле жизни, об утверждении Человеческого достоинства перед Вечностью, о бессмертии человеческого духа, о единстве человека и Природы. Остр, драматичен сюжет повести, исключительна ситуация, в которую попадают герои. Старейшина рода Орган-аткычх, родственник Мылгун-аки, отец мальчика Эмрайин берут в море семилетнего Кириску, дабы передать ему охотничьи навыки, секреты, чтобы не захирел в будущем род охотников, не перестал заниматься своим кровным промыслом.

Поначалу охота складывалась удачно, но мальчик, впервые попавший на большую охоту и впервые оказавшийся перед лицом величия стихии, почувствовал вдруг «свою бесконечную малость и бесконечную незащитность», почувствовал смутную опасность, исходящую от окружающей воды. Не напрасно тревожился мальчик. Вскоре охотники попадают в полосу густого тумана. Без еды, с небольшим запасом питьевой воды, они блуждают в плотном, без единого просвета, тумане, и безнадежно их положение, ибо нет никакого смысла плыть куда-либо:

кругом был один туман, туман и больше ничего. И кончилась вода, без которой не выжить. И когда уже не осталось никакой надежды на спасение, взрослые решают пожертвовать собой, своей жизнью во имя смутной надежды на спасение мальчика – продолжателя рода. Первым уходит мудрый аткычх Орган, уходит к своему вечному сну, к своей мечте, к Рыбе-женщине, уходит, надеясь, что его смерть спасет жизни его соплеменников, спасет жизнь мальчику Кириску. Вслед за ним уходят и аки Мылгун и отец Эмрайин, точно так же, как и Орган аткычх, надеясь на то, что их уход продлит жизнь мальчику, что те последние глотки воды, которые они оставляют Кириску, дадут ему шанс на спасение.

Не может не потрясать тот психологический настрой, которым насыщены страницы, передающие раздумья Эмрайина о судьбе сына, о смысле собственной жизни. «... Он понял, что, оказывается, вся его предыдущая жизнь была предтечей к нынешней его ночи. Для того он родился и для того умирал, чтобы из последних сил продлить себя в сыне. Об этом он думал в тот час, молча прощаясь с сыном. Эмрайин совершал для себя открытие – всю жизнь он был тем, кто он есть, чтобы до последнего вздоха продлить себя в сыне. И если он не думал об этом раньше, то лишь потому, что не было на то причин...»

Великую правду открывает о себе Эмрайин перед тем, как уйти в небытие. Понимает он вдруг, что весь смысл его

жизни в Кириске, что умрет он, но кровь его, имя будут вечно живы в потомках.

И Кириск остается один наедине со стихией, он теперь должен жить и за себя, и за аткычха Органа, и за аки Мылгуна, и за отца Эмрайина, должен оправдать их надежды, продлить род, и случай в виде Агукук - полярной совы, безошибочно указывающей путь к земле, приходит ему на помощь. Возвращается Кириск к Пегому псу, возвращается со своею собственной песней...

«Пегий пес...» по своей жизненной фактуре, по своей стилистике отличается от прежних произведений Айтматова. Но и здесь мы снова встречаемся с проблемой становления человека, решенной, правда, несколько необычной, так что мы вправе утверждать, что эта повесть не стоит особняком в творчестве Айтматова, а является очередным звеном, новой ступенью зрелости Айтматова-писателя.

«Пегий пес...» вместе с повестью «Ранние журавли» был отмечен учрежденной в Италии литературной премией «Эт-туррия».

Интересна и история создания пьесы «Восхождение на Фудзияму». Материал пьесы первоначально предназначался для повести, но Галина Волчек и Олег Табаков убедили Айтматова в том, что сюжет более подходит для сцены. Писатель рассказал сюжет казахскому драматургу Калтаю Мухамеджанову, тот написал на казахском языке первый вариант, Айтматов перевел его на русский. Вариант появлялся за вариантом, соавторы допол-

няли друг друга, и вскоре пьеса была готова. Надо сказать, что вначале, в первых вариантах пьесы, не было образа Айши-апы. Этот образ, объединяющий в единое целое все образы, все события, происходящие в пьесе, родился позднее, в одну из тихих, ясных алма-атинских ночей, во время отдыха.

Премьера пьесы состоялась в московском театре «Современник».

Сюжет пьесы прост. Четверо бывших одноклассников вместе со своими супругами в субботний день собрались на пикник и, слегка захмелев от выпитого, стали исповедываться друг перед другом. Каждый из четверых в душе чувствует свою вину перед пятым товарищем - талантливым поэтом Сабыром, которого нет среди них, и поэтому их исповеди превращаются в самооправдания. Пикник проходит на горе, которую Алмагуль, жена одного из четверых друзей - Досбергена, назвала Фудзиямой, в честь знаменитой японской вершины.

Каждый истинный буддист хоть раз в жизни обязан подняться на священную Фудзияму, чтобы поразмыслить там с богом о житье-бытье человеческом, исповедаться перед ним о своих деяниях. Отсюда и название пьесы. Однако, в отличие от исповедывающихся перед богом буддистов, герои пьесы, кажущиеся нам вначале вполне добропорядочными людьми, умеющими снисходительно сносить дружескую иронию, постепенно высказывают свою истинную суть. Игра в исповедальность превращается в самую обык-

новенную перепалку, которая кончается тем, что друзья, стремясь отвлечься от неприятного разговора, принимаются забавляться, кидая с горы камни.

А на другой день они вдруг узнают, что накануне кто-то из них четверых камнем убил старуху.

Двое друзей - доктор наук Иосиф Татаевич и журналист Исабек поспешно и трусливо уезжают с места происшествия, двое же других - учитель Мамбет и агроном Досберген остаются на Фудзияме, чтобы принять вину на себя. Кто-то из этой четверки когда-то предал Сабыра, но та давнишняя история лишь называется, но не разыгрывается наяву, и потому действие на сцене течет без излишних страстей. Просто восседают на Фудзияме друзья поэта, и среди них тот, что предал его. Но кто из них предал? Искренний, честный Мамбет? Нет, он не виновен. Может, Досберген? Нет, и не он. Предать мог завистливый и трусливый Исабек, способен на предательство и Иосиф Татаевич, респектабельный, внешне безгрешный. Напуганы они, все время ждут друг от друга упреков, готовы тут же отплатить противнику той же монетой. Страх заставляет их раскрыть свою истинную суть - и в этом их наказание.

То, о чем писатель попытался рассказать в своей пьесе, - вечная тема, которая волновала, волнует и будет волновать не только киргизских или казахских зрителей или читателей, но и любого читателя или зрителя в любом уголке земного шара. В этом произведении, как и в

других его вещах, правда противостоит лжи, добро - злу, любовь - ненависти, честь - бесчестию. Вывод, к которому мы приходим после спектакля или по прочтении пьесы, таков: ищи правду в себе и тогда ты найдешь ее в другом.

За выдающийся вклад в развитие советской литературы и за активную общественную деятельность Указом Президиума Верховного Совета СССР Чингизу Айтматову в 1978 году было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Писатель награжден еще и орденом Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Октябрьской революции, Дружбы народов и многими медалями. Начиная с VII созыва, он без перерыва избирается депутатом Верховного Совета СССР. Айтматов - член ЦК Коммунистической партии Киргизии, заместитель председателя Советского Комитета солидарности стран Азии и Африки, секретарь правления Союза писателей СССР, председатель правления Союза писателей Киргизии, главный редактор журнала «Иностранная литература», председатель Постоянной Комиссии Верховного Совета СССР, советник Президента СССР.

Общеизвестно, сколь высоко ставит писатель личные контакты с людьми, будь то знаменитые иностранцы Курт Воннегут, Уильям Сароян, Микеланджело Антониони, Питер Устинов или самые обыкновенные читатели из разных уголков нашей необъятной страны. В очень близких дружеских отношениях Айтматов был с великим советским композитором

Дм. Шостаковичем. Письма композитора, в которых тот высказывает свое мнение о повестях «Прощай, Гульсары!» и «Белый пароход», писатель хранит как самые драгоценные реликвии. Свято чтит он и память о друзьях, ушедших из жизни: Кара Караеве, Фикрете Амирове, Расуле Рза, Мухтаре Ауэзове, Александре Твардовском, Имране Гасымове и др.

«Когда-то я был влюблен в одного человека, – говорит Айтматов. – Это был Расул Рза. Он остался в моей памяти как гигант в поэзии, как поэтическая вершина, как индивидуум с необыкновенным поэтическим мышлением. Близким мне человеком был и покойный Имран Гасымов. Интеллектуал Имран, для которого не было тайн в драматургии! Сердце мое обливалось кровью, когда мы возлагали цветы к их могилам».

Часто писателю приходилось переживать подобные скорбные минуты.

Айтматов живо интересуется литературой и культурой, историей и фольклором различных народов и народностей. В своих произведениях он творчески использовал сюжеты, заимствованные из киргизских народных эпосов и поэтических сказаний «Манас», «Кожожаш», «Карагул ботом», легенды о Матери-оленихе, из нивхской легенды – о Рыбе-женщине. Казахские народно-поэтические сказания о манкурте, о Раймалы и Бегимай послужили основой для создания романа «И дольше века длится день».

«Народного, передающегося из уст в уста предания о манкуртах именно в том

виде, в котором я его изложил, не существует. Но прототип такой легенды у казахов есть... Тревога за человека, неприятие всего того, что мешает стать ему цельной, богатой, яркой личностью, и заставили меня создать легенду о манкурте», – говорит Чингиз Айтматов²⁷.

Айтматов поднял легенду на более высокий уровень, вдохнул в нее глубокий философский смысл.

В романе «И дольше века длится день» он изобразил жизнь со всеми ее противоречиями, порой непримиримыми, непреодолимыми. В центре повествования – жизнь обитателей маленького, затерянного в бескрайних просторах сарозекских степей, железнодорожного разъезда Боранлы – Буранный.

В романе можно выделить три основные сюжетные линии. В основе одной из них – легенда о манкурте, другая обрисовывает реальную жизнь затерянного в степях небольшого полустанка, третья линия – фантастическая. Все три линии развиваются параллельно и пересекаются лишь в конце романа, но их взаимосвязь осуществляется на протяжении всего повествования.

Едигей – главный герой романа – человек труда. Айтматов создал образ человека с активной жизненной позицией, с постоянным внутренним беспокойством, которое роднит его с такими героями предыдущих произведений автора, как Дюйшен, Толгонай, Танабай.

Умирает один из обитателей крохотного пристанционного поселка – Казан-

гап. Его смерть заставляет главного героя Буранного Едигея взглянуть на себя, на прожитую жизнь, на окружающий мир как бы со стороны или как в чудесное зеркало, позволяющее видеть одновременно и прошлое и настоящее. Едигей размышляет об окружающих его людях и думает: «Кто займет место таких людей, как Казангап или Абуталип? Кто придет вместо них? Умные, знающие свое дело люди или же такие, как Сабитжан, который даже похоронить родного отца по-человечески не может?» До всего есть дело Едигею, все волнует его. Он делает все, чтобы вернуть честное имя своему другу Абуталипу, репрессированному по ложному доносу, и ничто не может остановить его на пути в поисках правды.

Айтматов мастерски использовал в романе мотивы казахских поэтических преданий и легенд, любовно, талантливо нарисовав образы Найман-Аны, певца Раймалы и его возлюбленной Бегимай. Важную роль в романе играет легенда о Найман-Ане – сказание о том, как лишившийся памяти манкурт убивает родную мать. Это, пожалуй, своеобразный ключ ко всему роману.

То место, где была похоронена Найман-Ана, стало называться в сарозекских степях кладбищем Ана-Бейит – Материнским упокоем, самым почитаемым местом захоронения во всей сарозекской округе. Именно здесь хоронили самых уважаемых в народе людей, сюда вез Едигей тело покойного своего друга Казангапа, вез, согласно последней воле усопшего, не

ведая, что Ана-Бейит уже недоступен, обезличен, отдан для нужд цивилизации.

Едигею кажется, что и часовой, и начальник караула, не пускающие маленькую похоронную процессию на территорию кладбища, – манкурты в современном обличье. И автор, по всему, на стороне Едигея. Однако, истинные наследники манкуртов – это Сабитжан, сын покойного Казангапа и еще многие ему подобные.

Перекликается с судьбой Едигея, с его любовью к Зарипе, легенда о певце Раймалы и прекрасной Бегимай.

Роман Айтматова – это роман о месте человека в жизни, о неразрывной связи прошлого и настоящего, о смысле жизни. И с целью заострить ситуацию, чреватую потенциальными опасностями для всего живого на земле, писатель прибегает к использованию фантастического сюжета. И легенда о манкурте вдруг получает иное, совершенно неожиданное решение.

«И дольше века длится день» – роман-метафора, роман-предостережение, в котором причудливо переплелись прошлое и настоящее, реальное и фантастическое и который напоминает людям об их ответственности за судьбу планеты, за судьбу человечества...

Роман был отмечен Государственной премией СССР.

В одном из интервью писатель отметил, что если бы он продолжал разрабатывать тему Шекера, то было бы вполне возможно, что на свет появились бы но-

вые версии «Джамили» или «Прощай, Гульсары!». Разумеется, эти слова Айтматова никоим образом не означают, что никогда более его родной Шекер не станет местом действия новых его произведений. Ведь куда ни взгляни, мы видим, как научно-технический прогресс властно вторгается в нашу жизнь, меняя не только условия нашего существования, но и влияя на мировоззрение людей, их психологию, и перед писателем невольно встают глобальные вопросы: «Каково соответствие духовного багажа человека и тех благ, которые привнес в его жизнь двадцатый век? Способен ли человеческий разум сохранить жизнь на Земле? Не заходим ли мы в тупик?» И чтобы попробовать ответить на эти вопросы, и не только на эти, но и на многие другие, поставленные перед ним жизнью, Айтматов решил использовать евангельские сюжеты. Сначала была написана новелла о Пилате и Иисусе, затем она была дополнена историей Авдия Каллистратова, рассказом о волках, и возникла идея написать большой синтетический роман.

Однако писатель, уже в ходе компоновки различных сюжетных линий, временных пластов, вдруг почувствовал, что в том виде, как он был задуман, роман грозит непомерно разбухнуть, и тогда он принимает решение создать произведение с несколькими, почти самостоятельными сюжетными линиями, объединенными одной большой идеей.

Не случайно вошла в роман и история с «гонцами за анашой». До боли резану-

ло сердце писателя опубликованное в «Литературной газете» письмо несчастной матери, в котором она рассказывала о своих двух сыновьях-наркоманах, лишившихся из-за пагубной привычки к дурманящему зелью человеческого облика. А вскоре писатель и сам наяву столкнулся с «гонцами за анашой».

«Однажды я поехал встречать поезд на очень далекую степную станцию, — рассказывает писатель. — Поезд задержался на несколько часов, я бродил, не зная, куда девать себя, и один милиционер, видимо, узнав меня, предложил посидеть у них в отделении. Когда я вошел в служебное помещение, то увидел мальцов, задержанных на товарных поездах за провоз наркотической анаши. В другом углу — вещественные улики: рюкзаки, сумки, чемоданы с той самой анашой. Мне стало дурно.

И вот после этой встречи с наркораспространителями пришла мысль или в публицистической или в какой-нибудь другой форме написать об этой печальной проблеме»²⁸.

Разумеется, писатель не ставил перед собой одной лишь цели просто констатировать факт человеческого падения, факт неотвратимости наказания за преступление, каковым является наркобизнес. Он прежде всего хотел высветить причины, толкающие человека в наркотическую пропасть, хотел предостеречь молодежь от убийственного пристрастия к одурманивающему зелью, затронуть проблемы перевоспитания малолетних наркораспространителей и наркоманов, их лечения.

Роман, которому автор дал название «Плаха», увидел свет в журнале «Новый мир» (1986, № 6, 8, 9).

Взгляды на жизнь героев «Плахи», их отношение к природе, их мировоззрение, мышление, их столь непохожие судьбы не могут не волновать, не беспокоить читателя. Читатель получает огромной важности урок о смысле человеческой жизни.

В романе несколько сюжетно-композиционных линий: судьбы Авдия Каллистратова, Иисуса, Бостона Уркунчиева, история волков, линии наркоманов, «хунты». Каждая из этих линий вполне самостоятельна, но проблемы, затронутые в них, тесно связаны друг с другом, что объединяет все пласты повествования в единое целое.

У каждого героя романа в сознании живет бог, созданный им самим по своему понятию. Даже у синеглазой волчицы Акбары есть своя богиня — находящаяся на луне Бюри-Ана. Боги у Иисуса и Авдия не ограничены ни временем, ни пространством.

Их боги — это вера в будущее, страстное желание, чтобы завтрашний день был лучше сегодняшнего, чтобы вечно продолжалась история человеческая, чтобы лучше стал сам человек. Для того чтобы эти желания превратились в реальность, человеку необходимо терпение.

Оскудение природных ресурсов, бурное развитие научно-технического прогресса настоятельно требуют от человечества срочного и кардинального решения экологических проблем. В романе звучит

предупреждение о том, что хищническое, потребительское отношение к природе, ее уничтожение, пренебрежение законами грозит человечеству катастрофой, экологической трагедией.

Сложилась для области весьма нервная обстановка — «не выходили с пятилеткой», и кто-то разбитной из облупления вдруг предложил «задействовать» мясные ресурсы Моюнкумов.

На вездеходах выехали в степь охотники, расстреливали сайгаков из автоматов, а за ними на грузовиках другие двуногие звери собирали трофеи. Кровью стали залиты Моюнкумские степи, казалось, наступило крушение мира... И не только Авдий, но даже волки Акбара и Ташчайнар не смогли бы простить людям эту кровавую бойню, эту вселенскую трагедию...

Акбара и Ташчайнар — свидетели и жертвы Моюнкумской трагедии, становятся жертвами и виновниками еще одной трагедии, на этот раз далеко от Моюнкумов, на берегах синего озера Иссык-Куль. Алчный Базарбай разоряет логово волков и уносит только народившихся детенышей Акбары и Ташчайнара. Базарбай случайно оказывается в доме у Бостона. Волки идут по следу, и отныне Бостон — человек от естества своего любящий природу и уважающий ее законы, становится объектом слепой мести хищников. И не надо быть провидцем, чтобы догадаться, что волки, дерзкие, матерые, к тому же ослепленные злобой и инстинктивным чувством мести за своих похи-

ценных детенышей, привнесут в действие романа страшную трагедию. Волки начали мстить людям. Дико лютовали они, беспорядочно били скот, чтобы заглушить чувство боли, вылить злобу на людей и на весь мир.

Бостон, вынужденный защищаться, убивает Ташчайнара. Акбара остается одна. И вот однажды она в поисках своих сгинувших волчат снова приходит к дому Бостона. Сынишка Бостона, Кенджеш, играл в это время во дворе. Вдруг он увидел большую серую собаку с удивительно синими глазами. То была Акбара.

«И вот Акбара стояла перед малышом. И непонятно, как ей открылось, что это детеныш, такой же, как любой из ее волчат, только человеческий, и когда он потянулся к ее голове, чтобы погладить добрую собаку, изнемогающее от горя сердце Акбары затрепетало. Она подошла к нему, лизнула его щечку. Мальчик обрадовался ее ласке, тихо засмеялся, обнял волчицу за шею. И тогда Акбара совсем разомлела, легла у его ног, стала играть с ним – ей хотелось, чтобы он пососал ее сосцы...»

А потом Акбара, которую переполнял материнский инстинкт, страстно желая, чтобы этот человеческий детеныш жил в ее логове, осторожно схватила малыша за ворот рубашки и унесла. Бостон вынужден был стрелять в нее, но пуля вместе с волчицей поразила и его единственного сына.

Не пожалела Акбара человека, не пощадила его отцовского чувства, не вы-

пустила из пасти человеческого детеныша, когда убежала с ним, отомстила за своих детенышей, украденных человеком, павших под копытами сайгаков во время той памятной Моюнкумской бойни, сгоревших в камышах, отомстила за смерть верного друга своего Ташчайнара. Отомстила и погибла. Взошла на свою Голгофу...

У каждого героя своя Голгофа. Авдий не смог претворить свои идеи в жизнь, не смог соединить свою судьбу с Ингой Федоровной, которую искренне полюбил, и был распят в безлюдной степи пьяными изуверами; Бостон, трудяга, жизнелюб, мстит Базарбаю за своего сына, за волков и идет сдаваться властям, и ясно, что его ждет суровое наказание; пьяница и завистник Базарбай находит свою смерть от руки Бостона; нравственно ущербные Гришан, Петруха, Махач, истребители природы Обер-Кандалов, Кепа, Мишаш и другие, что бы с ними не случилось, не смогут избежать заслуженной кары за свои деяния.

Если конец Базарбая, наркоманов, членов «хунты» закономерен (иначе кончить они и не могли), то Бостон, Авдий, Сандро пошлина плаху ради высоких принципов, добровольно, ибо на их стороне Истина и Справедливость.

Обращение писателя к евангельским сюжетам было неожиданным для читателей. Библейский материал Айтматов использовал для того, чтобы напомнить о том, что сегодня перед человечеством как никогда остро стоит проблема необ-

ходимости сохранить мир от ядерного апокалипсиса. Люди, какой бы они ни были расы, где бы они ни жили, каких бы взглядов на жизнь ни придерживались, какую веру не исповедовали бы, – одинаково ответственны за благополучие планеты.

«Плаха» – роман-трагедия, но в трагизме романа есть жизнеутверждающая сила, очищающая, вызывающая сострадание и гнев. Этот трагизм захватывает нас, и мы уже не в силах абстрактно рассуждать, быть сторонними наблюдателями, он овладевает нашими чувствами, сердцем, душой с тем, чтобы мы стали чище, сильнее, яростнее. И в этом оптимизм трагичности, в этом ее великий урок.

«КИРГИЗИЯ – АЙТМАТОВУ»

Когда-то известный киргизский поэт Джоомарт Боконбаев в одном из своих стихотворений пророчески писал о том, что придет время и киргизская литература выйдет за пределы родной земли и шагнет в Европу, шагнет в мир, станет малой, но достойной частицей мировой литературы. Поэт верил в это, надеялся и, как мы можем сегодня судить, оказался провидцем.

Но в те времена, когда писалось это стихотворение, его мечты читателю, наверное, казались всего лишь грезами поэта. Прошло всего несколько десятилетий, и слова поэта сбылись. Киргизская литература стремительным рывком прорва-

лась на литературный Олимп. И благословенен народ, который сумел выпестовать, взрастить такой талант, как Айтматов, чье слово правдивое, суровое и, вместе с тем, полное оптимизма, нашло отзвук в сердцах читателей разных стран и континентов!

«...Я хочу сказать слова сыновней благодарности своему народу, ибо без него я не представляю своей жизни», – говорит писатель.

Его идейно-эстетические открытия стали вкладом не только в многонациональную советскую литературу, но и в тот океан, что зовется мировой литературой. Мягкий, теплый лиризм, острый драматизм, глубокий психологизм, четко, ясно выписанные образы и те проблемы, которые в той или иной степени оказываются в кругу внимания писателя – нравственные, социальные, национальные, экологические, – волнуют многих читателей.

Так отзываются о творчестве писателя известные деятели мировой культуры:

О «Джамиле»: «Повесть, которую мы прочитали, – льющаяся мелодия, чудесная поэма» (Жан Спагаро).

«Это произведение настолько чисто и значительно, что я не решаюсь теперь говорить, опасаясь сказать какую-нибудь неуклюжесть» (Сюзанна Фредерик).

«Песни любви – бессмертные влюбленные, которых они прославляют. Но «Джамиля» не похожа ни на какую другую... в ней любовь, которая не нуждается в другом оправдании, чем она сама, и

которая сразу представляется, как высшая ценность. И то уважение, которое к ней испытывают, будет эталоном нового общества» (Жюльетта Дарль).

О «Белом пароходе»: «Эта книга похожа на своего автора. Она открывает доброту во всех. В «Джамиле» она была в любви, в «Белом пароходе» – в детстве... Это небольшой роман, в котором рядом живут и радость жизни, и печаль... Эта история оставляет глубокий след в сердцах, и хотя она кончается трагедией, это, прежде всего, все-таки рассказ о любви и надежде, рассказанный небывало чисто и свежо» (Андре Стил).

О романе «И дольше века длится день»: «Иногда творчество Айтматова сравнивают с творчеством Габриэля Гарсиа Маркеса. Но по актуальности проблематики и остроте ее раскрытия роман Айтматова стоит особняком... Это произведение мирового масштаба... На мой взгляд, в современной литературе трудно найти равное ему произведение» (Йисикадзу Сакамото).

Мы не можем не гордиться тем, что во многих зарубежных странах в учебные программы школ и высших учебных заведений включены произведения нашего великого земляка. Например, в учебную программу по литературе в школах Англии включена повесть «Ранние журавли». Узнав об этом, писатель сказал:

«Я придаю этому особенное значение, ибо по себе знаю, что значит для ребенка встреча с книгой. Желаю, чтобы английские дети поняли, что мы, советские

люди, находимся в поиске, трудимся, чтобы сделать жизнь лучше, чем она есть».

Творчество Чингиза Айтматова все больше и больше привлекает внимание литераторов, литературоведов, критиков как в нашей стране, так и во многих зарубежных странах. Каждая его книга, выходящая за рубежом, как правило, становится объектом литературоведческих исследований, и, в большинстве случаев, эти исследования приносят в литературоведение нечто новое. По творчеству Айтматова защищены многочисленные диссертации, написаны статьи, монографии.

Термин «айтматоведение» утвердился не только в советской литературоведческой науке, но и в литературоведении многих зарубежных стран. Например, одним из авторитетнейших айтматоведов является немецкий литературовед, заведующая отделом газеты «Нойес Дойчланд» Ирмтрауд Гучке. Еще учась в школе, она заинтересовалась повестями и рассказами Айтматова, и, по ее словам, именно книги киргизского писателя оказали огромное влияние на выбор ею профессии. В 1976 году она защитила докторскую диссертацию на тему, связанную с творчеством Чингиза Айтматова. А недавно в Лейпциге увидела свет написанная в жанре эссе ее книга «Общечеловеческие проблемы, сказки и мифы в творчестве Айтматова». Нам хочется отметить, что в этой книге нашли место очень теплые, проникновенные высказывания немецкого литературоведа в адрес Чингиза Айтматова. Автор в своей работе вышла за

традиционные рамки литературоведческого исследования и сумела высказать целый ряд полемических мыслей и предложений, интересных не только для специалистов, но и для читателей.

Литературовед из Делийского университета Джайвант Сингх Батхеджа защитил докторскую диссертацию на тему: «Повесть «Джамиля» в контексте современной литературы и некоторые вопросы ее перевода на хинди».

Исследует творчество Айтматова французский ученый Одиль Ашрамбо, а ученый из Индии Насар Шакил Руми, работающий над диссертацией на тему «Психологизм прозы Чингиза Айтматова», для сбора материалов приезжал в Советский Союз, побывал во Фрунзе, где встречался с писателями, учеными, журналистами.

Нам кажется, что настало время перевести на русский и киргизский языки наиболее интересные книги зарубежных литературоведов, исследующих многогранное творчество Чингиза Айтматова, в частности, книгу чешского исследователя К.Соучека «Национальное в произведениях Ч.Айтматова и проблемы билингвизма», книгу Р. Опица «Герои нашего времени в произведениях Чингиза Айтматова», труд З. Сулеймана «Творчество Ч. Айтматова и его влияние на сирийскую литературу», серьезную публицистическую работу А.Марушиака «Журналист, писатель, человек» и многие другие.

В качестве свидетельства роста популярности Айтматова в мире можно на-

звать факты присвоения его имени самым различным общественным организациям и учреждениям. Например, в Колумбии есть библиотека, носящая его имя.

Преподаватели и учащиеся одной из делийских школ написали писателю письмо следующего содержания:

«Уважаемый Чингиз Айтматов!

Мы рады сообщить Вам, что в нашей школе «Нью Эра Паблик Скул» в Дели начали изучать русский язык. Чтобы укрепить дружбу между нашими странами, мы организовали клуб индийско-советской дружбы, который уже функционирует и носит Ваше имя.

Надеемся, что во время следующего визита в Индию Вы обязательно посетите нашу школу. Ученики и многочисленные члены клуба будут очень рады встретиться с Вами.

С уважением директор школы *Уша Чопра*, преподаватель русского языка

Вендена Капур».

Американские школьники написали ему трогательное письмо:

«Дорогой киргизский писатель Чингиз Айтматов! В знак признания Вашего выдающегося вклада в литературу мы сегодня единогласно решили избрать Вас Почетным рыцарем клуба Марка Твена».

А орден Улыбки с изображением улыбающегося в лучах солнца малыша, которым в 1984 году Чингиза Айтматова наградили учредившие этот орден поль-

ские ребяташки, стал свидетельством огромной популярности его творчества и среди детей.

В 1978 году, в дни пятидесятилетнего юбилея писателя, мы с радостью услышали из уст профессора Конрада Вольфа приятную весть о том, что за большой вклад в мировую литературу Чингиз Айтматов избран членом-корреспондентом Академии искусств ГДР.

Европейская Академия наук и искусств в Париже, объединяющая выдающихся деятелей науки и искусства, в 1984 году избрала Чингиза Айтматова своим членом. Он стал первым советским писателем, удостоенным столь высокой чести.

Большой радостью для всех поклонников его таланта стало то, что в списке лауреатов международной премии имени Джавахарлала Неру – высшей литературной премии Индии – за 1984–1985 гг. было и его имя. На приеме, который в честь лауреата устроило посольство СССР в Индии, профессор С.Нурул Хасан, вручая писателю золотую медаль и диплом лауреата, особо отметил заслуги киргизского писателя в деле укрепления советско-индийской дружбы.

В 1987 году Чингиз Айтматов стал академиком Всемирной Академии наук и искусств.

Все эти радостные события в жизни писателя стали эпохальными событиями в истории киргизской литературы, культуры.

«Сможет ли человечество перешагнуть через порог третьего тысячелетия, сохра-

нив достижения цивилизации, избегнув катастрофы, которая если случится, не пощадит ничего живого на нашей маленькой планете?»

Этот вопрос не может не беспокоить ни одного здравомыслящего человека. Задаст себе подобный вопрос и Чингиз Айтматов. Народы мира знают Айтматова как неутомимого борца за мир, как видного общественного деятеля, не жалеющего сил для укрепления дружбы и взаимопонимания между народами. На встречах с зарубежными читателями, в речах и выступлениях, в интервью и статьях он предупреждает об опасности, которой чревата ядерная конфронтация, говорит о том, что она грозит всеобщим уничтожением, призывает народы жить в согласии и мире под чистым и мирным небом, ратует за полное изъятие из военных arsenалов ядерных вооружений, дабы народы мира не пережили второй раз трагедии Хиросимы и Нагасаки.

В качестве почетного гостя Айтматов принимал участие в работе сессии специального комитета ООН, посвященной борьбе против апартеида. Перед отъездом из Нью-Йорка Чингиз Айтматов по приглашению руководства радиостанции «Дабл ю Би-Эй-Ай» посетил радиостанцию, где состоялась его беседа с радиослушателями и в которой принял участие радиожурналист Джон Фискер. Во время беседы писатель в частности сказал, что для ликвидации расовой дискриминации необходимо, чтобы народы всей земли сказали свое веское слово против нее. И еще

Айтматов сказал, что, на его взгляд, «сейчас встает необходимость выработать у человечества новое, планетарное, мышление».

Ситуация в мире пока остается напряженной. На планете то здесь, то там вспыхивают новые «горячие точки». И отрадно, что видные деятели мировой науки и культуры, бывшие военные и политики, общественные деятели и служители церкви все активнее приобщаются к решению архиважных проблем, связанных с судьбой человечества, с судьбой планеты. Создаются всевозможные неправительственные организации, объединения, движения, собираются конференции, форумы. Реальной силой зарекомендовали себя «Пагуошская конференция», «Движение врачей...» и многие другие неформальные организации, программной целью которых является борьба за мир, социальный прогресс и права человека.

Вдохновителем и организатором одного из таких форумов – «Иссык-Кульского форума», созванного в 1986 году, стал Чингиз Айтматов.

Участниками «Иссык-Кульского форума» были такие выдающиеся деятели мировой культуры, как американский драматург Артур Миллер, его супруга – художник-фотограф Инга Миллер, известный американский писатель Джеймс Болдуин, его брат – известный артист Дэвид Болдуин, общественный деятель из Италии, президент Римского клуба Александр Кинг, английский писатель и киноактер Питер Устинов, литератор из Франции,

лауреат Нобелевской премии Клод Симон, президент Всеиндийской Академии искусств и музыки, писатель, композитор Нараян Менон, бывший испанский министр по делам образования и науки, профессор биохимии Мадридского автономного университета, ныне Генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор, знаменитый эфиопский художник Афеворк Текеле, видный турецкий писатель Яшар Кемаль, его земляк известный композитор Зульфю Ливанели, выдающийся кубинский писатель Лисандро Отеро, видный ученый, руководитель департамента ЮНЕСКО, итальянец Аугусто Форти, известный американский писатель-футуролог Олвин Тоффлер.

Между участниками форума состоялся проникновенный разговор о роли художника в современном мире, о том, что всякий художник обязан словом и своим искусством влиять на формирование общественного мнения, что только объединив все миролюбивые силы, можно обеспечить мирное будущее для человечества.

Литература, искусство имеют громадное влияние на умы людей, на их мировоззрение, и потому в те дни внимание мировой общественности было приковано к далекой Киргизии, к берегам Иссык-Куля, где проходила первая встреча участников этого форума. Несмотря на то что на форум собрались люди разных профессий, взглядов на жизнь, политику, экономику, самого различного социального положения, их объединяло единство цели. А цель такова: спасти родную планету от

непоправимой катастрофы, сделать все, чтобы в XXI век человечество шагнуло, не тревожась за свое будущее. Участники форума единогласно приняли «Заявление Иссык-Кульского форума».

В «Заявлении» подчеркивалось, что в ядерный век необходима перестройка мышления, что для этого нужно объединить силу интеллекта талантливейших деятелей литературы и искусства, инициативу и новейшие открытия людей науки, надежды и чаяния простых людей на всей планете. В «Заявлении» было отмечено, что для сохранения мира на Земле необходимо разбудить в каждом человеке совесть, ответственность, долг.

Участники форума объявили, что отныне «Иссык-Кульский форум» становится традиционным международным неформальным объединением деятелей культуры и искусства. Члены нового объединения договорились о том, что их встречи станут регулярными, что необходимо дать доступ прессе к личной переписке участников форума с тем, чтобы мировая общественность как можно полнее была информирована о его деятельности. Президентом «Форума» был единогласно избран Чингиз Айтматов.

Президент Римского клуба Александр Кинг тепло отозвался о человеческих качествах киргизского писателя:

«Познакомившись с писателем, я перечитал все написанное им. Он оказался очень обаятельным, самобытным, чрезвычайно талантливым человеком. Его простота, демократичность, готовность

помочь не могли всем нам не нравиться и, безусловно, способствовали успешной работе нашего форума».

Участников встречи волновали вопросы художественного творчества, экологии, здравоохранения, народного образования, воспитания детей. Мы считаем уместным привести несколько высказываний участников форума, полных тревоги и озабоченности за будущее подрастающего поколения.

Джеймс Болдуин: «Писатели, деятели искусства могут оказывать огромное влияние на людей, на формирование их мировоззрения. Особенно на молодежь и детей. Любознательность и непосредственность детей надо поощрять. Неосторожно можно задушить в зародыше эти качества. Спрашиваете, как? Это просто. Стоит лишь отмахнуться от ребенка, проявить равнодушие. Дети, действительно, неистощимы на вопросы. Все их интересует. Почему ночью темно, а днем светло? Почему кожа у людей разного цвета? Почему пахнут цветы? Почему течет вода в реке? Почему, почему?.. Бесконечны эти вопросы. Я убедительнейше советую родителям, учителям, всем взрослым: отвечайте на вопросы детей! Пусть желание все знать будет сопутствовать детям всегда, всю жизнь!..»

Федерико Майор: «Новое мышление – весьма сложная проблема. В связи с этим отметить хочу особую роль учителей. Учитель – в сущности, творец. Издревле известно, что успехи каждой нации прямо зависят от качества обучения детей,

от предмета обучения. Мне хочется сказать одну вещь: миру вместо гонки вооружения нужна гонка обучения. Только тогда мы сохраним цивилизацию, сохраним ценности материальной и духовной культуры».

Участники форума обменялись мнениями о самых насущных проблемах современности, отметили в своих выступлениях, что встреча на берегах киргизского моря позволила им с оптимизмом глядеть в будущее.

Мировая общественность не обманулась в своих надеждах: первая встреча прошла успешно и плодотворно, участники форума были едины во мнениях по большинству обсуждаемых вопросов.

«Я, – говорит участник форума эфиопский художник Афеворк Текле, – увидел не только красоты природы, гор, я увидел душевную красоту мыслителей, пытающихся решить проблемы XXI века, с надеждой глядящих в третье тысячелетие и искренне стремящихся к новым взаимоотношениям между людьми и народами».

Нет сомнения, что семена мира, разбросанные Иссык-Кульским форумом, упадут в благодатную почву и дадут прекрасные всходы.

«Белое облако Чингисхана» (1990) написано на основе легенд, преданий, мифов, давно ставших для Айтматова неистощимым источником вдохновения. О Чингисхане написано множество книг. «Белое облако» отличается от всех этих произведений не только содержанием, но

прежде всего тем, что автор сумел раскрыть новые стороны образа древнего воителя, используя для этого легенду, взяв из нее, проявив и высветив извечные общечеловеческие проблемы. В «Белом облаке» на первый план выходит обыкновенная человеческая психология, прячущаяся в самой легенде в тени вселенской славы Чингисхана. Обнажив и преломив через призму своего художественного восприятия внутренний мир Чингисхана, Айтматов сумел показать, что и людям, купающимся в славе, величии, которым все под силу, которым, казалось бы, чужды досада, огорчение, неудача, даже им свойственны такие человеческие чувства, как бессилие перед чем-либо, страх, растерянность перед какой-либо задачей. Главной целью писателя было показать Чингисхана не во время военных набегов, а в будничной обстановке, в мирное время. Жизнь такая штука, что ей все равно, кто стоит перед ней – хан или последний бедняк. И потому писатель не делал особого нажима на плохие или хорошие черты характера Чингисхана. Напротив, события, изображаемые автором с глубоким психологизмом, с острым драматизмом, органично приводят нас к глубоким философским обобщениям. Очевидно, что автор, давая моральную, философскую оценку легенде, прежде всего думает и тревожится о будущем каждого человека. И снова писатель своим творчеством подтверждает то, что любая проблема, которой он касается в своих произведениях, – есть пробле-

ма общечеловеческая. Именно с этих высот рассматривает он все эти проблемы, именно с этих позиций он размышляет. В этом отношении и легенда о Чингисхане несет в себе такие понятия и категории, как любовь и ненависть, жизнь и смерть, власть и бессилие, доброта и жестокость.

Художественное отражение добра, человечности, высокой нравственности – подлинное кредо писателя. И потому белое облако можно рассматривать, как идеальную творческую находку, несущую в произведении значительную идейно-эстетическую нагрузку, разграничивающую такие категории, как добро и зло, и высвечивающую, проявляющую внутренний мир человека. Вроде бы в этом образе нет ничего сложного, но в то же время за внешней простотой скрываются извечные общечеловеческие проблемы. И именно в этом общечеловеческая значимость нового произведения писателя. Только большому таланту дано подобное: доносить свой голос большим и малым народам, независимо от языка, на котором они говорят, от вероисповедания, от политического и экономического уклада. Истинный талант черпает свое вдохновение не откуда-то свыше, а в самой обыкновенной жизни, в самой ее гуще. Этим он и понятен читателям, этим он и велик!

Гордое имя – Человек! Однако не каждый может с достоинством пронести его по жизни. Быть человечным – это значит не быть жестоким по отношению к другим, не желать зла близкому своему,

не завидовать, не быть себялюбцем, не злоупотреблять властью, не унижать других, не кичиться властью, богатством, славой, не менять любовь на ненависть, не говорить о черном, что оно белое, и о белом, что оно черное. Таково определение человечности, которое можно вынести из «Белого облака».

«Белое облако Чингисхана» органично вписывается в общую канву романа, и с уверенностью можно сказать, что эта глава подробно отвечает на те вопросы, которые могли бы возникнуть у читателей, чьи сердца тронула нелегкая судьба Абуталипа. Однако, если помнить об ее цельности, завершенности, сюжетно-стилевым содержанием, о новых героях, получивших право на жизнь только в этой главе, то эту дополнительную главу вполне можно воспринимать как самостоятельную повесть. И нет сомнения, что это глубоко психологическое, философское произведение найдет отклик в сердцах читателей во всех уголках нашей планеты.

«Художник и народ – две сопряженные величины. Народ рождает таланты, и он же, народ, ценитель и хранитель всего лучшего, что создают его мастера. Связь тут обратная: художник – духовная опора народа, народ – духовная опора художника», – сказал как-то Чингиз Айтматов. Эпоха, народ взрастили своего великого летописца, мир же принял Слово Айтматова потому, что в нем, в Слове, великая правда об удивительной судьбе народа, о его сыновьях и дочерях, о прекрасной, богатой талантами земле,

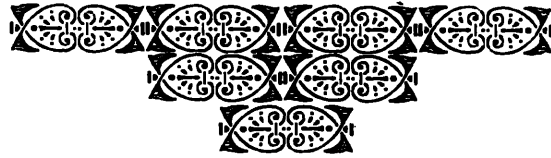
и свидетельством значительности этого неповторимого айтматовского Слова являются любовь и почитание, которые питают к его таланту миллионы и миллионы истинных ценителей его творчества.

ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ Лениншил жас, 1980, 31 января.
- ² Жапаров Ш. Вопросы киргизской терминологии. – Фрунзе: Илим, 1968, с. 38–39.
- ³ Кыргызстан маданияты, 1986, 6 марта.
- ⁴ Райкан Шукурбеков. Чингиз хочет стать шофером. – Ленинчил жаш, 1935, 5 июня.
- ⁵ Айтматов Ч. В соавторстве с землёю и водою... Очерки, статьи, беседы, интервью. – Фрунзе, 1978. – С. 154.
- ⁶ Кыргызстан маданияты, 1981, 6 августа.
- ⁷ Айтматов Ч. Снега на Манас Ата – Огонек, 1975, № 5.
- ⁸ Лениншил жас, 1980, 31 января.
- ⁹ Пегий пес, бегущий краем моря.
- ¹⁰ Восхождение на Фудзияму.
- ¹¹ Ленинчил жаш, 1951, 11 ноября.

- ¹² Советская Киргизия, 1952, 24 ноября.
- ¹³ Советская Киргизия, 1953, 24 мая.
- ¹⁴ Кыргызстан маданияты, 1978, 12 декабря.
- ¹⁵ Айтматов Ч. Историческая миссия. – Русский язык в киргизской школе, 1963, №6.
- ¹⁶ Асаналиев К. Движение во времени. – Фрунзе: Кыргызстан, 1978.
- ¹⁷ Айтматов Ч. Книги, открывающие нас. – Библиофиль. – 1980.
- ¹⁸ Кыргызстан маданияты, 1978, 12 декабря.
- ¹⁹ Асаналиев К. Движение во времени. – Фрунзе, Кыргызстан, 1978.
- ²⁰ Правда, 1963, 20 марта.
- ²¹ Айтматов Ч. Я открыл свою землю. – Литературный Киргизстан, 1978, № 6.
- ²² Известия, 1964, 1 января.
- ²³ Казак адабияты, 1978, декабрь.
- ²⁴ Литературная газета, 1970, 29 июля.
- ²⁵ Руденко А., Санги В. Легенда, созданная заново /Диалог критика и прозаика. – Дружба народов, 1978.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Литературное обозрение, 1984, № 8.
- ²⁹ Литературная газета, 1986, 13 августа.

НЕ ВОПИТЬ БЫ И СТЕНАТЬ НАМ У КРАЯ ПРОПАСТИ...

«Ода величию духа» – не художественное произведение, в нем нет единой сюжетно-композиционной событийности, а значит нет и действующих героев. Его следует воспринимать как обмен внутренними мыслями философско-публицистического характера, как диалог, говоря пушкинскими словами, «с душой и сердцем на устах». Собеседники рассматривают судьбу человечества, его историю, сегодняшний день и будущее через призму политики, культуры, религии, экономики, дают нам философские обобщения, прославляют величие Человека. Перед нашим взором два персонажа – Чингиз Айтматов и Дайсаку Икеда, они щедро открывают перед нами свои богатые духовные миры. Мы знаем их как великих философов, художников, психологов, педагогов, одним словом – как одних из интеллектуалов мира.

Конечно, мыслящие читатели могут не соглашаться с какими-то взглядами и утверждениями Ч. Айтматова и Д. Икеда, высказанными ими во время беседы. С чем-то они, безусловно, могут поспорить, вступить в полемику, открыть дискуссию.

И это прекрасно. Однако, проблемы, поднимаемые авторами, имеют общечеловеческий характер, и хотя они волнуют людей со стародавних времен, хотя поиском ответов на вечные вопросы всю жизнь были озабочены великие мудрецы и гении всех времен и народов, в числе которых и Ч. Айтматов с Д. Икеда – вопросы эти продолжают оставаться, требуя поиска ответов. Их решение тесно связано с жизненными перипетиями человека. Собеседники бросают «корм» для размышлений думающему читателю. Центр диалога – проблемы, сопровождающие всю жизнь человека от рождения до смерти. Цель «Ода величию духа» – всестороннее изучение Человека.

В произведении есть раздел «Война, литература, ребенок». В нем содержатся вопросы восприятия мира детьми, их романтический мир, роль художественной литературы в воспитании и становлении личности. Ч. Айтматов с особой гордостью вспоминает о влиянии на него «Робинзона Крузо» и «Маугли». Особо отмечают собеседники неприятные детьми жестокости жизни, чистоту их намерений и

помыслов, ответственность, готовность бороться даже ценой жизни за правду. Ч. Айтматов отмечает, что именно эти качества ребят послужили толчком к написанию им произведений «Ранние журавли» и «Пегий пёс, бегущий краем моря». Слово оказывает на ребенка огромное влияние. Вера в силу Слова детьми равна вере в самого Бога. Недаром у киргизов бытует поговорка «Доброе слово душу освежает», ведь приятие Слова в свое сознание, ощущение его волшебного притяжения, восторг и окрыление, испытываемые от воздействия Слова, так украшают жизнь ребенка. Слово – Бог. У истоков интереса маленького Чингиза к книге и чтению – грамотность его отца Торокула и матери Нагимы, их рассказы и воспитание. А теперь и сам писатель своими книгами воспитывает в читателях страсть к чтению, желание подражать персонажам. Вот как вспоминал Ч. Айтматов о влиянии повести «Белый пароход» на читателя. В один из приездов в Пекин писателю в отель позвонил студент из Кыргызстана: «Здравствуйте, ага, я мальчик из «Белого парохода», который с Иссык-Куля приплыл в Китай!» Конечно, этот звонок обрадовал и взволновал Чингиза Торекуловича, подтвердив, что искусство играет огромную роль в формировании внутреннего мира ребенка. В то же время и Ч. Айтматов, и Д. Икеда предупреждают, что чрезмерно идеологизированные книги могут возвести между целыми народами и отдельными людьми непреодолимую «китайскую стену» непо-

нимания, подозрительности и враждебности.

В советской литературе на тему войны было много книг, которые вместо показа тягот и мук, испытанных народом, личной трагедии человека, раскрытия его психологии, описывали голый героизм и победный пафос. Сколько воинов с коротким криком «Ура!», не задумываясь, подставляли свои сердца вражеским пулям. Если бы произошло чудо, и эти герои ожили, стали бы они сейчас с криком «Ура-а!» вновь пойти на смерть?! Повесть «Лицом к лицу» на некоторых странах мира выходила с названием «Жена дезертира». Читатели, да и сам автор переосмысливают «вину» Исмаила. Писатель много раз с сожалением отмечал, что загнанный в рамки тогдашней идеологии, не смог в полной мере через неприятные отдельные человеком войны, его ненависти к насилию раскрыть и психологически обосновать проблемы, которые волнуют все человечество. Не так давно вместе с Ч. Айтматовым смотрел фильм «Плач перелетной птицы», снятый по этой повести. Писатель отметил достоинства и недостатки новой ленты и обратился к режиссеру Б. Карагулову: «Тебе следовало больше внимания уделить обелению Исмаила. Он не бежал с войны, чтобы спасти свою жизнь. Он не хотел войны». Да, никто не желает войны. Кому нужна война?! Не в природе человека убивать себе подобного! Потому очень важно, чтобы человек от чтения идеологических книг перешел к усвоению общечеловечес-

ких ценностей, прославляющих дружбу и братство. Ч. Айтматова и Д. Икеда беспокоит тот факт, что молодежь ныне отдаляется от классической литературы и увлекается низкопробными видео. Отказ от чтения книг – потеря нравственных ориентиров, совести, культуры, добровольное, без всякого принуждения, стремление стать манкуртом.

У человека должна быть духовная опора! Без нее разве он отличим от животного? Когда человек приходит в этот мир, для него поются колыбельные песни, потом наступает черед волшебных сказок, легенд, мифов, поэм, дастанов. В мире детства Ч. Айтматова – «нескончаемые» сказки бабушки Айымкан, мыслеёмкие шедевры устного творчества народа. Повезло ему и с «учителями жизни», которые своими мудрыми и добрыми советами учили справляться с трудностями, находить верные решения. На всю жизнь стало подспорьем для подростка, сына репрессированного Торекула Айтматова поучение простого сельского учителя: «Никогда не опускай глаза, когда произносят имя твоего отца». Соглашаясь с Д.Икеда, писатель среди своих учителей жизни отмечает и А. Твардовского с М.Ауэзовым. Эти люди в свое время были одними из немногих, кто не принимали тоталитарную систему, боролись, как могли, против нее. Мужество, правдолюбие, непримиримость, принципиальность этих людей стала для Ч. Айтматова примером. Справедливость – одно из самых необходимых качеств человека, поэтому

Д. Икеда вместе с Ч.Айтматовым останавливаются на философской стороне природы справедливости.

Мать, образ матери дважды ставится в произведении в качестве самостоятельной темы беседы. Вначале собеседники вспоминают своих матерей. Д. Икеда вырос в многодетной семье, их было восемь. Несмотря на жизненные неурядицы и трудности его мама не сдалась, дала всем своим детям прекрасное воспитание и образование. О материнском подвиге Нагмы апа мы хорошо осведомлены. В «Материнском поле», писатель дал нам образцы материнской нежности. Именно она вкуче с душевностью – гарантия счастливого будущего ребенка. Материнское молоко – родной язык (по-киргизски – язык матери), совесть, воспитанность. Но в настоящее время много тех, для кого материнство – пустой звук. Ч.Айтматова весьма беспокоит тот факт, что молодые женщины все чаще оставляют своих новорожденных детей в родильных домах, на улице. Что это, чем это чревато?! Конечно, это страшное явление – предвестник грядущего разрушения человеческого рода, опускание до уровня животного состояния, предательства по отношению к самим себе.

Нельзя предавать забвению мировую литературу и культуру. Представители интеллигенции любой страны мира высокого мнения о традициях и своеобразии русской классической литературы. Собеседники останавливаются на решении проблемы человека в творчестве Пушки-

на, Достоевского, Чехова. Известно, что становление Айтматова как художника во многом определялось образцами русской художественной литературы. Оказалось, что и Икеда – человек, глубоко понимающий и хорошо знающий русскую литературу. Поэтому многие произведения были ими обсуждены.

Трагедийность присутствует в творчестве далеко не всех писателей. Отдельные критики, придерживавшиеся незыблемых принципов социалистического реализма, подвергали критике излишнюю, по их мнению, трагедийность «Белого парохода», «Ранних журавлей», «И дольше века длится день», «Плахи». Они считали, что в советском обществе герои не должны быть подвержены трагедиям, но если трагедии все же оказываются неизбежными, то в соответствии с высокими коммунистическими идеалами они должны отдать свои жизни таким образом, чтобы это выглядело как оптимистическая трагедия. Трагедия – часть жизни каждого человека, это нельзя не принимать во внимание, ее нельзя обойти. Одна из основ трагического в жизни – то, с чем человек не может согласиться, но вынужден принять как неизбежное – и за хорошие и за преступные деяния наступает время или обрести уважение и награду, или ответить перед людьми и совестью, а также неизбежно и то, что великие деяния требуют огромных жертв. Ч. Айтматов отмечает, что в своем творчестве он всегда пытается всесторонне раскрыть природу трагедийности для более углубленного показа

психологии человека. Трагедийность присуща не только судьбе отдельного человека, но и всего человечества.

Сама смерть – трагедия. Жизнь и смерть всегда существуют рядом. Это непреложный закон существования. Жизнь и смерть – огромный подарок человеку, который ему делает природа. Только перед ними люди совершенно равны, а в остальных случаях происходит то, что обычно стараются объяснить расхожей формулой «Человек слаб». Ответственность живого человека перед усопшим прекрасно демонстрирует образ Эдигея. Основной вывод романа «Плаха» – у каждого над головой – дамоклов меч смерти. Собеседники-мудрецы Айтматов и Икеда делятся своими мыслями о «вечной теме»: сопряженности жизни и смерти. Можно и нужно ли без страха воспринимать смерть? Почему люди, зная о неизбежности смерти, продолжают враждовать? Никто не может стать опорой мира! Можно ли победить смерть?! Как изображается смерть в художественной литературе и в философских трактатах?! Почему человек и лёжа на смертном одре продолжает думать о своих детях, желая им долгой жизни?! Обо всём этом, к большому сожалению, глубоко задумываешься и ищешь ответы только когда вплотную соприкасаешься со смертью, теряя самых близких тебе людей. В те дни, когда я с большим интересом начал читать это произведение, скончалась моя мама. Почему я говорю об этом?! Простая киргизская женщина – моя мама – столь же

глубоко и мудро относилась к диалектике жизни и смерти, как и участники беседы – истинные интеллектуалы мирового масштаба. И хотя она была не сильна в грамоте, не приводила по памяти цитаты мудрецов, воспринимала проблему, о которой говорили Ч. Айтматов и Д. Икеда, с неменьшей глубиной, опираясь на свой богатый жизненный опыт.

Смерть – величественна, величественна и Жизнь. Мы далеки здесь от утверждения о том, что собеседники сумели дать ответы на все вопросы, ведь проблема эта будет актуальна до последнего дня существования человечества.

Одна из сторон трагедии – манкуртизм. О трагедии манкурта мы хорошо знаем из «И дольше века длится день». А если человек неспособен оценить себя, если он не имеет собственной позиции – это манкурт по своей воле. Людей, подобных Сабитжану сейчас развелось, как грибов после дождя, возникли их разновидности. Манкуртизм, словно спрут, обвивает и душит общество почище всякой мафии.

Охрана природы – основная мысль «Ода величию духа». И Ч. Айтматов, и Д. Икеда придают этой проблеме огромное значение. На японского философа киргизская легенда «Кожожаш» произвела неизгладимое впечатление, именно поэтому названием беседы двух мудрецов современности стали слова из легенды. Основная тема беседы – катастрофа Аральского моря.

Проблема развития национального языка, его функционирование, взаимодействие с другими языками тоже в поле зре-

ния собеседников. Они поддерживают идею о комплексном исследовании культуры, истории, литературы Востока. А ведь буквально до вчерашнего дня отдельными людьми предпринимались попытки видеть в сближении тюркоязычных народов «пантюркистские» и «панисламистские» идеи!

Остановились наши собеседники и на политических проблемах: причинах возникновения «перестройки», его целях и задачах, заботе о сохранении равноправия, суверенитета, языков, обычаев и традиций, культур различных народов, освобождении людей от тоталитарно-административного гнёта, свободы слова и др. Состоялся обмен мнениями о вреде атеистического воспитания, положительных сторонах религии. Публицистический характер произведения помог во время беседы участникам легко и свободно выражать свои мнения и взгляды. Конечно, мы далеки от мысли утверждать, что именитые собеседники высказались целиком по всем проблемам. Да и ожидать этого от них мы не могли. Ч. Айтматов и Д. Икеда постарались выразить свои отношения к тем проблемам, что на протяжении веков волнуют умы людей, по возможности что-то дополнить.

Во все времена существуют великие личности. Их порождает народ. Спряжение духовных миров гениев, их стремление сблизиться и дополнить друг друга, обрести уважение народов – вот что украшает наш мир. Только в таком случае дух народа «в соавторстве с землёю и водою» поддерживает таких Личностей.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ «ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ!»

Проблема подтекста уже давно является предметом споров в науке о литературе. Следует признать, трудно дать точное определение понятию «подтекст». Как бы то ни было, часто он определяется как дополнительное, внутреннее содержание текста. Именно эта мысль, на мой взгляд, сформирована в сознании читателей.

Для создания подтекста писатели используют все средства, присущие художественному произведению. Поэтому неправильно искать подтекст только в авторском повествовании, он может присутствовать в изображении образов, диалогах персонажей, психологическом состоянии героев, их действиях, пейзажных зарисовках, символах, использовании мифологии и даже в названии произведения. Есть случаи когда целое произведение от начала до конца написано с подтекстом.

Большинство зарубежных литературоведов еще в советское время говорили о том, что произведения Ч. Айтматова не уместаются в рамках соцреализма. «Почему?!» – возникает законный вопрос. Потому что писатель имел свое смелое по тем временам критическое отношение к социалистическому строю.

Да, само давление общественной идеологии привело к тому, что писатель был вынужден создавать произведения с подтекстом в русле мировых классических образцов: «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», «И дольше века длится день», «Белое облако Чингизхана», «Плаха». Подтексты Айтматова – глубинные, тесно взаимосвязанные подтексты, которые нельзя воспринимать односторонне. В них скрыты и социальные, и психологические, и нравственные, и философские стороны действительности. Поэтому самые рьяные цензоры, рассматривая его произведения буквально под микроскопом, часто не могли найти то, к чему можно было бы придраться. Но, несмотря на это, роман «И дольше века длится день» по сравнению с другими произведениями автора очень долго и тяжело шел к читателю, писатель был вынужден сократить отдельные главы, а фрагмент «Белое облако Чингизхана», позже выходящий отдельной книжкой, вообще был убран из текста.

В повести «Прощай, Гульсары!» подтекст присутствует, начиная с названия и заканчивая последней точкой. Конеч-

но, критика партийно-хозяйственных руководителей в повести проводится без обиняков. Но тогда возникает вопрос, а зачем в таком случае нужен был подтекст?! Подтекст нужен был обязательно, ведь за критикой писателем бесхозяйственности в отдельно взятом колхозе и районе лежала его глубокая озабоченность неверным направлением развития общественной системы, предвидение будущего развала, попытка достучаться до первых руководителей огромной страны. Мы помним, что вскоре после выхода этого произведения в свет появился термин «развитый реализм», что можно считать заметным его влиянием на общественное сознание и ситуацию в стране. Ч. Айтматов, конечно, не отказывался от коммунистической идеологии, он пытался противостоять его отдельным принципам, противоречащим истории и судьбе народа.

Интересно проследить, под какими названиями эта повесть выходила на разных языках: «Прощай, Гульсары!» (на русском и казахском); «Будь доволен, Гульсары!» (на каракалпакском); «Порви свои цепи, Гульсары!» (на турецком). Эти названия – не просто прощальное обращение героя повести к своему любимому старому коню. Вот что говорил об этом сам писатель на встрече с читателями:

«В 70-е годы моя повесть была переведена на турецкий язык. Те слова, которые при тоталитарном режиме я не мог сказать, те внутренние чувства, которые не мог открыто проявить, то мое стремление к демократии и свободе вы, мои

турецкие братья, сказали одним коротким предложением – названием повести «Порви свои цепи, Гульсары!». И пусть эти слова были Ч. Айтматовым сказаны после коренных изменений в нашем обществе, в декабре 1998 года, чувства эти были ярко заявлены много раньше в повести.

Следовательно, в самом названии заложено огромное социальное содержание. Танабай и Гульсары – не есть изображение лишь печальных судеб человека-правдоискателя и его скакуна-иноходца, это – образы, синтезирующие, обобщающие политико-экономическое направление развития общества

Параллельное изображение двух образов дает писателю прекрасную возможность давать глубокие подтексты. Те эпизоды и события, которые нельзя раскрыть с помощью прямолинейного, принципиального характера Танабая, Айтматов раскрывает через «поэтический мир» Гульсары. В обращениях Танабая к своему скакуну в минуты счастья и горести – много символического. Иначе говоря, Гульсары – образ-подтекст Танабая. Вместе с тем образ Гульсары – подтекст тех исторических личностей, с кем судьба сводила писателя на жизненном пути. С подтекстным образом Гульсары автор пытался раскрыть политические, социальные, экономические, психологические, философские, нравственные, этические и творческие проблемы.

Произведение начинается словами: «На старой телеге ехал старый человек.

Буланый иноходец Гульсары тоже был старым конем, очень старым...». Эти слова о старости, как рефрен, повторяются. Писатель недаром все время подчеркивает «старый человек, старый конь». Этим подтекстным предложением он сразу же дает понять, что речь в произведении пойдет не о нынешней или о будущей жизни персонажей, а об их прошлом. И это прошлое постепенно будет раскрываться сюжетно-композиционным строем повести, развитием образов...

Если бы внешность Танабая, его песни и ласковые глаза не понравились сразу свободолюбивому Гульсары, кто знает, дал бы он себя взнуздать и оседлать?! Вот так встречаются две судьбы, и дальше в «тени» текстового содержания повести исподволь и неторопливо протягиваются несколько линий подтекста.

1. Начальная линия – любовь к Бюбюжан. Часы, которые проходят при встрече с этой молодой женщиной, и для Танабая, и для Гульсары – самое романтическое время, воспринимаемое ими как песня. «...Удивительные руки, упругие и чуткие», «глаза ... переливались светом и тенью, как камни на дне быстрого ручья в лунную ночь», «какой-то странный, диковинный запах незнакомой травы» приносят им обоим наслаждение. В одну из счастливых ночей, когда с яблонь сыпался цвет, с неба падали звезды, и в саду заливался одинокий соловей, пришла неожиданно беда – страшная буря. Но буря эта не просто стихия природы, эта художественная деталь – подтекст, говорящий

о крушении глубокого чувства, бесповоротного прощания с ним.

2. Смерть Чоро – для Танабая это горе, ни с чем не сравнимая потеря. Незадолго до этой смерти сильно разругались закадычные друзья, пережившие вместе много радостей и невзгод. Конечно, повседневные обиды, непонимания становятся такими мелкими перед лицом смерти. Писатель смертью Чоро хотел показать трагедию человека-правдолюбца, который все видя и понимая, не в силах переломить бюрократическую систему. Кто или что привело его к болезни?! Кто виноват в его смерти?! И хотя автор не говорит прямо об этом, подтекстом все сказано. Это те негативные элементы общественного строя, которые решали судьбы как отдельных людей, так и целых народов.

3. Нет ли скрытого символизма в сцене описания участия Гульсары в скачке?! Нам представляется, это напоминает творческое соперничество. Ведь описание того, как мучительно и долго не уступали первенство в скачке темно-серый и рыжий кони – не только картина той скачки, принесшей Гульсары славу и почет! Ведь мы хорошо знаем, как коллеги по перу пытались в свое время задавить своим авторитетом молодого Ч. Айтматова, не дать развиваться его таланту. Не будем раскрывать, кто имелся в виду под темно-серым и рыжим скакунами, жизнь показала, что Гульсары оказался на несколько голов выше. Скачки те – не обычные скачки, это изображение литературной борьбы начала 60-х годов прошлого

века. Ведь именно тогда молодой автор «Джамили», обретая мировую славу, становился вровень с аксакалами киргизской литературы. Впереди были еще мучительные творческие поиски, зависть. Неспроста начало описания скачек предваряется авторскими раздумьями об этом. «Лошади не умеют завидовать, а люди, слава богу, еще не научились завидовать лошадям. Хотя как сказать – пути зависти непостижимы, известны случаи, когда, чиня зло человеку, завистники вколачивали гвоздь в копыто коня. Ох, эта черная зависть!.. Но бог с ней...». В 1961 году Ч. Айтматов не смог получить Ленинскую премию. В ту пору в творчестве аксакалов и молодого писателя установилось шаткое равновесие. Вот как это описано в повести: «...Те двое, темно-серый и рыжий, брали реванш. Они подошли с двух сторон почти вплотную и уже не отставали ни на шаг.

Так мчались они втроем, голова к голове, слившись в едином движении. Гульсары казалось, что они теперь вовсе не бегут, что все они просто застыли в каком-то странном оцепенении и безмолвии».

Позже, в 1963 году за сборник «Повести гор и степей» Ч. Айтматов получил Ленинскую премию. Этот успех киргизского писателя был с большим воодушевлением встречен читательской общественностью.

Судьба Гульсары и творческий путь писателя, казалось, срослись воедино. Так же как огромная масса людей в по-

вести поддерживала и славилла победу иноходца, миллионы читателей в мире узнали и полюбили Ч. Айтматова.

В произведении есть еще один подтекст, связанный с образом Гульсары. В эпизоде, когда Танабай бросается с вилами на районного прокурора Сегизбаева, пригрозившего ему тюрьмой за падёж ягнят, а Гульсары мотал головой, принимая удары на себя. «И в ярости своей не понимал Танабай, почему так судорожно дёргается голова Гульсары, почему так рвут удила его красную горячую пасть, почему так растерянно и жутко мелькают перед ним выкатившиеся из орбит глаза коня». Автор этими словами намерено дает подтекст, если Танабай достанет вилами «этого нового манапа в кожаном пальто», то непременно сядет в тюрьму. Этим эпизодом через образ Танабая писатель словно бы останавливает сам себя от дальнейшей критики советских хозяйственных работников и бестолкового ведения хозяйства. Писатель в то время был еще очень молод – всего-то 38 лет. И, конечно, пусть и с помощью своего героя, но не стоило уж слишком лезть на рожон с критикой власти. Но несложно догадаться, какие подспудные мысли и переживания бушуют в душе писателя.

4. Гульсары – человек, лишенный свободы. Ведь в многогранном образе знаменитого иноходца (задумайтесь, слово-то какое многозначное) заложена и трагедия человека. Мы с вами прекрасно знаем, какие невидимые идеологические пути опутывали пусть и знаменитого на

весь мир творческого человека. Власть одной рукой, казалось бы, щедро одарила его славой и премиями, а другая рука бдила, готовая в любой миг схватить за горло, перекрыть дыхание. Творческая слава и судьба знаменитого скакуна – схожи. Недаром Ч. Айтматов начало скачек, зажегших звезду Гульсары, предваряет уже приведённым нами выше авторским раздумьем о славе и сопутствующей ей всегда зависти.

Почему Гульсары все время сбегает к Танабаю?! Причина этого в стремлении быть свободным, тоске по запаху кобыльего молока, запаху жеребят, запаху полынного ветра. Разве понять его председателю колхоза Алданову и ему подобным! Даже стреноженный кишеном – железными кандалами – притащился, припрыгал иноходец на джайлоо. Вот как это описывает автор: «Надо же – в такую даль, через реку, через рвы и кочки допрыгал сюда в кандалах, добрался таки до табуна. Всю ночь, наверно, прыгал, всю ночь шел. Один под звон цепей, как беглый каторжник.

«Ну и ну!» – качал головой Танабай. Стал гладить иноходца, лицо подставил ему под губы. А тот перебирал губами, щекотал, глаза жмурил.

– Как же нам быть, а? Бросил бы ты это, Гульсары. Не поздоровится тебе. Глупый ты, глупый. Ничего-то ты не знаешь...»

И в авторском повествовании, и речи героя звучат не только мысли о мучениях скакуна, но и отголоски чувств человека,

выросшего с клеймом сына врага народа, отголоски каких-то событий тех лет.

Оскопление жеребцов – привычное явление, идущее еще с дедовских времен. Казалось бы, событие, которое не должно нас сильно волновать. Но в изображении Ч. Айтматова, восприятию этого события самим Гульсары и его хозяином Танабаем – предельная форма мстительного упоения властью, пример того как легко можно «наказать» непослушного и непокорного гордеца. Можно отметить, что истоки изображения писателем насильственного лишения в человеке и животном качеств, данных природой, лежат именно в повести «Прощай, Гульсары!». Эта же трагедия, но рассказанная под другим углом зрения дана и в образе манкурта из романа «И дольше века длится день». Ошеломляющее впечатление оставляет изображение писателем сцены оскопления Гульсары, его попытки разорвать волосяные арканы, которыми опутали ноги. «И тут к поваленному иноходцу подскочил... новый хозяин его, присел на корточки в изголовье, обдал вчерашним сибушным духом и заулыбался в откровенной ненависти и торжестве, точно бы лежал перед ним не конь, а человек, враг его лютой. – рассказывает автор, – ...Гульсары весь сжался от толчков и прикосновения чего-то холодного. А новый хозяин сидел на корточках перед ним, смотрел и чего-то ожидал. И вдруг острая боль взорвала свет в глазах. Ах! Вспыхнуло ярко-красное пламя, и сразу стало темно, черным-черно...». В этом горестном повество-

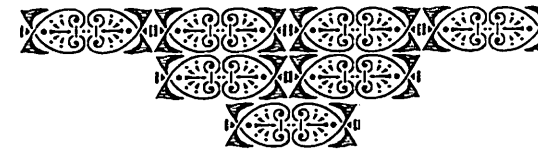
вании читатель вдруг начинает понимать, что что-то страшное должно произойти и с Танабаем. Именно таков подтекст этого фрагмента: сломать стержень в душе гордого табунщика, наказать его так, чтобы другим неповадно было. Сюжетно-композиционное развитие произведения логически подводится к бюро райкома партии, ведь рано или поздно Танабай должен был повторить горестную судьбу Гульсары.

5. Использование автором повести фольклорных мотивов имеет свои цели, но следует отметить, что главная из них – психологический подтекст. Древний напев кочевников «Плач верблюдицы» сопровождает Танабая в самые тяжелые моменты его жизни. Автор не рисует внутренний мир героя, он лишь уподобляет его верблюдице, потерявшей своего белого верблюжонка и горестно кличущей: «Где ты, темноглазый верблюжонок? Отзовись! Бежит молоко из вымени, из переполненного вымени, струится по ногам. Где ты? Отзовись! Бежит молоко из вымени, из переполненного вымени. Белое молоко...». Писатель столь мастерски использует этот древний напев, что вместе с Танабаем углубляются образы и других персонажей – Гульсары, Бюбюжан, Чоро, Джайдар. Сила подтекста в том, что «Плач верблюдицы» словно открывает перед нами и психологическое состояние самого писателя в определенные мгновения бытия.

В свое время мы останавливались на полемических мыслях писателя по поводу синтеза содержания эпоса «Кожожаш» и поэмы «Карагул ботом». Но автор вовсе не стремится просто соединить эти два народных наследия. Этот художественный прием сделан для того, чтобы еще раз напомнить подтекст «Плача верблюдицы». Если первая мысль в том, что поиски верблюдицей своего верблюжонка продолжаются с надеждой, что встреча все-таки состоится, то вторая – плач по умершему, когда нет никакой надежды, что можно что-то исправить, иначе говоря, смерть охотника в подтексте многое разъясняет. Каких бы больших успехов не достиг писатель при решении философских, психологических, нравственных и других проблем с использованием фольклора, он все равно вынужден считаться с многими переплетениями подтекста.

Художественная сила произведения писателя – в не до конца высказанных, многогранных мыслях. Мастерство автора заключается в том, что он может в какое-то, казалось бы, малозначимое событие, явление, героя вместить бесконечное количество мыслей, читательских реминисценций.

Недаром повесть «Прощай, Гульсары!» считается этапным произведением писателя!

«ПЛАХА» И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

Перед взором каждого, кто прочитал роман «Плаха», вновь и вновь встают трагические моменты: смерть Авдия, всегда устремленного к высокой идее, гибель от пули сивогривого, с мощными, как кинжал, челюстями Ташчайнара, неутешное горе синеглазой Акбары и мольба ее к Матери-волчице, младенец Кенджеш, залитый кровью, жалобный плач горемычной Гулюмкан.

Мать человеческая... Бюри-Ана – Мать-волчица... Разумеется, сравнение Гулюмкан и волчицы Акбары было бы слишком прямолинейным. Но их материнская нежность всепобеждающая, не осушаются их обильные, подобные неиссякаемому роднику, слезы, не умолкают их горестные голоса, выражающие неугасимую печаль и безысходное горе. Для любой матери в этом мире ребенок – самое дорогое и ценное, поэтому невыразима их боль: Акбара лишилась волчат, Гулюмкан – Кенджеша. Судьбы их похожи теми материнскими чувствами, которые не могут оставить читателя равнодушным.

Мы не впервые встречаемся с героями писателя, пережившими трагедию. Вспо-

минаются такие его слова: «Во многих встречах за рубежом мне задают вопрос: возможна ли трагедия в социалистическом художественном искусстве, литературе? В самом этом вопросе кроется какое-то сомнение. Видимо, там думают, что наша литература совсем далека от жанра трагедии и, более того, что у нас нет даже понятия о ней. Если так было бы на самом деле, наша отстраненность от трагедии означала бы отстраненность от самого неиссякаемого источника литературы, художественной словесности и искусства. Жанр трагедии нам не чужд... С помощью трагедии я стараюсь раскрыть многогранность жизни, сложные и величественные стороны нашей современности»¹. И в последнем произведении писателя – в романе «Плаха» – эта мысль воплощена особенно разносторонне и глубоко.

Философские идеи романа нацелены на пробуждение в читателе активного внутреннего отклика, на его духовную мобилизацию, на защиту подлинно человеческих ценностей. Отношение героев романа к жизни, природе, их раздумья, философские

взгляды, похожие друг на друга судьбы, созвучность времени – все это не может не взволновать читателя. Произведение дает почву для размышлений о сущности бытия, о чуждой для нашей жизни философии «все в жизни продается, все покупается», о непримиримой борьбе с безнравственными поступками, наносящими неисчислимыя беды естественному развитию природы, о добросовестном труде на благо общества, народа, о роде человеческом, созданном для радости, счастья и свободы.

Фактически впервые в советской литературе глубоко затронув проблему наркомании, превращающейся среди нынешней молодежи в социальную болезнь, призывая общественность к борьбе с ней, писатель, бьет в набат и по поводу ядерной угрозы, обволакивающей жизнь всего человечества подобно багровой предгрозовой туче...

Философский смысл романа предполагает возможность обширных истолкований, каждый образ и деталь символичны и несут не одно, а множество значений. В романе несколько сюжетно-композиционных линий: личная судьба Авдия Каллистратова, Бостона Уркунчиева; скопище хунты, наркоманов; судьба волчьей семьи – все это, казалось бы, самостоятельные части произведения. Но тем не менее они, переплетаясь, образуют некую целостность, тесно связываясь друг с другом общностью поставленных проблем. Вот хотя бы такая характерная деталь: у каждого из героев романа своя жизненная позиция, неистовое упорство в воп-

лощении своей идеи, от которой герой не отступает. Герои романа выходят на непримиримую, жестокую борьбу за свою идею. Непримиимы взгляды на жизнь и поступки Авдия Каллистратова и наркоманов, хунты, Иисуса и Понтия Пилата, шестерых и седьмого Бостона Уркунчиева и Базарбая Нойгутова, Кочкорбаева. Несовместимость их идей, жизненных концепций – источник столкновений, испытания силы воли, твердости и терпимости, даже перед лицом смерти. Кто одержит верх? Кто на чьей стороне?!

Авдий Каллистратов – представитель христианской религии. Ему трудно влиться в общество, потому что он находится в тисках двух взаимоисключающих мировоззрений: религии и научного атеизма. С одной стороны, он не теряет своей робко искрящейся надежды в идею о новой форме всевышнего, он верит в воплощение своей идеи. Но с другой стороны, он по-религиозному не пассивен и выступает как активный борец за очищение общества от отрицательных явлений. Оружие, в котором убежден Авдий Каллистратов, – неизбывная вера в духовный мир человека, который один способен вывести его на истинный путь. Наркоманов, по его мысли, нужно воспитывать не силой или угрозой, а разъяснением того вреда, который наносит наркотик плоти и разуму человеческому. Желая узнать, как же проникает растение, из которого получают анашу, в европейские районы страны, Авдий специально едет в Среднюю Азию. Сталкиваясь лицом к

лицу с наркоманами, возглавляемыми Гришаном, он словом и делом старается доказать, что лечение от этого тяжелого недуга всецело зависит от разума и силы воли человека, пытается убедить в этом Леньку и Петруху. В сцене в товарном поезде подвергаются открытому испытанию взгляды Гришана и Авдия. Обреченный на смерть, Авдий остается верен своей идее. Светлый образ Учителя, вечно живший в его сознании, воспламенял в его душе огонь, питал надеждой, призывал к великой цели и убеждал в светлом завтрашнем дне. Поэтому Авдий не в силах отречься и от своих старых знакомых Петрухи, Леньки, Махача, попавших на станции Жалпак-Саз в руки милиционеров. Здесь мы видим, как во имя воплощения своей незыблемой идеи в жизни, он готов даже сесть вместе с ними на скамью подсудимых.

Судьба провела Авдия еще через одно большое испытание – через «хунту», возглавляемую Обер-Кандаловым. За пререкания с представителями «хунты», бездумно истребляющими сайгаков Моюн-Кума, и выступление против их преступных злодеяний он был связан и распят на саксауле среди пустынной степи.

В переплетении каких бы событий ни отображалась в романе жизнь Авдия, можно заметить, что его судьбу сопровождает идея баллады «Шестеро и седьмой». Мелодия, услышанная когда-то в музее Пушкина, вновь и вновь возвращает его к давно прочитанному рассказу. Шестеро, несущие зло, и седьмой, вынужден-

ный погибнуть с ними, чтобы это зло пресечь... Как созвучны внутренние миры седьмого – Сандро и Авдия, получающего от Великого Учителя и Священной любви неиссякаемую и необычайную силу. Стало быть, Авдий вовсе не одинок в борьбе со злом. Как и в рассказе о седьмом, у Гришана должны быть наказаны шестеро приспешников и шестеро собутельников Обер-Кандалова.

Суть полемических диалогов между Авдием и Гришаном, между Авдием и Обер-Кандаловым, между Иисусом и Понтием Пилатом – вопрос об истине. Одни защищают ее, не жалея сил и жизни, пытаясь доказать, что она существует; другие игнорируют ее. Если для Иисуса и Авдия Истина, Правда – превыше всего и для жизни, чаяний, свободы человечества необходима как воздух, то для Пилата и Гришана она – пустое слово. Поэтому они навязывают Иисусу и Авдию свой принцип: «все в мире покупается», считая, что судьба рода человеческого порождается войнами, ненавистью, властью, угнетением друг друга. Они хотят навечно погасить огонь, пылающий в душе Иисуса и Авдия, их прекрасные идеи об изменении человеческой жизни и мира.

В сознании каждого героя романа живет образ высшего существа. Богиня Акбары – лунная Бюри-Ана – Мать-волчица; высшая идея Иисуса и Авдия отнюдь не ограничена временем, пространством и конкретностью: это – идея расцвета всего человеческого. А для воплощения ее в жизнь род человеческий должен много и

терпеливо ждать. И тем не менее, завтрашний день в Руках людей! И сейчас, когда над человечеством нависла угроза войны, когда с каждым днем жить становится труднее, вопрос «как человеку человеком быть?» звучит в «Плахе» поновому. Вопрос этот не должен остаться без ответа, потому что человек обязан уяснить связь своей личной судьбы с обществом, временем, природой.

Бостон Уркунчиев поставлен совсем в иные условия и обстоятельства, чем Авдий. Но та же непримиримая принципиальность приводит и его к трагической гибели – как приводит она к гибели Иисуса, Каллистратова, седьмого из грузинской баллады.

Бостон Уркунчиев – коммунист. Своей идейностью, целеустремленностью, нравственной чистотой он напоминает светлые образы Дуйшена, Танабая, Едигея. В этом ряду героев писатель изображает людей, убежденно, активно участвующих в построении нового общества и прославивших себя самоотверженным трудом. Они близки друг другу своим умением преодолевать препятствия, трудности, справедливостью, совестью, человечностью, великодушием, целеустремленностью – иначе говоря, своим внутренним миром. И все же друг от друга эти герои существенно отличаются.

Чабан-коммунист 80-х годов Бостон Уркунчиев заботится о развитии животноводства, освоении новых пастбищ, улучшении кормов. Он неустанно трудится для улучшения условий жизни чабанов,

привлекает к работе молодежь; ратует за то, чтобы каждому чабану выделялись пастбища и кошары, а заработная плата выдавалась бы по результатам труда. Вместе с тем он ведет непримиримую борьбу против беспорядков в управлении совхозом, с беспринципностью и демагогией. Именно эти проблемы беспокоят Бостона, который стремится доказать свою правоту не только на словах – на собрании, но и на деле. Со своим помощником Эрназаром Бостон выезжает на разведку, чтобы узнать, можно ли проводить летовку на перевале Ала-Монгю, на который в течение сорока лет, не ступала нога человека. Но в походе Эрназар погибает, и враги Бостона, намеренно искажая его действия, спешат исключить его из партии и придать суду как «виновника» смерти Эрназара.

У Бостона нет времени пререкаться. Для героя, работающего не покладая рук, дорог каждый час, каждый день. Поэтому, когда его вызывает комиссия для разбора заявления, написанного на него, он дает знать, что у него нет возможности приехать и он готов понести любое наказание перед партией и народом, если будет доказана его вина. Принцип жизни Бостона: допустил оплошность – отвечай по совести, старайся больше ее не повторить, в отношениях с людьми не смотри на их положение, не решай вопросы с помощью знакомых...

Бостон человечен. Ведь это он дал жизнь увядающему цветку, когда Гулюмкан, рано лишившись Эрназара, познала все тяготы жизни, и светлый луч счастья

начал было совсем угасать. Только Бостон, глубоко понявший, что жизнь человеку дается всего-навсего один раз, мог вырвать Гулюмкан из беспредельного горя. А Базарбай завидует не только тому, как работает Бостон, но и его семье, ревнует к нему милостивую молодайку; недоволен он жизнью и потому, что Турсун не похожа на Гулюмкан. Да и откуда ему знать цену Турсун, которую он постоянно унижал, беспощадно избивал?!

Услышав, что Бостон узнал о похищении Базарбаем волчат из логова и был вне себя, предчувствуя что-то недоброе, а Гулюмкан всю ночь не сомкнула глаз, Базарбай втайне радовался. Даже в мыслях не мог предвидеть он, что гордый Бостон придет к нему с просьбой и, пользуясь случаем, решил поиздеваться над ним. Ради возвращения волчат Бостон готов был выполнить все условия, выдвинутые Базарбаем, но он не в силах был стерпеть унижения. Уже на примере этого конфликта видно, что Бостон и Базарбай – не просто противоречивые, а взаимоисключающие на весах добра и зла, истины и лжи.

Из-за злоумышленного поступка жестокосердного Базарбая Бостон, с рождения нежно относящийся к природе, стал непримиримым и ярким врагом волков – Акбары и Ташчайнара. Ярость волков, которые не давали человеку покоя и сна, даже были готовы напасть на него, неизбежно вела к кровавому столкновению.

В каждом произведении писателя активно участвуют живые существа – Гуль-

сары, Каранар, Рогатая Мать-олениха, Рыба-женщина, утка Лувр, журавли, беркут, лисица. И в финале повести «Ранние журавли» мы встречаем волка, выступающего виновником крушения надежд Султанмурата, возглавляющего «Ак-Сайский десант».

Волки Акбара и Ташчайнар никогда не разлучались друг с другом. Эти чуткие животные тонко реагируют на добро и зло. Чем же иначе объяснить, что Акбара не пустила в дело свои клыки против Авдия, резвившегося с ее волчатами в Моюнкумских степях? Эта встреча навсегда останется в памяти и синеглазой Акбары, и Авдия. А при второй встрече Акбаре и Ташчайнару, переживавшим безысходное горе, лишившимся своего потомства, человек показался омерзительным и гнусным. Волки отомстили бы за щенят, если бы человеком, распятым на саксауле, был не Авдий.

Образы Акбары и Ташчайнара удивительно напоминают описание волчьей пары из книги известного канадского ученого-натуралиста Фарли Моуэта:

«Это был массивный серебристо-белый зверь с наредкость величественной осанкой. Он был на добрую треть крупнее своей подруги, но едва ли нуждался в таком большом росте, который лишь подчеркивал его властную уверенность. Георг умел держаться внушительно. Он обладал врожденным чувством собственного достоинства, однако ни в коей мере не чувствовался других. Снисходительный к ошиб-

кам, заботливый и в меру любящий, он казался тем идеальным отцом семейства, какие нередко встречаются на страницах скучнейших семейных мелизаров, но чей реальный прототип редко ступает по земле на двух ногах. Короче говоря, Георг относился к тому типу отца, которого охотно признал бы любой сын.

Его подруга также произвела на меня неизгладимое впечатление. Это была стройная, почти чисто-белая волчица с густым меховым боа вокруг шеи. Широко расставленные, слегка раскосые глаза придавали ей сходство с плутоватой девчонкой. Красивая, кипучая, страстная, сущий дьявол, если разозлится, — казалось бы, ее не назовешь воплощением материнства. И все же лучшей матери не сыщешь. Я поймал себя на том, что называю ее Ангелиной, хотя так и не отыскал в глубинах собственного подсознания никаких следов, объясняющих, откуда возникло это имя. Мне очень нравился Георг, я уважал его, но к Ангелине проникся глубокой любовью, и до сих пор лелею надежду когда-нибудь встретить женщину, в которой воплотились бы все ее достоинства.

Ангелина и Георг — нежнейшая супружеская пара, какую редко можно встретить. Насколько я знаю, они никогда не ссорились и с неподдельной радостью встречались даже после короткой разлуки².

Акбара вспоминает и видит сон о безмятежной жизни в Моюнкумской саванне, радуется появлению на свет волчат,

мечтает, как они все вместе выйдут на охоту за сайгаками, горюет о гибели Большоголового, Быстроногого и Любимицы, из ее глаз льются слезы, только язык неподвластен выговорить все это человеку. Акбара — живое создание природы, с материнским чувством сохранения своего рода. Она вынуждена увести Ташчайнара в другие места. Но и там, в окрестностях озера Алдаш, где никто прежде не нарушал первозданную тишину, над головами волков начала вновь витать безжалостная смерть. Был истреблен их весенний выводок. Но Акбара и Ташчайнар и на этот раз простили человеку причиненное им горе и направились в сторону Иссык-Куля.

В третий раз, когда волки из-за жестокосердия Базарбая лишились третьего своего выводка, они ожесточились. Потеряв последнюю надежду, волчица обращается к Бюри-Ана: «Взгляни на меня волчья богиня Бюри-Ана, это я, Акбара, здесь, в холодных горах, несчастная и одинокая. О, как плохо мне! Ты слышишь, как я плачу? Ты слышишь, как я вою и рыдаю, и вся утроба моя горит от боли, а сосцы мои разбухли от молока, и некого вспоить мне, некого вскормить, лишилась я моих волчат»³.

Горе Акбары напоминает еще об одном трагическом фрагменте из произведения Айтматова. Это «Плач белой верблюдицы», творение фольклора, ювелирно обработанное и использованное писателем в повести «Прощай, Гульсары» для изображения потаенных чувств Танабая.

Созвучие и общность чувств белой верблюдицы, ищущей своего верблюжонка, и синеглазой волчицы, тоскующей по волчатам, — отнюдь не случайность.

Базарбай не послушал Бостона, не вернул волчат в логово. Люди не откликнулись на беду волков, и волки учинили настоящий разбой, Акбара и Ташчайнар не отходят от загона Бостона — в надежде, что волчата где-то поблизости. Грохот выстрелов и вой собак уже не пугают их. Поняв, что успокоить волков можно, лишь возвратив им волчат или убив, Бостон поневоле берет в руки ружье. Пуля поражает самца Ташчайнара, а Акбара остается одна. Лишившись всех, Акбара, однако не разъярилась: ее умиротворил младенческий дух. Вспомнив своих волчат, она захотела обласкать Кенджеша, вспоить его своим молоком, излить материнскую нежность. Но когда пуля, посланная Бостоном, прошила тело Акбары, в ней пробудилась хищница, и она уже была не в силах пощадить человеческое дитя, мстя и за гибель своих волчат, и за неутомимого Ташчайнара, и за свою жизнь. В итоге смерть одержала верх над жизнью.

Каждый из героев романа своей дорогой пришел к плахе. Так, Авдий — носитель целомудренного и великого чувства — не сумел воплотить свои идеи в жизнь; коммунист, трудолюбивый Бостон, отомстив за своего сына Базарбаю, променявшему свой человеческий облик на водку, должен понести наказание... И подонки Гришан, Петруха, Махач и Обер-Кан-

далов, Мишаш, бездумно истребляющие природу, и человек-газета Кочкорбаев — никто из них не избежит плахи. Их будет судить совесть. И если неминуемое свидание Базарбая, хунты с плахой — это возмездие, то Авдий, Сандро, Бостон восходят на плаху, не поступаясь своими принципами, потому что за ними Правда и Истина.

Сравним «Плаху» с другими произведениями Айтматова. И там Толгонай навсегда лишается своей семьи, Танабай — Гульсары, мальчик — Рогатой Материоленихи, Кириск — дедушки Органа, Мылгун-аке — отца Эмрайина, Едигей — сросшегося с ним душой Казангапа. Но эти произведения писателя трудно назвать повестями-трагедиями, или романом-трагедией. «Плаху, соответственно ее художественной сути, следует определить как роман-трагедию. Но трагедия эта — особенная: в романе она служит великим уроком для современности и будущего, она утверждает мысль, что страшные ошибки не должны повторяться, что в жизни всегда могут открыться новые пути, новые сферы разума и взаимопонимания.

Природа кормит человека, вместе с тем она формирует в нем эстетические и нравственные качества. Небрежение к природным ресурсам, бурный научно-технический прогресс ставит экологическую проблему весьма остро. В «Плахе» писатель делает особый акцент на том, что неразумное пользование и истребление природы неизменно приведет к трагедии. Наглядный пример тому — Моюнкумская

охота, когда из-за срыва плана сдачи мяса, облуправление решило покрыть дефицит сайгачиной. На сайгаков же испокон веков в Моюнкумских саваннах охотились волки. Кому же был дан приказ на безжалостное истребление животных? Хунте, подонкам, возглавляемым пьяницей Обер-Кандаловым, бродягам без чести и совести. И вот – нарушена первозданная тишина Моюнкумских степей, земля обильно обагрилась кровью. Эту трагедию не смог простить не только человек – Авдий, но и волки – Акбара и Ташчайнар...

В первой и третьей частях романа повествуется о том, как Авдий стремится наставить заблудших наркоманов и членов хунты на истинный путь, об открытой борьбе честного Бостона Уркунчиева с бездушным и подлым Базарбаем Нойгутовым, парторгом Кочкорбаевым, рассказывается о невыносимых мучениях безвинных Акбары и Ташчайнара.

Вспомним, что в повести «Пегий пес, бегущий краем моря», в романе «И дольше века длится день» писатель широко обращается к обычаям, традициям и психологии разных народов. В «Плахе» он не изменяет этой традиции, воссоздавая на этот раз грузинскую балладу.

Данный эпизод, уместился всего на двух-трех страницах, но впитал в себя всю кровь и плоть произведения.

...Период гражданской войны. Оказывая ожесточенное сопротивление коммунарам, шестеро отщепенцев пролили немало человеческой крови, превратив свою

борьбу в национальную трагедию. Вспомним последнюю ночь, проведенную шестерыми и седьмым. Откуда им было знать, что завтра всех их ожидает смерть. Ведомые Гурамом Джохадзе, ни о чем не ведая, они относились друг к другу как кровные братья, прощались с отчизной, где они родились и выросли, пели протяжные грузинские песни, вызывающие в душе невыразимую грусть и щемящую печаль. Они пели от души, зная, что безжалостная смерть придет к каждому и нет в мире ничего ценнее и дороже жизни. Колыхалось пламя, семеро танцевали вокруг костра, положив руки на плечи друг другу. А в это время на кону стояли жизнь и смерть, нить между ними натягивалась...

«Такой баллады, конечно, нет, и я с некоторым беспокойством жду, как отзовутся о ней мои грузинские читатели и собратья по перу, насколько точно я сумел передать реалии»⁴, – говорит сам писатель.

Обращение Айтматова в «Плахе» к евангельскому сюжету во многом было неожиданным. И читатели поспешили сравнить «Плаху» с «Мастером и Маргаритой» М. Булгакова. Однако сравнение это мало что прояснило. Почему?

Наверное потому, что к образу Христа обращался не только Булгаков. К нему обращались и Лермонтов, Толстой, Достоевский, Андреев, Ремизов, Блок, Есенин, Клюев, Платонов, А. Франс, Барбюс, Казандзакис, Эсе де Кейрош, Фолкнер, Гарсиа Маркес и многие другие писате-

ли. Каждый художник вправе сказать здесь свое слово, пропустив бессмертный евангельский сюжет через призму своего художественного мышления: ведь источником нравственного воспитания людей является все духовное и интеллектуальное богатство человечества. Еще В.И. Ленин заметил, что развивая традиции культуры, каждая личность должна обогащать себя всем тем, что выработано человечеством.

Естественно, что включая евангельский сюжет в роман, писатель отнюдь не ищет нового бога. Обращаясь к образу Иисуса Айтматов поднимает идейно-эстетическую проблематику романа на высоту вопросов, извечно связанных с бытием человечества. В этом смысле образ Христа имеет для искусства непреходящее значение: и писатели, и живописцы через образ Иисуса ведут художественные и научные размышления над общественным сознанием, формирующимся на протяжении многих веков и исторических эпох.

Закономерно, что трактовка образа Иисуса не может не быть историчной, и со страниц айтматовского романа, посвященным Иисусу, проглядывает силуэт нашего времени, времени, в котором живет писатель.

«Иисус Христос, – пишет Айтматов, – дает мне повод сказать современному человеку нечто сокровенное. Поэтому я, атеист, столкнулся с ним на своем творческом пути. Этим же объясняется мой выбор главного героя, то что Авдий Кал-

листратов именно такой, какой он есть»⁵.

В числе своих любимых книг У. Фолкнер назвал и Библию. Сильное воздействие Библии прослеживается при чтении таких его произведений, как «Притча», «Реквием по монахине», «Свет в августе», «Авессалом, Авессалом!». Фолкнер, разумеется, не трактует Библию с точки зрения религиозно-догматической, не рассматривает ее и как источник сюжетов. Библия помогает ему четче увидеть животрепещущие проблемы, извечно присутствующие жизни человека, в том числе и человека, живущего в XX веке.

Образы и сюжетные линии героев романа Фолкнера «Притча» созданы на основе христианской легенды. Писатель, правда, изменил в произведении имена героев, перенес их в иную историческую обстановку. Но сквозь каждый образ романа ясно просвечивает евангельский сюжет.

Фабула романа такова. Стефан и его двенадцать последователей (ср. Иисус и апостолы) призывают не враждовать между собой французских и немецких солдат, ведущих кровавую войну. По их совету обе враждующие стороны прекращают стрельбу. Командующие же принимают срочные меры для продолжения войны. В конфликте со своим отцом Стефан гибнет. Но место захоронения его тела, как и в евангелии, остается пустым. В своем романе Фолкнер изображает войну как трагедию, символ горя, мучений и страданий. Стефан стремился избавить людей от таких невыносимых мук.

Чтобы показать историю жизни американской семьи XIX–XX веков, У. Фолкнер в романе «Авессалом, Авессалом!» обращается к ветхозаветной легенде о царе Давиде. Роман назван именем сына Давида, в речи его героев немало выражений из Библии.

В соответствии с библейской легендой между сыновьями Давида вспыхнула ссора. За изнасилование сестры Фамар Авессалом убивает своего родственника – Амнона, организует бунт против отца, но рабы Давида умертвляют его. Услышав эту весть о сыне, Давид зарыдал: «Сын мой, Авессалом! Сын мой, сын мой, Авессалом! О кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!».

У Фолкнера главный герой произведения – один из сыновей Сатпена Генри – из-за своей младшей сестры Юдиф вынужден убить Чарльза Бонда, рожденного от первой жены отца. Так, все старания Сатпена, как и Давида, сохранить свой род рушатся.

Герой второго романа Фолкнера – «Свет в августе» – также вызывает прямые ассоциации образом Иисуса Христа. Ему тоже тридцать три года, он страдает от предательства своих учеников и мученически гибнет. В именах героев этого произведения – Лена Мария, Байрон Банча Иосиф – видна непосредственная перекличка с евангелиями.

Центральный эпизод рассказа А. Чехова «Студент» – пересказ героем евангельской притчи об отречении ученика Иисуса Петра. В рассказе другое – отречение

Петра от всех, противопоставление себя всем, предавшим вместе с Иудой Иисуса. Слезы Петра – это его возвращение, к людям, предавшим Иисуса, признание своей причастности к общечеловеческой вине перед ним. ДВ Евангелии никто не отвечает на слезы Петра. В рассказе отвечает Василиса.

«Смертельная тоска» Иисуса разрешается через студента Ивана Великопольского – возвращением отрекшегося от людей апостола Петра к людям, предавшим Иисуса и теперь принимающим его вновь, в акте прощения Петра вдовой Василисой.

Брехт берет за основу пародии «Сон солдата Фьюкулби» притчу из Евангелия от Луки, где говорится о ростовщичестве, поощряемом Христом. Герой произнесет весьма убедительный монолог-обвинение в адрес буржуазного государства и церкви, в адрес самого Иисуса Христа. В последствии он написал одноактную пьесу «Улов». В пьесе очень много намеков на самые различные библейские мотивы и символы.

И Гарсиа Маркес с гордостью говорит о значительной роли в его творческой жизни такого древнего культурного памятника, как Библия. Печать библейских мотивов на его творчество наложена так же, как и на творчество Фолкнера. Уже в первой повести Гарсиа Маркеса «Палая листва» люди с оркестром встречают лекаря, приехавшего на осле. Это явление обращает внимание как вариант приезда Христа в Иерусалим. В другом произве-

дении – «История одной смерти, о которой знали заранее» в одном из эпизодов писатель обращается к теме Иисуса.

Вместе с тем в отличие от У. Фолкнера Гарсиа Маркес не использует библейские мотивы и линии от начала и до конца произведения. Между библейскими героями и героями его произведений отсутствует ярко выраженный параллелизм, хотя в целом влияние Библии на творчество Гарсиа Маркеса очевидно.

Рассматривая вопрос о библейских мотивах в художественной литературе, нельзя обойти роман известного французского писателя Альфоса Доде «Евангелистка». Во-первых, сквозь образы верующих женщин в романе явно просматривается облик Марии Магдалины; во-вторых, в романе не раз упоминается Иисус, к нему обращаются мысли и чувства ряда героев произведения. Обширная панорама нравов буржуазного общества XIX века, представленная в романе, насыщена размышлениями на евангельские темы. Можно даже утверждать, что объектом критики писателя послужила фанатическая вера в Евангелие, связанная с крушением возвышенных чувств семейного очага.

Собрав еще неопытных в жизни девушек под сводами монастыря, Жанна Отман буквально поит их каждой строчкой Библии, проповедуя учение Христа в округе. Девушки и молодые женщины под воздействием ее проповедей бросают семью, полностью уходя в мир евангельских событий. Так и Элина – героиня ро-

мана бросает мать и, подражая Марии Магдалине, посвящает свою жизнь Иисусу. Речь героев произведения изобилует речениями из Библии, раздумьями о Христе: «Пострадаем, мама, вместе с Христом и удостоимся царствия небесного»; «Иисус Христос, спаситель, сладчайший возлюбленный Иисус!»; «Нет, Иисусу Христу не угодно показное благочестие, внешняя обрядность. Он требует полного отречения от роскоши, от земных радостей, от всех мирских привязанностей...»; «Господь призывает меня, мама... Я иду к нему» и др.

Частое обращение к образу Иисуса в творчестве Анри Барбюса – изображение горестной трагедии человечества в символической форме. В 1926–1927 годах он пишет работы «Иисус», «Иуды Иисуса», «Эксплуатируемый», «Иисус против бога», повествующие о возникновении христианской религии. Цель этих трудов А. Барбюса – противоборство с представителями церкви, социалистического христианства, синдикализма, стремящимися распространить реакционно-религиозные учения среди рабочих. Писатель проводит мысль, что Иисус существовал реально, он изображает его как гуманиста, атеиста и революционера.

Эти произведения Барбюса подвергаются уничтожающей критике церковью и общественный строй, но вместе с тем они насыщены идеями, призывающими к революционной борьбе. Так, в пьесе «Иисус против бога» Христос выступает пламенным революционером, посвятившим всю

свою жизнь делу свободы и борьбы с угнетателями.

Главный герой произведения – Иисус. Это реальный человек, мировоззрение которого характеризуют его слова: «Я не проповедую религию, я прославляю человека». В пьесе Иисус призывает бедных объединиться под знаменем идеи – «Бедных могут освободить только сами бедные»; люди, считает он, обязательно добьются Свободы и Истины, которых жаждут, если они поверят в свои силы. Умирая, Иисус не отказывается от своей идеи и, распятый, вновь призывает «разгромить темный мир».

Такая трактовка образа Христа рисует перед взором читателя не картину евангелической древности, а совсем недавние революционные события. Для связи событий пьесы с контекстом эпохи А. Барбюс вводит в нее героев-революционеров. Эхом отзываются в ней ружейные выстрелы, звучит «Интернационал». Конфликт между эксплуататорами и эксплуатируемыми знаменует бессилие и хаотичность капиталистического мира, силу революционной волны, победу революции. Вот основная мысль, которую выражает в пьесе автор.

Уместно здесь вспомнить поэму Александра Блока «Двенадцать», где образ Иисуса – символ «предвестника нового мира»; произведения Есенина «Пришествие», «Преображение», «Сельский часослов», «Инония», в которых Христос – это русский бедняк Спас; пламенные революционные стихи Василия Князева,

через призму библейских событий отобразившего картину новой жизни.

Глубокую разработку тема Христа получила в творчестве Андрея Белого – в его стихах и особенно в поэме «Христос воскрес» (1918).

Россия, Россия, Россия, –
Мессия грядущего дня! –

– пишет поэт, трактуя образ Христа в контексте свершившейся революции. Особенно это ощутимо во второй части поэмы, насыщенной призывами плакатно-лозунгового, агитационного характера (типа «Да здравствует третий Интернационал!»).

Повесть А.Платонова «Джан» изображает события, происходящие в Средней Азии во время установления Советской власти. Однако литературоведы отмечают, что это произведение Платонова отражает его раздумья и над библейскими событиями, связанными с Моисеем, и представляет собой опыт соединения древнего мифа о Прометее с восточными мифами.

Венгерский писатель Сильвестер Эрдег в романе «Гора Черепов» описывает тайную вечерю, предательство Иуды, суд Понтия Пилата и казнь Христа. Смысл библейской истории, изложенной заново С.Эрдегом, вполне современен: его герой воплощает эстетический идеал современного человека.

Герои романа «Искупитель» венгерского же писателя Габора Цако – Магдалина, ученики Христа, Понтий Пилат, Варвара. Библейский миф в изложении

венгерского писателя оказывается отражением нашего сегодня.

Патриарх ливанской литературы Михаила Нуайме написал автобиографическую трилогию «Мои семьдесят лет». В этом произведении объяснение мира и места человека в мире опирается главным образом на воспринятые с детства христианские принципы. С гуманистических позиций подходит Нуайме к вопросу о природе Христа. Религиозное сознание писателя приводит к актуализации библейских и евангельских рассказов. А в другом романе – «Последний день» – евангельские и библейские образы, мифы, легенды, притчи служат материалом для раскрытия суфийских истин. «Если Бог далек от познания разумом, то и человек далек от познания разумом. И он не найдет пути к Богу, если не найдет пути к себе. Человек – это путь человека к Богу. Человек – это путь человека к человеку».

О нележкой, драматической судьбе рабочих-священников ведет рассказ французский писатель Ж.Сесброн в романе «Святые идут в ад». Герой Этьен – агнец божий, идущий на заклание. А чудотворное исцеление Этьена происходит в пасхальную ночь, когда воскрес Христос. Глава романа, посвященная страшной ночи, которую провел в центре Парижа Пьер – он познал сомнение, извдал горечь отступничества, названа «Гефсиманский сад». Да и весь жизненный путь Пьера, принявшего на себя страдания других, складывается как параллель Иисусу.

Жильбер Сесброн создал убедительный образ священника, который самым ходом событий вовлекается в движение сторонников мира и приходит в неизбежный конфликт с католической иерархией.

Известным греческим писателем Никосасом Казандзакисом в 1928 году была написана трагедия «Христос», а в 1948 году – роман «Христа распинают вновь». В обоих произведениях образ Христа принципиально отличается от традиционного, библейского. Иисус Казандзакиса – большевик, революционер, борющийся за счастье народа.

События романа разворачиваются в отдаленной от всего мира деревушке Ликоврис, где еще господствуют патриархальные отношения. Среди жителей деревни есть и бедные, и богатые; но несмотря на это все они – в соответствии с местными традициями – раз в семь лет устраивают праздник, на котором ставят представление о наказании и воскрешении Христа. Однако та художественная задача, которая решается в романе Н. Казандзакиса, – отнюдь не показ подготовки жителей деревни к празднику. Прежде всего это исследование вначале стихийной, а затем и сознательной борьбы угнетаемых против угнетателей. Так, читатели становятся свидетелями тех мировоззренческих изменений, которые происходят в духовном мире беззаботного пастуха Манольоса, обитающего в горах, когда он погружается в образ Христа. Пастух видит сон, в котором он разговаривает с Иисусом, советуется с ним, и в

результате начинает понимать, как тяжела и противоречива жизнь, нащупывает пульс непримиримой борьбы между богатыми и бедными. Он решает дальше не покоряться таким, как поп Григорис, которые не приходят на помощь голодным, бездомным беднякам, работающим от зари до зари. Для воплощения идеи Христа, сочувствующего бедным, в жизнь, Манольос объединяет вокруг себя верных товарищей, для которых судьба народа выше личных интересов, и призывает завоевать свободу путем вооруженной борьбы. Герой твердо верит в воскрешение Христа, которое можно осуществить руками таких людей, как он сам. Свобода, Большевик, Революция – вот священные слова положительных героев романа, за них они не колеблясь идут на плаху.

Так, герои романа, участвующие в деревенском представлении, исполняют свои евангельские роли не только в спектакле, но и в жизни. Катерина горюет – подобно Магдалине, Панайотарас, как и Иуда, обрекает Манальоса (Христа) на смерть. А Михелис, подобно Иоанну, отказывается от наследства отца и уходит из деревни.

Роман заканчивается трагически: герои терпят поражение. Но тем не менее пафос его оптимистичен: в романе проводится мысль о неизбежности победы добра над злом, равноправия над угнетением.

Писатель с удивительным мастерством совместил евангельские события и характеры с изображением пробуждения у бедных сознания классовой борьбы. Тра-

гические события, происшедшие в деревне Ликоврисы, настолько тесно сплетаются в романе с библейскими мотивами, что их невозможно разединить, они составляют органическое целое.

Венесуэльский писатель Мигель Отеро Сильва свой роман «И стал тот камень Христом» строит на основе новозаветных евангелий. Перед взором читателя художественно живо встают образы евангельских героев.

События в произведении также развиваются по сюжетам евангелий. Однако в романе есть и отдельные эпизоды, в которых автор дополняет евангелия, трактуя тем самым события прошлого с точки зрения фундаментальных проблем сегодняшнего дня.

Таким образом, в своем романе Мигель Отеро Сильва не просто пересказывает евангельский сюжет, а поднимает, с позиций писателя-реалиста, проблему общечеловеческих ценностей – борьбы людей за сохранение мира на земле.

Герои романа – Иисус и Варавва выступают против насилия и угнетения, оба они стремятся к изменению существующих отношений между людьми. Главная идея романа – в непримиримости к любой несправедливости. Художник показывает два пути достижения справедливости. Первый – Иисуса: когда наступит время свободы, все люди поднимутся разом и уничтожат римский гарнизон. А пока сознание народа не пробудилось, нужно терпеливо ждать того времени, когда будут сплочены все силы, иначе враги унич-

тожат восставших поодиночке. Поэтому здесь не нужно спешить, ради торжества справедливости необходимо твердо верить в будущую мечту.

Второй путь – путь Вараввы: ради свободы и равноправия надо восстать немедленно. Очищение Иерусалима от врагов ложится на плечи если не отца, то сына, если не сына, то внука.

Очевидно, что эти две концепции достижения справедливости тесно взаимосвязаны с современностью. Развитие в мире демократических процессов обусловлено прогрессом человечества. Художническая позиция Мигеля Отеро Сильвы воплощена в учении Иисуса: власть – непримиримый и открытый враг равноправия, враг бывает очень жестоким, он стремится насильем и кровью утвердить свое превосходство, дробить силы сторонников свободы, стремится ослабить их боевой дух. Но, как говорит в романе Иисус, чаяния угнетенного человечества восторжествуют силой большинства.

Здесь уместно напомнить высказывание французского историка Даниэля Масэ: «Как можно поверить, что римляне, которым в высочайшей степени было присуще чувство права, распяли Христа или позволили его распять, если он проповедовал только мир. Нет, я ясно чувствую, что Христос был замешан в политический заговор, и что Понтий Пилат имел, на что опереться в своем решении»⁶.

Итак, евангельские мотивы дают писателю возможность поставить и рассмотреть фундаментальную общечеловечес-

кую проблему. Диалоги Иоана Крестителя и Ирода Антипы, Иисуса и Каиафа, Иисуса и Пилата, Иисуса и Вараввы посвящены проблемам справедливости и беззакония, равноправия и неравенства, победы и поражения. При этом мысли самого писателя не растворяются в евангельских событиях, не давят над ними, а наоборот, встраиваются в них, становясь как бы подтекстом к каждому эпизоду.

Способы апелляции венесуэльского писателя к евангелическому материалу, манера повествования во многом напоминают «Плаху» Айтматова. Сближает писателей и идея общей ответственности всего человечества за сохранение мира. Эта идея, думается, – порождение народной традиции, видящей будущее только мирным. Идеи евангелистов, таким образом, органически синтезируются с гуманистическими взглядами писателей цивилизованного мира, они показывают, на какой нравственной высоте должен стоять человек.

Под впечатлением от путешествия в Египет и Палестину португальский писатель Эса де Кейрош создал роман «Реликвия». В действие романа писатель вводит исторические факты, подвергнув их художественной интерпретации. Особо пристальное внимание Эса де Кейрош сосредоточивает на эпизоде допроса Иисуса Понтием Пилатом, стремясь анализировать привлекаемые им факты с исторической точки зрения. Будучи профессором Венского университета, писатель в деталях ознакомился с фундаментальными

трудами о Христе Давида Штрауса, Эрнеста Ренана и, побывав в тех местах, где когда-то жил Христос, верифицирует версию жизни Иисуса и анализирует достоверность легенды.

Писатель художественно воссоздает облик связанного по рукам и ногам, страждующего Иисуса, стоящего перед Пилатом. Пилат первым задает вопрос Иисусу: «Ты – царь иудеев?», на который получает резкий и неожиданный ответ: «Если я был бы царем, то не стоял бы перед тобой связанным». Между ними не возникает спора, потому что Иисус предпочитает не отвечать на вопросы прокурора. Не добившись от Иисуса вразумительного ответа, Пилат называет его безвинным мечтателем и отказывается судить. Но синедрион выступает против решения Пилата и приговаривает Иисуса к смерти. Пилат вынужден согласиться с этим приговором.

Услышав приговор Пилата, люди спешат на место казни Иисуса. «Тогда Иисус медленно повернулся лицом к жестокой мятежной толпе, посылавшей его на смерть; но слеза, затуманившая его яркий взор, но пробежавшая по губам дрожь, говорили лишь о сострадании к безмерной тупости этих людей, обрекавших на смерть лучшего друга человечества... Связанными руками он отер пот со лба; потом встал перед претором невозмутимо и отрешенно, словно уже не принадлежал этому миру»⁷.

Знаменательно, что в романе Эса де Кейрош Иисусу присущи сугубо челове-

ческие качества. Один из героев романа – Рапоза Теодорико, лишившись наследства, начинает продавать вещи, принадлежавшие Христу, и даже гвозди, которыми он был распят. Образы Рапозы и другого героя романа – Топсиуса антирелигиозны, что объясняется тем, что евангельское повествование Эса де Кейрош трактует научно-исторически.

Французский писатель Лео Таксиль обращается к евангелическим легендам, мифам, преданиям, связанным с жизнью Иисуса, в сатирическом плане. Так, Каиафа, председательствующий на собрании, ставит в повестку дня вопрос о поимке Иисуса и после прений предлагает провести тайное голосование. В романе этот эпизод описан следующим образом: «– Итак, кто согласен с тем, чтобы вышеупомянутого Иисуса сразу же после пасхи арестовали и передали в руки компетентных следственных органов, должны опустить бюллетень со словом «за». Если же кто-нибудь, хотя я в такую возможность не верю, не усмотрит в действиях вышеупомянутого Иисуса никакого преступления, то пусть напишет «против»². Таким образом, судьба Иисуса решается процессом собрания сегодняшнего дня. В собрании участвует 247 человек, избирается счетная комиссия, каждый взвешивает, насколько опасен Иисус как враг. Судя по выступлениям, Иисус проводил тайные собрания, носил при себе оружие, организовывал беспорядки на улицах, выносил антиправительственные лозунги и символы, проводил агита-

цию с целью свержения государственного строя и пр. При подведении итогов голосования 246 человек дали свое согласие на поимку Иисуса, один воздержался, против – нет.

Название исторического романа польского писателя Густава Даниловского «Мария Магдалина» уже говорит о том, что книга эта имеет прямую связь с произведениями связанными с «Евангелием». Понятно, что Мария Магдалина – главная героиня романа, и если даже из других источников, включая Библию, мы не можем получить о ней исчерпывающую информацию, то следует признать, что ее образ глубоко проработан в романе писателя. Кроме того приходится признать наличие двух резко противоречащих друг другу характеристик Марии Магдалины. По мнению одних, это легкомысленная, доступная всем особа, на взгляд других – мудрая и простая женщина. Но в одном все единодушны – она была красива и душевна. Противоречивость образа отмечалась всеми критиками христианского учения, к примеру, и в труде епископа Манарии «Апокритикос». Г. Даниловский, опираясь на исторические материалы, силой художественного воображения продолжает эту линию.

Развитие сюжета произведения строится вокруг Марии Магдалины. В романе много эротических сцен, что дало повод критиковать автора за излишнюю откровенность изображения. Однако, без эротики невозможно дать полнокровный, живой образ Марии Магдалины, которая,

пользуясь своей красотой, соблазняла многих мужчин (отметим, что и Иуда готов был отдать ей своё сердце), проводя с ними страстные ночи. В тот миг, когда разъяренная толпа готова была забросать ее камнями за разврат, ее и спасает Иисус, убеждая людей не убивать эту женщину, ибо нет безвинных рабов божиих. Происходит перерождение Марии Магдалины: она поверила в святость Иисуса, всем сердцем полюбив его, готова, как тень, сопровождать своего духовного пастыря!

В романе встречается много евангелических мотивов, но следует отметить, что Г. Даниловский в отдельных случаях по своему их трактует и создает совершенно самостоятельные сюжеты. К примеру, для освобождения Иисуса из заключения Мария готова ползать на коленях и даже провести ночь с теми, кто поможет ей. Она – хоть и женщина легкого поведения, но не уличная потаскушка, умеет найти подход к власти имущим, знает многих из них. Поэтому она идет к своему другу Муцию и уговаривает его сходить к Понтию Пилату. Сцена спора Понтия Пилата, Муция и Прокуратора – плод воображения автора романа. Пилат делает попытки помочь Иисусу. Мария готова ради Иисуса отдать жизнь. Прокуратор, поражённый умом, бесстрашием и упорством Марии, старается тоже помочь ей, решительно выступая против тех, кто обвиняет Иисуса. Начиная с этого эпизода Мария Магдалина обретает качества положительного персонажа. Вера в людей, попытки всегда и во всем

помогать им начинают превалировать в ее душе.

Г. Даниловский специально устраивает встречу Иисуса и Марии до начала судебного процесса. Для чего?! Автором это сделано для того, чтобы подчеркнуть родство душ этих персонажей, чистоту их чувств. При виде истерзанного Иисуса Мария вопреки попыткам солдат помешать ей, бросается ему на шею, целуя руки и проливая горячие слезы.

Психология Марии в драматических ситуациях очень хорошо и реалистично описывается автором. Ведь внутренний мир, совесть, истинный лик человека по настоящему проявляются в тяжелые моменты и ситуации. Кто продолжит дело Иисуса, воплотит в жизнь его идеи и чаяния?! По сравнению с другими Мария Магдалина больше переживает, верит в его воскрешение, готова бросить богатства, славу, отказаться от красоты, чтобы проповедовать учение и мысли Учителя. Самые близкие двенадцать учеников Иисуса предали его память, Иуда после предательства кончает с собой, Мария после долгих мытарств и страданий, как и Иисус, умирает на кресте.

Из романа Г. Даниловского, дополняющего произведения на евангелическую тему, мы черпаем много нового о Марии Магдалине. Художественная мысль писателя «оживляет» библейские сюжеты, пробуждает мышление. В произведении изображаются не только события той эпохи, но и философские, нравственные проблемы человека во все времена.

Американский литературовед Теодор Зиолковский провел специальное исследование по изображению образа Христа в произведениях литературы. На основе изученного материала он предлагает следующую классификацию.

1. «Вымышленная биография». Сюда можно отнести произведения, описывающие жизнь Христа от двенадцати до тридцати лет. Это книги Н. Нотовича «Неизвестная жизнь Иисуса Христа» (1894), Л. Доулинга «Акварское евангелие Иисуса Христа» (1908), сюда же можно отнести романы Р. Граваря «Царь Иисус» (1946) и Н. Казандзакиса «Последнее искушение» (1953), повествующие о борьбе выходца из народа Христа за свободу бедных и обездоленных.

2. Христос оживающий. В эту категорию входят произведения, повествующие о дальнейшей жизни Иисуса и содержащие евангелические мотивы: «Иисус Христос во Вландарии» О. Бальзака (1831); «Последнее воплощение» А. Констана (1846); «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф.М. Достоевского (1880) и др.

3. Уподобление Христу. Сюда относятся духовно-назидательные тексты, в которых основу сюжета составляют персонажи, которые в XIX веке подражали Христу, пытаясь жить как он. К этой категории можно в определенной степени отнести и роман Ч. Айтматова «Плаха» (1986). В качестве примера достаточно назвать образ Авдия Каллистратова.

4. Псевдонимы Христа (двойника). В русле этой категории написаны произве-

дения Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1869); А. Камю «Посторонний» (1944); У. Фолкнера «Медведь» (1942); Ф. Кафки «Процесс»; Э. Хемингуэя «Старик и море» (1952) и др.

5. Христос как миф. Сюда можно отнести произведения Томаса Манна, Германа Гессе. В них Христос изображается как миф, евангелические события, по необходимости, принимают форму иронии, гротеска.

Как видно из приведенной выше цитаты, писатель свободно манипулирует евангельским материалом, полностью подчиняя его тем художественным задачам, которые поставило перед ним время.

Итак, наш беглый экскурс в современную мировую литературу свидетельствует, что евангельские мотивы – и особенно сцена суда над Иисусом – широко используются современными писателями в их художественном исследовании нравственно-этических проблем сегодняшнего дня. Поэтому и обращение Айтматова к сцене суда над Иисусом – в романе «Плаха» – представляется вполне естественным.

В чем же своеобразие трактовки этой сцены киргизским писателем? Попробуем ответить на этот вопрос, сравнив соответствующую сцену в евангелиях – с одной стороны, и в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» – с другой. Выбор последнего произведения обусловлен прежде всего тем, что по литературной традиции оно ближе всего к айтматовскому роману.

Сначала – о возрасте и именах Иисуса. В этом плане расхождений между романом Айтматова и евангелиями нет: имя – Иисус, возраст – 33 года. В романе же Булгакова Иисус выступает под именем Иешуа и ему 27 лет.

В «Плахе» отец Иисуса – деревянных дел мастер Иосиф, продолжатель рода царя Давида; мать – Мария. В «Мастере и Маргарите» Иешуа – сын женщины легкого поведения, и сам герой почти ничего не знает о своих родителях. В событиях, повествуемых в евангелиях (от Матфея, Марка, Луки, Иоанна), Господь посылает святой дух девушке по имени Мария, живущей в Назарете. Деревянных дел мастер Иосиф, потомок рода Давида, сначала не соглашается жениться на беременной женщине. Но во сне он видит архангела Гавриила, сказавшего ему: «Не бойся жениться на Марии, дитя в ее чреве от Всевышнего, когда он появится на свет, назови его Иисусом».

В соответствии с евангелиями, когда царь Ирод узнает, что на роду одного из новорожденных написано быть царем иудейским, он приказывает умертвить всех младенцев, родившихся в ту ночь. В «Плахе», как и в евангелиях, Иосиф и Мария, страшась свирепого Ирода, уходят в Египет, чтобы сохранить жизнь Иисуса.

Иисус Айтматова вспоминает свое детство – плавание вместе с матерью в лодке старика, страх при встрече с крокодилом, мольбу матери к богу с просьбой о помощи; вспоминает он и о том, как все-

вышний узнал в Иисусе своего сына и спас ему жизнь. После того, как от его головы стали исходить золотые лучи, Иисус поверил, что он сын бога, а не человек. В евангелиях единогласно утверждается, что в детстве Иисус был умным, способным, находчивым. А в евангелии от Фомы день, когда Иисуса начало озарять волшебство, описывается так: Откуда было знать Иисусу, играющему на берегу реки, что в субботу, по принятому обычаю, наложен запрет на работу. Увидев, что он в этот день слепил из глины двенадцать ворон, один из иудеев рассказывает об этом Иосифу. Отец прибегает к месту, где играет сын, и видит, что Иисус слепил великолепные игрушки. Он ругает сына, не зная, куда девать эти игрушки, а мальчик, изумив свидетелей, хлопает в ладоши, вдыхая жизнь в глиняных ворон, и они улетают. А в одном из эпизодов, когда учитель начинает обучать Иисуса греческому алфавиту, он не отвечает ни на один вопрос. «Если объяснишь значение альфы, я объясню значение бэты», — выражает он. Возмущенный учитель бьет Иисуса. И умирает от его проклятий. Проявление героизма и незаурядного ума в младенческие годы — мотив частый в устном народном творчестве. В греческой мифологии Геракл, еще будучи младенцем, удавил двух огромных змей. Или Манас.

Интересен момент приезда Иисуса в Иерусалим. В «Плахе» Иисус въезжает в город на сером осле, и люди встречают его криками и цветами. В «Мастере и

Маргарите» Иешуа приходит в Ершалаим пешком — и тайно, в сопровождении своего ученика Левия Матвея. В евангелиях это также эпизод въезда в город на сером осле.

Предательство Иуды, пленение Иисуса в «Плахе» описываются как сон — Иуда, обнимая и целуя Учителя, подает знак сопровождающим его солдатам: «Кого я поцелую, того и хватайте». У Булгакова Иешуа знакомится с Иудой только после приезда в Ершалаим и идет в гости по его приглашению. Иуда хочет выведать у него, как он смотрит на государственную власть, и Иисус случайно оказывается плененным. В евангелиях во время трапезы Иисус говорит слова прощания своим двенадцати ученикам, тем самым ясно давая понять, что один из учеников предаст его. В евангелиях от Марка и Луки имя предателя остается в тайне. У Матфея это — Иуда. По Иоанну Иисус предчувствует подлое намерение Иуды, может ему противостоять, но бесстрашно идет на смерть, к которой он долго готовился. Он даже торопит предателя.

О поцелуе Иуды. В евангелиях от Матфея, Марка и Луки поцелуй предателя — знак выдачи Иисуса. Аналогично и в романе Айтматова, правда здесь поцелуй Иуды лишает Учителя божественной силы и превращает его в простого человека. Евангелие от Иоанна не содержит эпизода, связанного с поцелуем Иисуса. Когда Иуда приводит воинов в сад Гефсимании, Иисус выходит к ним навстречу и заявляет, что он — тот, кого ищут. Таким

образом, в трактовке Иоанна Иисус добровольно сдается властям.

Говоря о поцелуе Иуды, нельзя не упомянуть повесть «Иуда Искариот» известного русского писателя Л. Андреева, рассказывающего о судьбе ученика, предавшего своего наставника. В евангелиях о жизни Иуды сведений немного, и Л. Андреев развивает сюжет произведения на основе вымышленных фактов и событий. Но основная канва его повести следует евангелиям. Изображая нечистоплотность внутреннего мира, бессердечность и эгоизм Иуды, писатель приходит к выводу о том, что предательство им Иисуса — закономерное следствие его натуры.

Уже в самом начале повести рассказывается о неблагоприятных поступках и двурушничестве Иуды, чем как бы предвосхищается его будущее предательство. Немалое значение отводит писатель портрету героя, изобразив Иуду настолько уродливым, что люди от него отворачиваются. Ученики Иисуса не доверяют ему, не ждут от него ничего доброго и даже недоумевают, как он попал к ним. Лишь одна честолюбивая мысль гложет душу Иуды — стать самым близким учеником наставника. Для этого герой преодолевает самые различные препятствия и преграды, всеми правдами и неправдами стремясь пристроиться поближе к учителю. Он разжигает вражду между Петром и Иоанном, крадет деньги у своих товарищей. Но Иисус, зная обо всем этом и взвешивая его вину, не говорит Иуде ни слова.

Цель Иуды — занять место своего учителя. В одном из эпизодов повести двое самых близких учеников Иисуса, каждый из которых чувствует себя его наследником и втайне готовится к этому, советуются с Иудой. Но, изворотливый как лиса, Иуда натравливает их друг на друга, успокаивая каждого: «Годишься ты». И когда вопрос был поставлен перед Иисусом, каждый из них ждал поддержки Иуды. Но тот в последний момент смело и торжественно изрекает: «Наследником Иисуса буду я». И сам учитель, и его ученики поистине изумлены такой решительностью.

Иуда, любящий деньги и власть, чтобы осуществить свой коварный замысел, тайно приходит к Анне и клеветает на Иисуса, — что тот ненавидит фарисеев и жаждет разрушить храм, установить свою волю. Иуда обещает выдать своего наставника. Опасаясь кровавого столкновения, Анна выгоняет Иуду, но он не дает ей покоя ни днем, ни ночью и наконец продает Иисуса за тридцать динариев. И он ничуть не сожалеет об этом.

Внешне Иуда — самый любящий из учеников Иисуса, посвятивший наставнику всю свою трепетную, нежную любовь. Но в душе он двуличен, его гложет коварная мысль о пленении Иисуса. Иуда льстит близким учителя, о двуличии его свидетельствует, например, эпизод его разговора с Марией Магдалиной:

«— Отдала ли ты Иисусу лилию, которую нашел я в горах? Я встал рано утром, чтобы найти ее, и сегодня было та-

кое красное солнце, Мария! Рад ли был он? Улыбнулся ли он?

– Да, он был рад...

– И ты, конечно, не сказала ему, что это Иуда достал, Иуда из Кариота?

– Ты попросил не говорить.

– Нет, не надо, конечно, не надо, – вздохнул Ииуда. – Но ты могла проболтаться, ведь женщины так болтливы. Но ты не проболталась, нет? Ты была тверда? Так, так, Мария, ты хорошая женщина»⁸.

Как уже говорилось, в развитии сюжета писатель довольно последовательно придерживается событий евангелий. Но вместе с тем эти события Л. Андреев проводит как бы через призму внутреннего мира Иуды.

С особенной яркостью это проявляется в описании дня распятия учителя. В этот день Иуда был счастлив. Он ждал, что смерть Иисуса принесет ему вечную славу. Но народ с ненавистью заклеил его как предателя. Вот тогда-то Иуда и понял, что навеки, пока живо человечество, его имя будет символом подлости и предательства.

Сначала он пытается свалить всю вину на товарищей: «Почему вы пожалели себя и не вышли с оружием в руках, чтобы защитить Иисуса?» Потом, лицемерно горюя, представляет дело так, будто он не участвовал в этой трагедии. Но ухищрения эти – напрасны, и в итоге он остается один.

Мастерство писателя в данной повести заключено прежде всего в том, что соб-

ственно евангельские события отодвинуты здесь как бы на второй план, а основное внимание автора сосредоточено на исследовании психологического состояния героя. И именно из-за этого произведение близко современному читателю, его проблематика – несмотря на древность сюжета – актуальна и в наши дни.

Образы Иисуса, Пилата и других персонажей в повести расплывчаты; поверхностно переданы в ней и не некоторые евангельские события. Тем не менее это – не упущение писателя. Свою художественную концепцию автор разносторонне раскрывает прежде всего через личность Иуды, в глубокой разработке образа этого героя и содержится весь пафос произведения.

И еще одно произведение, о котором следует особо сказать в связи с нашим исследованием евангельской части романа Айтматова «Плаха». Это – роман польского писателя Генриха Панаса «Евангелие от Иуды».

Цель этого произведения – отнюдь не декоративное, приукрашенное изложение событий, протекающих в далекой древности, а детальное выяснение, с современной точки зрения, происхождения героев, обнажение их внутреннего мира, установление ложности или истины преданий, связанных с ними, воссоздание картины исторического времени. Оригинальность романа польского писателя заключена прежде всего в том, что события здесь предстают перед взором читателя через изложение Иуды: этому подчинена и сю-

жетно-образная, и композиционная структура произведения. В итоге перед читателем неизменно встает вопрос: самооправдывается ли главный герой романа, который охвачен завистью и эгоистическими чувствами, или же это его действительное отношение к Иисусу, Марии и другим сподвижникам учителя? Чтобы ответить на эти вопросы, писатель обращается как к историческим материалам, так и к творческой фантазии художника, к писательскому прочтению исторических свидетельств и фактов. Вследствие этого Иуда на страницах романа Г.Панаса предстает не просто как изменник, продавший Иисуса за 30 динариев, но как своеобразный этический тип.

В романе Иуда относится к Иисусу трепетно, с глубоким уважением и почетом. Он неустанно и с восхищением рассказывает о нем, о странствиях его по белому свету и извлечении им больных и страждущих. Особенно увлекает Иуду повествование о любви Иисуса. Рассказывая о красоте, обаянии и веселом нраве учителя, сводящих с ума девушек Иудеи, которых Иисус всегда сторонился, Иуда восхищается его беззаветной преданностью Марии Магдалине.

Писатель изображает этих трех героев преимущественно через тему любви. Иуда, как и Иисус, жаждет посвятить свою беспредельную любовь только Марии. Этого он ни от кого не скрывает, но из-за ревности и зависти не идет на другие поступки. И Иисус, и Мария с пониманием относятся к любви Иуды, но чув-

ства его не взаимны, поэтому они считают их бессильными и слабыми.

После приговора Иисуса к смерти Иуда проявляет исключительную заботу и отзывчивость к тяжело заболевшей Марии. Он не выдерживает душераздирающего плача Марии по Иисусу и, поверив в бессмертие любви, присоединяется к абсурдной фантазии, что Иисус жив. Сам же он женится на такой же красавице, как Мария, но первая любовь навечно лишила его покоя.

Вымышленные эпизоды, привнесенные Г.Панасом в евангельскую фабулу, не выпадают из ее общей композиционной структуры, но наоборот, органично входят в кровь и плоть событий, что фактически снимает проблему границ между художественным вымыслом и фактами евангелий. Автор сумел монолитно сплотить в романе старые и новые, исторические и современные мотивы.

Весьма значим в романе эпизод вспышки бунта, который, по существу, обозначает кульминационные вершины судеб Иисуса и Иуды. Народ тщательно готовится к восстанию, предводители отрядов приходят к Иисусу и его ученикам, чтобы обсудить тактические планы. Но на горе Елеон Иисус не участвует в обсуждении боевых действий, полностью переложив это на своих учеников. Здесь он предпочитает прогуливаться в одиночестве по саду или молчать, не вмешиваясь в спор. Но тем не менее именно Иисус остается святым предводителем восстания.

Под благовидным предлогом Иуда покидает военный совет, подходит к задумчиво сидящему Иисусу и рассказывает ему, как проходит совет. В другое время Иисус одернул бы Иуду за беспокойство, но на этот раз ему хочется поделиться с кем-нибудь своими потаенными мыслями. Из рассказа учителя явственно проступают пути разрешения сложных отношений между наставником и учеником. Если Иуда рьяно переживает за Марию, преследуя лишь свои личные интересы, то Иисус думает над тем, что наступило решающее время. Беспокойство охватывает его: что же будет дальше? Иисус предчувствует, что дни его сочтены, что уже совсем скоро осуществится предписание книги Даниила: «Христоса придадут смерти и его не будет». Иисус видит, что Иуда не способен активно участвовать в бунте, поэтому Иисус просит его вместе с детьми и женщинами быть в стороне от столкновения и в случае своей смерти продолжить его дело.

Является ли эта просьба свидетельством предательства Иуды? А может, Иисус на самом деле верит ему? Думается, однако, что оба эти вывода одностронни.

Пленение Иисуса, допрос его Понтием Пилатом в романе изображены скупо. Бунтовщики несут тяжелое наказание на горе Елеон, по приказу Понтия Пилата героев вешают на Голгофе в ту же ночь. Прокуратора вовсе не интересует, кто есть кто в этих событиях, не интересует его и судьба Иисуса. Озабочен Пилат лишь од-

ним: побыстрее расправиться с бунтовщиками. Это нужно ему, чтобы выиграть время, чтобы не дать иудеям собраться с силами и выступить вновь для освобождения пленников. Стремительность событий, разворачиваемых в романе, не дает писателю возможность глубже раскрыть точку зрения Пилата на происходящее, его отношение к Иисусу. Да это, наверное, и не нужно, потому что в романе Пилат предстает как свирепый бездушный хищник.

Куда только не идет Иуда, чтобы узнать о судьбе Иисуса! От воинов, участвовавших в наказании бунтовщиков, он узнает, что ученики упрасивали Иисуса бежать, но он наотрез отказался. Смело смотря смерти в лицо Иисус пел, когда дробили его кости.

В евангелиях эпизод о воскрешении Иисуса – один из центральных. В романе Г. Панаса он решается иначе, хотя, как и в евангелиях, весть о воскрешении Иисуса исходит от Марии. Но в романе Иисус и Мария встречаются лишь на мгновение. Вот как трактуется этот эпизод у Г. Панаса:

«Три дня приходила Мария на Голгофу, а вчера, перед заходом солнца, когда спешила в город к Ефраимовым воротам, увидела в отдалении знакомую фигуру. Дорога поднималась в гору на невысокий холм. В лучах заходящего солнца на фоне неба она отчетливо видела Иисуса. На нем был светло-коричневый бурн-де с капюшоном (похожий на пенулу), в каком его схватили...

Волосы, посеребренные сединой, слегка шевелил легкий ветер – об эту пору всегда дует из Иудейской пустыни.

На верху холма Иисус оглянулся на Марию, потрясенная, она остановилась, тогда он махнул рукой: что хотел сказать, Мария не уловила – знак мог означать и приветствие, и прощание или предложение поторопиться. Потом Иисус повернулся и пошел в город»⁹.

Совесть, а точнее беспредельная любовь, не позволила Иуде усомниться в рассказе Марии и тем самым лишить ее последней надежды. Любовь Иуды к Марии – одна из важнейших сюжетных линий романа.

Финал романа таков: Мария, в поисках Иисуса, бесследно исчезает; Иуда же нежится, но, не найдя в суженой счастья, разводится. Перед смертью Иисус оставил завещание, но исполнил ли его Иуда остается вопросом. Преодолев немало преград в жизни Иуда до конца своих дней распространяет идеи учителя.

Итак, из предпринятой выше краткой характеристики романа становится очевидным, что Иуда Г. Панаса не имеет ничего общего с Иудой евангелическим: различны внутренний мир, поступки и судьба Иуды. Последнее, думается, обусловлено прежде всего гуманистической позицией польского писателя: пафос его романа – прославление величия человека, в связи с чем он кардинальным образом и отступает от евангелической трактовки Иуды.

Следует отметить, что образ Иуды неоднозначно трактовался еще с самых

древних времен. В частности, в некоторых апокрифических евангелиях есть версия, что Иуда предал не Христа, а совсем другого.

Не ясен и вопрос о том, кто именно и сколько раз допрашивал Иисуса. Поэтому буквально несколько слов скажем о Понтии Пилате как об исторической личности, поскольку, и это вполне объяснимо, между Пилатом евангельским, художественным его образом в «Мастере и Маргарите», в «Плахе» Айтматова и историческим Пилатом фактически нет ничего общего.

Так, в трудах древних историков Иосифа Флавия, Филона, Тацита Понтий Пилат – шестой после Валерия Грата прокурора в Иерусалиме – предстает как свирепый, жестокосердный правитель с тяжелым и подозрительным характером. Унижение им религиозного чувства иудеев приводит в Иерусалиме к кровавому столкновению. Он жестоко наказывал тех, кто оказывал сопротивление, немилосердно подавлял бунты, полностью игнорируя обычаи, традиции и верования местных жителей. В евангелиях же Пилат наделен такими чертами, как мягкость, добродушие, отзывчивость.

Пилат и Иисус в произведениях Булгакова и Айтматова – как по художественным функциям, так и по месту в проблематике романов, резко отличаются друг от друга. Если Булгаков обращается к этим образам в контексте сатирического произведения, воссоздающего жизнь нашей страны в двадцатые-тридцатые годы,

то Айтматов прибегает к ним в «контекстуально-этическом значении» (Г. Гачев), чтобы высказаться о проблемах, которые человечество пытается разрешить с самого начала своего существования и вплоть до сегодняшнего ядерного века.

У Булгакова Иешуа рушит старый храм веры, доказывая истинность идеи о новом храме – храме истины. Пилат болеет душой за Иешуа, принимая его за бродячего философа, остро переживает свое одиночество, постылую жизнь, потерю доверия к людям. Во время допроса Иешуа догадывается, что у Пилата болит голова, и, вылечивая его, стремится войти к нему в доверие. Он разъясняет, почему называет Марка Крысовоя, и даже Иуду, продавшего себя за деньги, «великодушными», почему он не врачеватель, как думает о нем Пилат.

Пилата в «Плахе» интересует, с одной стороны, то, какой вред может нанести Иисус Римской империи. Но с другой стороны, он буквально поражен тем, что жалкий, избитый в кровь, оборванный человек высказывает столь высокие идеи и мысли – о власти, угнетающей человека, о том, что настанет время и исчезнет насилие, что человечество будет свободным. Слушая Иисуса, Пилат начинает его ненавидеть.

Таким образом, если в евангелиях и у Булгакова – естественно, при всем их различии! – Пилат жалостлив к обвиняемому и старается по возможности помочь ему, то в «Плахе» Пилат четко исполняет свои обязанности прокурора и своим

характером, поступками, взглядами резко отличается от Пилата евангельского и Пилата Булгакова. Допрос Пилата и ответы Иисуса в «Плахе» стоят как бы обособленно, а полемика между ними разворачивается вокруг таких вопросов, как жизнь, смерть, свобода, власть и др.

Но вместе с тем полемика эта не ограничивается лишь вопросами, связанными с жизнью и пониманием ее человеком. Писателя интересуют прежде всего те вечные проблемы, которые предопределяли ранее и предопределяют в будущем существование человека – они-то и составляют узел романа. Основу же этого узла составляют проблемы, вытекающие из истины, справедливости и переплетенные с ними вопросы.

Кто же возьмет на себя разрешение этих проблем, порожденных испокон веков, с начала зарождения жизни на Земле, запутанных и приведших в наши дни к угрозе ядерного апокалипсиса? Кто в силах понести ответственность и обязанность перед будущим за мир и спокойствие на земном шаре? Может ли человечество освободиться от угрозы ядерной катастрофы, чтобы продолжало светить над головой ясное солнце? Что для этого надо делать? Вот такие вопросы ставятся в романе, в том числе и в эпизодах беседы Иисуса с Понтием Пилатом.

Как же разрешает их Айтматов? Прежде всего – через идею гуманизма. И гуманизма не как абстрактного понятия, а как конкретного проявления действия. Свобода, равенство несомненно могут стать

господствующими в отношениях между людьми: ведь люди рождаются с равными возможностями, с равной мерой ответственности друг перед другом. Но для того, чтобы создать общество подлинного гуманизма, нужно сначала создать условия для нравственного развития и расцвета каждого человека. Таким образом, не только нравственно-этические, но и социальные проблемы находятся в «Плахе» в центре полемики Пилата и Иисуса. И именно в этом – смысл обращения писателя к евангельскому сюжету.

Пилат не хочет вступать в конфликт с местной властью – синедрионом. Почему? Потому что он не столь легкомыслен, чтобы рисковать своим положением из-за какого-то бродяги или просьбы своей жены. И он рад, что Иисус твердо стоит на своем.

Что может быть выше, нежели власть Тиверийской империи? И счастье – служить непобедимому и великому Риму! Тут все на своем месте, размышляет он: суть жизни – власть, завоевание, угнетение, царящие испокон веков. Кому же этот Иисус болтает свои наставления и поучения? Якобы, каждый человек сам создает свою жизнь, сегодня стремится жить лучше, чем вчера, а завтра – лучше, чем сегодня. А что значит, наступление времени, когда исчезнет власть, вражда людей друг к другу и воцарится всеобщая справедливость и равноправие? Разве в силах воскреснуть кто-нибудь после смерти и, явившись к людям, подобно молнии, устроить жестокий суд над родом

человеческим? К чему же приведет ожидание судного дня? А если все это означает лишь идти на поводу слепого чувства? Для живого смерть одна... Если ему не ценна жизнь, пусть предаст свою душу смерти!..

Понтий Пилат ждет, что Иисус упадет к его ногам с мольбой сохранить ему жизнь: этим он унизил бы его и разбил в прах чаяния о справедливости. Но сколько бы он ни навязывал своих взглядов Иисусу, он не сумел сломить его волю и непоколебимый дух. Внутренний мир Иисуса и перед смертью остается целомудренным и светлым. Жизнь для него не кончается смертью, потому что он твердо уверен, что его мысли, заложенные им в учениках, будут вечно одолевать людей, не давая покоя их сознанию. Поиск, жажда, ожидание Истины – вот историческая победа Иисуса, всего рода человеческого. Стало быть, Понтий Пилат не в силах ни запугать, ни обмануть Иисуса, ни поворотить ход его мыслей.

Во время допроса жена прокурора специально посылает письмо, вмешиваясь в судьбу Иисуса. Она относится к Иисусу с чувством жалости, верит в его магическую силу излечивать хвори и болезни, оживлять мертвых, ее привлекает его стремление делать людям только добро. Видя загадочный сон, она начинает смотреть на Иисуса как на красивого молодого бога. А мужу дает совет – не брать на свою ответственность проклятие Иисуса, не взвешивать его вину сугубо на весах политики, а по возможности продлить ему

жизнь; сохранив свой авторитет и уважение.

В романе Булгакова этого эпизода нет. И в евангелиях от Марка и Луки ничего не говорится о жене прокуратора. В евангелии же от Матфея жена Понтия Пилата именуется Клавдией Прокулой, и свой сон про Иисуса она считает недобрым. Стало быть, между «Плахой» и евангелием от Матфея есть нечто общее. Но в то же время эти эпизоды в романе и в евангелии воссозданы по-разному и в корне отличаются друг от друга. В «Плахе» писатель стремится передать портрет, внутреннее состояние и взгляды героя, его стремление взвешивать все обстоятельства разумом.

Когда Пилат в последний раз дает ему время, чтобы вновь все обдумать, Иисус с наслаждением придаетя воспоминаниям, хотя жизнь его висит на волоске. Самое ценное и святое для него – мать, и он тоскует о том, что причиняет ей столько горя. Иисус мысленно спешит попрощаться с ней, просит прощения, признавая, что обрекает себя на смерть ради великой цели. Он верит, что перед смертью еще раз увидит мать. Сердце Иисуса, не испугавшееся смерти, содрагается лишь от чувства расставания с матерью.

В евангелии от Иоанна Иисус, в ожидании смертного приговора, разговаривает со своей матерью Марией, прощается с ней и просит ее усыновить своего самого любимого и верного ученика.

В «Плахе» герой встречается с матерью мысленно, а у Иоанна – лицом к

лицу. Также в романе и евангелии по-разному расставлены акценты при раскрытии психологического состояния героя, его сыновних чувств.

У Айтматова Пилата очень интересует, как Иисус относится к женщинам, но прямо задать вопрос он не осмеливается. К тому же Пилат находится в замешательстве: он знает, что Иисус легко может угадать, о чем он хочет его спросить. Пилат не получает удовлетворительного ответа на интересующий его вопрос, поэтому возвращается к нему не прямо, а окольным путем.

Иисус знает, что интересует прокуратора, но своего отношения к женщинам не раскрывает. У Пилата же есть все основания задать этот вопрос: ведь даже в евангелиях упоминается немало женских имен – Мария Магдалина, Марфа, Иоанна, Сусанна и др., полюбившие Христа с первого взгляда и бросившие ради него свои семьи.

В «Плахе» во время допроса Иисус и Пилат обращают внимание на птицу, парящую в бездонном синем небе, и не могут определить, орел это или коршун. Появление птицы Иисус и Пилат растолковывают каждый по-своему. Пилат видит в этом предзнаменование смерти Иисуса. Иисус же просто восхищается вольным полетом птицы в пространстве. Наверное, именно появлением этой птицы и был навеян первый вопрос, заданный обвиняемому: вопрос о смерти. В дальнейшем птица появляется в этом эпизоде дважды: вольный ее полет вызывает

у Пилата смятение – он завидует свободе птицы в бездонном, необъятном небе, завидует тому, что он не в силах обозреть свой народ с такой же высоты и безраздельно властвовать над ним.

Печалится Пилат о том, что бессилён поймать или испугать птицу, что она ему неподвластна. Он видит – и разъярен этим – что у этой гордой птицы есть что-то общее с Иисусом. И в конце допроса эта птица, таящая для Пилата какую-то неведомую опасность, будто поджидая Иисуса, летит в ту сторону, где должна совершиться казнь. Об этом таинственном совпадении Пилат думает потом всю жизнь.

У Булгакова на глаза Пилату попадает ласточка, летающая в поисках места для гнезда, но он не придает ей никакого значения, воспринимая это как повседневное явление в жизни. Но, глядя на ласточку, Пилат приходит к выводу, что Иешуа не имеет никакого отношения к беспорядкам в Ершалаиме.

Итак, из приведенных эпизодов видны, как общие моменты в художественном мышлении двух писателей, так и неповторимое, присущее только каждому из них своеобразие.

В Евангелии Иисус – чародей и маг, способный сделать зрячим слепого, оживить мертвеца. У Булгакова способность к магии присуща и Иешуа: он снимает головную боль у Пилата, которая постоянно мучает его. Иисус Айтматова – не маг, он обычный человек. Правда, человек практический, умный и достаточ-

но прозорливый, но, конечно, не обладающий чудодейственным ясновидением, если вспомнить, что он легко уловил чувства противоречивого смятения, охватившие прокуратора, здесь он просто, выражаясь современным языком, тонкий психолог, хорошо разбирающийся в чувствах того, кто привык властвовать.

В Евангелии от Иоанна, не найдя Иисуса виновным, Пилат трижды говорит об этом евреям, ожидающим приговора. Он решает даже отчасти удовлетворить просьбу иудеев, приказав безжалостно избить Иисуса и отпустить его на волю. Но, опасаясь, что синедрион обратится с жалобой на него императору, Пилат «умывает руки». Пытается использовать он и последнюю возможность спасти жизнь Иисусу. Опираясь на закон иудеев – помиловать одного виновного в день пасхи, он выводит к народу Иисуса и разбойника Варавву. Но иудеи вновь потребовали распятия Христа.

И у Булгакова Пилат пытается сохранить жизнь Иешуа. Но, как и в евангелиях, свободу обретает Варавва, к смерти – вместе с Демесом и Гестасом – приговаривают Иисуса. Тень горя ложится на сердце Понтия Пилата, лицо Иешуа не покидает его ни наяву, ни во сне, не давая покоя. Сюжетная линия романа завершается преклонением Левия Матвея перед останками Га-Ноцри и отомщением Понтия Пилата изменнику Иуде.

У Айтматова изображено лишь время допроса, а события, излагаемые в евангелиях и у Булгакова, опущены. Понятно,

что целью писателя является не доскональное изложение сюжета евангелий, а исследование – через диалог героев – проблем сегодняшнего дня, проблем нашей цивилизации.

Итак, сравнивая романы Булгакова и Айтматова, можно заключить, что оба писателя обратились к евангельским сюжетам для разрешения различных художественных задач. Обусловлено это, помимо всего прочего, еще и тем, что как отмечал Айтматов, с тех пор, когда М. Булгаков писал сцену беседы Понтия Пилата и Христа, прошло достаточно времени, и сейчас мы живем в совершенно ином временном измерении.

«Что касается эпизодов в Иерусалиме, то у них нет хозяина, они в равной мере принадлежат всем и во все времена»¹⁰.

«Работа в данном случае так сложилась, что я соприкоснулся с теми же проблемами, которые когда-то нашли свое осмысление у них. Это вечные категории, вечные проблемы, к которым не только я, но и многие после нас будут приходить. Конечно, я думал о Булгакове в том аспекте, что Понтий Пилат и Иешуа, а у меня Понтий Пилат и Иисус Назарянин – это одни и те же лица и находятся они в одной и той же ситуации. Но, надеюсь, внимательный читатель увидит, что эту ситуацию я пытался решить не то чтобы принципиальным образом, но привнести в диалог Понтия и Христа весьма существенный момент – с той поры как эта встреча нашла отражение у Булгакова, прошел определенный кусок истории, и

мы живем в несколько другом временном измерении»¹¹.

«...мне кажется, что Пилат в «Мастере и Маргарите» несколько отодвигает в тень Иешуа, на фоне внутренне напряженной личности прокуратора Иешуа получился отчасти одномерным, впрочем, Булгаков, может быть, того и хотел. Ну, а мне надо было возвратить Иисуса в центр, сделать его центрально-смысловой фигурой»¹².

И еще один сопоставительный экскурс – на этот раз с романом В. Тендрякова «Покушение на миражи».

Как и в «Плахе», в посмертном произведении В. Тендрякова присутствуют библейские и евангельские мотивы. Во многом сходны и художественные задачи, поставленные этими писателями, хотя в их романах и используется различный материал: это евангельские события, связанные с Иисусом и Пилатом, а в «Покушении на миражи» – судьбы представителей христианской религии. Главного героя В. Тендрякова – ученого-физика Георгия Петровича захватила идея исследования экспериментальным методом роли личности в истории. Неужели взгляды и поступки одного человека могут оказать воздействие на развитие истории? – размышляет он. А если на месте одной личности окажется другая, то с каким процессом будет связана история? Вообще, может ли повернуть ход истории личность? Чтобы ответить на эти вопросы, он создает специальную исследовательскую группу, которая использует в своей

работе различные технические приборы. В научной программе группой разрабатывалась версия Иисуса Христа: реальна ли эта личность? Если да, то как он выглядел? Воскреснет ли он после смерти? и др.

Как и в романе Айтматова, ряд сюжетных линий в повести Тендрякова строится на основании свидетельств евангелий. Особого внимания требует здесь эпизод встречи с Садоком.

Когда Иисус вместе с Симоном, Иоанном и другими учениками приплывает на лодке в Вифсаиду, их встречают вооруженные воины во главе с Садоком. Ученики Христа, не ожидавшие столь трагического поворота событий, стараются уговорить своего наставника повернуть обратно. Но Иисус наотрез отказывается от бегства, и Садок решительно требует, чтобы к нему явился один Иисус, прозванный Сыном человечества. Содержание диалога между Садоком и Иисусом в повести Тендрякова близко перекликается с «Плахой» – ближе, нежели с евангелиями или «Мастером и Маргаритой». Садок проводит следствие над «сыном человечества», причем образ Садока здесь во многом повторяет образ Понтия Пилата из «Плахи».

Но вместе с тем в данных фрагментах двух произведений есть и существенные различия. Так, в «Плахе» Айтматов как бы синтезирует версии, данные в евангелиях от Матфея, Марка, Луки, Иоанна, добавляет в содержание диалога героев собственные моменты. Тендряков же в этом отношении строит повествование,

строго дифференцируя версии евангелий и делая соответствующие на это указания.

Садок спешит обвинить Иисуса, вынести ему смертный приговор, не дает ни малейшей возможности подумать, оценить ситуацию. Стремительность суда оставляет в повести нераскрытыми диалектальность, взаимоисключаемость мировоззрений Иисуса и Садока как носителя власти. Причем Садока здесь вовсе не интересует, виноват ли Иисус на самом деле: ему поручено следствие, и этого вполне для него достаточно, чтобы вынести смертный приговор.

Иисуса убивают, забросав камнями. Именно такой необычный финал избирает Тендряков для своего героя. Почему? Оказывается, именно такая версия гибели Иисуса следует из первичных результатов анализа иудейских законов, полученных путем их машинной обработки научной группой Георгия Петровича.

Исследовался этой группой и вопрос о внешности Иисуса: о его росте, цвете глаз и волос, привлекательности, одежде.

«Мне же он видится великолепным, зрелым, краснобородым мужчиной. Я бы сделал его реальным и человеческим, олицетворяющим силу, могучий интеллект. Он был человеком, который хорошо ел, хорошо пил и любил компанию своих последователей. Его появления в любом собрании было достаточно, чтобы немедленно возникла атмосфера добра и счастья. Он был просто человек: полный жизни, обладающий силой доминировать над

всеми и при любых обстоятельствах»¹³, — отмечает Ч. Чаплин.

В связи с этим, думается, было бы интересно обратиться не только к художественным произведениям, но и к историческим сочинениям, затрагивающим этот вопрос.

Прежде всего это, конечно, рукопись греко-римского философа Цельса «Правдивое слово». Правда, сама она не сохранилась, но до нас дошли многочисленные ее фрагменты из труда другого философа — Оригена «Против Цельса», в которой он яростно полемизирует с Цельсом. В своей книге Ориген берет цитаты из размышлений Цельса и дает им свою интерпретацию. Из полемики Цельса и Оригена можно заключить, что облик Иисуса был вполне типичен, и он особенно не выделялся среди окружающих. На то же указывает и христианский писатель Тертуллиан.

Однако после оформления христианства в государственную религию Иисуса стали изображать красивым молодым мужчиной. Впервые это было сделано, вероятно, Иоанном Златоустом. Прекрасен молодой Иисус в «Страшном суде» крупнейшего представителя Ренессанса Микеланджело.

Таким образом, исторические источники не дают однозначного ответа на вопрос о внешности Иисуса. Данное обстоятельство вполне объясняет тот факт, что в различных произведениях искусства образ Иисуса — разный. Каждый художник наделяет его различными индивидуальными чертами, что обусловлено теми

нравственно-эстетическими задачами, которые он решает в своем творчестве. Это вполне относится и к произведениям Тендрякова и Айтматова.

Но, естественно, главный вопрос, поднимаемый в евангелиях и произведениях современной литературы, в том числе романах Булгакова, Айтматова, Тендрякова, — это вопрос о личности Иисуса, его человеческих качествах. Так, в евангелиях немало эпизодов, свидетельствующих о сочувствии, отзывчивости Христа к людям, особенно больным, его человечность и дружеская помощь обездоленным.

Понятно, что в евангелиях не раскрывается внутренний мир Иисуса — у них иная цель, обусловленная решением глубоких религиозных задач. Иное дело — художественное творчество, главная задача которого — показать именно душу человека. Так и Булгаков, Айтматов, Тендряков в своих произведениях стараются раскрыть духовный мир Христа. Причем у различных писателей это делается по-разному: у Айтматова — в философских категориях неизмеримых пространств и времени, у Тендрякова — на основе конкретики, фактов из различных евангелий.

В евангелиях Иисус говорит своим ученикам о своем явлении после смерти. В «Плахе» эта мысль углубляется и развивается, один из главных героев романа — Авдий жаждет и верит, что когда-нибудь Великий учитель вернется вновь. В «Покушении на миражи» лаборант Ирина Сушко звонит по телефону своему руководителю Георгию Петровичу и сообщает

ему, что показания экспериментальной машины свидетельствуют о явлении Иисуса. Последнее соответствует евангелиям, где есть соответствующий эпизод, когда Иисус после распятия явился Марии Магдалине.

И все же, по-разному воссоздавая образ Христа, разные писатели, фактически, создают не разных героев. Герой этот — один, а его различная образная представимость — у Булгакова, Айтматова или Тендрякова — это, в сущности, многогранное изображение одного и того же образа. У Булгакова и Тендрякова, например, на передний план при изображении Христа выступает внешнее событие, факт, действие; взор же Айтматова прикован к эмоциональной стороне его жизни, к неподвластным внешнему взору явлениям души, психологии героя.

Разумеется, течение времени не может не оказать своего воздействия на трактовку образа Иисуса в художественной литературе. В любом произведении, на какую бы тему оно ни было написано, проступает облик эпохи, в которой жил и творил писатель. Так и повесть В. Тендрякова — непосредственное детище бурного роста научно-технического прогресса, а роман Ч. Айтматова — нагнетания угрозы ядерной войны над нашей цивилизацией.

В «Плахе» намечается много параллелей между Иисусом и Авдием. Авдий в какой-то мере даже повторяет судьбу Иисуса. Как и Иисус, он — жертва, и так же, как учитель — распят... Если продолжить эту параллель, то она окажется подкреп-

ленной и евангельскими мотивами, что нетрудно заметить и в повести В. Тендрякова. Близость эта весьма наглядна, из чего, думается, можно сделать вывод о значительной общности идейно-эстетических принципов подхода обоих писателей к этому поистине бессмертному материалу. Вместе с тем нельзя не отметить, что при внимательном прочтении повести Тендрякова становится особенно ощутимой масштабность и вместе с тем мозаичная сложность «Плахи».

Конечно, в «Плахе» Иисус и Авдий «встречаются» через толщу веков — в фантастическом пространстве писателя; в «Покушении на миражи» последователи Иисуса — Савл-Павл, Стефан и др. — появляются сразу. У Айтматова евангельские эпизоды как бы остаются в тени образа Авдия; у Тендрякова они представлены фактографически — перед взором читателя протекает и назидательное бродяжничество Павла, радостные и горестные дни в его судьбе, и путь Стефана, учившего наизусть священные слова Иисуса, обрекающего себя на смерть из-за этих слов. Но тем не менее, идея любви к людям, стремление к добру подтверждает незыблемость позиций Авдия и бедняка Лукаса, борющегося против Аппия, который жаждет славы и почета, И оба они сталкиваются с непреодолимыми препятствиями. Их антиподы — Гришан, Обер-Кандалов, Аппий и др. — «людишки из одного теста», потерявшие человеческий облик, стараются насильно навязать им свои мысли о том, что человек чело-

веку и даже брат брату, сын матери – враг и противник, что человек алчен, жесток и подл по природе, что жизнь человеческая подобна игре, в которой личные интересы ставятся превыше всего. Такая позиция – противоестественна природе Авдия и Лукаса: их сердца обливаются кровью, переживая за судьбу Ленки, попавшего в силки наркомании, за невиновных бедняков. И потому их не могут устрашить ни дубина Гришана, ни ярость Аппия, они не идут на компромисс с врагами. Так, в «Плахе» Авдий сознает, что только вмешательство Гришана может спасти его, стоит ему крикнуть: «Спаси, Гришан!» – и гонцы утихнут. Но прибегнуть к помощи Гришана Авдий не мог ни при каких обстоятельствах; в «Покушении на миражи»: «Он скажет: «Нет», и тогда Авдий окажется прав: он, Лукас, лгал – люби ближнего, как самого себя.

Жизнь героев Айтматова и Тендрякова, их судьба – в железных руках врагов. Но, беззаветно защищая Истину, они не делают ни малейшей уступки. Предательство своей идеи – это, в их глазах, крушение совести, уничтожение себя как личности. Поэтому Авдий и Лукас попросту не в силах униженно просить у своих врагов пощады, когда Гришан и Аппий подвергли их суровому испытанию.

Однако в борьбе со своими антиподами герои выбирают разные пути. Авдий, например, чувствует, что на потерявших человеческое обличье наркоманов невозможно воздействовать словами и веет из

мешков коноплю по ветру, провоцируя «бунт» и расплачиваясь за это почти гибелью. Лукас же не вступает с Аппием в столь открытую конфронтацию, его борьбе более присущ психологический характер. И когда Аппий предлагает Лукасу отдать жизнь юноше Кривой Силе и спасти его от смерти, тот соглашается: ведь сохранение своей жизни в данных обстоятельствах для Лукаса означает измену себе, и он не колеблясь делает выбор – жизнь Кривой Силе.

Очевидно (и выше мы уже говорили об этом), что обращение различных писателей к материалу евангелий обусловлено необходимостью решения ими актуальных проблем современности. Внутренняя связь Иисуса, Авдия, Лукаса заключена в том, что каждый из этих героев решает проблемы, извечно присущие человечеству, в какую бы эпоху они не задавались. Общее же в их ответах на эти вопросы – победа Истины, необходимость ставить ее выше повседневной жизни и личных интересов. Так, через евангельские мотивы Айтматов раскрывает социальную, нравственную, этическую и эстетическую природу Человека как единицы, так сказать, мирового масштаба, в «Плахе» они окрашивают мир различными красками: наивной простотой и сложностью, добротой и ложью, радостью и горем жизни...

«Если бы, например, в Библии не было возвышенного обобщения, вряд ли сейчас она имела бы литературную и духовную ценность. Если бы она описывала только

тогдашний быт, тогдашнюю повседневную текучую жизнь, она давно бы изжила себя, ибо быт меняется, люди меняются, обстановка меняется, а дух человеческий остается: проблемы жизни и смерти, проблемы любви и страданий, проблемы борьбы со злом. Они остаются, они вечны. Они не только вечны, они бесконечны. Сколько есть людей на свете и сколько их будет, всем хватит об этом думать, размышлять, писать»¹⁴, – отмечает Ч.Айтматов.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что характер трактовки различными писателями материала евангелий непосредственно обусловлен их творческим мировоззрением, художественным кредо и нравственной позицией. При этом, однако, евангельские сюжеты теряют, как правило, свои таинственные, религиозно-мистические свойства и воплощаются как реальные явления, проблемы сегодняшнего дня. И в «Плахе» Айтматова евангельские мотивы интерпретируются с точки зрения философии современности.

И в этом смысле художественная ценность романа, являющегося ответом на многие загадочные и узловые вопросы человеческого бытия, поистине неизмерима.

Эстетический опыт романа «Плаха» Ч. Айтматова в настоящее время осваивается писателями различных тюркоязычных литератур. Однако в связи с тем, что издан он был сравнительно недавно, вести обстоятельный разговор о его влиянии на какие-то конкретные художе-

ственные произведения пока трудно. Правда, уже сейчас можно констатировать несомненное воздействие романа на публицистику, театр, живопись и киноискусство.

Прежде всего роман «Плаха» побудил общество по-новому взглянуть на проблему религии. Как известно, ранее религия целиком и полностью трактовалась как пережиток, полностью игнорировались такие положительные ее черты, как призыв к милосердию, доброте, взаимопомощи. Айтматов обратил внимание на гуманистическое начало религии, в чем, несомненно, положительное значение «Плахи».

Очевидно, что писатель не делит людей по их принадлежности к той или иной религии, не возвеличивает ту или иную религию. В центре художественной концепции Айтматова прежде всего Человек. Посему и Авдий, и Иисус, и Бостон – это не представители тех или иных религий, это – замечательные личности, живут, мечутся ради спасения человечества от плахи, посвящают этому всю жизнь, весь свой духовный мир. Айтматов бесповоротно верит в таких людей, призывает, чтобы их было больше.

Думается, неправомерно сводить многогранную и масштабную мысль романа Айтматова лишь к мысли религии одной. Главная его мысль, как говорилось, – Человек, в его ипостасях чести, совести, веры. Именно в связи с этими категориями писатель и обращается к вопросу о религии. То есть, тут отнюдь не «новое богоискательство», как утверждают некоторые, а

поиск художником пути к гуманизации человека.

В связи со сказанным, необходимо, на наш взгляд, остановиться еще на одной стороне проблемы. Так некоторые исследователи склонны считать обращение Ч. Айтматова к христианским мотивам не совсем логичным и преждевременным. Мы убеждены, что это не так. Религиозная проблематика уже присутствовала в прозе Айтматова – например, в романе «И дольше века длится день», в котором он еще до обращения к теме христианства касался ислама, положений Корана.

Так, похороны Казангапа проходят в соответствии с установками шариата. И Едигей внимательно следит за тем, чтобы все шло в должном порядке. Заповеди Корана, его священные уложения – предмет размышлений Буранного Едигея.

«Произнося вполголоса погребальные слова, заблаговременно предназначенные всем и каждому, всем и на все времена впредь до скончания света, слова, в которых были изначально сказаны предопределения, неизбежные и равнозначные для всех, для любого человека, кем бы он ни был и в какую бы эпоху ни жил, а в равной степени неизбежно и для тех, кому еще суждено будет народиться, произнося эти всеобъемлющие формулы бытия, постигнутые и завещанные пророками, Буранный Едигей вместе с тем пытался дополнить их собственными мыслями, исходящими из его души и личного опыта»¹⁵.

Едигей просит всевышнего простить прегрешения Казангапа, если они были и

принять его душу. Присутствующих он просит похоронить себя рядом со старым другом, когда смерть возьмет его. Над Казангапом Коран справляет Едигей. А кто справит молитвы над ним самим? Сабитджан?! Смерть – величественна, и что могут сказать в тот час те люди, которые и слышать не хотят мудрые слова предков, не хотят знать старые обычаи!

Герой романа дословно не читает молитву Корана. Но каждая его строка живет в душе Едигея, в его поступках. То есть, писатель не апеллирует к категориям ислама непосредственно, впрямую предпочитая раскрывать их как бы через подтекст, через дела, мировоззрение, психологию Едигея и Казангапа.

Таким образом, оба романа Айтматова – «И дольше века длится день» и «Плаху» сближает отношение их главных героев – Едигея, Авдия, Бостона к богу: их взгляды на религию. Все они твердо убеждены, что бог – в самом человеке. Сравним в связи с этим Едигея и Авдия.

Едигей: «Ведь никто не знает и никогда не узнает, есть ли бог на свете. Одни говорят – есть, другие говорят – нет. Я хочу верить, что ты есть и что ты в помыслах моих. И когда я обращаюсь к тебе с молитвами, то на самом деле я обращаюсь через тебя к себе, и дано мне в час такой мыслить, как если бы мыслил ты сам, создатель. В этом ведь все дело!.. Если человек не сможет возомнить себя втайне богом, ратующим за всех, как должен был бы ратовать ты о людях, то и тебя, боже, тоже не станет... А мне не

хотелось бы, чтобы ты не исчез бесследно...»¹⁶.

Авдий: «Для кого он есть, а для кого его нет. Все зависит от самого человека. Сколько будут люди жить на свете, столько они будут думать, есть Бог или нет... Он в наших мыслях и в наших словах... Хотелось бы думать, что есть, хотелось бы, чтобы был...»¹⁷.

Думается, совсем неспроста эти во многом сходные мысли о боге высказывают мусульманин Едигей и христианин Авдий.

Итак, вопреки утверждениям отдельных исследователей, Айтматов еще до «Плахи» обращался к вопросам религии, пройдя своеобразную внутреннюю творческую подготовку. Значит, обращение писателя к теме христианства было подготовлено творческими его исканиями в области художественного преломления мировоззрения ислама.

Надо сказать, что тюркоязычные советские писатели до Айтматова не столь часто обращались к религиозным темам. Думается, эстетический опыт «Плахи» послужит большим уроком при обращении наших писателей к этой новой теме. Тем более, что образ пророка Мухаммеда в нашей художественной литературе освещен пока недостаточно. Нелишне напомнить, что лишь В. Панова и Ю. Бактин написали произведение «Жизнь Мухаммеда».

Авторы изображают детство Мухаммеда, его жизнь как пророка, рассказывают о формировании и распространении ислама. Они не идут слепо за событиями,

не увлекаются сюжетом. Уже в самом начале романа отмечают, что «...родина пророка Мухаммеда – наша планета Земля, время его жизни – эпоха, вполне доступная нашему обозрению; а он сам и окружавшие его люди – почти что наши современники»¹⁸.

Образ пророка Мухаммеда, так же, как и образ Иисуса Христа, позволяет художникам обратиться к актуальным проблемам, стоявшим в настоящее время перед человечеством.

Вспомним, что отдельные литературоведы в своих публикациях по поводу романа «Плаха» на страницах «Литературной газеты» протестовали против того, что мусульманин Ч. Айтматов обратился к христианской теме, к евангелию. Если бы Айтматов при обращении к Библии допустил какие-то неточности, не осознавая ее общечеловеческой сути, то подобные претензии можно было бы и понять, и принять. На наш взгляд, подходя к любому произведению, нужно прежде всего попытаться дать ему целостную идейно-эстетическую оценку, а не заниматься запретительством. Каждый художник имеет право обращаться к тем или иным проблемам – вне зависимости от религиозной принадлежности или каких-либо других условий.

Безусловно, интерпретируя религиозные положения, представитель иной веры встречается с целым рядом специфических психологических трудностей. Но то, что писатель должен хорошо знать особенности изображаемой им религии –

лишь внешняя сторона творчества. Главное здесь – внутренний, духовный резонанс автора и его персонажей. К подобному утверждению нас наталкивают именно «Плаха» Ч. Айтматова и «Жизнь Мухаммеда» В. Пановой и Ю. Бахтина. Наверное, здесь нет надобности подробно сопоставлять эти два произведения, но считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что указанные писатели в религии видят основу воспитания в Человеке доброты и милосердия.

Айтматов верил в бога?

Это очень сложный вопрос. Невозможно на него ответить, дать односложный ответ. Раньше в советское время, когда доминировала атеистическая идеология, когда религия квалифицировалась как мракобесие, когда вера считалась свидетельством отсталости, темноты, невежества, к ней было известно какое отношение. У такого представления тоже есть свои основания. Но способен ли человек с помощью своего ума, образования, знаний объяснить все тайны земного существования. Весь этот круговорот жизни во всей необъятной Вселенной. Думаю, что он не способен решить эту задачу. Если нам удастся найти ответ на одни вопросы, тут же появляются другие, третьи и так до бесконечности.

И тогда невольно придется согласиться с народной мудростью, которая говорит о том, что без вмешательства бога на земле не может даже листок с дерева упасть или волосок с головы человека. Если продолжить разговор в том же рус-

ле, то ему не будет конца. Поэтому лучше обратимся к конкретному вопросу. Я не могу утверждать со всей определенностью, но мне кажется, что Ч. Айтматов все-таки верил в бога. Понятие бога всегда упоминается в связи с понятием веры. А как известно из истории религии за многовековую историю существовало множество форм верований в зависимости от условий развития общественной формации.

В романе «И дольше века длится день» в описании похорон Казангапа есть место, где после прочтения молитвы, Едигей обращается к богу со словами: «Я хочу верить в твое существование, ты существуешь в моей душе, в моих мыслях и чувствах. Когда читаю молитвы, я обращаюсь к тебе, я как бы через тебя обращаюсь к самому себе». А в романе «Тавро Кассандры» есть момент, когда ученый Андрей Крыльцов уже после того, как разработал способ производить безродных людей х-клонов, способ искусственного размножения людей в политических интересах с глубоким сожалением понимает наконец-то безнравственность своих претензий на соперничество с богом. Конечно, было бы ошибочно считать мысли персонажа полностью совпадающими с мыслями автора. Но, в данном вопросе, мне кажется, взгляды автора соответствуют взглядам главных персонажей.

В свое время Л.Толстой и Ф.Достоевский тоже критиковали идеологов-революционеров, стремившихся построить социализм за их безбожие и с недоверием смот-

рели на их будущее. Такие гениальные философы как Кант, Гегель, отличавшиеся необъятными познаниями в областях литературы, культуры, философии не были сами неверующими людьми. Но никто из них не был иждивенцем, который ждал всех благ только от неба, уповая на милость бога, а были великими созидателями, трудившимися в поте лица на благо человечества.

Чингиз Айтматов критиковали за космополитизм. Но что плохого в том, что не противопоставляя друг другу христианство, буддизм и ислам, а, наоборот, находя их общность, их близкие черты, способные служить всему человечеству, вскрывать их общечеловеческую значимость, поднимать вопрос об их значении. Разве плохо быть космополитом ради сохранения мира на земле, ради единства и согласия народов. Разве человек перестает быть мусульманином за то, что выступает против некоторых отрицательных сторон ислама, например, джихада. Разве можно винить его в том, что он выступал против терроризма, сеющего раздор в современном мире, который вносит в жизнь многочисленных людей.

Я заметил особенное отношение Чингиз Айтматов к богу. Он относился к всевышнему очень трепетно, верил ему в глубине своей души.

Он не был особо суеверным, но уважал народные традиции. Верил в магические свойства некоторых народных ритуалов, а если говорить о ласточке из романа «Когда падают горы», то эти ласточки использованы как художественное сред-

ство, способ выражения авторской мысли. Но почему не воробей или голубь? Вы сами отлично знаете, что Айтматов хоть и был представителем письменной литературы, к тому же последовательным реалистом, но все-таки уделял большое внимание на устное народное творчество, часто обращался к нему и использовал в своих произведениях. А в романе «Когда падают горы» голоса ласточек близко созвучны с преданием о пророке Ное. Согласно преданию ласточка препятствует желанию змеи, которая в качестве платы за то, что спасла ковчег от затопления, закрыв пробоину своим телом, выбирает в качестве платы человеческую кровь. В романе ласточки, как и в предании, являются к Арсену Саманчину с просьбой уберечь от недобрых злых как змеи мыслей Туяк-Жарлыков, а также Ташафганов, способных за деньги продать и горы, и украшение гор – барсов и орлов, и даже ледники, которые являются украшением гор. Деграция нравственности большинства опаснее, страшнее стихийных бедствий – природных селей.

В качестве примера прямого воздействия «Плахи» на публицистику остановимся на статье киргизского критика С. Байгазиева «Послание волка Айтматову».

В этой статье автор стремится творчески, самостоятельно развить отдельные стороны проблемы, поднятой Айтматовым в «Плахе». Как видно, критик-публицист избирает эпистолярную форму, что дает ему возможность построить повествование в форме монолога волка.

«Волк» С. Байгазиева познал на себе все тяготы жизни, прочитал массу книг, пропитан «светом» науки и образования, читал он и Айтматова. То есть, это волк «мыслитель». Надежда этого волка в таких людях, как Авдий, Бостон. Через волчий плач автор как бы окидывает взором историю гармоничного взаимоотношения человека и природы, непосредственно обращается к писателю, делает лирические отступления по различным проблемам. То есть, «Плаха» дает С. Байгазиеву как бы толчок для разговора об экологической проблеме, о совести человека.

«Представляет интерес и изучение «Дни казни» в контексте всесоюзной прозы. Пока одно замечание по ходу разговора: как много общего у Волка, возникающего на первых страницах романа, с Айтматовским Ташчайнаром и Акбарой. И даже, — продолжает критик, — на Айтматова оказало свое влияние произведение Самедоглы»¹⁹.

К этому мнению, конечно же, трудно присоединиться. Хотя бы потому, что в произведениях Ч. Айтматова и Самедоглы, во-первых, образы волков выполняют различные художественные задачи; во-вторых, если в романе Айтматова воссоздаются целостные и полнокровные образы Акбары и Ташчайнара, то в произведении Самедоглы волки появляются всего лишь в двух или трех эпизодах, причем не имеют в действии романа существенной художественной функции.

Таким образом, мы категорически не согласны с мнением В. Кулиева о воздей-

ствии произведения Самедоглы на творчество Айтматова.

Дело здесь, конечно не в образах волков, не в созвучности названий произведений «Плаха» и «День казни» и не в развитии сюжетов по трем линиям. Главное — в духовной близости внутреннего мира героев, изображаемых писателями, в их открытой борьбе за правду и справедливость, в пожертвовании ими своей жизни, в общности итога — плахе. Однако каждый из них — Авдий, Бостон, Акын, Сайд-Эфенди — идет на плаху своим путем. Поступки героев оправдывает время, сама жизнь.

Резюмируя следует сказать, что искать в романах Айтматова и Самедоглы простые совпадения вряд ли продуктивно. Целесообразнее, как выше, коснуться их типологической общности.

Философские раздумья в произведении Самедоглы вытекают из седой старины, недавнего прошлого и современной жизни.

Сколько бы повелитель ни проливал крови безвинных, сколько бы ни наслаждался властью и богатством, еще не избежать смерти. Ведь перед смертью все равны: и хороший, и плохой, и хан, и бедняк. Однако после хорошего человека остаются мудрые слова. Посему благородные слова и чаяния жившего когда-то Акына и Сайда-Эфенди, пропавшего без вести после ареста в 1937 году, сохранились в сердцах людей.

Успех писателя — в его умении тонко, посредством символических образов свя-

зать взаимоотношения героев, закончить финал произведения в оптимистическом духе, хотя смерть одерживает верх над жизнью.

Когда речь идет о «Плахе» закономерно встает вопрос о соотношении образов Акбары Айтматова, Белого клыка Джека Лондона и Серого Лютого Мухтара Ауэзова. Думается связь между этими образами вполне закономерное явление.

Персонажи произведений Лондона и Айтматова — Акбара, Ташчайнар и Белый клык — живые существа, одухотворенные, ощущающие не только голод и холод, но и душевную привязанность, обостренное неприятие жестокости, несправедливости окружающего их мира.

И повесть Лондона, и роман Айтматова призывают человека глубже понять души животных. Волки у обоих писателей чувствуют, что люди делятся на справедливых и жестоких. Ведь Акбара не кидается на Авдия. А Белый клык совсем по-разному относится к жестокому красавчику Смигу и к гуманному Ундену Скоту. И даже такие сильные инстинкты, как голод и страх, не могут сломить силу его любви к человеку. Автор постоянно подчеркивает, что Белый клык был мудр.

У Лондона Белый клык, как и у Айтматова Акбара, Ташчайнар «говорят» голосами самой природы.

Известно, что М. Ауэзов сыграл весьма значительную роль в творческом становлении киргизского писателя. Рассказу Ауэзова «Серый Лютый», Ч. Айтма-

тов дает высокую оценку: «...в моем представлении — это творение идеального художественного совершенства и идей цельности, меня пленяет пронзительный психологизм»²⁰, призывает учиться у мудрого словописца. Более того, Айтматов был непосредственным инициатором экранизации его рассказа на студии «Киргизфильм» (режиссер Т. Океев). Отсюда вполне допустимо, что при создании образов Акбары и Ташчайнара писатель — опирался на ауэзовский образ Серого Лютого.

Практически в каждом произведении Ч. Айтматова есть персонажи — животные, которые при раскрытии творческого замысла писателя выполняют важную художественную функцию.

Сравнительное рассмотрение образов волков в произведениях Ауэзова и Айтматова свидетельствует как об общих чертах художественного мышления писателей, так и о своеобразии раскрытия ими тем произведений. Проблему взаимоотношения человека и природы М. Ауэзов и Ч. Айтматов решают через образы волков, которых, как известно, принято считать хищниками. Оба писателя придерживаются при этом позиции, разделяемой в последнее время и наукой, — о необходимости пересмотра отношения человека к волкам.

Рассказ М. Ауэзова был написан в 1922 году — как раз тогда, когда начала укореняться точка зрения, что волков невозможно истребить полностью. За время от написания «Серого Лютого» до «Плахи»

наука оправдала волков как «санитаров» и «селекционеров» природы, приносящих тем самым известную пользу. Спорные вопросы в науке о волках – в виде размышлений писателей или героев – не могли не отразиться в рассказе и романе. Конфликт между Курмашем и другими, Бостоном и Базарбаем как раз и вытекает из противоположных оценок волков этими героями. Базарбай и подобные ему персонажи готовы полностью истребить волков, они даже пытаются извлечь из этого выгоду. Курмаш и Бостон, наоборот, не противопоставляют волков и людей как врагов. Они осознают хищность волков, но вместе с тем и пользу, приносимую ими.

Какова же при этом позиция самих писателей? Несомненно, что и М. Ауэзов, и Ч. Айтматов считают, что «волк всегда и при любых обстоятельствах остается хищником». Ведь гибель Курмаша и Кенджеша были связаны с Серым Лютым и Акбарой! Однако если Ауэзов проводит в рассказе мысль, раскрываемую пословицей «волчье отродье не станет собакой», то Айтматов – на примере волчьей семьи показывает, что безответственность людей приводит не только к экологическому, но и к социальному бедствию. Если человек поддается слабости, то он может стать хищнее волка.

Можно сравнить и отдельные эпизоды в произведениях. К примеру, в «Сером Лютном» писатель воспроизводит следующую сцену: «Волчица стояла в шиповнике на крутом откосе оврага, вывалив из

оскаленной пасти язык. Она все видела.

Набрасывая на голову, на шеи волчатам крепкие ременные путы, двуногие вытаскивали их одного за другим из темной норы. Пятерых тут же прикончили... А самого маленького из выводка люди взяли с собой.

Матерый черногорбый волк и белая волчица с двух сторон подошли к лежащему пластом волчонку и свирепо оскалились на него, а затем друг на друга»²¹.

В «Плахе» жестокосердный Базарбай также лишает Акбару Ташчайнара волчат. Но, обращаясь к этим эпизодам, авторы преследуют разные цели. Ауэзова прежде всего интересует, смогут ли люди приручить волчонка или нет, а Айтматов, наоборот, ставит вопрос, смогут ли волки прожить без своих волчат. Поэтому если события в рассказе разворачиваются вокруг Серого Лютого, выросшего среди людей, то в романе дается проникновенная картина скорби Акбары и Ташчайнара по своим волчатам.

Подытоживая сказанное, хотелось бы подчеркнуть, что рассказ М. Ауэзова побудил Ч. Айтматова задуматься, развить линию, намеченную Ауэзовым. Если «Серый Лютый» – новое начало в творчестве М. Ауэзова, то «Плаха» – высокая вершина творчества Ч. Айтматова.

ЛИТЕРАТУРЫ

¹ Айтматов Ч. Желая, чтобы вы стали учеными в науке // Ленинчил жаш. – 1986. – 25 февр. – на кирг. яз.

² Моуэт Ф. Не кричи: Волки! – М.: Мир. – 1981. – С. 52.

³ Айтматов Ч. Плаха. – Фрунзе: Кыргызстан. – 1987. – С. 262.

⁴ Айтматов Ч. Статьи, выступления, диалоги, интервью. – С. 301.

⁵ Айтматов Ч. Статьи, выступления, диалоги, интервью. – С. 302.

⁶ См.: А. В. Луначарский об атеизме и религии. – М.: Мысль. – 1972. – С. 241.

⁷ Эса де Кейрош. Реликвия. – М.: Художественная литература. – 1968. – С. 244.

⁸ Таксиль Л. Забавное евангелие. – М.: Издательство политической литературы. – 1977. – С. 341.

⁹ Андреев Л. Повести и рассказы. – Алма-Ата: Жазушы. – 1988. – С. 224–225.

¹⁰ Панас Г. Евангелие от Иуды. – М.: Радуга. – 1986. – С. 222–223.

¹¹ Айтматов Ч. Статьи, выступления, диа-

логи, интервью. – С. 317.

¹² Там же. – С. 302.

¹³ Там же. – С. 319.

¹⁴ Чаплин Ч. Роли, которые мне хотелось бы сыграть // Огонек. – 1989. – № 18. – С. 33.

¹⁵ Книги, открывающие нас // В кн.: Альманах библиофила. – М.: Книга. – 1979. – Вып. 9. – С. 17.

¹⁶ Айтматов Ч. Избранное. – Фрунзе: Кыргызстан. – 1983. – С. 269.

¹⁷ Айтматов Ч. Избранное. – С. 260–261.

¹⁸ Айтматов Ч. Плаха. – С. 91.

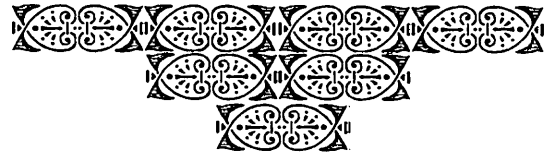
¹⁹ Панова В., Бахтин Ю. Жизнь Мухаммеда // Наука и религия. – 1988. – № 1. – С. 55.

²⁰ Кулиев В. Пути прозы, труды прозы // Литературный Азербайджан. – 1988. – № 4. – С. 124.

²¹ Айтматов Ч. Повесть и рассказы. – Алма-Ата: Жалын. – С. 323.

КОСМОС АЙТМАТОВА – ЧЕЛОВЕК И ВСЕЛЕННАЯ

Осмысливая проблемы глобального масштаба, затронутые в новом романе Чингиза Айтматова «Тавро Кассандры», я невольно вспомнил многие изречения народной мудрости, связанные с вековыми вопросами жизни и смерти, человека и общества.

Планетарное мышление Айтматова включает в себе вопросы человеческого бытия в масштабах Человечества и Вселенной, о ее эволюции и судьбе в будущем. Айтматов наблюдает с космической высотой за изменениями психологии сотен народов, населяющих Землю в экстремальной ситуации. Для автора Космос – не только Вселенная, но и богатство духа Человека. А дух – это вечная категория человечества. Вселенная Чингиза Айтматова – это не мир, ограниченный пространством и временем. Космос Айтматова – высота человеческого интеллекта.

Писателя интересуют сложнейшие вопросы самопознания человека, глубинные механизмы, суть, законы развития общества и мышления, роль генетических теорий в жизни человечества, влияние биохимических, мутагенных методов на

человеческую психологию, концепция мендализма и дарвинизма, эмбриональное развитие – хотя развитие организма начинается с материнской клетки – зиготы, оно имеет общечеловеческое социально-психологическое, философско-нравственное, морально-эстетическое значение.

Тавро Кассандры – это отказ эмбриона от жизни, от вступления в этот мир, от будущей ответственности, его заявление об этом обществу. По сигналу-признаку Тавро Кассандры можно заранее узнать о предначертании, будущей судьбе человека. Его земная жизнь зависит не от него самого, а от биосферы и геосферы. Невнимание к сигналу-признаку эмбриона Кассандры – это равнодушное отношение к личности Человека и Вселенной, к его бытию и развитию.

Сообщение-факс, присланный главному редактору газеты «Трибюн» из Космоса имело сенсационное значение мирового масштаба во всей человеческой истории. Опубликовать это сообщение-факс было столь же заманчиво, сколь и ответственно. Поэтому заседание редколлегии,

созванное в экстренном порядке, после долгого обсуждения приходит к выводу все-таки обнародовать обращение, поступившее из Космоса. Сотрудникам-корреспондентам дается строгое предписание воздержаться от обмена мнениями с кем бы то ни было об этом событии, отвечать на телефонные звонки, факсы, впускать читателей в помещение редакции. Вместе с тем, газета «Трибюн» была заинтересована воспользоваться сенсационной возможностью, опубликовав поступившее сообщение как можно скорее, потому что при малейшем промедлении с выходом номера, этот материал мог появиться в других газетах.

Основное содержание письма к Папе Римскому русского ученого Андрея Андреевича Крыльцова, присвоившего себе ложную славу Филофея, отказывавшегося вернуться из Космоса на Землю и оставшегося на орбитальной станции, касается эмбрионального развития человеческого рода, наследственности, онтогенеза и филогенеза, генотипа, генофонда, биоуправления, биосинтеза и биометрии. С появлением в утробе матери эмбриона (зародыша) начиная с первых дней есть возможность интуитивного предчувствия его будущей судьбы и отношения к ней самого эмбриона. Если это предчувствие негативно, то кассандро-эмбрион обладает способностью сопротивления появлению на белый свет.

Суть экспериментального метода – научного открытия Филофея – заблаговременное определение рождения находя-

щегося во чреве матери кассандро-эмбриона. Негативная реакция эмбриона проявляется в пигментных пятнах на лбу у женщин. Если подобное пятно появляется, то обеспокоены не только родители, должны беспокоиться жители всего континента. По теории Филофея, недопущение к жизни негативного кассандро-эмбриона по его желанию даёт возможность избежать войн, кровопролития, нищеты, страдания, апокалипсиса. «Будь на то моя воля, я предпочел бы не рождаться. В ответ на ваш запрос я посылаю сигналы, которые вы можете разгадать на предчувствие рока, беды, ожидающей меня, значит, моих близких, в будущем. И если вы эти сигналы разгадаете, то знайте, я, кассандро-эмбрион, предпочитаю исчезнуть, не родившись, не принося никому лишних тягот. Вы запрашиваете, я отвечаю: я не хочу жить. Я – кассандро-эмбрион! Пока еще не поздно распрощаться со мной, я к этому готов. Я, кассандро-эмбрион, буду много дней давать о себе знать, я, кассандро-эмбрион, буду посылать вам свои сигналы. Я, кассандро-эмбрион, не хочу родиться, не хочу, не хочу, не хочу.....»¹.

Может в теории Филофея есть своя истина: в таком случае, сколько абортов можно было избежать – столько новорожденных избавилось бы от судьбы быть выброшенными в мусор. С кого спрос за них?! Не появлялись бы в будущем диктаторы, как Гитлер, не было бы кровавых конфликтов как в Югославии, Карабахе, Чечне, не было бы мафии, нарко-

манов, тюремных бандитов. Может, это необходимо для родителей будущих кассандро-эмбрионов? Может, тогда добро возьмет верх, наконец, над злом?! Это – утопия?! Фантазия?! Иллюзия?! Гипотеза?!

Для общественности было важно ученое мнение известного американского футуролога Роберта Борка на космическое обращение в газете «Трибюн». Какую позицию займет он?! А что если его личное мнение разойдется с мнением большинства? Сумеет ли он уберечь честь ученого до конца своей жизни?!

Когда Борк впервые услышал о научном открытии в газете «Трибюн» от своей жены Джесси, он не придал этому большого значения. Но мысль о тавре Кассандры не дает ему покоя. Когда-то в молодости он был единственным сторонником дискуссии о создании интеллектуальных моделей жизни человечества. Поэтому неудивительно, что события вокруг тавра Кассандры привели Борка к открытому конфликту с другими.

Через образ Борка Айтматов рисует облик учёного прогрессивных взглядов, гуманиста, правдивого, болеющего за развитие науки. Здесь не надо объяснять на чьей стороне автор. Герой в данном случае – главный центр, находящийся в пересечении событий.

Научная и человеческая принципиальность Борка становится очевидна уже с первого его телефонного разговора со старым знакомым Оливером Ордоком, выставившим свою кандидатуру на прези-

дентских выборах. Теорию Филофея он воспринимает вполне спокойно, разумно отнесясь к нему как к очередному научному открытию и не впадая в панический страх, как другие.

Превращение Борка в своего рода земного Филофея показано автором психологически убедительно. По мысли писателя, только опыт, эрудиция героя позволяют ему объективно отнестись к теории Филофея. Учёный считает необходимым открыто высказать свое понимание перед общественностью. В его статье существенным было то, что он комплексно обосновал понятие «Человек» – рассматривая его с социальной, философской, биологической, психологической, нравственной точки зрения. Научно аргументированное подтверждение реальности теории Филофея было одной из самых существенных проблем в его судьбе. Поэтому писатель рисует своего героя не простым сторонником космической идеи, а человеком внутренне готовым к ней. Результаты многолетнего научного поиска самого героя уже подводили его к открытию, близкому к теории Филофея. Личная судьба Борка тоже неразрывно связана с судьбой Филофея в космосе. Ни единственная дочь, ни супруга не могут заставить Борка отказаться от идеи. Он уже положил свою голову на плаху. Сущность жизни, человеческая судьба, жизнь и смерть, религиозные верования, добро и зло, значение всего сущего, от животного мира до космических сигналов-предупреждений – вот что составляло содержание статьи Борка:

«Тавро Кассандры» не знак позора и унижения, в чем пытаются убедить нас иные ораторы, преследующие свои политиканские цели, это – знак беды, крохотный сигнал о великой нашей беде, неожиданной, прежде неведомой людям, необозримой в глобальных масштабах и поэтому требующей исключительного подхода как роковое для человечества социально-биологическое явление. Открытие Филофея свидетельствует о том, что наше самосознание деформировано на генетическом уровне, реформировано по вине самого человека, из поколения в поколение живущего вопреки идеалам Мировой души. Трагедия в том, что мы избегаем, всячески уклоняемся, как это было в частности продемонстрировано на предвыборном собрании, от осознания причин, побуждающих кассандро-эмбрионов к отказу от борьбы за существование. Угасание желаний жить есть угасание мировой цивилизации. Это и будет концом света. Иначе говоря, конец света заключен в нас самих. Это-то и улавливают кассандро-эмбрионы, обладая инстинктивной чувствительностью, и дают нам знать о своем страхе перед жизнью через пятно Кассандры, появляющейся на челе беременных женщин.

Следует бояться не самого тавра Кассандры, а причин, вызывающих в недрах генетики этот эсхатологический сдвиг... Мы совершим великую ошибку... Филофей не провокатор, он – космический пророк...»². Но общество не поняло Борка. Распространились листовки, порочащие

его имя, честь и совесть. Его самого убивает разгневанная толпа. Эта трагедия, во-первых, говорит о том, что человек связал свою судьбу с идеей, во-вторых, о жестокости, безответственности, несовестливости людей. Добра нет, есть зло. Герой Айтматова снова испытывает великую трагедию. Кстати, трагедия не ограничивается смертью героя! Писатель с самого начала событий психологически подготавливает к трагической развязке, и потому финал воспринимается как закономерный результат. Патриотизм ученого, деятельность, активность, правдивость Борка приводят к великой трагедии.

Женщина-полицейский, ведущая борьбу с наркомафией, не ведает что на ее лбу появилось пятно Кассандры, сигнализируя о трагической судьбе ее будущего ребенка. А что если ее ребёнок станет в будущем мафиози или преступником? Благо ли появление на свет такого ребёнка?! Почему в появлении кассандро-эмбрионов повинны только женщины?! А мужчины?! Они не имеют к этому отношения?!

Душевный мир Оливера Ордока противоположен взглядам Роберта Борка и Энтони Юнгера. Ради своих интересов он готов пожертвовать всем. Его двулика сущность открыто проявляется на встрече с избирателями. Узнав мнение Борка, он превращает их в предмет политических спекуляций, используя «шансы» в целях своей карьеры. По мысли Ч. Айтматова, трагедия героя – в бедности духовного мира, политической близорукости: «Эта акция человека, назвавшегося

монахом Филофеем, нацелена вроде бы на генетические исследования, а на самом деле – это агрессия, сокрушения нашего духа, нашей исторической уверенности в себе, в цивилизации нашей».

Эмоция, краснобайство, предвзятость, переклест овладевая митингующими, превращает их во взрывоопасную массу. Малейшая искорка может стать причиной пожара. Оливер Ордок, уловив ситуацию, призывает избирателей отомстить Филофею и Борку, а те, в свою очередь, обещают единогласно избрать его президентом. Ложь берет верх над правдой, бесчестье побеждает честь. Истина вопиет, но никто не слышит ее, не хочет прислушаться. Создается впечатление, что жизнь в этом мире состоит из одного зла: насилия, обмана, двурушничества, продажности. Это само по себе трагедия.

Но светлый образ Энтони Юнгера как бы даёт надежду на доброе начало. Энтони Юнгер – это Совесть, Вера, Будущее. Благодаря чистоте своих помыслов, человечности он порывает с Оливером Ордоком, превращаясь в сторонника и продолжателя идей Борка и Филофея. Поняв необходимость разъяснения общественности теории о кассандро-эмбрионе, он пытается организовать прямой эфир с участием Борка и Филофея. Герои Чингиза Айтматова славят Честную жизнь.

Если в прежних произведениях («Белый пароход», «Пегий пёс, бегущий краем моря») Чингиз Айтматов рассматривал проблемы современного человечества сквозь призму, исторического прошлого

древних предков, легенд, преданий и мифов, имеющих философское значение, в «Тавре Кассандры» на вопрос «Как человеку быть?!» он ищет ответ в крупнейших достижениях современной научно-технической революции. Нарушена гармония природы, искусственность наступает и наступает...

Тема фантастики хорошо знакома Ч. Айтматову. Проблема космоса из романа «И дольше века длится день» продолжена в новом романе. Космос – Земля – Космос! Революционные повороты в сознании паритет-космонавтов неспроста возобновляются в сознании Филофея. Великие открытия, наблюдения могут родиться только на высокой Орбитальной станции – в Космосе. Ч. Айтматов – создатель фантастических мыслей-идей, но не трудно заметить, что в его основе лежит «зерно» реальности.

Сюжетная канва романа Ч. Айтматова развивается многосторонне. Сюжетная композиция, тематика отличаются от прежних произведений автора. Роману присущ публицистический стиль. Для автора события не являются самоцелью. Диалоги, подтекст, размышления доминируют над действиями героев, и самое главное – автор стремится взглянуть на проблемы жизни генетики с философского, психологического, нравственного ракурса. Проблемы, затронутые в романе, – общие для всех наций, народов, для всего человечества.

Теория кассандро-эмбриона Филофея – трагедия для всего человечества. Косми-

ческое обращение составляет ядро произведения, способствуя развитию событий. Неспроста Ч. Айтматов так дотошно выписывает детали обращения своего героя. Филофей не просто излагает научную теорию, но преподносит её как реальность, имеющую место в практике.

Достижения космических исследований призывают людей жить в мире и согласии, ведь ключ к решению многих проблем в их же собственных руках. При какой бы системе ни жил, и какой бы расе ни принадлежал – Человек существо высокое. Обращение Филофея надо рассматривать комплексно с социальной, биологической, религиозной, философской, моральной позиции. Общая проблема нынешнего дня – это вера в святость человека. Но все ли двуногие – люди?! Все ли, кто должен родиться могут стать людьми?! Откуда возникли выражения, наподобие «Разве он человек?!»

Публикация теории Филофея в американской газете подняла волосы дыбом у людей планеты: как родители могут отказаться от своего будущего ребёнка?! А если кассандро-эмбрион будет бесконечно посылать сигналы-признаки, то род человеческий может прекратить свой рост. Если весь мир заполнят кассандро-эмбрионы, какова будет судьба человечества?! Можно ли верить в теорию Филофея?! Что будет, если ядерное оружие попадёт в руки диктатора-фанатика, способного уничтожить земной шар? Может, в этом причина отказа отца водородной бомбы Сахарова от своего детища? По-

зволят ли достижения цивилизации сконструировать будущее человечества по модели интеллектуального «Римского клуба»?

Против теории Филофея организовались репортажи, устраивались митинги: где права человека?! Это нарушение Конституции?! Таким ли должно быть демократическое государство?! Кто имеет право вмешиваться в частную жизнь личности, заставляя жить согласно теории?!

С максимальной выгодой использует это Оливер Ордок, выставивший свою кандидатуру на пост президента Америки, пытаясь набрать политические очки. Если американцы называют Филофея русским агентом, китайцы видят в нём врага социализма, иные считают космическим бесом, анархистом, дьяволом, требуя его уничтожения. Только футуролог Роберт Борк сумел понять рациональное зерно, заложенное в теории Филофея. Он сумел уловить таинственную связь между свободно плавающими в океане китами и космическим научным открытием. Почему киты ночью стаями подплывают к берегу и выбрасываются на сушу?! Киты... да не только киты, но сова, вот уже много лет гнездящаяся в башне Кремлевской стены, тоже предчувствует беду, нависшую над миром.

Социализм. Капитализм. Демократия. Писатель зримо, словно на экране кинематографа, рисует эмоциональное состояние демонстрантов и митингующих вокруг Кремля. Демократы и консерваторы, фиделисты и саддамиты, ленин-ста-

линцы и гитлеровцы. Интернационалисты и националисты. Пенсионеры и молодёжь. Сторонники и противники войны. Никто не слушает никого. Крики, шум. Сторонники гонки вооружений лупят молодого человека, который против войны. Другой убил девушку и теперь сжигает её труп. Никто не отвечает ни за что. Время смутное, нравы порочные. Полная анархия!!!

В романе отчётливо выступает «образ» международного «Иссык-Кульского форума». Идеи участников форума о судьбе человека слились воедино, образовав мировое сообщество единомышленников. Герои романа тоже являются участниками форума. Новое мышление, гласность, интеллектуальность, будущее мира, неприятие войны, эволюция человеческого сознания, этика и философия отношений между народами, молодёжь, образование и воспитание, сохранение цивилизации – таковы аспекты обсуждений на международной встрече «Иссык-Кульский форум». Не случайно смысл выступлений Айтматова на заседаниях форума созвучен идее романа. Его взгляды, пронизанные публицистическим пафосом, доросли в художественном произведении до великих научно-фантастических идей...

Видимо, неспроста в 1978 году во время международной конференции по генетике, проходившей в Москве, корреспондент газеты «Комсомольская правда» обратился к доктору биологических наук Л. Киселеву с таким вопросом: «Некоторые биологи считают, что в организме чело-

века с рождения заложены гены добра и зла, альтруизма и страха, ненависти и радости. Что думают об этом генные инженеры?» Тогда учёный уклонился от прямого ответа, отделавшись общими словами, что мол, «может быть и так и так, что это объект таких наук, как нейробиология, нейрогенетика». Создаётся ощущение, Ч. Айтматов своим произведением даёт ответ на вопрос того корреспондента.

Филофей, повергший весь мир в смятение – русский учёный Крыльцов. Его жизненный путь достаточно сложный. Родившийся во время войны, он не знает, кто его родители. Его отец, возможно немецкий фашист, а мать, не вынесшая позора, бросила своего ребёнка. Волею судьбы он выжил, вырос, получил образование и даже учёную степень.

Нет, неспроста возникла теория Филофея. Филофей – Андрей Андреевич Крыльцов, всю свою предшествующую жизнь посвятил проблеме создания иксродов – нового вида людей анонимным, искусственным способом. Оказывается, иксроды имеют всемирно-историческое значение: рождённые дети не должны знать своих родителей: они растут, воспитываются, обучаются в интернатах, детских домах с использованием всех достижений науки в целях скорейшего построения мирового коммунизма. Для этого, институту Андрея Крыльцова выделялись огромные материально-технические, финансовые средства. Проводились генетико-биологические эксперименты на

заключённых женщинах. Иксроды – это новый тип манкуртизма, они должны стать рыцарями идеологии XXI века. «Иксродам предстояло остановить движение того исторического колеса, положить конец Отцовству, Материнству, положить конец всему, что являлось продолжением опыта поколений для всех и для каждого на белом свете. И тогда понятия «Мать», «Отец» вообще уйдут в область преданий или будут иметь чисто условное значение». Учёный с огромным интересом работал над экспериментальным методом, подобным инкубаторскому выведению цыплят. Сердце учёного выросшего без родительской ласки, без семейного тепла покрылось «льдом». Во время научной практики, бесконечного эксперимента над судьбами людей он встречается с Руной Лопатиной.

Кстати, о Руне Лопатиной. Крыльцов начинает свои эксперименты с заключённых в тюрьму женщин. Если они давали согласие на эксперимент, то есть были согласны производить на свет искусственно зачатых детей, срок их заключения сокращался, иначе говоря, от этого выигрывали и тюремщики, и партия с правительством, заинтересованные в успехе научного исследования.

В лаборатории Крыльцова ежедневно решались судьбы многих женщин и младенцев, долженствующих в недалёком будущем появиться на свет божий. Обе стороны, как роботы-манкурты, беспрекословно исполняли распоряжения, поступающие сверху. Только Руне Лопати-

ной, по какой-то причине попавшей в тюрьму, но сохранившей свою человечность и честь, удаётся пробудить в сердце Крыльцова, упоённого успехами научных экспериментов, любовь и заставить его думать по-человечески, высказывая ему в лицо раздвоение между наукой и совестью, наукой и преступлением. Этот её подвиг повергает Крыльцова в бессонные ночи, заставляет его поклониться Руне, испытать противоречивые размышления, вплоть до готовности бросить научные занятия, выразить готовность стать спутником её жизни. Он испытывает волнение, с нетерпением ожидает второй встречи с Руной в лаборатории.

Но судьба Руны тоже трагична. В то время, когда её вели к Крыльцову, при попытке к бегству ее настигает пуля. Трагедия!!! Образ Руны, поднявшей «бунт» против экспериментов по выведению искусственных людей – иксродов, остается в сердце Крыльцова, заставляя его признать ошибки, совершенные в жизни и вернуться к человеческой сущности и совести: «Я рыдал, сидя в кабинете. Рыдал по женщине, которую видел только однажды. Я понимал, что без нее я несчастен на всю оставшуюся жизнь...».

Время перестройки снимает из числа актуальных научных проблем вопрос об иксродах и Крыльцов отправляется в Космос. По окончании срока пребывания в орбитальной станции он остаётся в Космосе, отделившись от своих коллег-японских и американских космонавтов. Космос даёт ему возможность оценить прой-

денный им противоречивый исторический путь. Он пришёл к великой трагедии, создав с помощью искусственных методов новый тип людей.

Почему Андрей Крыльцов нарёк себя Филофеем? Почему не выбрал себе другого имени? Мало ли на свете монашеских имён? Оказывается, в этом есть свой смысл. Филофей – исторический монах, человек, старец псковского Елизаровского монастыря, писатель, живший в 1-й половине XVI века. Он – создатель политической теории «Москва-третий Рим». О его жизни нет достаточных сведений. Но сохранились письма-послания Филофея псковцам, московскому князю Василию III, царю Ивану IV и другим. В них он пишет о повседневном житие-бытие Пскова, обосновывает присоединение Пскова к Москве, безграничную власть московского князя и царя. Вместе с тем, размышляет о всеобщих философских вопросах человеческих судеб, критикует воззрения астрологов, утверждающих, будто человеческая история связана с перемещением звёзд и планет. Значит имя, выбранное Крыльцовым – Филофей, вполне подходит ему.

Иногда люди не могут оценить добро или же не хотят. Митингующие убивают футуролога Роберта Борка за поддержку теории Филофея. Филофей выбрасывается в открытый космос в знак протеста против непонимания, нежелания людей понять призыв заглянуть в будущее. И Борк, и Филофей погибают, подобно китам. Выражая протест обществу, ставя

истину, добро выше жизни, они прямо, по своей воле идут на смерть.

В произведении наряду с ночной совой есть еще и киты, бороздящие океанские волны. Футуролог с самого первого раза, когда увидел китов, почувствовал, что мир ожидают какие-то таинственные события, чувствовал будто он и сам плывет вместе с ними. И даже киты неспроста приснились главному герою. Киты как радары в открытом океане чутко ощущают заранее будущие тревожные события, предупреждают об этом людей, выбрасываясь на берег и подвергая себя жестокой смерти. Почему это происходит? Потому что по исследованиям ученых киты являются самыми трагическими существами и они не способны переносить все порочные злые разрушительные поступки, когда нарушается гармония жизни, когда космос и земля терпят катастрофу, когда человек теряет разум, киты протестуют против этого, призывают к разуму. Айтматов еще раз бьет тревогу «как человеку человеком быть». Айтматов еще раз предупреждает, что крушение нравственности, духовных истоков – это есть главная трагедия современности. Трагедия ночной совы и китов – это трагедия природы, но она неразрывно связана с человеческой жизнью и его существованием. Для писателя не существует отдельной трагедии. Она всеобща, касается всех, связана со всеми и оторвать человека от природы невозможно. По этой причине в романе Филофей, Роберт Борк, Руна Лопатина, ночная сова, киты объе-

динены внутренним чувством и вместе составляют трагическое ядро произведения. Трагедия эта – итог содержания романа. В творчестве Айтматова трагедийность не ограничивается мелодраматическим плачем, трагедией какого-то частного лица, его ошибкой. Трагедийность у Айтматова связана с узловыми историко-социальными философскими проблемами эпохи и общества. Будь то трагедия Филофея или трагедия Жаабарса, это трагедии, касающиеся общества, всего человечества. Неспроста Аристотель считал, что трагедия в искусстве является огромной очищающей катарсической силой. Пусть бог бережет нас от трагедий в реальной жизни, но читатели должны извлечь урок из трагедии Танабая, Момуна, Саманчина, Роберта Борка.

Киты, киты... Они тоже выбрасываются на берег в предчувствии страшных катаклизмов, землетрясений, паводков, пытаясь тем самым предупредить людей о надвигающейся беде! Трагедия целых стай китов, обладающих уникальной интуицией, объясняется реакцией мирового Разума на происходящие в мире события. Поэтому киты в произведении не просто деталь пейзажа, они несут в себе глубоко символический смысл. Согласно легендам, преданиям, мифам киты являются прародителями людей, они оберегали людей от жестоких ударов стихии, принося в жертву даже самих себя. Но для Филофея киты – это ключ к познанию таинственной биосферы и геосферы. Поэтому киты не покидают сознания, чув-

ства, сновидения главного героя. Они несут символический смысл, играя роль таинственных катализаторов, связывающих Человечество с Космосом. Чингиз Айтматов через призму животного мира повествует об органически неразрывной взаимосвязи живой жизни на всей планете, о соотнесённости их энергии. К достижениям биологической, генетической, медицинской наук автор подходит с философской, психологической, нравственной точки зрения. Из внутренней структуры романа вытекает стремление автора убедить сообщество следовать моральным идеям и нормам человечества, последовательно и поступательно развитию сознания, соответствию свободы и духовного богатства человека, воспитанию совестливости и справедливости, стремления к прогрессу и другим нравственные проблемы. Дух Айтматова, его философия упираются в планетарное мышление о Человеке, Природе, Обществе.

Сова – свидетельница «споров» между праками – политическими деятелями. Праки – это бывшие основатели и строители социализма. Они недовольны беспорядками внешнего мира. Они ропщут на том свете, не могут примириться с легкой переменчивостью убеждений ныне живущих людей. Это тоже своего рода трагедия.

С помощью двух духов (Ленин и Сталин) Айтматов хотел показать крах идеи социализма, хаотичность дикой демократии, пришедшей ей на замену, вообще крах общественного устройства. Хотел

дать почувствовать возможность трагического конца жизни всего человечества, необходимость поиска путей выживания, возможностей его дальнейшего развития. Тогда, когда духи вступают в потасовку между собой, дерутся в жестокой схватке, ночная сова, жившая в Кремле, со дня появления там Мавзолея, прилетала туда, все слышала и видела своими глазами.

В романе «Тавро Кассандры» кроме Горбачева встречаются имена и других исторических личностей, таких как Сталин, Мао, Гитлер, Саддам, Каддафи, Фидель. Но «Тавро Кассандры» не является историческим романом. Произведение не становится историческим, только потому что в нем упоминаются имена исторических личностей или же исторические события. В художественной литературе, особенно в литературе реалистической есть такие понятия как принцип историзма и художественная условность. Если объяснить это попроще, то писатель берет творческую идею из жизни и старается облечь ее в образы и сюжет так, чтобы передать эту мысль читателям наглядно, доходчиво и убедительно. Но он не пересказывает буквально то, что видел в жизни, то, что знает, без всяких изменений, а трансформирует события реальности в зависимости от идейной концепции, что-то прибавляет или убавляет, как строитель планирует будущее здание. Таким образом, событие, взятое из реальной жизни или же идея, толчком которой послужила сама жизнь приобретает

исторически условный характер. Если говорить о романе «Тавро Кассандры», в нем отражается общественная ситуация после 90-х гг., жизненная правда этих лет. Но, главные герои Андрей Крыльцов – Филофей, Роберт Борк, Энтони Юнгер являются условными образами, созданными с помощью творческой фантазии писателя, а также понятие кассандроэмбрионов, икс род, явившиеся ядром айтматовской идеи, тоже являются условными образами. Если когда-то советская государственная идеология в политических интересах ставила целью воспитание таких икс родов как Тансыкбаевы, Сабитжаны, то сейчас из-за социального кризиса, нравственной деградации сколько у нас плодятся новых икс родов, сколько киргизских младенцев как икс роды оставляются в роддомах Киргизстана и России. Из-за нарушения экологии в результате тайных испытаний ядерного оружия над человеческим геном нависла страшная угроза – сколько детей рождается с врожденными тяжелыми заболеваниями. Айтматов видел эту глобальную проблему и поэтому он говорит: давайте обратимся к уму-разуму и вместо политического, экономического, религиозного противостояния, вместо амбициозной гонки в интересах собственной персоны задумаемся о будущем человечества. Давайте соберемся все разумные граждане Земли и будем заботиться о будущих поколениях. Вот с таким призывом он обращается к читателям, пытаюсь дать толчок к размышлениям.

В романе очень много скрытых персонажей, переданных через подтекст. Изображение их вторым планом придает произведению многоплановость. Подтекстовые персонажи Ч. Айтматов использует для включения в роман духа различных эр, эпох, времен. А сова наблюдает за извивами Истории с Кремлевской башни. Почему даже сова умерла, не перенеся противоречий, сложности этого мира?! Это тоже трагедия! Вообще, есть ли в романе пределы трагедии?!

И Природа-мать не в силах перенести тяжкое бремя, лёгшее на плечи человека. Может за сохранение равновесия в этом мире мы обязаны сочувствию Природы Человеку?!

Ч. Айтматов раскрывает многопластовую суть трагедии не только через человеческие судьбы, но и в сочетании с различными таинственными явлениями природы. Говоря конкретно, «Тавро Кассандры» даёт толчок посмотреть на проблему трагического, встретившегося в прежних произведениях Ч. Айтматова с несколько иных позиций.

Факты свидетельствуют о том, что наука медицина достигла возможности искусственным способом создать человека. По сообщениям средств массовой информации, есть дети, рождённые из семени Гитлера. Недавно газеты опубликовали сенсационный материал под заголовком «Ребёнок от погибшего мужа»: «22-летняя Пэм Мареска из Америки больше всего на свете хочет родить ребёнка от своего мужа. Но проблема заключается в том,

что он мертв. Через 16 дней после их бракосочетания молодой человек погиб в автомобильной катастрофе. Врачи, прибывшие на место происшествия, сумели извлечь из организма уже мёртвого мужчины семя и заморозить его. Сейчас медики подготовили всё для оплодотворения женщины»³.

«Сперма американских доноров поможет вновь заселить пустующие просторы Украины» – так комментируют официальные газеты новый «благотворительный» проект американцев.

Суть его в том, что Криогенный центр Новой Англии (Бостон, штат Массачусетс) заключил с киевскими властями договор о поставке в страдающую от уменьшения рождаемости Украину замороженной американской спермы, а также всего необходимого для ее хранения и внедрения оборудования. В самое ближайшее время на американские деньги в Киеве откроется спермобанк и осеменительная клиника.

Многие ученые в связи с этим недоумевают, чего больше в таком проекте: идиотизма или чудовищного расчёта. Ведь рождаемость на Украине, как и во всех прочих частях бывшего Союза, упала не от недостатка спермы, а от недостатка денег на содержание детей. И оттого, что некая украинка забеременеет от некоего американца, денег у нее, естественно, не прибавится. Так что же это? Некоторые специалисты полагают, что речь идёт, ни больше ни меньше, об искусственном изменении этнического состава населения страны⁴.

«Заманчивая идея размножиться в космосе преследует человека не один десяток лет. К. Э. Циолковский в 1903 году мечтал, что придёт время, и миллионы людей, рожденных в космосе, – это новое, радостное поколение – заселят мёртвые просторы Луны, Марса, Венеры.

В 1965 году планировался запуск «Восхода» с тремя космонавтами на борту. Людмила Токова и её муж – командир корабля – должны были поставить невероятный опыт – зачатие в космосе. Однако этот полет не состоялся. Королев умер, преемником стал Глушко, а он прекратил эту сексуально-космическую эйфорию.

Новые эксперименты начались только в 1973 году. Выяснилось, что зарождение человеческой жизни в космосе невозможно без создания искусственной гравитации. Сперматозоиды вели себя хуже, чем при алкогольном отравлении, их подвижность нарушалась. Замороженный эякулянт был доставлен на Землю и имплантирован жёнам космонавтов без положительного результата.

Полет Савицкой в 1982 году, исследования Олега Атькова в 1984 году выжали максимум из прежних направлений – влияния внешних факторов на изменение репродуктивной функции организма после возвращения на Землю.

Советские исследователи зашли в тупик. Американцы же принялись за дело с соответствующим размахом, используя установку искусственной гравитации фирмы «Рокуэлл». Первый половой акт в

космосе был совершен в 1984 году между Джудит Резник и Робертом Маллэйном. Датчики, разбросанные по телам космонавтов, передали на Землю соответствующую информацию. Сразу же по приземлении Резник была доставлена в госпиталь авиабазы «Эдвардс». Состояние здоровья резко ухудшилось.

Триумф космонавтов в космосе оборачивается их трагедией на Земле. Только 10 процентов астронавтов женятся после полета, 28 процентов разводятся. Ни одна из 8 американок, побывавших в космосе, не родила...»⁵.

Это ли не свидетельство о реальном содержании научных экспериментов героя романа?!

Современное развитие науки поражает даже самого человека. Уже на седьмой неделе беременности можно получить достаточно полное представление о здоровье будущего ребёнка. Нельзя отрицать и тот факт, что с помощью медицинской аппаратуры можно скорректировать «дефект» плода во чреве матери. Об этом свидетельствуют положительные результаты вполне реальных экспериментов! Можно поручиться за то, что рассмотрение успехов медицинских, биологических, парapsихологических, технических наук сквозь призму романа Ч. Айтматова будет результативным.

«Родила царица в ночь,
Не то сына, не то дочь,
Не мышонка, не лягушку
А неведому зверюшку» –

подобные сказочные мотивы, еще недавно казавшиеся невероятными, сегодня превратились в факты реальной действительности. Сообщили ведь газеты о рождении американской женщиной «привидения», а другой – щенка! Что можно сказать об этом?!

Эпиграф и тема романа связаны с героической мифологией и определяют содержание произведения. Кассандра – ясновидящая дочь Троянского царя Приама. Согласно легенде, Аполлон наделил Кассандру даром пророчества. Но после того, как Кассандра отказалась ответить взаимностью на любовь Аполлона, он наказал её неверием людей в её предсказания, несмотря на то, что они неизменно сбывались. После взятия Трои греками, Кассандра встретила с Агамемноном и была привезена в Микены. Убита вместе с Агамемноном его женой Клитемнестрой.

Точкой соприкосновения, внутренней связывающей нитью является дар ясновидения Кассандры из легенды и научное открытие главного героя Ч. Айтматова – Филофея возможности предсказания грядущих явлений. Как Аполлон наказывает Кассандру, так и общество наказывает Филофея и Борка.

В мировой литературе образ троянской ясновидящей Кассандры привлекал внимание многих писателей и поэтов. Не будет лишним, если мы совершим небольшой экскурс в эту литературу.

В «Илиаде» Гомера, «Агамемноне» Эсхила, в трагедии Еврипида «Гекуба» ко-

ротко изображается судьба Кассандры. В трагедии Эсхила сюжет имеет в основном следующие очертания: Агамемнон возвращается с победой из Троянской войны через десять лет. Эта победа дается нелегко, стоит крови многих людей, муки народа, рушатся города. Агамемнону приходится даже пожертвовать жизнью своей любимой дочери Ифигении. Жена Агамемнона Клитемнестра, нарушившая верность своему супругу, чтобы скрыть свою вину, встречает его с особыми почестями, постелив на его пути красные ковры. Но душу ее гложет черная мысль – убить своего мужа. Прибытие вместе с Агамемноном пленницы и одновременно любовницы Кассандры возбуждают в ней чувство ревности.

Кассандра предвидит напасти, которые ждут впереди – разрушение Трои, несчастья на земле Агамемнона – Аргосе. Но ей никто не верит, ибо таково было наказание Аполлона, отвергнувшей его любовь Кассандре. Кассандра оказывается бессильной перед своим даром ясновидения. Кто ей поверит?! Кто ее пожалует?!

Она чувствует во дворце Агамемнона запах крови и предчувствует надвигающуюся катастрофу. Знает, что на торжествах во дворце, куда их пригласили, Агамемнона и её ждет смерть и скорбь, сообщает о будущей смерти Агамемнона и себя. Но никто ей не верит.

Кассандра:

Содеять что хочешь, проклятья?
Того, с кем ты спала, зачем,

Его встречая, в баню повела? Зачем?
Что дала – не вижу. Спешат.

В чью-то руку

Что-то сует рука...

А..А... Увы! Увы! Что я увидела?

Аида сять. Секира.

Топор двуострый. С ним она, с убийцею,
Давно спала... Демон семьи! Раздор,
Жадный ликуй, Вдыхай крови дым.

Грех свершён...

А... А... Вот, вот... Держи!

Прочь от быка гони

Корову. Рог бодает...

Рог черный прободает плоть, полотнами
Обвитуя. В хитрых тенетах он,
Рухнул в купальню мёртв...
Выкупан в бане гость...⁶.

Не в силах психологически перенести предстоящую свою смерть Кассандра приходит в возбужденное состояние, впадает в забытие. После того, как экстаз проходит, её приглашают во дворец, и она идёт на пир – на свою смерть.

Такой трагический, драматический, психологический образ, как эсхилевская Кассандра редко встречается в героической трагедии. «Небывалый по своей трагичности комплекс переживаний Кассандры изображен у Эсхила не эпическими описаниями, но в виде рассказа вестника или передачи чувств и настроений хора. Они даны сами по себе во всей жуткой обнаженности и острейшем, можно сказать, обжигающем, психологизме. Эсхилевский монументально-патетический стиль дошёл здесь не только до изобра-

жения индивидуальной психологии: Кассандра предстаёт во всей полноте человеческих чувств и переживаний, включая всю силу и слабость человеческой психики, экстазы и видения, буйство, беспомощность, героизм и в то же время обреченность потерявшего себя человека, за минуту до своей гибели»⁷.

Греческий поэт Ивин, живший еще до нашей эры, написал стихотворение «Кассандра, Приама дочь...»: «Кассандра, Приама дочь, Синеокая дева в пышных кудрях, В памяти смертных живёт»⁸.

Можно вспомнить произведения французского писателя Ла Кольпредда «Кассандра», Шиллера «Кассандра», Ликофронда «Кассандриада», Жуковского «Кассандра».

Чарующая сила лирики Фридриха Шиллера «Кассандра» хорошо известна читательскому миру. Глубокая скорбь, пессимизм лирического героя вылились в один из высших образцов поэзии. Невозможно здесь, из-за большого объёма, целиком привести будоражащее душу стихотворение. Поэтому, прочтём лишь небольшую часть этих волнующих строк:

«... Я забыла славить радость
Став пророчицей твоей,
Слепоты погибшей сладость,
Мирный мрак минувших дней,
С вами скрылись наслажденья!
Он мне будущее дал,
Но веселие мгновенья

Настоящего отнял.

«Никогда покров венчальный

Мне главы не осенит;
Вижу факел погребальный,
Вижу – ранний гроб открыт.
Я с родными скучны младость
Всю утратила в тоске...
Ах, могла ль делить их радость,
Вида скорбь их в далеке?
«Их ласкает ожиданье,
– Жизнь, любовь передо мной;
Все окрест очарованье –
..... Я одна мертва душой.
Для меня весна напрасна,
Мир цветущий пуст и дик...
Ах, сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ее проник!..
«... Там сокрытый блеск кинжала,
Там убийцы взор горит,
Там невидимого жала
Яд погибелью грозит
Все предчувствуя и зная,
В страшный путь сама иду;
Ты падешь, страна родная;
Я в чужбине гроб найду...»⁹.

Также в трагедии Еврипида «Гекуба» изображена судьба семьи Приама и образ Кассандры. А также В. Кюхельбекер обращается на тему Кассандры, написав поэму:

«... В Микены течёт путешественник
дальний,
Я вижу торжественный,
праздничный дом:
Иссякните, воды последней купальни,
Царя поразила неожиданный гром!
Увы! Устраните тельца от телицы:
Ползёт же семейственный,
мерзостный змей!

Исторгниите льва из сих жадных когтей,
Из гнусных зубов побеждающей львицы.
Гимен, о Гимен, о бог Гименей!

О Феб-Аполлон, Аполлон-сокрушитель,
Чей это дымящийся кровью чертог?
И ты не дрожишь, потаенный губитель?
Кто, кто их удержит? – герой изнемог.

Супруг от супруги принял покрывало, Оно его мощные руки связало; Так час роковой без возврата пробил, Он гибнет, лишённый защиты и сил!...»¹⁰.

«Образ античной пророчицы Кассандры романтизирован: это прорицательница бедствий, ужас перед которыми разрывает её душу, приносит ей скорбь и мучения. Это страдание изображено в поэме в виде предельного, крайне эмоционального состояния... Типично для романтической поэмы и ее сюжетное построение: рассказ Кассандры о своих терзаниях, предсказание собственной гибели – и безбоязненная, даже радостная решимость подчиниться судьбе: «В даль на вихрях полечу Встретить раннюю кончину!»¹¹.

Из произведений, посвященных Кассандре, отличается повесть немецкого писателя Кристи Вольф «Кассандра». Если в античной литературе, начиная от «Илиады» Гомера и кончая трагедией Эсхила образ Кассандры рисуется однобоко, в мифологических рамках в повести прозаик через образ девушки затрагивает общечеловеческие проблемы. В 1982 году, во время пребывания в Москве, Криста

Вольф поделилась с сотрудниками журнала «Иностранная литература» следующими мыслями: «В последнее время моё внимание приковано к фигуре Кассандры – мифической троянской царевны, которая предсказала гибель Трои во время греко-троянской войны. В этом древнем мифе мне видится ядро, позволяющее использовать миф во вполне актуальных целях. Разве ядерная война, если ее не предотвратить, не уничтожит нашу цивилизацию? Для задуманной мною повести мне пришлось более основательно углубиться в мифологию и археологию. Мы с мужем, в частности, побывали в Греции, с интересом знакомились там с памятниками микенской культуры. Но моя главная цель не просто возрождение мифа. Повесть задумана как предостережение».

Криста Вольф с большим мастерством, оригинально переработала легендарный сюжет греческой мифологии, из творческой фантазии писателя родились новые события, персонажи. Писатель повествует о событиях через внутренний предсмертный монолог Кассандры. Перед взором героини проходят мучительные десять лет троянской войны, смерти Гектора, Ахилла, Поликсены, сложная судьба её родителей Приама и Гекубы. Хотя и дар Кассандры – ясновидение позволяет заранее знать, что война для них закончится поражением, никто не хочет прислушаться к её словам. Даже обвиняют её в отсутствии патриотизма» считая сторонницей врагов. Для психологического углубления

легендарного образа вводится мотив любви Кассандры и Энея.

Размышления о повести Кристи Вольф хотелось бы закончить словами литературоведа Т. Мотылевой: «Кассандра – первая в мировой литературе женщина, дерзнувшая вмешаться в общественную жизнь. И в это свое вмешательство она вносит всю полноту человеколюбия, которая ей присуща.

... Повесть Кристи Вольф не содержит прямых призывов, не даёт готовых рецептов спасения человечества. Однако, всей совокупностью мыслей и образов эта повесть, мобилизует бдительность народов, их волю к тому, чтобы, отстоять мир»¹².

Значит, изображая образ Кассандры прямо и косвенно художники слова ставили перед собой различные задачи. Если из произведений Гомера и Эсхила мы узнаём о трагической судьбе героини, её нравственных качествах, повесть Кристи Вольф, роман Чингиза Айтматова связывают греческую мифологию с нынешним, завтрашним днём человечества, для извлечения из прошлого великих уроков. В повести «Кассандра» сюжет развивается по схеме известного мифа и беспокойство за современность, будущность человечества передается через подтекст. В романе «Тавро Кассандры» мифологический сюжет отсутствует, но основная идея неверия в пророчество составляет общность романа с греческой мифологией, а беспокойство за судьбы: человечества пронизывают произведение многослойным

пластом. В романе Айтматова Кассандра – не мифологическая девушка, не человек, автор использует ее скорее как символ пророчества. Без лишних объяснений понятно, что при поиске названия романа, подборе эпитафии, при его завершении, при изображении космического научно-открытия Филофея в сознании писателя витал образ мифологической Кассандры.

Айтматовская Кассандра – это судьба как отдельного человека, так и человечества в целом. Кассандра автора – в самом человеке, в его внутренней сущности и внешнем проявлении. Внутренняя сущность – это эмбрионы в чреве матери, еще не увидевшие белый свет. От них человечество еще может как-нибудь избавиться, а вот как быть с двуногими людьми – животными, носящими на лбу роковое тавро Кассандры?!...

Сразу же после публикации, роман вызвал живой интерес. «Литературная газета» опубликовала статьи Б. Евсеева и В. Коркина, противоположные по содержанию¹³.

Статья Б. Евсеева очень полемична. Мы сочли необходимым выразить свое отношение к ней. Критик Б. Евсеев пишет следующее: «...никогда еще действие произведений Айтматова не происходило целиком почти на Западе. Никогда ещё не отрывался так резко от своей почвы каменный, степной и долинный человек Айтматов»¹ Вправду трудно с достаточной точностью указать географическое место событий романа писателя. Собы-

тия развиваются в Америке, России, Китае, Европе. Об этом сам Ч. Айтматов говорит следующее: «Не потому, что я хочу объять необъятное, а просто так-ков сюжет романа»¹⁴.

Б. Евсеев высказывает критическую мысль, что эпилог романа разделяет произведение на две повести, слабо связанных друг с другом стилистически и структурно. Может внешне оно и выглядит так, но если посмотреть поглубже, сюжетно-композиционное строение и развитие событий, идейная взаимосвязь персонажей, стилистика повествования составляют единое целое. Что касается китов, хотя это и является «телефальшем», «порожденным воображением», как пишет критик, они играют не менее важную роль по своему символично-философскому значению, чем Акбара и Ташчайнар в «Плахе», Гульсары в «Прощай, Гульсары», Мать-Олениха в «Белом пароходе», Рыба-женщина в «Пегом псе, бегущем краем моря», Каранар, лиса в «Буранном полустанке», журавли в «Ранних журавлях». Киты в романе изображаются в тесной «увязке» с мировыми событиями, «живут» в сознании Филофея, Борка. Подобно кассандро-эмбрионам, предупреждают людей о грядущих несчастьях. Следовательно, китов следует воспринимать не только как авторскую фантазию, а и как глубинную взаимосвязь между всем живым, Человечеством и Вселенной. Б. Евсеев напоминает, что отношение Папы Римского к тавру Кассандры остается неизвестным. А что, Айтматов забыл про

Римского Папу?! Нет! Критик Б. Евсеев упускает из виду одно обстоятельство. Обращение Филофея к Папе Римскому – это обращение ко всему человечеству. Читателю важен ответ не официального Папы Римского, а простого народа всего мира. Во-вторых, это художественное произведение. Если бы автор дал официальный ответ Папы, художественная сверхзадача не была бы достигнута. Ведь сам Б. Евсеев пишет следующее: «Итак, что думает о бунте зачатых, об этой революции в утробе Его Святейшества, – так и остается неизвестным. А жаль! Ведь любой грамотный священнослужитель, а не то что Папа, в пять минут развеял бы сомнения и домыслы »брата« Филофея, самочинного монаха, коих, кстати говоря, и в природе-то быть не может»¹⁵. Если бы Айтматов даже знал, каким должен быть ответ официального Римского Папы, его включение в роман, несмотря на то, что это художественное произведение, было бы «не этичным». К тому же интереснее, если ответ Папы останется неизвестным, – ведь он стал бы авторитетным «рецептом» и для событий романа, и для читателей. Автор же дает возможность делать выводы самому читателю.

И еще одно мнение Б. Евсеева вызывает возражение: «Содержание, заглатывая в себя всё больше американских (бесспорно, чуждых сознанию автора) реалий, всё дальше отходит от собственно романной задачи, то есть исследования тайных и явных движений человеческой души, – будь то душа эмбриона или подкидыша.

Исследования души нет, зато начинаются массовые сцены»¹⁹.

Разве не отображена душа человека в ярких образах Филофея, Борка, Юнгера! Разве не видна душа человека в реакции на кассандро-эмбрион, тавро Кассандры различных народов, будь то американцы, русские, китайцы или японцы! Здесь автор пошёл на синтез: он усматривает единство души, психологии человека и народа в целом. Душевный мир поднимается до Человечества. Айтматов исследует душевный мир Человечества с космической высоты. Ч. Айтматов вскрывает тайны душевного мира именно в этих ситуациях. Будь то на Земле, в Космосе, – внутренний мир человека находится в центре внимания автора «Тавро Кассандры».

Другой серьёзный тезис Б. Евсеева выглядит следующим образом: «Во времена соцреальности Айтматов был почти свободным художником. Во времена относительной свободы слова становится капреалистом, что ли? Безусловно, роман рассчитан в первую очередь на Запад... Этим романом Айтматов обламывает одну из сохлых ветвей нашего бывшего нацлита»¹⁷.

В целом, можно согласиться с мнением критика. Айтматов и в советское время писал произведения, выходящие за рамки принципов соцреализма. Он избегал изображения судьбы человека в связи с какой-либо системой. Вспомним хотя бы повесть «Пегий пёс, бегущий краем моря». Конечно, мы не можем согласиться

ся с попыткой Б. Евсеева «привязать» Ч. Айтматова к капреализму. Если события романа происходят в другой географической широте, а большинство героев являются иностранцами, это ещё не значит, что писателя можно заносить в списки капреалистов. Несмотря на то, что Айтматов написал роман, ориентируясь на западного читателя, он основывается на общечеловеческих художественных ценностях. Роман одинаково сильно воздействует на души людей невзирая на систему, в которой они живут: будь то капиталистическое, социалистическое или феодальное общество. Автор стремился дать своему детищу долгую жизнь и в какой-то мере добился своей цели. И вправду, как указывает критик Б. Евсеев в «Тавре Кассандры» трудно узнать прежнего Айтматова.

Р. Арбитман считает обращение Ч. Айтматова к научной фантастике ошибочным и запоздалым. На его взгляд, научно-фантастическое направление определилось уже в шестидесятые годы: «При этом, честное следование традиции «шестидесятнической» НФ в середине 90-х есть занятие абсолютно бессмысленное, философская эссеистика давно вышла из подполья, ей не требуются ни декорум, ни камуфляж»¹⁸.

Пока жив человек, будет жить его мечта, фантазия. Историческое, научное, публицистическое обращение к прошлому, настоящему, будущему человеческих судеб никогда не поздно. Не слишком ли придиричив критик, когда пишет: «...про-

сто-напросто заблудилось во времени и пришло слишком поздно». Не нравится критику и то, что писатель обращается к американской газете «Трибюн», а не к «Комсомольской правде» и «Книжному обозрению». Плохо ли, если роман превращается в трактат, эссе, в концентрацию идей?! Неужели нет других явлений, кроме абстракции?!

Трагедия! Трагедия! Противоречие космического Филофея и земных людей, непримиримый конфликт современников, как Борк и Ордок, истины и лжи, совести и разврата, добра и зла – поражение положительного начала, его бессилие. «Тавро Кассандры» – произведение, в котором переплелись фантазия и реальность, основанные на трагических коллизиях героев, а его содержание-смысл – это интересная научная проблема, над которой ещё предстоит поломать голову грядущим поколениям. Если учитывать достижения медицинской практики и возможности человеческого разума, не исключено, что рано или поздно таинственный кассандро-эмбрион может быть найден. И тогда придётся удивляться тому, что роман Айтматова был не абстрактным размышлением, а пророчеством предвещавшим о тех явлениях, с которыми человечеству предстояло столкнуться. Сейчас мы воспринимаем «Тавро Кассандры» как художественное произведение, выражая свое сугубо читательское отношение к психологическим переживаниям его героев, можем остаться к ним даже совершенно равнодушными. А

завтра, если кассандро-эмбрион станет реальностью, представляете, какой психологический шок произойдёт в обществе и в нас самих! Упаси Господи!.. Да избавь, Всевышний, людей от кассандро-эмбрионов! И без него человеческому роду достаёт в этой жизни печали и горя!..

ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ Айтматов Ч. Тавро Кассандры. – Москва, 1995. – С. 16.
- ² Айтматов Ч. Тавро Кассандры. – Москва, 1995. – С. 107.
- ³ Караван. – 1995. – 24 марта.
- ⁴ Вечерний Бишкек. – 1996. – 15 марта.
- ⁵ Слово Кыргызстана. – 1996. – 3, 4 февраля.
- ⁶ Боннар А. «Греческая цивилизация». Т. 1. – М., 1992. – С. 232.

⁷ Античная литература. – М., 1980. – С. 124.

⁸ Античная лирика. – М., 1968. – С. 90.

⁹ Шиллер Ф. Стихотворения, т. 1. – 1957. – С. 287–289.

¹⁰ Кюхельбекер В. К. Избранные произведения в двух томах, т. 1. – ЭД. – Л.:Советский писатель. – 1967. – 343 с.

¹¹ Королева И., Кюхельбекер В. К. Избранные произведения в двух томах, т. 1. – 44–45 сс.

¹² Иностранная литература. – 1882. – № 1. – С. 239.

¹³ Евсеев Б. Мёртвая сова на мавзолее//Лит. газ. – 1995. – 11 янв.; Коркин, В. Догма и ересь//Лит. газ. – 1995. – 25 янв.

¹⁴ Литературная газета. – 1995. – 11 янв.

¹⁵ Комсомольская правда. – 1995. – 14 марта.

¹⁶ Литературная газета. – 1995. – 11 янв.

¹⁷ Литературная газета. – 1995. – 11 янв.

¹⁸ Арбитман Р. Я крикнул: «Галактика, стыдно за вас»//Книжное обозрение. – 1995.

ВСЕЛЕННАЯ, ЧЕЛОВЕК И ЖААБАРС

Во многом загадочен и таинственен процесс наблюдения за зарождением художественного произведения. В нем значительный, я бы даже сказал, препаратный, взгляд в глубь творческой мастерской писателя, изучение первичного «сырого» материала, со временем становящегося фактом крупного литературного явления, процесс прохождения этого материала через сито авторского отбора, обретение им окончательных форм и расцветок – изучение всего этого еще не стало традицией в киргизском литературоведении. Однако такая традиция, сформировавшись, не раз могла бы послужить весомым свидетельством идейно-эстетической интерпретации писателем этих материалов как личностью, как художником.

Представить творческое своеобразие писателя невозможно без настоятельных попыток понять специфику его мышления, характер, восприятие мира, его взгляды и отношение к общественным явлениям. Если бы мы анализировали художественные произведения с учетом указанных выше внутренних и внешних

творческих предпосылок и процессов, то, на мой взгляд, художественный мир писателя раскрылся бы перед нами в полной мере. Творческая эволюция замысла, пути его раскрытия, отбора сюжета, тем и образов стали бы яснее сменяющимся поколениям читателей..

Эти мысли приходят в связи с размышлениями о романе нашего замечательного писателя Чингиза Айтматова «Когда падают горы, или Вечная невеста».

В последнее время вниманию читателей были представлены такие рассказы как «Богоматерь в снегах», «Бахиана», «Ушедший на трон-гору», «Убить – не убить!..». Мне, откровенно говоря, временами казалось, что, возможно, автор вскоре сольет в одно произведение на тему войны «Богоматерь в снегах» и «Убить – не убить!..». Наблюдая, как Чингиз Торокулович скрупулезно собирает материал об образе жизни снежных барсов, их привычках и повадках, я ждал с вполне понятным нетерпением того дня, когда перед нами в художественном облике предстанет пока еще практически непознанный мир этих гордых властелинов гор-

ных высот. Однако то, как писатель сумел (опять, в который раз!) нерасторжимо связать жизнь дикой природы с миром людей, вновь поразил меня как читателя.

В новом романе Ч. Айтматова мы встречаемся с множеством как ожидаемых, так и совершенно неожиданных явлений. Да, антивоенная идея является одной из центральных в романе. Эта тема достигает своего апогея в эпилоге произведения – неопубликованном при жизни главного героя Арсена Саманчина рассказе «Убить – не убить!..». Она тесно перекликается с реальной жизнью основного персонажа, составляющей сюжет книги, с его логическим итогом. Интересно, что эта центральная идея, связанная с темой войны, убийства, развивается до самого финала. Она практически не связана с «государственно-политическим» фоном, развивается в связи с теми событиями, которые происходят в одном из киргизских айлов, в рамках основной религиозной морали – «не убий!».

Еще одна тема, являющаяся основой сюжетной композиции романа, – тема любви. События вокруг этих тем и составляют содержательную канву романа.

Прежний Айтматов в этой книге, вроде бы и присутствует, а вроде бы и нет. Говоря это, я имею в виду, что, начиная с «Тавра Кассандры», наш писатель окунулся в совершенно иной мир, новые проблемы. Это связано с тем, что последние годы он, живя и работая в Европе, ощущает на себе влияние нового читательс-

кого окружения, иной социально-эстетической среды, воздействие иных ценностей, влияние сложной и многоликой европейской литературы. Это закономерно.

А в чем можно увидеть прежнего Айтматова в романе (для краткости договоримся называть его по второй части названия – «Вечная невеста»)? Как, читая про Жаабарса, не вспомнить Ташчайнара и Акбару, как не заметить «айтматовскую магию» – мастерское сопряжение легенды с реалистическим сюжетом? Легко узнаваемы и художественные средства при создании пейзажных картин, поэтический синтез, ритмика и многое другое при использовании психологических параллелей. Нас не может не радовать «возвращение» писателя в киргизскую тематику, содержательная глобализация художественного изображения человеческой психологии рыночного времени, изображение жизни киргизов, а также масштабность мышления писателя.

Вместе с тем в романе, наряду с «узнаваемыми» вещами, есть и множество находок. И в этом смысле «новый» Айтматов в книге явно превалирует: образ и ритм жизни персонажей, их взгляды и своеобразие мышления, их манеры поведения, общения, речи – все это потребовало от писателя поиска нового стиля повествования, нового сюжетно-композиционного развития и новых решений. Айтматов сумел весьма успешно использовать при создании образа Арсена Саманчина европейский стиль мышления и манеры героя.

Арсен Саманчин по своему мышлению, мировосприятию и поведению совсем не похож на доселе существовавших персонажей киргизской литературы, это новый тип героя. Новые черты мы наблюдали и у других действующих лиц романа. Если характеризовать их по социальному типу, то это и представительница современного искусства Айдана Самарова, и челночница Элес, и сельский предприниматель-бизнесмен Бектур. Это и символ бизнес и массовой культуры (или, как определяет ее Арсен Саманчин – «оптовая культура»), «герой нашего времени», подмявший под себя средства массовой информации – Эрташ-Курчал, а также, дошедшие от нищенского существования до крайней степени отчаяния, Таш-танафган и его друзья-сообщники.

Мы, читатели, всегда ждем от Чингиза Айтматова литературных новинок. Время, читатели, да и сам автор не могут отдалиться, жить отдельно от сегодняшних проблем. Рано или поздно в киргизской литературе должно было появиться произведение о судьбе человека «младорыночной», если можно так выразиться, эпохи – причем, произведения не локального, камерного, на уровне некоего (следуя историко-литературной терминологии «физиологического очерка нравов», а масштабного художественного решения на уровне общечеловеческих обобщений, то есть – большого и серьезного романа). Что ж, по-своему закономерно, что это выпало на долю Ч. Айт-

матова. И это большая творческая ответственность признанного писателя.

Айтматов – писатель-мудрец, перманентно держащий руку на пульсе времени. Для его произведений характерно новаторство, в них всегда поднимаются актуальнейшие проблемы. Художник-обличитель, он уже многие десятилетия вскрывает «язвы» общества, их причины и следствия, создавая яркие социальные, психологические, философские полотна, «создавая художественные закономерности» бытия. Вот и «Вечная невеста» – остросовременное произведение, глубоко содержательное явление художественной литературы, поднимающее до высот трагического обобщения изображение социально-психологических и философских проблемы рыночного времени.

Для творчества Ч. Айтматова характерна высокая концентрация социальной и философской содержательности. Герои писателя, какими бы конкретными и индивидуальными характерами они ни обладали, как бы сюжет ни был нацелен на раскрытие их личностного и человеческого бытия, какой бы конкретный временной отрезок ни служил объектом изображения, всегда типичны, по-своему панорамны, несут в себе общечеловеческое, глубокое философское содержание, не имеют пределов во времени и пространстве. Суть общечеловеческой и всевременной философии Айтматова как раз таки и заключается в том, чтобы постоянно напоминать человеку о его человеческой

ипостаси, о гуманизме и великодушии, нравственной чистоте, о необходимости жить в любви и согласии, стремиться к счастью. На этом пути сын человеческий должен уметь преодолевать все трудности, не сходя с позиции добра и правды.

Во всех произведениях, даже когда он пишет о явлениях природы или о мире животных, явственно присутствует то философское содержание, о котором мы упоминали выше.

В «Вечной невесте» Чингиз Айтматов особо подчеркивает тему судьбы, которая присутствует в нескольких эпизодах. Роман в целом о судьбе главного героя Арсена Саманчина в нынешнюю рыночную эпоху. Конечно, много видимых и невидимых проблем всплывают за этой судьбой, но автор продолжает держать «главную партию».

Говорят, что судьба, в принципе, каждому человеку «написана на роду». Но, несмотря на это, каждый из нас в силах как-то корректировать, смягчать ее удары. Она так тесно связана с окружающей человека средой, что он вынужден познавать мир только с милостивого разрешения госпожи Судьбы. А судьба – это радости, горечи, тоска, стремления, победы, поражения, вера, обман, борьба... Вообще вся жизнь человека заключена в рамках судьбы. Вот и судьбы персонажей романа все усложняются, сближаются и взаимопроникают друг в друга. Проблема судьбы – один из основных вопросов романа, объединяющих все сюжетные части и ответвления романа в некую за-

конченную идейно-художественную суть. Проблема судьбы рассматривается и решается писателем в разных аспектах, применительно к событиям, связанным с фабулой жизни Жаабарсом, жизни Арсена Саманчина, с легендой о Вечной невесте, с рассказом «Убить – не убить!..».

Бывает так, что у совершенно разных существ вдруг оказываются поразительно схожие судьбы. Это мы наблюдаем и в романе «Вечная невеста», когда идентично и параллельно раскрываются судьбы Жаабарса и Арсена. Система образов в произведениях Айтматова неуклонно сближается с системой философского мышления, в конце концов, демонстрируя неразделимое единство Вселенной и Человека.

Развитие общества, его изменения влияют на характер, поведение, внутренний мир человека. В соответствии с этим концепция человека в романе Айтматова «Вечная невеста» разрабатывается и решается в контексте социально-исторического капиталистического развития. Столкновение двух различных мировоззрений в ходе смены общественной системы, превалирование чуждых идей требуют изменений и дополнений в философию нового времени, в концепцию человека. Автор адекватно понимает и принимает живой внутренний мир современной молодежи, его специфику, реально и полнокровно рисуя происходящие события. Заметно, что у писателя изменились взгляды на ритм сегодняшнего дня, его стиль, психологию персонажей.

Итак, мы познакомились с новым героем Арсеном Саманчиным. Сразу же возникает вопрос: каковы его черты характера и человеческие качества? Главный персонаж – человек с богатым духовным миром, высокими целями и требованиями. Он прекрасно образованный, свободный журналист. Его острые статьи, посвященные актуальным проблемам современности, привлекают внимание общественности, будоражат читателей. Он участвует в нескольких международных проектах, не только не уступая своим зарубежным коллегам, деятелям культуры, но и в чем-то превосходя их. Саманчин – романтик в душе, обожает музыку. На основе легенды о Вечной невесте он написал либретто оперы и мечтает о том, чтобы его любимая Айдана Самарова исполнила главную партию. Недаром говорится: «Прелесть жизни – в надежде». Арсен мечтает о том, что проживет долгую и счастливую жизнь с любимой, услышит арию Вечной невесты в ее исполнении. Прелестные ночи в парке Хайдельберга, небольшого немецкого городка с любимой, романтическая обстановка словно дают новую жизнь древней легенде о Вечной невесте. Эти дни еще больше сблизили их, духовная и интимная близость, казалось бы, навсегда связали влюбленных.

Если бы Арсен и Айдана не поехали в далекий немецкий городок в творческую командировку, если бы древняя легенда о Вечной невесте не обрела «второе рождение» в столь романтической обстанов-

ке, стали бы они столь близки, вспыхнули бы столь ярко огонь их любви?! Возможно. Но, влияние этой легенды, романтические мечты, появившиеся у Саманчина и его попытки обратить их в реальность усилили и углубили чувства!

Арсену нужна не просто любимая женщина, он воспринимает Айдану как свою половинку по духу, по жизненным устремлениям. Полностью ушедший в хлопоты по написанию либретто оперы «Вечная невеста», а потом в подготовку ее постановки, он и сам не заметил, как стал похож на этот персонаж легенды.

Вот она. В древние времена жил юноша-охотник, который как Кожожаш, кормил все племя, был он силен, ловок и удачлив. Как-то раз на празднестве в соседнем аиле он встретил юную красавицу. Огнем любви вспыхнули их сердца. Поняли молодые, что отныне не жить им друг без друга. Джигит возвращается домой, собирает ценные меха на калым, готовится к свадьбе. Автор в романе в романтически приподнятом духе изображает киргизские национальные традиции сватовства и подготовки к свадьбе, молодежные игры и гулянья. Подобные этнографические явления Айтматовым мастерски используются для углубления психологии своих персонажей.

Так заведено, что всегда находятся завистники и недоброжелатели, которым как кость в горле счастье других людей. Они устраивают заговор, умышляют девушку, а к молодому охотнику посылают гонца с вестью о том, что его любимая сбе-

жала с другим. Не вынесла душа охотника такого позора, и, ушел он подалее от людей отшельником в горы. Девушка сумела вырваться из плена, бросившись в бурную реку. Чудом избежав смерти, она приходит в аил своего любимого. Услышав печальную весть, девушка тоже уходит в горы на поиски охотника. Говорят, с тех пор в горах Узенгилеша (кстати, название этой местности переводится как соседи по стремени, «спутники») слышны исполненные тоской песни-призывы Вечной невесты:

– Где ты, где ты, я к тебе бегу!

Я была похищена, но удалось бежать
Я осталась девственницей, я тебе верна,
Где ты, где ты, мой родной жених.
Я осталась девственницей,

ты услышь меня.

Меня спасла река наша, где клялись
мы в любви
Где ты, где ты, ты услышь меня,
А за мной погоня, меня хотят схватить...
Ты исчез в горах, охотник мой,
Мы были помолвлены у реки с тобой,
Где ты, где ты, на какой горе?
Где ты, где ты, я бегу к тебе.
Мы были помолвлены у реки с тобой,
Ты исчез в горах, охотник мой...
Я твоя невеста, где же, где же ты?
Разве мы не свидимся больше никогда?
Мы с тобою воду пили из родной реки.
На реке клялись, что будем мы верны,
Разве мы не свидимся больше никогда?
А река течет, но где же, где же ты?
Вспомни, отзовись, охотник мой,

Мы клялись в любви луной, душой...
Где же ты исчез, охотник мой?
Разве горы не раздвинутся,
Разве тучи не разойдутся,
Разве солнце не осветит ущелья,
Разве горная коза не укажет путь к тебе...
Где ты, где ты, на какой горе,
Где ты, где ты, я бегу к тебе...
Разве не мы мчались на конях

наперегонки,

Разве не мы обнимались в седлах
на скаку,
Разве не мы целовались в седлах
на скаку,

Чтобы видели боги,
Чтобы видели люди...
Где ты, где ты, на какой горе,
Где ты, где ты, я бегу к тебе...
Без тебя луна угаснет для меня,
Без тебя не будет жизни для меня.
Разве небо будет счастливо без нас?
Кто же проклял, кто же проклял нас?
Разве горы будут счастливы без нас?
Кто же проклял, кто же проклял нас?
Разве не из горной дичи ты дар
принес богам,
Разве не из барсовых шкур ты дар
принессватам?
Чем же провинился ты перед судьбой?
Ты, удачливый охотник с щедрою
рукой...
Неужели не ходить нам в плясе
у костра?

Где ты, где ты, на какой горе?
Где ты, где ты, я бегу к тебе...
А за мной погоня, меня хотят схватить,
Чтоб не свиделись мы больше никогда,
Где ты, где ты, я бегу к тебе...

Легенда о Вечной невесте Арсену Саманчину известна с детства. Романтичный, чуткий по натуре он очень близко к сердцу воспринял трагедию влюбленных. Его максималистское отношение к чистой любви юноши-охотника и Вечной невесты, преклонение перед истинными чувствами становятся толчком к написанию либретто оперы. Рассказывая легенду своей любимой, Арсен так объясняет ее суть: «Есть такая фраза – необратимое разочарование. Даже императоры, вот загляни в историю, лишившиеся империй, не впадают в такую протестную депрессию, а для него, для жениха, выходит, любовь была наивысшим смыслом жизни. В общем об этом сказ, об этом и былинная философия своя. Но главная фигура в этой истории, разумеется, тут она, Вечная невеста в ее нескончаемом мученическом подвиге, в поиске истины... Получается так, что он, жених, навсегда и категорически отрекся от мира, навсегда самоизолировался, самоустранился в знак протеста против людских злодеяний и греховности, а она пребывает в вечном покаянии за людской мир, и в этом глубина и сила ее любви и горя... Я больше скажу – в ней выплеснулся мученический клик вселенского страдания — почему в любви всегда больше пожара трагедий, чем счастья цветений? Неужто быть тому всегда ценой любви?

И вот подумай, обрати внимание, в ней, в легучем образе Вечной невесты, в ее притчевом эпосе живет извечная боль разлуки и жертвенной расплаты за всег-

дашнюю агрессивность людского мира. И отсюда неизбежное – добро расплачивается за зло. Вечная невеста не может примириться с пожаром зла, запаленным ненавистью, она хочет спасти, вернуть жениха-охотника от вечного изгойства в действительность бытия, в самую жизнь, какая она есть, и в этом спасительном порыве ее, в стремлении к истине, повторяю, нет предела человеческому духу ни во времени, ни в пространстве, то есть всегда так было и всегда так будет в людском роду, И нельзя забывать об этом стремлении никогда».

Писатель, как и в прежних своих произведениях, использовал легенду о Вечной невесте и образ главной героини в качестве идейно-поэтической концепции, образа-концепции, образа-символа, образа-напоминания, образа-образца. Песня-плач Вечной невесты об утерянной любви – явление вневременное и вненациональное, это стремление найти свою любовь и сохранить ее навечно. Именно это стремление стало толчком для Арсена Саманчина, подвигнувшим его на создание либретто оперы после того, как он услышал голос Айданы Самаровой, познакомился с ней. Эта идея об опере стала восприниматься Саманчиным, как «помощь» Вечной невесте сохранить любовь. Да и любовь самого Арсена к Айдане, в сущности, становится как бы эхом, продолжением поэтического чувства героев древней легенды.

Во многих произведениях Чингиза Айтматова можно заметить присутствие

сильного призывного голоса, отдающего эхом. Это особенно характерно для повести «Прощай, Гульсары», когда Верблюдица плачет в поисках своего верблюжонка; в повести «Материнское поле» – это плач-проклятие войне матери, обвиняющей холодные рельсы, по которым увезли ее сына; это крики птицы Доненбай из романа «И дольше века длится день»; это и плач-мольба Акбары, обращенная к лунной Матери-Волчице, из романа «Плаха»; это и голоса-сигналы Кассандро-эмбрионов: «Я не хочу рождаться, не хочу, не хочу...» из романа «Тавро Кассандры» и др.

В романе же «Вечная невеста» присутствует два голоса-рефрена: один – это призывный плач девушки, ищущей своего любимого, а другой – глас-альтернатива, все время бьющаяся в голове Сергия: «Убить – не убить!». Эти голоса играют важную эмоционально-экспрессивную роль в углублении идейно-тематического содержания произведения.

Плач Вечной невесты – это призыв сохранять в чистоте, свято беречь и защищать любовь. Легенда славит любовь. Как и во многих произведениях этого жанра, проблемы решаются с максималистских позиций. Любовь охотника к своей невесте столь сильна, что, услышав о «предательстве» девушки, он бесповоротно решает уйти от людей, чтобы стать отшельником. Ибо человеку, достигшему высшего пика любви, нет возврата назад. Так же безгранична и любовь девушки к охотнику.

Для Арсена Саманчина Великая любовь из легенды – предмет поклонения, то, что придает ему дух и надежду на то, что взаимоотношения людей в период дикого рынка – явление временное, проходящее. Айдану, казалось бы, также волнуют события легенды, но она не смогла сделать это обретением души: ей не хватило духовной щедрости.

Что такое любовь?.. Если отвечать на этот вопрос на примере легенды, то это безграничная преданность, способность ради любви поступиться самым дорогим, что есть у человека – жизнью. А как же быть с чувствами Айданы, которая разменяла их на деньги? Наверное, неспроста в романе автор размышляет о любви так: «А ведь мечтал, если бы оказались вдруг в горах, дабы совершить покаяние перед духом Вечной невесты, упал бы на колени и при ней призвал бы само небо в свидетели – у любви нет и не должно быть никаких причин на отступление от дарованного судьбой потенциала вечности (опять понесло философствовать, поехал в космические уголья, несчастный!), ибо любовь это двуединый путь влюбленных к продлению вечности, ибо намеренное разрушение чувственного поля любви, то есть процесса вечности, есть игнорирование самого Бога, самого Всевышнего, создателя бытия во Вселенной. Ведь, по сути, он сотворил стихию любви, а в ней вечный потенциал продления жизни на свете. И потому Любовь – есть устремленность к бессмертию и каждому дано ступить той тропой, предназначенной

Богом... (Только кто как ступает – вот вопрос)».

Конечно, любовь – одна из основных философских, нравственно-этических категорий. Способность любить, быть любимым – свойство, которое не всем дано. Как можно сохранить в чистоте, не расплескать на долгом жизненном пути, не потерять это нежное, воистину драгоценное чувство?! Достаточно ли здесь усилий лишь одного человека? Почему Арсен в одиночку так стремится сохранить чувства? А как же Айдана? Было ли непостоянство ее натурой, не способной на глубокое чувство или это возникло, когда она погналась за деньгами и благополучием? Ведь понимание любви во все времена и у всех народов одинаково, казалось бы. Неужели взгляды на это чувство, отношения людей к нему могут так кардинально меняться в период глубинных перемен?! Подобные мысли не дают покоя главному герою романа.

Айдана – тип человека рыночной экономики. Что ее больше волнует – честь, любовь или деньги и слава? Судьба героини только на первый взгляд, кажется простой и вроде бы понятной. На самом деле это не так. Она не может не понимать, что тяжелая жизнь толкнула ее в объятия и сети Эрташ-Курчала. Кстати, это говорящее имя в переводе с киргизского языка означает «каменный храбрец – пустой старик». Да и Арсен, как бы ни пытался он обвинить ее, в глубине души находит для нее оправдание. Кто виноват? Айдана или жестокое время? Трудно дать однозначный ответ.

Их мечты о вечной любви разбились об острые грани рыночного времени, о политику дикого бизнеса. Айдана Самарова в погоне за легкими деньгами и дешевой славой ушла к Эрташ-Курчалу. Ее честолюбивым мечтам об исполнении арии Вечной невесты на сценах знаменитых театров мира не суждено было сбыться. Айдана ради своей любви не смогла сделать даже мельчайшей частицы того, что совершила когда-то в стародавние времена Вечная невеста. Не смогла освободиться от пут плена и броситься вслед за любимым. С таким предательством, изменой совместной мечте Арсен Саманчин, конечно, смириться не может. Он пытается ее уговорить, вернуть. Наряду с переживаниями о потерянной любви Арсена мучает и психологическое неприятие отсутствия моральных принципов, образа жизни Эрташ-Курчалов.

Кто же такой Эрташ-Курчал, сумевший легко лишиться любви, разбить мечты известного и талантливого журналиста Арсена Саманчина? Какие между ними стоят непреодолимые противоречия? Только ли с Айданой связано их противостояние? Отнюдь нет: на первом плане здесь лежит столкновение моральных принципов персонажей. Эрташ-Курчал прежде был одним из тех серых людишек, которых никто не замечал. Он ничем ни по службе, ни по дружбе себя не проявил. Только период дикого рынка позволил Эрташ-Курчалу стать одним из самых богатых и влиятельных людей Кыргызстана. Он владелец сети кафе и рестора-

нов в городе. Имея возможность быть спонсором эстрадных коллективов, он самолично решает, кого из артистов возвысить, а кого сбросить с пьедестала. Его главная цель – добыть деньги, привязать к ним судьбы людей. Этот принцип безошибочно действует на людей подобных Айдане. Они могут не принимать эти принципы, не соглашаться с методами работы тех, кто их «покупает». Но, деньги, богатство – грозная сила. Только смелые и гордые люди с твердыми жизненными принципами, верой в добро и справедливость могут противостоять соблазнам. Кому не хочется иметь много денег, жить богато? Кто не хочет получить влияние в обществе, быть всегда на виду, в окружении тех, кто от тебя зависит? Почему «завистники» вроде Арсена не могут жить так, как Эрташ-Курчал? Если им не дано умение на пустом месте делать деньги, жили бы себе, да помалкивали в тряпочку. Сломать жизнь Арсену для Эрташ-Курчала оказалось плёвым делом: Айдану у Арсена он отнял не силой и жестокостью, как то было в древней легенде, а легким шелестом денежных купюр – это ли не триумф?..

Как бы то ни было эту победу Эрташ-Курчала нельзя воспринимать как поражение жизненной позиции, принципов Арсена Саманчина. Кстати, в романе есть персонаж «Ошондой», такое прозвище Арсен Саманчин, болеющий за культуру, литературу и национальное наследие, дал шеф-директору ресторана. В том, что он дает ему прозвище «Ошондой» есть очень

глубокий смысл. Ошондой – это типичный герой нынешнего времени, точнее говоря, манкурт наших дней. Ошондой в нашей жизни встречаются на каждом шагу и число их с каждым днем увеличивается. Ошондой похожи на роботов, безропотно выполняющих приказы своего хозяина. Для ошондоев нет разницы между добром и злом. Они делают то, что говорят им их хозяева. Они являются рабами денег и власти. Для них нет других ценностей. Все порочные дела делаются и умножаются руками ошондоев. В романе Ошондой выполнял приказ хозяина выгнать Арсена Саманчина из ресторана. Образ Ошондоя один из самых запоминающихся типичных образов этого произведения. Ошондой – это обобщенный образ равнодушия, бездумного исполнения, подхалимства и всех неисчислимых зол, вытекающих отсюда.

Совсем неспроста предательство Айдааны автор изображает параллельно с тем, как вероломно и демонстративно барсиха покидает Жаабарса. Мастерство Айтматова в том, что проблема решается с нескольких позиций, многогранно, яркими аналогиями. Схожесть характеров Айдааны и барсихи, Эрташ-Курчала и Кривоухого, Арсена и Жаабарса – углубляет философский смысл круговорота жизни, демонстрирует, насколько близки и взаимосвязаны в своей глубинной сути человек и мир природы. Сколько живых существ есть в мире, столько же и судеб, и какая-то часть этих судеб в те или иные моменты повторяется один к одному.

Подтексты и символы в творчестве Чингиза Айтматова имеют огромный смысл. И когда под пером писателя животные и люди оказываются связанными некими неразрывными узами, когда их судьбы перекрещиваются и повторяются, вдруг возникают совершенно неожиданные, но очень жизненные идейно-эстетические решения. Вероятно, и в этом тоже непреходящий интерес мирового читателя к творчеству великого киргизского писателя.

Впервые в своем творчестве Чингиз Айтматов крепость любовных уз проверяет через призму богатства и власти в «Вечной невесте». Что важнее в обыденной жизни, ставить во главу угла материальное благосостояние или любовь, честь, чистоту помыслов? Проблема, казалось бы, не сложная, но мы ведь знаем, что это вечная альтернатива. Недаром Ч. Айтматов глубину внутреннего мира своих героев проверяет, заставляя их отвечать на этот вопрос. «Признайся честно, – упрекал себя Арсен Саманчин. – Конкуренты оказались куда сильнее! Кто ты, журналист, пусть независимый, пусть известный и прочее, а кто он... такие разные орбиты. Один в космосе масс-бизнеса, другой масс-медийный муравей. Оставь! А потом любовь всегда подвержена испытаниям, без этого любви не может быть, иначе не было бы мучений, ни радостей, ни горестей, ни катастроф... Да, да, бывает, оползнем срывается лавина с горы и никому не остановить... У каждой любви своя история, своя цена страданий. А ты на глобализацию, на мас-

совую культуру списываешь свою беду. Нашелся! Тебе дай волю, до богов дойдешь. За бороды хватать – таскать... Тебе бы ярим адвокатом быть самозащитным, но такого не бывает... Опомнись!..»

Арсену Саманчину, конечно, обидно, что Эрташ-Курчал отнял у него любимую. Он пытается вернуть ее, стать счастливым, но жизнь идет своим чередом, а Айдаана с течением времени все отдаляется.

Триумфатор Эрташ-Курчал торжествует: свое «удачное приобретение» он как ловкий продюсер весьма выгодно «продает» музыкальной общественности. В такой борьбе Арсен, конечно, был бессилен. Все его попытки вернуть Айдану бесплодны. Для того, чтобы увидеть ее, надеясь, что она подойдет к нему, заговорит, Арсен каждый вечер приходит в ресторан, садится и слушает ее песни. А однажды он целый вечер простоял у сцены, рядом с оркестром, но Айдаана, которая прежде горячо разделяла романтические мечты Арсена о новой сценической жизни легенды о Вечной невесте, теперь была далека от идеализма. Она игриво улыбалась толстосумам, пела и танцевала для них – постоянных посетителей модного ресторана. Конечно, она видела Арсена, иногда они даже встречались взглядами. Может быть, она и скулала по Арсену, хотела подойти, сожалела об утраченных чувствах. А, возможно, и не думала вовсе об этом. Потому что теперь с помощью Эрташ-Курчала она стала супер-звездой эстрады. Ее спонсор-любовник рисовал перед ней радужные

перспективы о заграничных гастролях, съемках специального фильма о ней, о богатстве и славе.

Однажды, не выдержав, Арсен приходит в ресторан «Евразия», чтобы высказать Айдане все, что накопилось в душе, чтобы напомнить ей о Вечной невесте. Однако его планам не суждено было сбыться, ибо Арсена взащей вытолкали из ресторана, а нанятые качки-охранники сопроводили его до дверей дома, пригрозив напоследок, что если он будет и впредь лезть не в свои дела, писать статьи, его пристрелят.

Как вынести то, что Арсена лишили не только любимой девушки и мечты о постановке оперы «Вечная невеста», но и запрещают ему, «независимому» журналисту, писать статьи?! Что делать в подобной ситуации? Жаловаться властям? Но все они куплены Эрташ-Курчалом. Обратиться к народу? Но сейчас для людей важнее добыть кусок хлеба, чем заботиться об установлении справедливости или возрождении «Вечной невесты». Что делать? Остается только убить Эрташ-Курчала, а затем покончить с собой. Другого выхода нет.

«И единственное, чего очень хотелось бы знать заранее, и единственное, чего очень хотелось бы Арсену Саманчину унести с собой туда, последний незримый багаж – это надежда, с подмогой уверенности, что в результате акта расправы, когда он пристрелит этого гада-продюсера, этого дьявола-шоумена и тут же вслед пристрелит себя, то, чтобы и она,

Айя, оказалась бы обречённой проклятием свыше на неизбежные муки и страдания, и чтобы возопила она неспетым голосом в «Вечной невесте», возопила бы как сброшенная на лету с горы в пропасть, и чтобы никогда не забывалось ей, чтобы раскаяние всегда калило ее душу за преданную ею любовь, за преданную ею «Вечную невесту».

Этот лирический пессимизм, царящий в душе героя, автор изображает параллельно сюжетной линии судьбы Жаабарса, который тоскует и мается высоко в снежных горах Узенгилеша.

О-о, тогда и Жаабарс, как и Арсен Саманчин, был счастлив безмерно, переживая романтическую любовь. Со своей молодой красавицей-барсихой он упивался счастьем высоко в альпийских лугах. Жаабарс и его любимая «гуляли по нетронутым кущам и травостоям, наслаждаясь воздухом высокогорья..., потом пустились в долгий бег, ... ничем не скованные, бок о бок, и ничего в тот час не существовало для них в мире кроме солнца и гор...». Разве мог счастливый Жаабарс тогда подумать, что настанет день, и его любимая барсиха столь предательски покинет его и уйдет с молодым кривоухим барсом! И разве в счастливые дни в далеком немецком Хайдельберге мог предположить Арсен Саманчин, что безвозвратно уйдет к другому его Айдана.

Писатель специально сближает судьбы «сына человеческого» и сына животного мира. Жаабарс в романе – полнокровный художественный образ, раскрывающий и

дополняющий идейно-тематическое содержание повествования. С помощью этого представителя мира природы, живущего по раз и навсегда заведенным законам естества, Чингиз Айтматов хочет показать, что все действия и поступки предельно политизированных «общественных существ» имеют глубокие природные корни.

Существует незыблемый закон природы - право силы. А сила всегда на стороне молодости. Этому жестокому закону вынужден подчиниться и могучий властелин гор Жаабарс. Не желая в одиночестве старости питаться падалью и объедками, он решает уйти в ту высокогорную долину, где провел счастливое время со своей барсихой, чтобы там закончить свои дни.

«Одинокому – звезды товарищи» – говорят у нас в народе. Не дано Жаабарсу, как Акбаре, жаловаться Лунной волчьей матери на свои тяготы и муки. Только и дано ему безмолвно и жалобно смотреть на луну в ночном небе, да проливать скудные барсовые слезы... Луна тоже одинока. «И Жаабарс маялся той ночью в горах под перевалом. Что-то не спалось одинокому зверю. Тоже томился, грустил в полной отрешенности. Подвывал злобно, глядя на звезды в небе. Их было там много и они дружно светились. Вот туда бы удалиться хотелось, ведь звезды не выживают друг друга ни зимой, ни летом, всегда вместе...».

Кому, какое дело до страданий и плача Арсена и Жаабарса?! Кто поможет им,

лишившимся любви и веры?! Кто заполнит пустоту, вдруг образовавшуюся в их душах?! Таков закон жизни – время безвозвратно, счастье и радость уходят, как вода сквозь пальцы. И Арсена, и Жаабарса так вероломно и неожиданно покинули их любимые. Теперь Айдана, пританцовывая, поет на подмостках ресторанов: «Если любишь, подари мне лимузин», а барсиха, демонстративно поигрывая длинным хвостом, уходит с Кривоухим. Самым обидным и горьким для Жаабарса стало то, что в момент решающей схватки двух самцов барсиха вдруг с остервенением стала рвать и кусать его, помогая молодому барсу. Именно это лишило его надежды на победу и, как ни странно, вдруг погасило его гнев. Потом Жаабарс предпринял еще одну попытку завоевать «место под солнцем», но три молодых барса из чужой стаи не дали ветерану отбить у них юную барсиху. И пришлось Жаабарсу, уйдя из стаи, влачить жизнь барса-одиночки. Рыча и постанывая от обиды и горя, он беспечно слонялся по округе. Ему и охотиться не хотелось. В одном из отдаленных урочищ он наткнулся на ненавистную пару – они, занятые любовью, были беззащитны. Грозно рыча, он медленно приближался к ним, оставалось сделать лишь один прыжок. Но в это время вынудил его не совершать смертоносный прыжок, ибо существа перед ним были заняты священным, вековым действием – процессом продолжения рода. Постанывая от горя и

обиды, глухо рыча от невозможности нарушить природное табу и свершить правосудие, Жаабарс ушел прочь.

Отличие Айтматова от других художников слова заключается в том, что хищники у него вовсе и не хищники. Писателя в них интересует «гуманизм», положительные качества. Как-то сам Чингиз Торокулович сказал: «В жизни животных немало интересных историй. Проблема, однако, в том, что мы смотрим на животных только как на животных и не пытаемся понять их внутреннее состояние». В этих словах писателя – объяснение того факта, что и Акбара, и Ташчайнар, а теперь и Жаабарс – любимцы читателей. Звери в изображении киргизского писателя по многим своим качествам стоят гораздо выше отдельных персонажей из числа людей. Акбара и Ташчайнар намного выше, «человечнее», чутче, благороднее, если можно так выразиться, чем Базарбай или Кочкорбаев, а Жаабарс – чем Эрташ-Курчал или Таштан-афган.

Да, Айтматов в художественной литературе сумел создать целую галерею поэтических образов животных. Причем, он изображает не столько их внешний вид, повадки, образ жизни, сколько внутренний мир: родительские и любовные чувства, ответственность, печали и радости, переживания. Во всем этом, наряду с глубоким психологизмом присутствует художественность, лиричность и драматизм. Когда А.М. Горький давал определение литературе как «человековедению»,

безусловно, он имел в виду, что в центре этого понятия находится человек, его миропонимание и мировосприятие. И в этом есть глубокий смысл. Разве можно, не поняв мир человека, его мысли и чувства, знать мир животных. Основываясь на этой правде жизни, мудрый художник Чингиз Айтматов показал людям, как можно духовно-эстетические требования искусства, его познавательные и воспитательные функции применять для понимания мира животных. Он доказал своими произведениями, что для раскрытия этого мира читателям, весьма эффективным может быть, если использовать его как художественное средство, как образ-концепцию.

Вернемся к проблеме «сила/слабость» в связи с судьбой Арсена. Да, он проиграл тем, кто сильнее. Господство сильных над слабыми – основной принцип «борьбы за существование», иначе говоря, закона «естественного отбора». Однако, здесь «сила» многоаспектное, сложное понятие. Оно в человеческом понимании, наряду с физической силой, имеет в виду и силу ума, знаний и таланта, силу опыта и воспитательную силу, а также силу чести и нравственности. Все эти силы, пожалуй, только кроме последней, снимают как свои положительные, так и отрицательные параметры.

Следовательно, только честь и нравственность – та сила, которая у всех народов считается самой важной, уравновешивающей все остальные силы. По другому эту силу называют еще человек-

ностью. О лучших людях из народа говорят, что они человечны.

Какая же сила в романе является победной? В случае с Жаабарсом это сила Кривоухого, в случае с Арсеном – сила Эрташ-Курчала!

Человек, в каком бы обществе он не жил, как бы не изменялась его психология – должен оставаться Человеком, хотя это и сложно. Недаром Ч. Айтматову принадлежит крылатая фраза: «Самое трудное для человека – каждый день оставаться Человеком». Есть только один критерий для оценки человека – Честь! От каждого из нас зависит чистота жизни и общества. Ч. Айтматова в романе очень волнует то, что в нашем новом обществе главенствующими принципами жизни стали бесчестье и грязь в отношениях. Может ли вообще рыночное общество быть гуманным, честным и справедливым? Капиталистическое общество воспитывает Эрташ-Курчалов, готовых на все ради денег и считающих себя хозяевами жизни, и Айдан, готовых плыть в их фарватере. А не принимающие такой жизни Арсен и Элес могут противопоставить им только свою независимость, честь и высокую духовность. Ничего другого у них нет. Кто сильнее в этой борьбе, кто победит? Этот поединок, эта борьба – основной конфликт в романе.

Способности Эрташ-Курчала ярко раскрылись только после того, как страна перешла на рыночную экономику. Автор в романе практически его не описывает. Мы знаем о нем только понаслыш-

ке, в связи с развитием сюжетной линии Айданы. Айтматов никогда не стремился дать об отрицательных персонажах информации больше той, что требуется по сюжету, не было у него и попыток очернять их сверх меры.

Что же негативного в Эрташ-Курчале? И на этот вопрос автор не дает конкретного ответа, ибо Эрташ-Курчал – обобщенный образ, новый тип, рожденный временем. Основной – «поведенческий» – недостаток этих людей – поиск легких путей обогащения любой ценой, попрание нравственных норм и правил, сметание со своего пути к богатству и власти всех преград, в том числе и правдоискателей вроде Арсена Саманчина. Из романа мы узнаем лишь об одном негативном деянии Эрташ-Курчала, которое и привело к возникновению сюжетно-конфликтной ситуации: талантливую оперную певицу Айдану Самарову, искушая славой и деньгами, он превратил в свою бизнес-пленницу, эстрадную певичку. А собственно, в чем тут преступление? Ведь таких случаев в жизни сотни и тысячи. Для Арсена Саманчина этот поступок соперника преступен тем, что он разрушил его мечту дать древней легенде о любви новую сценическую жизнь, показать миру величие и святость истинных чувств, заставить людей задуматься о том, что нельзя становиться на пути влюбленных людей.

Многогранность романтического мира любви, его трагичность – суть сюжетной линии романа «Когда падают горы»

(«Вечная невеста»). Полотно любви рисуется крупными мазками: белое, черное, белое, черное... То, что Арсен нашел Айдану – белое, то, что он лишился ее – черное. Арсен встретился с Элес – белое, Элес теряет Арсена – черное. В определенном смысле жизнь и судьбу Жаабарса тоже можно рассматривать с этого ракурса. Знатоки и глашатаи любви Чингиз Айтматов в этом романе иной. Какими бы светлыми, романтическими красками он ни пользовался при изображении любви, на мой взгляд, пессимизма в отношении этого чувства у писателя больше. Корни этого пессимизма, конечно же, кроются в легенде о Вечной невесте. Ведь именно там зародившаяся крылатая любовь была так жестоко прервана завистниками на самом взлете. Эта легенда – структурная «опора» романа.

Кыргызское название романа «Сардал кыз». Слово «сардал» обозначает девушку на выданье. В легенде ведь и изображена девушка, которая вот-вот должна выйти замуж. Однако, свадьба расстраивается, и только после этого ее чувство обретает недостижимую высоту, некое бессмертие. Именно в этом наличии «привкуса бессмертия» и содержится, на мой взгляд, объяснение того факта, что легенда эта многие века живет в народе. Во многих киргизских народных любовных песнях присутствует прекрасно обрисованный образ недостижимой юной красавицы. Причем недостижимость эта происходит в силу совершенно различных причин: и невозможность уплатить за нее

калым, и преграды природного характера.

В таких широко известных произведениях, как «Айтамак», «Акзыйнат», «Ак калтар», «Ак Суусар», «Ак шайыр», «Ашымкан», «Бото көз», «Даткайым», «Дилбарым», «Мөлмөлүм», «Ноодайым», «Өзгөчөм», «Паризат» и др. хоть и не всегда присутствует это слово «сардал», но условное обозначение недостижимости, невозможности обрести любимую проходит на уровне этимологии слов (в том числе и названий) и образно-ассоциативных связей. Условность названий любовных песен видна уже по их перечислению. В песнях такого рода заметна неизбывная тоска влюбленного юноши по поводу невозможности соединить свою судьбу с любимой. Несложно заметить, что древняя легенда в романе Ч. Айтматова очень тесно и художественно связана именно с этими песнями. Нельзя отвергать возможность предположения, что писатель идею легенды почерпнул из содержания лирических народных песен о любви, а ее суть из малого эпоса «Кожожаш». Ведь несложно заметить, что сюжет легенды в определенной степени повторяет содержание высокотрагедийного эпоса о Великом охотнике. К тому же мы хорошо знаем, что Ч. Айтматов никогда не использует легенды, притчи и мифы из устного народного творчества, так сказать, напрямую. Свидетельством сказанному служат такие его произведения, как «Прощай, Гульсары», «Белый пароход», «И дольше века длится день», «Белое обла-

ко Чингизхана». В них фольклорные составляющие – мифы, легенды, притчи – имеют стержневую роль. Писатель мастерски изменяет, дополняет, синтезирует их сообразно своим творческим планам. Особенно часто и глубоко писатель обращается к эпосу «Кожожаш», размышляет ли он о проблемах экологии, или вопросах нравственности. Это заметно как в многочисленных интервью, выступлениях, так и в названиях книг (к примеру, созданная вместе с М. Шахановым «Плач охотника над пропастью»). Наверное, нелишним будет вспомнить здесь мысли писателя по этому поводу: «У кыргызов есть одна удивительная древняя легенда про знаменитого охотника Кожожаша и его трагическую судьбу. В свое время я рассказывал ее видному японскому философу Дайсаку Икеде. Впоследствии я заново переписал народную притчу, дополнив ее новыми историями...

Долго разносился над горным ущельем полный отчаяния и обреченности плач Кожожаша, проклинавшего свою безмерную жестокость, безжалостность и несправедливость, которые привели его на этот роковой утес и обрекли на неминуемую гибель. И всякий, будь то человек или зверь, слыша этот горестный вопль, содрогался от ужаса и страха».

Все сказанное выше дает нам основание предполагать, что сюжет легенды о Вечной невесте из нового романа Ч. Айтматова – искусственная и весьма искусная мифологема, рожденная фантазией автора на мотивы сюжета эпоса «Кожо-

жаш» и лирических народных песен о любви.

Айтматов много говорил и высоко ценил народный сказ, предание, мифы, считал, что они и сегодня имеют большое значение, чрезвычайную актуальность, имеют большую воспитательную силу и доказывал это своим друзьям. Хотя в романе «Вечная невеста» и утверждается, что ее образ является персонажем легенды китайских кыргызов, найти ее вариант оказалось весьма трудно. Я спрашивал у ученых кыргызов, проживающих в Китае – Макелека Омурбайдана, Адыла Турдудана и других, они сказали, что не слышали такую легенду. Когда я сказал Чингизу агаю, что легенды о вечной невесте у китайских кыргызов оказывается нет, он ответил: «На самом деле?». Айтматов использовал фольклор по-разному, в зависимости от творческого замысла. Он вплетал фольклор в ткань своих произведений в зависимости от творческой идеи, изменял его, иногда создавал заново. Произведения не создаются в пустом месте, они опираются на эстетику этого же фольклора. Ч. Айтматов в романе «Когда падают горы» основу легенды о Вечной невесте связывает с эпосом «Кожожаш». Я продолжаю отстаивать эту свою идею. Однако, Айтматов параллельно с легендой из эпоса «Кожожаш» использовал и другую.

В общем, я рассматриваю легенду о Вечной невесте в двух составляющих. Первая связана с легендой об охотнике, кормящим свой род, взятая из «Кожо-

жаша», а другая легенда о Чолпон, которую ищет ее жених. Легенда о Чолпон по одному из народных вариантов представлена в таком виде: в давние времена жила девушка Чолпон несравненной красоты. Ее богатый отец был против ее желания выйти замуж за любимого джигита. Тогда двое молодых, не зная что предпринять, они решают сбежать и для этого встретиться в горах. В назначенное время получается так, что девушка приходит вовремя в назначенное место, а джигит по каким-то обстоятельствам опаздывает. Чолпон ждет до рассвета и, не дождавись своего возлюбленного, отчаяния, ради сохранения своей любви, закалывает себя кинжалом. И тогда звезды забирают ее к себе на небо. Когда джигит приходит, то обнаруживает Чолпон на небе. С тех пор джигит не может дотянуться до Чолпон, которая стала утренней звездой. Вот эту легенду Чингиз Айтматов скорее всего тоже знал. В легенде о Вечной невесте встречается упоминание о звезде, появившийся в знак настоящей любви. Так, в легендах разных народов находится общее объединяющее начало. Такой же прием использовал Айтматов в повести «Прощай, Гульсары!», где синтезировал отдельные мотивы эпоса «Кожожаш» и «Карагул ботом». Образ Вечной невесты служит контрастом сегодняшним Айдамам, которые оказываются бессильными перед искушением богатства, власти, и обладает особой аурой высокой нравственной чистоты.

В недавнем прошлом осталось романтическая атмосфера Хайдельберга. Айда-на Самарова оказалась хоть и талантливой личностью, но человеком не очень принципиальным в вопросах чести, надежности. Не оправдавшиеся надежды, утерянная любовь, оскорбления, наносимые Арсену Саманчину, журналисту, заслужившему от коллег почетное имя «независимый», приводят к тому, что он выход из тупика видит в убийстве Эрташ-Курчала, а затем в самоубийстве. Именно в тот момент, когда он мучился вопросом «Где найти пистолет?» раздался телефонный звонок от брата отца Бектура Саманчина, руководителя фирмы «Мерген» («Охотник»). Дядя просил Арсена помочь в качестве переводчика в организации приема и охоты арабских шейхов на снежных барсов.

В этом месте романа завершается сюжетная линия, связанная с темой любви, и начинается новый сюжет о выборе жизни и смерти, о проблеме «Не убить!». Это – композиционный контрапункт романа.

Арсен Саманчин, занятый решением вопроса о том, как найти оружие, предложение дяди об организации охоты воспринимает как дар судьбы. Он едет в родной аил, и тут судьба предоставляет ему две возможности отказаться от мыслей об убийстве соперника и этим выбрать жизнь. Первая возможность – подарок, вторая – испытание. Подарок – встреча с Элес, умной и нежной девушкой с прекрасной душой. Испытание – тщательно и в деталях продуманный его бывшим

одноклассником Таштанафганом (за участие в войне в Афганистане односельчане стали так его называть) план по захвату арабских шейхов в заложники с требованием выкупа в 20 миллионов долларов. Этот страшный план, родившийся в голове Таштанбека, хочет того или нет Арсен, заставляет последнего вернуться к жизни и борьбе, забыть об убийстве Эрташ-Курчала.

О причинах, побудивших его разработать этот план, Таштанафган честно и подробно рассказывает своему бывшему однокласснику и другу детства. Послушать его – есть резон и в его размышлениях. Не видя просвета ни в настоящем, ни в будущем для своих семей и не желая влачить скотское существование, они решили рискнуть. Ведь не каждый день в их забытые богом горы приезжают арабские шейхи-миллиардеры. Что для них какие-то 20 миллионов долларов выкупа? А для охотников-загонщиков, каждому из которых должно достаться по 3 миллиона триста тысяч долларов – это огромное состояние, которое обеспечит их детей и внуков безбедным существованием на века. Во всем этом плане Арсену Саманчину отводилась лишь пассивная роль переводчика. Если план захвата заложников вдруг провалится, вся ответственность ляжет на Таштанафгана и его помощников. Для вконец отчаявшегося Арсена Саманчина разве это не испытание на прочность? Да и три миллиона долларов с гаком – большие деньги! Ведь на них можно было бы осуществить мечту о постановке оперы.

К счастью, в голове Арсена даже на мгновение не мелькнуло сомнение. Он сразу попытался отговорить Таштанафгана от этой крайне опасной затеи. Не страх за собственную жизнь тревожил его. Он прекрасно понимал, что могут быть напрасные жертвы, что арабские принцы и их телохранители, прекрасно владеющие оружием, не дадут легко и бескровно захватить себя в заложники, что разразится международный скандал и т.д. Вот так жизнь с ее крутыми перипетиями вновь затянула Арсена Саманчина в свой нескончаемый круговорот.

С Элес Арсен встретился после трудного разговора с Таштанафганом и его помощниками. Выше мы обозначили эти два события весьма условными понятиями: «подарок» и «испытание». И хотя мы не говорили, что «подарок, по логике вещей должен следовать после определенных испытаний», развитие событий должно идти своим чередом: дар – не до, а после испытаний. Если бы в Арсене Саманчине жажда к жизни, связанная с обретением Элес, пробудилась раньше, этот сюжетный поворот оказался бы легковесным, не характерным для творчества Ч. Айтматова. А в нашем случае, когда герой принимает судьбоносное решение, стоя «у губительной минуты на краю», когда это важное решение теснейшим образом связано с его личностными качествами и принципами, эти события от уровня эмпирико-фактологического сообщения поднимаются на уровень концептуальной содержательности. И ког-

да Арсен Саманчин, сам находясь в глубоком духовном кризисе, волнуется за чужие судьбы – это свидетельство его высоких личностных качеств и жизненных принципов. И, может быть, именно за это судьба дарит Арсену встречу с Элес как призыв к жизни, как благоденствие с небес. Да и Саманчин именно так воспринял эту встречу, понял, что Элес та женщина, которая даст успокоение его мятежной душе, уберет его от несчастий. Их неодолимо потянуло друг к другу с первых минут встречи, словно бы их жизни до этого момента были неустанными поисками друг друга.

Элес с Арсеном вдруг обнаружили, что они понимают друг друга с полуслова, с полувзгляда. Мысли одного без труда мог продолжить другой. Их обоих до глубины души потрясла трагедия Вечной невесты, обоих остро волновала судьба барсового племени. Но, как и предполагал в своих размышлениях Арсен Саманчин, безмятежного счастья не бывает, оно всегда находится под приглядом недремлющего ока несчастий, забот и печалей. Полностью погрузиться в счастливые дни с Элес Арсен не может, его все время тяготят мысли о страшном плане Таштанафгана, тревога за будущее их семей, за жизни арабских принцев.

Арсен Саманчин, долго вынашивавший в груди план убийства своего соперника, сам оказался заложником чужих жестоких устремлений. Судьба продолжает испытывать его на прочность нравственных устоев: все его мысли и действия теперь

оказываются направленными на решение вопросов общественного и даже государственного уровня. Психологизм романа углубляется, драматизм нарастает. Автор с большим художественным мастерством сплетает события, возлагая на плечи своего главного героя ответственность за их решение. Арсен Саманчин погружен в ситуацию единоличной ответственности не только за судьбы многих людей, но и судьбы снежных барсов – жителей ледниковых вершин Узенгилеша. Что ему делать в такой ситуации? Есть ли выход? Может быть, следует забрать Элес и уехать куда подальше? Но, тогда, кто встанет против тех, кто бездумно истребляет барсово племя в их горах? Кто встанет лицом к лицу с теми, кто готов по кусочку земли и барсовой шкуре продать киргизскую землю и ее богатства чужестранцам? Кто уговорит Таштанафгана отказаться от реализации страшного плана? Кто озаботится будущим этой земли и ее людей?!

А в это время и Жаабарса терзала одна забота. Одолеть глубокие снега на перевале Узенгилеш, добраться до той высокогорной долины, где он провел счастливые дни со своей юной и верной тогда барсикой, чтобы принять там естественную смерть в свой урочный час... С человеком судьба еще не сводила его с глаза на глаз.

Чингиз Айтматов постепенно и бесповоротно сближает судьбы Жаабарса и Арсена Саманчина в сюжетном развитии, выстраивая события в одну линию, нагнетая конфликты и драматизм.

Легенда о Вечной невесте выполнила в романе художественную функцию объединителя, синтезатора душ всех героев.

Появление в романе нового женского образа взамен той, что не смогла понять и принять жизненные принципы и устремления Арсена, возникновения нового чувства к Элес, для которой Вечная невеста – родственной душе образ, более тесное примыкание к сюжету судьбы Жаабарса приводит к обострению финала книги.

Каждое произведение имеет свою кульминационную точку. Именно здесь перед Арсеном Саманчиным встает необходимость выбора. Если он остановит свой выбор на необходимости не подвергать жизнь смертельной опасности – это будет означать, что он выбрал бесчестие, а если он пойдет навстречу смертельной опасности, никто не может знать, как все обернется. Жизнь и смерть! И то и другое человеку дается лишь один раз! Разве можно на земле отыскать хоть одного человека, кто мог бы сказать, что он насытился жизнью, что она ему вот как надоела? Можно ли, придя лишь единожды в эту жизнь, добровольно уйти из нее? И что делать, если твоя жизнь нужна для сохранения жизней многих людей? Отдать ли свою жизнь ради того, чтобы жили другие или следует позаботиться о сохранении своей жизни, а другие пусть умирают? Вот в таких сомнениях решается судьба Арсена Саманчина. Послушать одноклассника Таштанбека и захватить арабских принцев – будет круп-

ный международный скандал, каково будет положение его родины Кыргызстана, что скажут родственники и друзья. Не послушаться – доведенный до крайней степени отчаяния Таштанафган, убьет их всех. Арсен – гарант для обеих сторон.

Террор и насилие или справедливый суд. Сейчас в чести не совесть и справедливость, а обман и предательство. Кто выиграл и кто проиграл от того, что наступило рыночное время? В чем преимущества и недостатки глобализации? Как на ее вызовы сможет ответить жизнь киргизского народа? Поиски ответов на эти вопросы и составляют основную суть романа. Ответы на них внимательный и вдумчивый читатель может найти в психологии и действиях персонажей, их нравственном выборе и во взаимоотношениях друг с другом и с природой, наконец, в мыслях и мировоззрении самого автора. Только общность интересов, дружба, патриотизм и гуманистические воззрения могут помочь народу сохранить свою самобытность, свой голос в мировом хоре, обрести надежду на будущее.

Чингиз Айтматов написал не просто художественное произведение: его мысли, выводы, что содержатся на страницах романа, призваны помочь нам решать какие-то проблемы в обыденной жизни. Эти мысли автора многогранны и многослойны.

В произведении есть два символических эпизода с ласточками. В народе с ласточками связаны только положительные ассоциации. В жизни Арсена ласточ-

ки, которые настойчиво пытаются о чем-то сказать – предупреждение о предстоящей опасности. В первый раз они появляются, когда Арсен вместе со своим дядей – президентом фирмы «Мерген» – обсуждают план международного бизнес-проект по отстрелу снежных барсов и составляют текст соглашения. Именно в это время в открытую форточку влетают несколько ласточек. Они начинают летать по комнате, о чем-то щебечут. На попытки Арсена прогнать их, они бьются в стекло, пытаются о чем-то предупредить людей. Во второй раз ласточки появляются в классной комнате школы, куда Таштанафган запирает Арсена, чтобы склонить его к участию в захвате заложников. Ласточки вновь отчаянно пытаются изменить что-то в судьбе Арсена. Оба раза Арсен не понял поведения ласточек, лишь удивился их настырному желанию дать ему какую-то информацию. Судьба и в этот раз повернула в другую сторону. Между человеком и природой еще со времени праотца Ноя существует негласный договор о взаимосогласии и взаимовыручке, но есть и непонимание. Образно говоря, между нами стоит что-то наподобие стекла (как оконные стекла в случае с Арсеном), видимые и невидимые препятствия.

Жизнь или смерть! Их вечное противостояние на этот раз должно было состояться на самой вершине перевала Узенгилеш. Сюжетно-композиционное содержание романа, постепенно развиваясь, достигло своего апогея. Жизнь или

смерть! Принять предложение Таштанафгана или отклонить? Только одно слово. Но сколько судеб за этим словом. Что же написано на роду Арсена Саманчина: жизнь или смерть? Арабские принцы и их телохранители, дядя Бектур, Элес, вынужденная спешно ехать в Саратов по делам бизнеса, Таштанафган, уперший дуло автомата в бок одноклассника, думали ли все они о ценности жизни, о необратимости смерти, написанной на роду?! Чувствовал ли Жаабарс во время своих бесплодных попыток одолеть глубокие снега на перевале, что не сбудется его желание умереть естественной смертью в благодатной долине?! В маленьком уголке необъятной Вселенной произошла трагедия. Люди в первый момент и не поняли, что происходит. Возглас Арсена в мегафон: «Руки прочь от снежных барсов Ала-Тоо!» и его выстрел в пустоту, по его мнению, должны были расстроить планы Таштанафгана и помешать продолжению охоты. Другого выхода из ситуации Арсен не видел. К сожалению, Таштанафган и его сообщники, видя, что план проваливается, открыли стрельбу. Беспорядочные выстрелы огласили небо над перевалом. Несколько шальных пуль попали в Арсена.

«Ранения, пусть и шальными пулями, оказались серьезными. Он это чувствовал, по особенности в груди давило, и кровь сочилась, одежда намочила. Он понимал, что долго не протянет, и нужно было куда-нибудь укрыться. Шел, протискивался, падал, задыхался. Хорошо,

что запомнил в какой стороне находилась та самая пещера Молоташ, где собирался Таштанафган учинить свой захват заложников. Вот туда и добрался-таки Арсен Саманчин и заполз на коленях в пещеру. И тут увидел в пещере медленно гаснущие глаза огромного снежного барса. То был Жаабарс. Зверь не шевельнулся. Не попытался даже поднять голову с протянутых вперед лап. Как лежал, опустив голову на лапы, так и остался, тяжело и хрипло дыша.

«И ты здесь?» – сказал почему-то Арсен Саманчин зверю, точно бы он знал его. Жаабарс задыхался, истекал кровью. Та же участь настигала и человека, оказавшегося заодно в паре с ним, с Жаабарсом: Арсен Саманчин не мог остановить кровотечения из груди и из плеча, а рядом истекала постепенно кровью и дикий зверь...».

Вот такой оказалась их первая и последняя встреча. Существа, чьи судьбы оказались столь схожими, этих два превосходных по своим качествам сыновей природы, встретились в темной пещере, словно давние знакомые, чтобы вместе провести последние минуты своей жизни. Жизнь – смерть! Судьба человека и судьба хищника встретились в одной точке.

Да, на эту тему создано множество художественных произведений, но эта проблема вечная. Только Ч. Айтматов к этой проблеме обращался неоднократно, дополнял и углублял ее, открывая все новые грани этого вопроса! Возникает закономерный вопрос – в чем же заключа-

ется философия Ч. Айтматова в романе «Вечная невеста»? В произведении присутствуют широкомасштабные мысли писателя о любви, вере, чести и других качествах настоящего человека, но главная мысль – проблема жизни и смерти, проблема, волнующая человечество с древнейших времен, но ставшая особо актуальной в условиях рыночной экономики. И Айтматов решает ее с позиций изменившейся психологии киргизов, изменившегося жизненного уклада. Когда философия Айтматова, его художественно-поэтическое мировосприятие заостряется на проблеме Человечество – Вселенная, создается впечатление, что эти проблемы поднимаются и решаются впервые с позиции художественного обобщения. Именно в этом, на наш взгляд, заключается секрет того, как писатель может на локальном примере – житейской ли ситуации, отдельного ли образа-переживания, какого-то характера и конфликта – успешно решать общечеловеческие глобальные проблемы.

Художественно-эстетическое обобщение произведений Чингиза Айтматова проводится в тесной связи с высоко трагичными вопросами. Вместе с тем в произведениях писателя присутствуют бесконечность Вселенной, вечность Человечества – все те нерешенные противоречия и проблемы, которые заботят людей. Личная судьба героя под пером великого художника обретает общечеловеческое содержание и ценность. Этим книги писателя и волнуют мирового чита-

теля. Идеино-художественная сила произведений Айтматова – в диалектическом единстве Вселенной и Человека, в бездонности мыслей и чувств. Именно поэтому произведения интересны людям разных профессий, помогают им в жизни и в работе. Нет человека без Вселенной и нет Вселенной без человека. Эти мысли на разный лад высказывались мудрецами в все века, но Ч. Айтматов вновь и вновь по своему обновляет и напоминает людям эти непреложные истины.

Я вначале думал, что произведение неизбежно должно было бы закончиться смертью Жаабарса и Арсена Саманчина.

«... Снежный барс был уже мертв. Человек испускал последнее дыхание следом... И, умирая, в завершение жизни он услышал далекий голос Вечной невесты: «Где ты, где ты, охотник мой!» И прошептал он, запинаясь: «Прощай, теперь мы с тобой никогда не увидимся...»

Луна путалась в облаках ночных, ветер порывался и томился в скалах, не слышно было ничего иного...».

Автор в этом месте мог бы поставить точку, но он продолжает свое повествование и пишет рассказ-эпilog. Зачем?! Неужели роман не достиг своего идейно-эстетического завершения?! Нет, повествование продолжается: возвращение Элес из Саратова, поиски тела Арсена, похороны, обнаружение в архиве рукописи рассказа «Убить, не убить!», его опубликование. Возникает закономерный вопрос, какая необходимость была писать этот рассказ-эпilog? На первый взгляд,

он вроде бы не связан с романом, но, если подумать, весь строй произведения, вопросы жизни и смерти, поднимаемые в нем, его идейно-художественная суть требовали именно такого финала.

Незадолго до кровавых событий Арсен Саманчин сидел на вершине Узенгилеша и вел мысленный разговор с Элес: пытался объяснить ей суть своего рассказа. Автор неспроста назвал эту свою героиню говорящим именем Элес-образ. Мы знаем, что имена персонажей Ч. Айтматова по своему семантическому наполнению соответствуют человеческим качествам носителя, той идейной нагрузке, которую они несут в произведении. Вот и Элес в романе выступает не столько как полнокровная, реальная героиня, а как образ идеальной, нежной половинки для героя в самые тяжелые минуты его жизни. Она в романе как бы выполняет функцию образа современной Вечной невесты. Ведь и она совершенно неожиданно теряет из-за злых людей своего любимого. Светлая память об Арсене навечно сохранится в ее сердце, а позже Элес подарит миру сына – продолжение Арсена.

В рассказе Арсена Саманчина «Убить, не убить!» повествуется о событиях Великой Отечественной войны. И хотя эта страшная война уже давно закончилась, ее уроки до сих пор актуальны. Судьба каждого человека так устроена, что даже в мирные дни бывают моменты, когда он оказывается в ситуации выбора между жизнью и смертью. Ведь и автор рассказа Арсен Саманчин, как и Сергей, сам

должен выбирать, убить или не убивать! И именно на самом пике этой проблемы встречаются Арсен и Сергей.

Хотя рассказ этот о войне, но мы не встречаем в нем выстрелов, разрывов бомб и снарядов. Но ведь человек с ружьем в руках отправляется на войну только для того, чтобы убить врага и за счет этого одержать победу. Своего 19-летнего сына, который уходит на войну, мать с мольбой просит «не убивать никого!». Конечно, отец против этого, ведь на войне человек может сохранить свою жизнь, только убивая врагов. Что делать Сергию?.. На мой взгляд, идея автора заключается в следующем: не все зависит от главного героя Сергия. Его враг, с которым они встречаются лицом к лицу, тоже должен жить по этому же принципу «Не убий!». Только в том случае, если все будут жить по такому закону, прекратятся все войны. Кажется, именно это пытается донести до человечества Ч. Айтматов своей последней книгой.

Роман завершается именно этим призывом «Не убий!» И вновь рождаются вопросы: как связать события романа, легенду о Вечной невесте и призыв «Не убий!» А связь, что называется, самая прямая. В легенде, когда приходит весть, что невеста охотника убежала с другим джигитом, друзья жениха предлагают догнать беглецов и убить, чтобы спасти честь рода. Но джигит отказывается от мести, потеряв веру в любовь, он уходит от людей в горы. Ведь погубив обманувшую его девушку и ее нового избранника,

он не вернет угасшую любовь и не воскресит умершую надежду. Убийство соперника не только не воскресит любовь, но породит встречную волну ненависти. Именно поэтому охотник руководствуется не эгоистическим чувством мести, а отдается на волю самого справедливого суда – суда совести. Это решение джигита в данном случае – поступок мудреца.

И хотя древнюю легенду о Вечной невесте Арсен Саманчин прекрасно знал, это не помешало ему принять страшное решение: убить Эрташ-Курчала, затем себя, чтобы Айдану всю жизнь не покидало чувство раскаяния. Но постепенно Арсен понял, что от убийства Эрташ-Курчалов общество не станет чище и лучше. Написавший по материалам беседы с фронтовиком рассказ «Убить, не убить», Арсен Саманчин на примере своей жизни, своей судьбы понял, что убийство – самый неверный путь борьбы.

Мы знаем, что Ч. Айтматов очень жестко решает участь своих персонажей, когда они оказываются в критических, жизненных ситуациях. Но, это не объясняется жесткостью автора, он напряженно ищет пути выхода, анализирует ситуацию, но жизнь требует жертвы. Это мы видим и в рассказе-эпilogе.

Нет ничего вечного. Как отмечает автор, никто не убежит от судьбы, судьбой порождается судьба, судьба выше смерти. Вечность Сергия предрекает гадалка-цыганка, о вечности Арсена говорит Элес. Их вечное существование предопределено и тем, что в их сердцах живет непри-

тие идеи об убийстве. (Говоря о цыганке, можно вспомнить и случай, когда женщина-гадалка, встретив мать будущего великого писателя Нагиму Айтматову, предрекла: «Твой старший сын увезет тебя в город. Слава твоего сына разнесется на весь мир...»)

Позиция самого Ч. Айтматова целиком совпадает со взглядами его героя Арсена Саманчина по идее «Не убий!». И писатель, и его главный герой убеждены, что человечество очистится и начнет по-настоящему развиваться только в том случае, если каждый человек, каждое государство станут жить, руководствуясь этим принципом – «не убивать!».

Здесь уместно вспомнить статью А.Кадырмамбетовой «Роман, вмещающийся в рассказ», написанный еще в то время, когда впервые был опубликован отрывок из романа Ч. Айтматова. Исследовательница отметила, что «через сюжетные перипетии автор остро ставит проблемы, которые неустанно волнуют и его, и все человечество: «Как совместить войну и человечность, убийства и нравственность?» Причем проблемы войны и нравственности ставятся и решаются не последовательно, друг за другом, а в противопоставлении, прямо»¹.

Если говорить о том, что же нового внес Ч. Айтматов в мировую литературу идейно-тематическим содержанием своего последнего романа, то, на наш взгляд, можно утверждать, что впервые идейная концепция «Не убий!» поставлена во главу угла. Эта вековая проблема, зак-

люченная, кстати, в заповедях всех великих религий, решена писателем при помощи показа взглядов и отношений людей разных поколений и национальностей к этому вопросу в безграничных рамках времени и пространства, с глубоким психологизмом, острым драматизмом и на высоком гуманистическом уровне! В последнее время в литературе превалировала открытая или плохо скрытая позиция авторов: «Врага нужно убивать, ликвидировать, громить!» Ч. Айтматов утверждает, что гуманизм, принцип «не убивай!» должен стать доминирующим и в ожесточенной войне и в личных поступках каждого отдельно взятого человека. Это свидетельство того, что он обладает широтой мировоззрения вселенского масштаба. Ч. Айтматов, как это часто бывало и раньше, вновь в самый нужный момент провозгласил Великий призыв «Не убивай!». Вне всякого сомнения, это произведение окажет значительное влияние на коллег по писательскому цеху, на дальнейшее идейно-тематическое развитие литературы. Роман, конечно же, станет одной из любимых книг мирового читателя.

Зададимся закономерным вопросом, почему все, что выходит из-под пера Чингиза Айтматова, вызывает огромный интерес читателей на всех континентах земли. Причина этого в широте и глубине масштабов мышления писателя, в том, что в своих обобщениях он выходит на уровень общечеловеческих, глобальных проблем. Вселенная и человек в книгах

нашего мэтра становятся единым, неразделимым целым, социально-политические, философские, психологические, нравственные, экологические и другие проблемы мирового значения в концентрированном виде выражаются в системе художественных образов. В вечные воп-

росы бытия Чингиз Айтматов сумел вдохнуть новое дыхание. Именно в этом объяснение того факта, что произведения писателя и его герои уже давно и прочно живут в душах читателей всего мира.

¹ Кадырмамбетова А. Ангемеге сыйган роман // Кыргыз Туусу. – 2005. – 8–10-февр.

В АМЕРИКЕ ОБ АЙТМАТОВЕ ИЛИ ВЗЛЁТ С «ПОЛИГОНА» МАНАСА В КОСМОС МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Творчество нашего соотечественника, выдающегося писателя Чингиза Айтматова, постоянно находится под пристальным исследовательским взглядом маститых зарубежных литературоведов. Не остались в стороне и американские учёные: недавно вышла в свет фундаментальная монография профессора Джозефа П. Мозура «Параболы из прошлого: художественная проза Ч. Айтматова» (США, Питсбург, 1995 г., 214 с., на английском языке), в которой автор исследует литературную карьеру Ч. Айтматова, его личный «переход» – движение от Горького к Достоевскому.

Свеж и оригинален литературоведческий подход к оценке творчества писателя: «Литературная эволюция Айтматова поистине замечательна. Он начал свою карьеру «учеником» литературных моделей и штампов поздней сталинской эпохи, освободился от одномерности изображения советской действительности в годы правления Хрущева и брежневский период «застоя» и, наконец, вызывает радостное удивление парадоксальностью, взывая к одному из основных человеческих качеств – свободе».

Нельзя не согласиться с автором монографии в том, что лучшая проза Ч. Айтматова интегрирует множество литературных жанров в одно общее повествование. Ч. Айтматов трансформирует мифы, легенды, фольклор в литературные подсюжеты, которые при введении в основную сюжетную линию современного повествования проявляются как параболы или лирические и морально-нравственные комментарии событий, происходящих в том или ином его произведении. Как в этой связи не вспомнить библейские параболы, подобно которым фольклорные подсюжеты поливалентны и могут толковаться по-разному. Эта поливалентность и обеспечивает более свободную творческую реализацию читателя.

Легенда о манкурте – классический пример литературной параболы. Истоки легенды о манкурте мы находим в эпосе «Манас». Эпизод о попытке враждебных племен обратить малолетнего Манаса в манкурта, дабы убить в нём потенциального героя-предводителя, широко известен. Но только Ч. Айтматов сумел запустить манкуртскую «ракету» с «полигона» Манаса в космос мировой литерату-

ры и тем самым глубоко раскрыть катастрофу духа, подвергающегося целенаправленному насилию: разрушению вселенского субъекта – памяти человека.

Именно через Айтматова вошло в мировой литературный и исторический процесс понятие «манкуртизм».

«Опираясь на традиции устного творчества своего народа, Ч. Айтматов развил уникальный параболический жанр, который способствует универсальному восприятию читателем всего произведения», – такова сентенция Джозефа П. Мозура.

Пожалуй, ни в одном из ранее опубликованных литературоведческих работ с подобной скрупулезностью не разбирались бы подсюжеты произведений Ч. Айтматова. Почему изучение парабол из прошлого в художественной прозе Ч. Айтматова легло в основу монографии американского исследователя? Очевидно, потому, что он воспринял фольклорные вкрапления как бы экранами, скрывавшими критическое отношение автора к явлениям советской действительности. Такой приём придавал произведениям Ч. Айтматова некоторую двусмысленность, и это, вероятно, помогало писателю в своё время обходить цензуру.

Проза Ч. Айтматова бросает вызов читателю, побуждая его искать ответ, ключ к пониманию взаимосвязи параболы и основной сюжетной линии в изображении современной жизни.

Анализируя исследование американского учёного, поражаешься глубокому

знанию автором русскоязычной прозы советского периода. Довольно интересна его мысль, что такие произведения, как «Белый пароход», «И дольше века длится день» Ч. Айтматова, «Мёртвым не больно» В. Быкова, «Прощание с Матерой» В. Распутина и «Дом на Набережной» Ю. Трифонова, несмотря на давление цензуры, заставили советского читателя задуматься о состоянии общества, о таких его негативных чертах, как замкнутость, всеобщая подозрительность, отсутствие сострадания и готовность задуть всякое инакомыслие. В конечном итоге эти художественные произведения послужили катализатором общественно-политических изменений в годы правления Горбачева. Неоднозначно, но достойно осмысления. Однако вернёмся непосредственно к творчеству Ч. Айтматова, проза которого, по мнению Джозефа П. Мозура, представляет уникальный синтез центральноазиатского наследия, западноевропейской и русской литературных традиций. И это утверждение верно. Ведь ориентация на прошлое, проистекающее из киргизского культурного наследия, в годы застоя являлась мощным инструментом вывода литературы из одномерного состояния, в котором она удерживалась очень долго. Через устное народное творчество Ч. Айтматов создал то, что назвал многоплановостью своей прозы.

Важность параболы айтматовской прозы трудно переоценить. Наряду с различными фольклорными элементами, которые Ч. Айтматов вплетает в виде

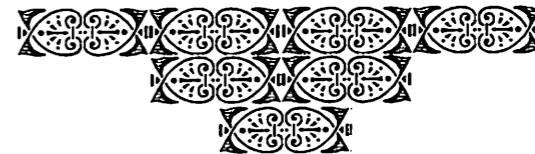

интермеццо в основную сюжетную линию, он тем самым объясняет их вселенскую значимость. Благодаря этому приёму обыденность основной сюжетной линии выходит за пределы временных и пространственных рамок.

«Чингиз Айтматов – человек Мира, а не определённой общественной формации», – резюмирует Джозеф П. Мозур, и нас, читателей, радует, что именно так американские исследователи трактуют феномен Ч. Айтматова.

Любопытно, что для западноевропейских интеллектуалов появление на при-

лавках книжных магазинов книги Джозефа П. Мозура стало большим событием. Однако американский читатель, в отличие от читателя Западной Европы, пока не столь широко знаком с творчеством Ч. Айтматова, но обнадёживает тот факт, что в Америке уже есть айтматоведы, которые на высочайшем профессиональном уровне исследуют и пропагандируют творчество киргизского писателя, и то, что вслед за Германией, Японией и Францией в самое ближайшее время и в США выйдет в свет последний роман Чингиза Айтматова «Тавро Кассандры».

НУЖЕН ЛИ СЕГОДНЯ ЧИНГИЗХАН?..

«Белое облако Чингизхана» – именно так называется дополнительная глава романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день». Писатель в ней даёт возможность читателю вновь встретиться с Абуталипом – героем романа, дальнейшая судьба которого осталась неизвестной. Мы хорошо знаем, насколько трудно было даже Ч. Айтматову изобразить в полной мере всю трагедию героя, попавшего в страшные жернова тех лет.

Человек, прочитавший эту главу, тут же задается вопросами: Какова дальнейшая судьба Абуталипа? А что с Зарипой, его детьми? Возвратится ли он к своей семье? Чем закончится «тайное» чувство Эдигея к Зарипе?

События «Белого облака Чингизхана» подтекстом достаточно тесно связаны по двум направлениям: первое, это непримиримое противостояние между Абуталипом и манкуртом Тансыкбаевым, второе – трагедия Чингизхана, потрясателя вселенной.

Абуталип по указанию манкурта Тансыкбаева обвинен за то, что во время войны участвовал в партизанской борьбе с

фашизмом в Югославии и за то, что уже многие годы собирает исторические народные предания. Но, несмотря на страшные обвинения, дух Абуталипа не сломен, он понимает, что не имеет права дать манкуртам-тансыкбаевым растоптать честь и достоинство честных людей. Видя как быстро размножаются и расползаются по земле манкурты, играя судьбами невинных людей, он страдает. Тоскуя по любимым детям и жене, Абуталип понимает, что вряд ли увидится с ними, но что делать?!

Наверное, дети с надеждой смотрят на каждый проходящий поезд! Найдется ли хоть кто-нибудь, кто позаботится о семьях тех, кого определили во «враги народа»? Кому это во благо, кому во вред? Неужели победа, добытая в горе и слезах миллионов людей, обернется во вред им самим?! Кто враг, кто друг?! Велят снять шапку, а они рубят головы!.. Все человеческие достоинства и права попорчены?.. Где наш коммунизм, победно шествующий по стране? Почему его, «врага народа» сразу не убили? Неужели оставили в живых, чтобы кому-то с его

помощью навредить? Может покончить с собой? Но как?! Нет надо жить хотя в память о счастливых днях на буранном полустанке. Тысяча мыслей сменяют друг друга в его голове, их не остановить, не унять!..

В стылые февральские дни 1953 года в темной камере алматинской тюрьмы такие мысли и сомнения будоражат Абу-талипа, а Тансыкбаев со своими дружка-ми-манкуртами пьют водку из хрустальных бокалов, не успевая ходить по гостям! Все их действия направлены на поиски врагов-националистов, за свои старания они получают денежные премии и повышения в чине. А за металл они, конечно, готовы продать родную мать. Тех, кто говорил и писал о народных традициях, они делали врагами народа, они, расплодившиеся манкурты, решали, что хорошо, что плохо, кто прав, кто виноват. Мы и не заметили, что они стали определять, что нам читать, а от чего следует наотрез отказаться, они стали решать судьбы писателей и поэтов. Этому есть много примеров из жизни.

Именно в 50-е годы мы стали подвергать остракизму вершину своей духовной культуры эпос «Манас», который веками передавали из поколения в поколение. Отдельные ученые, примкнув к представителям иных народов, стали утверждать, что эпос наш антинароден, служит баям и манапам, восхваляя старый патриархальный строй и взгляды прежней правящей клики. Тогда же наши великие манасчи стали националистами. И

только благодаря мужеству и непримиримости таких патриотов как М. Ауэзов и Б. Юнусалиев был сохранен наш эпос «Манас»! А ведь могло быть и по-другому! Мы ведь знаем, сколько ученых-патриотов Туркмении были приговорены к расстрелу за то, что осмелились выступить в защиту народного эпоса «Кёроглы».

В те же годы люди боялись произносить имена Молдо Кылыча, Арстанбека, Калыгула. И это ведь результат деятельности бурно расплодившихся в те годы тансыкбаевых.

Что далеко заглядывать в прошлое, буквально вчера, в 85–90 годы прошлого века, когда мы дружно кричали о «перестройке», Ч. Айтматов и Т. Сыдыкбеков, которые ратовали за расширение сети детских садов и школ на киргизском языке, профессор С. Аттокуров, который осмелился учить студентов истории киргизов, в одночасье стали «националистами»! Да и меня, тогда еще достаточно молодого автора этих строк, по сценариям 37 года подвергали допросам за то, что занимаюсь изучением творчества националиста Айтматова, что нахожусь в творческой и дружеской связи с ним! Наш эпос «Манас» вновь подвергся лексическому и содержательному препарированию, рассмотрению под идеологическим «микроскопом». Мы оказались не в состоянии достойно проводить в последний путь своих усопших соплеменников, прочитать над их могилами куран, все эти обычаи и традиции были под негласным запретом!

Кому все это было нужно?! Это было нужно тем, кто пытался противопоставить малочисленные народы друг другу, а если получится стереть их названия с карты землян, превратить нас в манкуртов! Этим надеждам, к счастью, не суждено было сбыться!

Обратимся к судьбе Мухтара Омархановича Ауэзова. Уже с начала 20-х годов прошлого века он берется за работу по пропаганде жизни и творчества Абая Кунанбаева до казахского народа! Он начал с учреждения научно-популярного журнала «Абай» для молодежи, сам писал статьи о творчестве поэта, сам редактировал и издавал журнал.

Вскоре его арестовали. На страницах республиканской прессы можно было часто встретить материалы такого содержания: «...мы можем без особых затруднений определить абаевскую философию как конгломерат разновидностей обычной буржуазной идеалистической философии с преобладанием теологии. На 11 году нашей революции этот буржуазный хлам без всякой критики преподносится молодой общественности как истинно материалистическая философия на казахский лад. Мы считаем, что одна из первоочередных задач партийной организации Казахстана на идеологическом фронте состоит в том, чтобы покончить с абаизмом, как обычным буржуазным хламом. Поэтому в кратчайший срок необходимо мобилизовать все культурные силы партийно-советской общественности Ка-

захстана против учений Абая и его современных единомышленников»¹.

М. Ауэзов в 1932 году выходит из тюрьмы. Упоминание имени Абая, чтение его стихов грозили ссылками и тюрьмой. Но М. Ауэзов продолжает собирать материалы о судьбе и творчестве Абая, пишет первую книгу романа-эпопеи «Путь Абая», получает за этот труд Сталинскую премию первой степени, становится академиком Академии наук Казахстана. Но ни премии, ни почет и уважение народа не спасают М.Ауэзова от преследований. В 1951 году он вновь обвинен как «глашатай феодализма», «буржуазный националист», «идеолог Алаш-Орды», выписывается ордер на заключение академика М. Ауэзова...

Приближался очередной повод для празднования Тансыкбаева. Даже жена почувствовала, как резко улучшилось его настроение. В очередной раз перебирая материалы по делу Абуталипа, он вдруг совершенно по другому воспринял содержание исторической легенды «Казнь в Сары-Озоке», написанной от руки обвиняемым. Следовательно сам удивился, почему до сих пор он не придал значения этой легенде. Он обрадовался, будто нашел большой слиток золота, все заботы и переживания последних дней ушли. Тансыкбаев почувствовал такую радость будто жена родила ему сына, в легенде о Чингизхане он нашел ту политическую ошибку, что позволит ему припереть Абуталипа к стенке. Да теперь Абуталипу не отвертеться, даже если не брать в расчет его партизанское прошлое, он – в капкане!

«Белое облако Чингизхана» написано на основе мифов, легенд и преданий, давно ставших визитной картой писателя. «Должен сказать, что в повести использовано одно из устных преданий кочевья о Чингисхане, миф, мало соотносимый с исторической действительностью, но много говорящий о народной памяти...»² – говорит автор. «Я по-своему осваиваю мифический сюжет, по-своему его преобразую, так чтобы нынешнему читателю не просто было явлено древнее поэтическое предание, а чтобы оно было задействовано в философской сути современного произведения. И в этой вещи легенда о Чингисхане спроецирована на извечную дилемму – власть и личность»³.

О Чингизхане написано много книг. Читателям они известны. К примеру, это труды «Туркестан и эпоха монгольского нашествия» В. В. Бартольда, «Истории первых четырех ханов из дома Чингисова» Н. Я. Бичурина, «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» Б. Я. Владимирцова, «Сокровенное сказание. Монгольская хроника» 1240 г. в переводе С. А. Козина, «Чингисхан» И. М. Майского, «Сборник летописей» Рашид-аддина. Зарубежные читатели хорошо знакомы с трудами М. Першерона «Чингисхан», Х. Ламбы «Чингисхан, покоритель степей» (Франция), Маккензи «Океан и степь, Жизнь и эпоха монгольского завоевателя Чингисхана (1155-1227 гг.)», Дюпюши «Чингисхан» (Америка).

Вместе с тем в Германии вышел труд М. Правдина, в Англии – Ральфа Фоку-

са, во Франции – Иоахима Баркхаузена и Рене Грусстина. Первый труд в Европе о Чингизхане был написан на французском языке Ф. Пети де ла Круа «История великого Чингисхана» (1710). Книга академика Б. Я. Владимирцова «Чингисхан» несколько раз издавалась на английском и французском языках, также выходили книга академика-француза Луи Гамбиса «Чингисхан» (1973), а также немца-монголовода Пауля Рачневского «Чингисхан» (1987). Из художественных произведений можно особо отметить исторические романы В. Яна «Чингизхан» и И. Калашникова «Жестокий век».

Весьма интересно сравнить образ Чингизхана и мотивировку его поведения в повести Ч. Айтматова и исторических письменных источниках, переведенных на русский язык «Тайная история» («Сокровенное сказание»), «Сборник летописей», «Юан-ши», «Шара Тужи», а также трудами известных ученых и писателей. В произведениях В. Яна и И. Калашникова затрагиваются проблемы, связанные с судьбами многочисленных персонажей, поэтому у нас нет возможности здесь это подробно анализировать, да и необходимости в этом нет. Однако личность Чингизхана, его отношение к власти и старшему сыну Джучи не могут не остановить наше внимание.

Художественный объект, к которому обращено внимание В. Яна, И. Калашникова и Ч. Айтматова един – Чингизхан. Схожи и многие события, что объясняется хорошим знанием исторических фак-

тов. Но каждый писатель имеет свою цель и факты интерпретирует в плане достижения цели.

В чем общность этих произведений? Во-первых, Чингизхан – историческая личность. Следовательно, изображать его внешний вид, характер, взгляды на жизнь следует правдиво. Именно поэтому в изображении Чингизхана у писателей нет большой разницы. Чингизхан в разных произведениях одинаково умен и хитер, коварен и кровожаден, жестокий властитель, поставивший себя вровень со Всевышним. Во-вторых, писатели подробно останавливаются и на изображении отношения Чингизхана к старшему сыну Джучи.

Авторы дают достаточно подробные сведения о детстве и юности Чингизхана. В. Ян специально не останавливается на этом периоде жизни будущего Потрясателя Вселенной, поэтому читатель практически не знает о событии, которое оставило глубокий след в душе и будущих действиях Чингизхана. Айтматов же вводит в канву произведения один эпизод, который многое проясняет. Уже с детства мстительность и вера только в себя глубоко укоренились в его душе. Это видно в эпизоде, когда Юный Темучжин вместе с младшим братом, убивают своего единокровного брата Бектера за то, что тот отнял у них рыбу. Затем он поднимается на гору и бьет в свой барабан, сообщая о своей победе, чем навлекает на себя проклятия людей. С тех пор рокот боевых барабанов становится военным кличем Чин-

гизхана. Писатель дает знать, что основа будущих завоеваний половины мира лежит в юности Чингизхана, в том, что жестокость не пришла к нему после того, как он сел на золотой трон, а исподволь росла вместе с трудностями детства.

Заметно, что при художественной интерпретации этого эпизода Ч. Айтматов опирался на следующий исторический факт: «Как-то Темучжин поймал в Ононе красивую рыбу, а Бектер с Бельгутаем отняли ее у его брата Хасара. Побежали братья жаловаться Оэлун. Та, почувствовав недоброе, стала упрекать их:

– Ах, что мне с вами делать? Что это так неладно живете вы со своими братьями. Нам думать о том, как бы отплатить за обиду тайчулителям, а вы ссоритесь меж собой.

Обида была сильнее разных слов матери:

– Ведь совсем недавно они точно так же отняли у нас жаворонка, подстреленного стрелой, а теперь вот опять. Как-же быть согласию?

И, хлопнув дверью, братья вышли полные решимости отомстить за обиду.

Бектер в это время пас на холме копей. Подкрались к нему сыновья Оэлун с луками и стрелами. Темучжин сзади, Хасар впереди. Испугался Бектер.

И по их лицам он понял, что не ждать ему пощады. Со словами «Не разоряйте моего очага, не губите Бельгутаея» он покорно присел на корточки перед братьями. В упор, спереди и сзади, пронзив Бектера стрелами Темучжин и Хасар ушли,

бросив бездыханное тело своего единокровного брата на холме».

Без слов понятно, что Ч. Айтматов по своему интерпретировал этот исторический факт. Но ведь ясно, что вовсе не отнятая рыба послужила причиной жестокого убийства Бектера. Темучжин прекрасно понимал, что в будущем именно Бектер может оспаривать у него власть.

В. Чивилихин в своем романе-эссе «Память» кратко останавливается на этом эпизоде, и приводит следующие строки, вырвавшиеся из груди Оэлуна:

Этот-вот видно недаром,
Из чрева яростно вырвавшись,
Сгусток кровавый в руке зажимая,
На свет появился!

Если в изображении В. Яна, Ч. Айтматова, В. Чивилихина главный герой предстает перед нами, так сказать, в готовом виде, то Чингизхан И. Калашникова несколько иной. Писатель обращает большое внимание на изменение внешнего вида, характера, взглядов Темучжина (в книге он назван Тэмуджином. Будем придерживаться варианта автора. — А.А.) в соответствии с требованиями эпохи. Много внимания уделяется детству героя. На мой взгляд, в образе юного Тэмуджина больше положительных качеств, а жестоким, часто бесчеловечным тираном, покорившим полмира, его сделало время. И. Калашников с большой симпатией описывает события детства героя.

После смерти Есугей-батыра его семье приходится влачить жалкое существова-

ние, питаюсь плодами растительности и птицами. Не имея поддержки родственников, разве не пришлось им прятаться в лесах при виде незнакомых всадников! Когда Тэмуджин немного подрос, враг его семьи Таргутай-Кирилтух, надев на него кандалы, разве не заставлял его работать на стрижке овец, помощником кузнеца! Ведь не получая помощи от братьев отца Даритая, Хучара, Сара-Беки, Алтая, мальчик рано понял, что только самому ему придется защищать мать и младших братьев от многочисленных врагов! Он рано понял, что если не будет противостоять насилию, то станет рабом! В глубине души мальчика гнездилась и доброта: это видно в его отношениях к семье, дружескому участию к тем, кто помог ему — Тайчу-Кура, Жэлме, Боорчу, Мунлику! Непокорный к врагу, он всегда наказывал трусов, но при этом, соблюдая традиции отцов, уважал старших, прислушивался к их советам!

Прямота и чувство справедливости, смелость и умение терпеть, верность дружбе вызывают к Тэмуджину симпатию читателей. Но в книге присутствует и иной образ героя, который получил имя Чингизхан. Теперь это — жестокий завоеватель, готовый проливать кровь невинных людей, человек, отдалившийся от родных и близких друзей.

В. Лхамсурен еще в 1963 году отмечал: «Деятельность Чингисхана в первый период его правления соответствовала объективно-историческому процессу объединения монгольских племен, образова-

нию единого монгольского государства... Но в дальнейшем, когда Чингисхан перешел на путь завоеваний и грабежа чужих стран и народов, деятельность приобрела реакционный характер».

В этих словах заложена и внутренняя суть имени «Чингизхан».

Что же в действительности означает антропоним «Чингиз»? Почему Темучжину подобрали такое имя? Насколько оно соответствует? Такие вопросы, конечно, интересуют читателей.

В произведениях В. Яна и Ч. Айтматова нет упоминания о Великом курултае. У И. Калашникова же он описан весьма подробно, потому что именно здесь — водораздел, излом, начало утери положительных качеств в человеке и его быстрого движения к злу. Шаман Теб-тэнгри провозглашает перед людьми: «Возблагодарим животворящие силы неба и земли, духов, охраняющих нас! Сегодня благоволением вечного неба, общим согласием народов, живущих в войлочных юртах, вручаем судьбу нашего великого улуса благословенному Тэмуджину. Его, повергнутого возмутителей покоя, поправшего горделивых ханов и гурханов, нарекаем Чингисханом — владетелем мира, ханом великим, всемогущим, всевластным»⁴.

А каковы же исторические факты?

Весной 1206 года на берегах реки Онон собрались все ханы и нойоны Монголии и подняли Темучжина на недостижимую высоту. «На этом курултае за ним утвердили великое звание «Чингисхан», и он счастливо воссел на престол. Утвердив-

шим это звание был Кокочу... его звали Теб-тенгри. Значение «чин» — сильный и крепкий, а «чингис» — множественное от него число, по смыслу одинаковое с наименованием гурхан, которое было прозванием великих государей Кара-Китая, иначе говоря, государь сильный или великий» (Рашид-ад-дин). Академик В.Я. Владимирцов слово «Чингиз» поясняет так: «Очень трудно определять значение слова «Чингис», сделавшегося титулом Темучжина. Можно догадываться только, что титул этот Темучжин получил по имени одного светлого духа, которому поклонялись тогдашние монголы-шаманисты. Предложение это имеет под собой и то основание, что многие смотрели на Темучжина как на предопределенного небом, да и сам Темучжин, по-видимому, много думал об этом вмешательстве «Вечного Неба» в его судьбу».

Отдельные исследователи этимологию слова «чингиз» ищут в тюркской лексике, считая, что оно происходит от слов «тэнгис», «тендис», «тенгис» (великий, просторный, безграничный, иначе говоря, владыка Вселенной).

«Собственное имя Чингис-хана обычно передается в монголоведной литературе как «Темучин» или «Тэмучин». В АТ оно дано в форме Томучин... Данная форма объясняется тем, что, согласно монгольской литературной традиции, имя Чингисхана происходит от слова темиг-темог — «железо», на что указывается в тексте при упоминании «железной колыбели»⁵.

Айтматовское повествование отличается от вариантов других авторов не только по содержанию, но и по полноте раскрытия новых сторон образа. Главное в том, чтобы из интересной исторической легенды вычленил вечную для людей проблему. Поэтому на первый план выходит показ психологии обычного человека, глубоко скрытой за славой личности мирового масштаба. В изображении Ч. Айтматовым внутреннего мира Чингизхана ясно видны те сомнения, страхи, проявления слабости, неспособность понять себя Потрясателя мира, для которого, казалось бы, не должно существовать преград. Основная цель писателя показать Чингизхана не только в боевых сражениях, но и в бытовых, жизненных перипетиях. Ведь, как говорят кыргызы, «Бывает джигит и пешим, бывает – и на верблюде», т.е. жизнь все расставляет по местам, будь ты хан или бедняк. Поэтому Айтматов не подчеркивает отрицательные и положительные черты, присущие Чингизхану. Наоборот, полные остро драматизма и глубокого психологизма события заставляют философски мыслить. Давая легенде нравственную и философскую оценку, писатель показывает свою обеспокоенность будущими судьбами своих героев. Уже давно нет сомнения в том, что все проблемы, проходящие через художественный мир Ч. Айтматова, имеют общечеловеческое значение. Автор с высоты своего человеческого и писательского опыта рассматривает проблему, размышляет о ней. В легенде

о Чингизхане поднимаются проблемы человечности и звериной жестокости, любви и ненависти, власти и бессилия, жизни и смерти.

Уже два года как Чингизхан готовится к великому походу. Он издал приказ о том, чтобы женщины не рожали до окончания похода. Никто и не подумал оспаривать этот приказ, идущий вразрез законам природы. В эти дни и приходит к Чингизхану дервиш, говоря о том, что к победам его ведет белое облако. По правде говоря Чингизхан уже давно подметил, что в походах его всегда сопровождает белое облачко над головой.

Художник сумел найти прекрасные краски для изображения белого облака с начала до конца произведения. Этот образ, тесно связанный с историей Чингизхана, олицетворяет вселенскую проблему нынешнего времени – взаимоотношения власти и личности.

Значительно поднимает художественный уровень повести трагическая история Эрдене и Догуланг. Жестокость власти противостоит чувствам влюбленных. Перед их любовью приказ Чингизхана бессилен. Невозможно погасить это пламя. Ведь любовь побеждает все преграды. Результатом их тайных встреч стало рождение сына. Ребенка назвали Куланом. Догуланг – прекрасная мастерица – вышивальщица знамен Чингизхана, тех знамен под которыми было одержано столько побед! Эрдене – сотник, могучий воин. Сумеет ли Чингизхан оценить их заслуги и простить вину? Пожалее ли он мла-

денца? Поймет ли Чингизхан, что все его победы – результат беззаветного служения таких же простых людей, как догуланг и Эрдене?

Неприятная весть о рождении в походе ребенка достигла ушей Чингизхана, когда он скакал во главе войска. Он промолчал, хотя эта весть вызвала в его душе бурю разнообразных чувств и размышлений. Где дисциплина?! Как можно было не заметить беременную женщину?! Ведь можно было убить ее, не дожидаясь родов?! Или недоброжелатели решили посмотреть, как я поступлю?! Ребенок уже три дня питается молоком матери! Кто помогал этой развратнице?! Кто ее муж?! Кто осмелился нарушить его приказ?! Вышивальщица знамен?! Знамен, под которыми одержано столько побед! Потеря знамени – поражение! Женщина – понятное дело, но кто ее мужчина?!

Для углубления психологии героев Чингиз Айтматов параллельно с судьбами молодых героев описывает событие, произошедшее с Чингизханом в юности. Это помогает заострить и усложнить развитие сюжета, показать изнутри внутренний мир героя. Эта история незаживающей раной осталась в сердце Чингизхана, мучая и наполняя душу сомнениями.

Вскоре после женитьбы, когда Темучжин был в походе, враги разорили его становище и угнали в плен его людей и молодую красавицу-жену. Через некоторое время, он, собравшись с силами, разбивает своих врагов и освобождает жену.

Обратимся к историко-литературному факту:

«Когда гнались (за ними), Томучин поспешно подскакал к бежавшим людям, крича: «Бортэ! Бортэ!» Он считал, что Бортэ-уджин находится среди вынужденных бежать людей. Услышав голос Томучина и узнав его, она сошла с повозки и прибежала. Бортэ-уджин и Хоногчин вдвоем схватили (коня) Томучина за поводья. Была яркая полная луна. Когда он посмотрел, то узнал Бортэ-уджин, и, встретившись друг с другом, они обнялись»⁶.

Этот эпизод Ч. Айтматов описывает следующими словами: «Бортэ! Бортэ! Где ты! Бортэ! – кричал и звал Темучин в отчаянии, кидаясь по сторонам и нигде ее не находя, и когда наконец он настиг крытую повозку и его люди перебили с ходу возниц, то Бортэ откликнулась на зов: «Я здесь! Я Бортэ!» – и спрыгнула с повозки, а он скатился с коня, и они бросились друг другу навстречу и обнялись во тьме»⁷.

Айтматов, как видим, не отошел далеко от основного текста, но в повести психологическое состояние героя глубже и ярче. Писатель с присущим ему мастерством углубляет внутренний драматизм ситуации. Темучжин сразу замечает, что в плену его жена не мучилась, наоборот, она стала краше, стройнее. Этого он не ожидал. Когда он обнял и поцеловал жену, запах чужого мужчины ударил ему в нос. Сердце его захолонуло, и он, до крови закусив губу, приказал убить всех

пленных мужчин. Но и это не успокоило его. Долгое время мучили его мысли: В чьих объятиях провела эти дни и ночи его жена?! Почему она молчит, не признается?! Может быть, его первенец Джучи вовсе и не его сын?! Эти сомнения Чингизхана вновь забурлили в его душе, когда он узнал о том, что вышивальщица знамен Догуланг родила сына, это еще куда не шло, более преступно, что она не выдает имя любовника. Как схожи людские судьбы?!

Эпизод с пленением Борте меркитами есть и в произведении И. Калашникова. Когда-то у молодого меркита Чиледу его любимую девушку Оэлун силой отнял воин Есугей. Прошли годы, Есугей умер, Оэлун родила и воспитала детей. И вот теперь уже меркиты, помня судьбу Чиледу, похищают Борте. Тэмуджин с помощью Тогорил хана и своего друга детства Жамухи освобождает молодую жену. Ревность и сомнения не дают ему покоя, он временами выпрашивает Борте: «Наверное, и в объятиях меркита тебе было хорошо? Ты и ему наливала кумыс, сидя напротив?» Для Борте эти вопросы, конечно, как нож в сердце. Однажды, не выдержав, она отвечает: «Тэмуджин, тебе следовало убить меня. Скоро я рожу сына, но не знаю, твой он или не твой. Мне надо было там умереть. Но я скучала по тебе, ждала, что ты придешь и освободишь меня. За это я виновата...».

Когда его брат Хасар принес ему весть о рождении первенца, он не только не одарил его, но ударом сбил с ног и уска-

кал подальше от людей, мучимый все теми же сомнениями. Что это? Попытки сбежать от своих мучительных раздумий! Что скажут люди?! А если они узнают его тайну! За что Бог его так наказал?! А если умертвить младенца?! Как это сделать?! А если младенец – из его крови и плоти! Как тогда ответить перед Богом?!

Хасар, конечно, сразу пожаловался матери на Тэмуджина. Оэлун, хорошо понимая, какие чувства испытывает Борте, и сама чувствуя вину за это, склонилась над младенцем, безмятежно посапывающим в колыбели, и произнесла «Мой сын. Это мой сыночек!» Из глаз Борте полились слезы и радости, и печали одновременно. Какая трагическая судьба! Какое внутреннее облегчение!

И у Ч. Айтматова, и у И. Калашникова хорошо описаны чувства Чингизхана к первенцу-сыну и к Борте. Но если Чингизхан И. Калашникова до конца жизни во многих эпизодах мучается от вечного сомнения «Чей же сын Джучи?», то Айтматовский герой проецирует историю Догуланг и Эрдене на свою незаживающую рану. К тому же у Айтматова нет упоминаний о меркитах в описании взаимоотношений Чингизхана и Борте. По мнению писателя, некая недоговоренность только углубляет психологизм произведения.

Отдельные исторические хроники предоставляют нам совершенно иные сведения. В них утверждается, что у Чингизхана до Джучи уже были дети.

«У Чингисхана весьма много сыновей. Старший сын Би-инь был убит в бою при штурме западной столицы (Цзинь-цев) Юньчжуна во время разгрома государства Цзинь. Ныне второй сын является старшим царевичем и зовут (его) Иоджи (Джучи – А. А.)»⁸.

«Джучихан был старший из всех детей Чингиз-хана, за исключением одной сестры, по имени Фуднин-беги, которая была старше его. Он родился от старшей жены (Чингиз-хана) Бурте-фуджин, дочери Дайнойона, из племени конкурат, которая была матерью четырех сыновей и пяти дочерей. В начале поприща Чингизхана, когда признаки его миродержавия еще не проявились на страницах листов судьбы, жена его, упомянутая Борте-фуджин, забеременела Джучи-ханом. В то время племя меркатов, воспользовавшись (удобным) случаем, ограбило дом Чингизхана и увело беременную жену его»⁹.

По этому и еще одному источнику¹⁰, Борте преподнесли в дар другу отца Тэмуджина Онг-хану, ибо между кереитами и меркитами был мир. Онг-хан выдал Борте за Чингизхана, уважал и ценил ее как свою невестку. Выходит еще до пленения меркитами Борте уже была беременна! Тогда нет сомнений, что Джучи – сын Чингизхана.

По другим источникам, пленницу Борте отдают в наложницы младшему брату Чиледу Чилгиру. Материалов, подтверждающих этот факт, много. Но здесь мы сталкиваемся с противоречивыми фактами: первое, в Джучи может течь кровь

меркита; второе, первый ребенок Чингизхана вовсе не Джучи, а девочка; третье, Джучи – сын Чингизхана.

Судя по интерпретации Ч. Айтматова, можно говорить о том, что он склонен придерживаться первой точки зрения.

У Айтматова говорится, что у Чингизхана кроме Борте было еще три жены. Писатель не приводит нам их имен. А что говорит история? Кто они? Исторические данные утверждают, что у Чингизхана было около пятисот жен и наложниц. В те времена существовала традиция брать в жены супругу или дочь побежденного властителя. Это считалось признанием полного поражения той страны.

Имена не всех их зафиксировала история. Ч. Айтматов имеет здесь в виду трех жен, с которыми Чингизхан совершил обряд бракосочетания – Хулан и сестры Есугай и Есуй. Именно они имели право после Борте наследовать имущество Чингизхана. Взаимоотношения их, мягко говоря, были натянутыми, у каждой были свои далеко идущие планы.

Говорят, что Чингизхан более своих молодых жен ценил и уважал стареющую Борте, прислушивался к ее советам, часто вспоминая счастливые дни юности, когда они еще не думали о богатстве и славе. В романе И. Калашникова есть эпизод, когда в конце жизни Чингизхан приглашает в гости своих друзей Желмэ и Борчу. Вместе с Борте они едут на берега Керулена и Онона, отдыхают и предаются воспоминаниям о юности, давая оценку своим действиям и поступкам. Огром-

ная слава не может затмить в душе Чингизхана воспоминаний о счастливой, безвозвратной юности. А вся юность Чингизхана неразрывно связана именно с Борте...

Чингизхан Айтматова оказался на перепутье: из-за того, что родила какая-то женщина прервать поход или жестоко наказать тех, кто ослушался в назидание всем остальным? Даже могучий конь его устал, поступь его потеряла живость и упругость. Над головой безмятежно плывет маленькое белое облако. На него никто не обращает внимания, никто и не знает, что это облако Чингизхана. Об этом знает лишь он сам. Бог любит его, вот и прислал ему белое облако, которое охраняет и сопровождает его повсюду. Хочет Чингизхан быть единственным избранником Тенгри, только сам хочет говорить с ним.

Писатель образом Чингизхана хочет сказать, что человек, вкусивший славу и безграничную власть, не прочь занять место небесного владыки. К чему только не приводит единовластие. Чингизхан в мыслях не прочь поставить себя вровень с Богом, хочет вечно остаться победителем, не тонущим в воде и не горящим в огне. Белое облако продолжает плыть над ним. Гонец, прибывший с вестью о рождении ребенка, со страхом ждет решения Чингизхана. А тот никак не может прийти к единственному решению.

Ч. Айтматов не дает нам сведений о том, представителями каких народов являются Эрдене и Догуланг, да это и не

важно. Они могут оказаться и кыргызами, ведь в войсках Чингизхана были представители многих покоренных народов. Для завоевания кыргызов Чингизхан в свое время направил старшего сына Джучи. Исторические памятники свидетельствуют о том, что кыргызы с оружием в руках готовы были встать на защиту своей независимости, но вынуждены были покориться силе. В 239 параграфе «Сокровенного сказания» говорится: «В год зайца (1207) Джучи с воинами правого крыла был направлен в поход против лесных людей. Проводником у него был Буха. Вначале ему покорился Худуха-беки со своими тумен-ойротами. Дальше сам Худуха-беки показывал дорогу монголам... Джучи приблизился к тумен-кыргызам. Тогда кыргызские нойоны Еди Инал Алдиер и Олебек-дигин в знак покорности вручают хану белых соколов-шумкаров, белых скакунов и шкуры горностаев. Джучи покорил всех лесных людей... Вместе с собой он привозит кыргызов-тысячников и туменов, нойонов лесных людей, чтобы они сами вручили Чингизхану богатые дары. Чингизхан одобрительно поглядел на Джучи: «Пусть они все подчиняются тебе». В «Юань шидеги» есть упоминание о том, что в том же 1207 году Чингизхан отправляет к кыргызам своего посла с предложением подчиниться. Те в знак согласия и признания власти Чингизхана направляют к нему с богатыми дарами трех эмиров Урут-Утуужу, Элик-Тимура и Аткирака.

Материалы данных источников свиде-

тельствуют, что на первых порах кыргызы старались избежать войны с могучим врагом. По традиции признания власти следовало платить налоги и поставлять воинов в монгольскую армию. Монголы попытались использовать кыргызские воинские соединения в 1217 году для подавления восстания туматов, но кыргызы во главе со своим вождем Курлуком встали на сторону туматов. Джучи сам «переправившись через реку по льду, усмиряет непокорных кыргызов и вновь уходит в свои степи». Конечно, в качестве военной добычи он угнал воинов-джигитов, девушек-мастериц на все руки и увез дорогие подарки. Из этого мы исходим, когда говорим, что Эрдене и Догуланг из повести Ч. Айтматова вполне могли быть из числа покоренных кыргызов. Бесспорно, даже если они окажутся кыргызами это ничего не прибавит и не убавит в книге. Мы это предполагаем только для того, чтобы подчеркнуть вассальное положение кыргызов, а, во-вторых, может быть, именно эта мысль владела писателем, когда он с горечью повествовал о трагической судьбе этих героев.

В повести Ч. Айтматов не описывает героизм и смелость сотника Эрдене на поле боя. Однако читатель понимает, что он – один из тех воинов, кто не уступает духом легендарным сподвижникам Чингизхана Жебе, Субудаю, Мухали, Наяа. Этот воин не пожалеет жизни ради победы. Он жесток и беспощаден к врагам ибо сражение не прощает слезливой жалости и гуманности. На поле брани есть только один закон

выживания: «Убей врага, иначе он убьет тебя!» Вражда двоих приводит к тому, что бьются насмерть сотни тысяч людей, гибнут невинные. «Повелел Чингис – пишет Рашид-ад-дин – произвести всеобщее избиение татар и ни одного не оставлять в живых до того предела, который определен... чтобы женщин и малых детей также перебить, а беременным рассечь утробы, дабы совершенно их уничтожить... Ни одному творению не было возможности покровительства тому племени или скрыть когонибудь из них, или даже несколькими из них, кои уцелели от истребления, обнаружиться или объявиться».

Следует отметить, что выше названные нами легендарные сподвижники Чингизхана всегда положительно характеризуются и в письменных источниках, и в устном творчестве, и в художественных произведениях. И Ч. Айтматов создает запоминающийся образ простого воина. Его богатый внутренний мир, приятная во всех отношениях внешность сразу говорят о благородстве и мужестве героя. Как художественный образ он нисколько не уступает легендарным воинам. Не будем забывать, что цель Ч. Айтматова – вовсе не написание исторического произведения.

Попытка Эрдене и Догуланг убежать не увенчалась успехом, мать с младенцем оказались плененными. Что делать Эрдене?! В день казни, когда мучители безрезультатно пытались добиться от Догуланг имени отца ребенка, Чингизхан наливался гневом. Он сидел вдалеке, полностью

положившись на проверенных приближенных, внутренне поддерживая их действия. В минуты короткого перерыва Догуланг успела последний раз приложить младенца к груди, чтобы накормить напоследок. Она решила не называть имени Эрдене, чтобы сын знал хотя бы отца. И это решение даже перед лицом неминуемой смерти делало ее счастливой!

Какие только изощренные методы умерщвления не придумало человечество, будь оно проклято! В скрижалях истории они упомянуты, волосы встают дыбом, когда читаешь о них. Когда привели огромного верблюда и, перебросив через ложбину между горбов волосяной аркан, привязали к одному концу мешок с песком, а другой конец с петлей накинули на шею Догуланг, вдруг из тесно сомкнутых рядов вырвался всадник на горячем коне. «Я – сотник Эрдене, Кунан мой сын, он сын сотника Эрдене!» – вскричал он и, на ходу бросая оружие, бросился на колени перед Догуланг, прося у нее прощения. Разом умолк грозный рокот боевых барабанов-добулбасов, установилось пронзительное молчание. Чингизхан молчал потрясенно! Нарушителем его приказа оказался сотник, а что же тогда ожидать от простых воинов?! Кому верить, с кого требовать?! Смотри-ка эти молодые не испугались смерти!

Казнь в Сары-Озоках прошла без заминок. Вместо мешка с песком привязали Эрдене, верблюда подняли. Чингизхан надеялся, что эта казнь ослушников заглушит многолетнюю рану в его душе, за-

полнит пустоту. Но оказалось, что, лишив их жизни, он не смог унять свою тоску и мужскую обиду. Этот сотник и его жена открыто заявили свои права на любовь, показали пример самоотречения и верности. А что же он, почему столько лет он не может добиться от жены признания, кто отец его первенца?! Почему столько лет он ревнует эту жену, а что делают остальные в его долгие отсутствия?! Нет, обида и сомнения не проходили...

Ч. Айтматов не дает сведений о дальнейшей судьбе Джучи. Писателя интересует больше проблема нравственного выбора. Трудно решить проблему твой сын Джучи или нет. Несомненный успех Айтматова – через описание многолетних, мучительных сомнений Чингизхана, словно «рентгеном» снять его внутренний мир.

В романе В. Яна Чингизхан отсылает Джучи подальше от себя со словами: «Отдаю тебе все земли Запада, куда ступит копыто монгольского коня». Здесь, конечно, не было тревоги о том, что старший сын будет претендовать на единоличную власть. Перед Джучи стояла задача завоевать новые земли, но воинской славе он предпочитал охоту. В минуту душевных мук Чингизхан дает задание своему родичу Учтегину убить Джучи! На охоте Джучи и погибает. В изложении И. Калашникова в смерти Джучи повинна одна из жен Чингизхана – Хулан. Все происходит из-за власти. Чингизхан, подначиваемый Хулан, совершенно охладел к Джучи. Хулан мечтала видеть своего сына

Кулькана наследником Чингизхана. Когда Чингизхан услышал весть, что Джучи отравили, он прикусил губу, с ненавистью взглянул на Хулан, стоящую чуть поодаль и прохрипел: «Уйди вон, чтоб глаза мои тебя не видели!» Кто может обвинить Чингизхана, кто спросит с него?! Только Борте осмелилась сказать ему: «Ты всю жизнь ненавидел Джучи. За что? За то, что у него не окостенело сердце... Я ждала тебя, я ждала, что ты очнешься. Не его, тебя надо было отравить, мангус, пьющий кровь своих детей!»¹¹.

Обратимся к истории: «Когда Жошы (Джучи – А. А.) увидел земли и воды, воздух кипчаков, он понял, что во всем мире нет лучше земель, прозрачной воды, чистого воздуха, как у кипчаков. Он настолько любил кипчаков, что обязался, что, оставшись на этой земле, спасти (освободить) этот народ от разорения; он сказал своим единомышленникам, что Чингизхан, видимо, сошел с ума, потому что разрушил столько земель, истребил столько народа, поэтому, когда выйдем на охоту, я его убью. Чагатай, почуяв эту мысль брата, доносит отцу, и отец повелел убить Жошы, незаметно дав яд»¹².

Легенда о смерти Джучи впервые увидела свет в 1897 году в «Киргизской степной газете» (Омск, 1897, № 13, 14, 18). В народе бытует много легенд о том, как сообщили Чингизхану о смерти его первенца. Многие из этих легенд дошли и до наших дней. К примеру, аксакал Тай Тилегенов, проживающий в Джебказганской области, утверждает, что великий акын

Кетбука так сообщил эту весть Чингизхану:

К е т б у к а:

Устье моря загрязнится,
Кто очистит ее, мой хан?!
Тополь с корнем повалится –
Кто поднимет его, мой хан?!

Ч и н г и з х а н:

Если море загрязнится,
Ее б очистил мой Джучи.
Если тополь повалился,
Его поднял бы мой Джучи.
В глазах твоих блестит слеза,
И в словах – много тоски?!
В песне – смятение, я боюсь,
Неужто умер мой Джучи?!

К е т б у к а:

Нету сил мне говорить,
Сам ты все сказал, мой хан!
Твой приказ – в себя же пуля,
О чем ты думал, мой хан?!

Ч и н г и з х а н:

Кулан ревет, теряя куланенка,
Так и я лишился жеребенка!
Как лебедь, потерявший птенца,
И я лишился сына-храбреца!

Несмотря на то, что легенды о вести о смерти сына Чингизхана у разных народов звучат по-разному, содержание их общё. У кого легенда передается стихами, у кого-то – прозой. Мы солидарны с мнением фольклористки Б. Кебековой о том, что: «Не вызывает сомнения тот факт, что все произведения о сообщении трагической вести имеют общую основу. Об этом свидетельствуют и факты ногай-

ского фольклора. Конечно, прошли многие века с момента создания произведений, изменилась история и судьба ногайцев, кыргызов, казахов, изменился и ареал их обитания. У каждого народа это произведение живет своей жизнью»¹³.

Давайте остановимся на отдельных вариантах¹⁴. По утверждению персидского автора весть о смерти Джучи Чингизхану сообщает Улун-ырчы, в фольклорах ногайцев, кыргызов и казахов это – самостоятельные произведения в стихах. Они имеют четыре варианта. Специфика кыргызского фольклора в том, что все варианты «законченные по содержанию, художественному уровню и стилю совершенно самостоятельные произведения» (Б. Кебекова). В некоторых вариантах имя Чингизхана изменено и передается как Айхан (Лунный хан). Это произошло вовсе не от непонимания, оно закономерно, ибо в народном представлении человек этот был зачат от лучей луны и рожден невинной женщиной. Во всех вариантах упоминается поэт-сказитель Кетбука. В кыргызском фольклоре смерть сына Чингизхана (Ай-хана) передается в трех различных вариантах. В одном – его на охоте затаптывают куланы¹⁵, во втором варианте единственного сына Ай-хана Жолчухана убивает тигр, когда он с друзьями выезжает на охоту¹⁶. В третьем, Айхан, боясь дурного сглаза для своего единственного сына, велит построить отдельный дворец, где он и умирает от укуса каракурта. Во всех вариантах люди не могут решиться сообщить жестокому хану о

смерти сына. И тогда акын Кетбука силой своего поэтического дарования, умением заставить струны комуза заговорить доносит до Чингизхана страшную весть, избежав при этом смерти.

В повести «Белое облако Чингизхана» после казни огромное войско продолжает поход, лишь пыль закружилась в бескрайней степи. И только служанка-наперсница Догуланг осталась, обнимая враз осиротевшего младенца. Что с ними будет в этой пустынной степи, где им преклонить головы в палящий зной?! Плач голодного ребенка видно дошел до слуха Всевышнего ибо от палящего солнца их укрыло невесть откуда появившееся белое облачко, а из давно иссохшей груди никогда не рожавшей женщины вдруг хлынуло белое молоко! Разве это не божий промысел, не символ вечности материнского начала?!

В это время, отдавая последние приказания воинам, Чингизхан вдруг замечает, что белое облако над его головой исчезло. Долго прождав его, Завоеватель мира понимает, что оно бросило его, это означало – Великий Тенгри отвернулся от него и не будет удачи в предпринимаемом походе. Чингизхан дает команду войскам повернуть головы своих коней в сторону родных степей! Белое облако! Пришлый дервиш предупреждал о непустимости потерять его! Почему он дал волю давно мучавшим его чувствам, почему допустил, что белое облако покинуло его?! Это был крах Великого завоевателя.

В романе В. Яна так описывается решение о прекращении похода. Жена Чингизхана Кулан-Хатун и ее сын Кулькан заболели и для того, чтобы заставить принять решение о возвращении на родину умная женщина, пошептавшись с великим советником, китайцем Елю Чу-цаем, придумала сказку о диковинном звере. Советник научил двух смелых нукеров рассказать ее Чингизхану...

«Чингисхан обратился к Елю Чу-цаю.

– Ты знаешь мудрейшие книги, в которых открыты все тайны земли, моря, неба. Читал ли ты сказание о таком звере?

– Такой редкий зверь называется «мудрый Го-Дуань», и он понимает языки всех зверей. Его речь к нашим двум багатурам означает, что в мире происходит чрезмерное кровопролитие. Ныне уже четыре года, как твое великое войско покорывает западные страны. Поэтому великое вечное небо, гнушаясь непрерывными убийствами, послало зверя Го-Дуаня объявить тебе, государь, свою волю...»¹⁷.

Конечно, образ этого мудрого зверя символичен, как и белое облако Айтматова. Но Чингизхан по разному реагирует на эти образы. В романе В. Яна – с пониманием и хитрым недоверием к рассказу двух багатуров, которые по отдельности различно описали аллюр этого зверя, чего бы даже вдрызг пьяный монгол не совершил. В повести же Ч. Айтматова решение о прекращении похода он принимает со страхом и пониманием утери поддержки Вечного неба. Эх, не добратся до облака! Иначе бы вернул его на ме-

сто, привязал, заставил продолжать слушать себе!

Здесь необходимо отметить еще одну деталь, связанную с именем матери Чингизхана Оэлун. Антропоним «Оэлун» переводится как «облако». Нам представляется, что символическая близость значений белого облака и образа матери здесь вовсе не случайна. Может быть, белое облако Ч. Айтматова и происходит от образа Оэлун.

Историко-литературные факты свидетельствуют о том, что Оэлун была умна, справедлива, правдива, смела и очень красива. Именно поэтому Темучжин всегда считался с мнением матери, слушался ее во всем и часто просил прощения, если был не прав. Только мама могла успокоить его гнев, убедить не совершать тех или иных непродуманных поступков, изменить принятые решения.

Как-то Чингизхан решил наказать своего младшего брата за проступок, связал его и мог убить. Только приезд матери не дал ему совершить непоправимое.: «Успокаивая матушку, августейший Чингисхаган сказал: «При внезапном приезде матушки я страхом своим испугался, стыдом своим устыдился. Поедем-ка обратно!» – и уехал»¹⁸.

Как видим, и в нем было убеждение, что мать свята. Перед смертью матери он очень жалел, что не смог оплатить ей сполна за ее материнское молоко, а ее кончина стала для него большим потрясением.

Именно поэтому белое облако может быть Оэлун. Тем более оно – не только

дар природы! Ведь именно мать воспитала в сыне неукротимую смелость! И именно дух матери всегда сопровождал и поддерживал Чингизхана в его победах! Только когда сын стал проливать реки крови безвинных людей священный дух матери перестал поддерживать его! Поэтому пришлось ему прекратить свое начавшееся так победоносно шествие на Запад.

Для Ч. Айтматова белое облако – символ вечности, совестливости, то есть всего того хорошего, что должен совершить человек на своем жизненном пути. Не к каждому приходит его белое облако. Творческое кредо великого кыргызского писателя заключается в том, чтобы художественно изобразить верховенство человечности и добра. Именно поэтому белое облако следует рассматривать как художественную находку Ч. Айтматова, выполняющую в произведении функцию идейно-эстетических весов, на которых взвешивается внутренний мир персонажа, устанавливается грань между добром и злом. Эта, на первый взгляд такая простая художественная находка помогает решить проблему, которая волнует все человечество, обогащает его философскую мысль. Только великие писатели уровня Ч. Айтматова могут донести до людей всего мира свои взгляды с помощью творческих исканий и находок.

В произведениях Ч. Айтматова изображение коня – чудесный мир, души писателя и его четвероногих героев едины. Я часто вспоминаю документальный фильм Герштейна «Айтматов», в котором

писатель так самозабвенно скачет на коне вместе со своими земляками, азартно участвует в молодеческой забаве кочевников – козлодрании. Он прекрасно и так естественно чувствовал себя верхом. Приезжая в аил, всегда садился на коня и выезжал на джайлоо, встречался с животноводами. Очень много фотографий, где писатель верхом на коне.

Кыргызы говорят «Конь – крылья джигита». Именно поэтому образы Танабая, Султанмурата, Бостона, их внутренний мир невозможно понять и принять без Гульсары, Чабдара, Донкулукка. По этому поводу было много написано, не будем занимать внимания читателей.

Айтматов не устает описывать коней. Этому лишний пример – изображение им коня Чингизхана. И в этой повести, как и в других произведениях, конь помогает раскрыть внутренний мир героя, его природу. «Под каганом знаменитый иноходец Хуба. Грива белая, а хвост черный – таким уродился. Знатоки утверждали, что такой конь появляется под особой звездой один раз в тысячу лет. То был поистине непревзойденный ходок, не скакун, а неутомимый ходок». Нетрудно заметить, что здесь открыто присутствует параллельное сравнение между иноходцем и его хозяином. Природа коня по имени Хуба столь же противоречива, как и внутренний мир его хозяина. В изображении этого животного уже заложено противопоставление дня и ночи – белого и черно-

го, двух разных начал. «Грива белая, а хвост – черный...»

В романе В. Яна изображаются два боевых коня Сэтер и Найман. Сэтер – белый жеребец. У него были огненные глаза и серебристая белая шерсть по черной коже. Он никогда не знал седла, и не один человек не садился на него. Во время походов Чингизхана – по объяснению шаманов – на этом белоснежном коне ехал невидимый могучий бог войны Сульдэ, покровитель войска монголов, и вел их к великим победам. Любимый боевой конь Чингизхана широкогрудый Найман, саврасый, с черными ногами и хвостом – потомок диких степных лошадей, не уступающий Сэтеру...

Ч. Айтматов в юности писал стихи. Во время обучения в Джамбульском техникуме он носил эти рукописи в редакцию. Эти рукописи не сохранились, поэтому сложно сказать, какого содержания были эти стихи. Однако, знакомясь со стихотворными фрагментами в «Джамиле», «Восхождении на Фудзияму», «Пегем псе...», «И дольше века длится день», можно сделать вывод о том, что писатель был и поэтом. Не в этом ли источник лиричности творчества Ч. Айтматова?

Могут возникнуть вопросы, зачем нужны стихотворные строки в произведениях писателя, как их пишет автор, на что он опирается? Поэтические строки, во первых, усиливают художественную сторону произведений, их лиричность, а, во вторых, как и другие компоненты произведения, выполняют дополнительно фун-

кцию раскрытия внутреннего мира героев. Для этого писатель наряду с собственными стихами использует и народные песни.

«Белое облако Чингизхана», о котором мы ведем речь, не лишено подобных творческих примеров. Стихи, которые сочиняет и напевает в походе Чингизхан, дают нам сведения о его внутренних чувствах, психологическом состоянии: он поет о своих победах, о непобедимости монгольских воинов, силе своей власти, отсутствии жалости к врагам и др.

Алмазным навершием державы моей
Водружу сверкающий месяц в небе... Да!..
И муравей на тропе не уклонится
От железных копыт моей армии... Да!..
Переметную суму истории
С потного крупа коня моего
Благодарные потомки снимут,
Постигая цену могущества... Да!..¹⁹

А нижеследующие строки свидетельствуют о том, что писатель в произведение вводит историко-литературное наследие. Это говорит о том, что писатель познакомился с большим количеством материалов о Чингизхане. Сравним:

* * *

«...Облачной ночью
Юрту мою, прикрытым дымником
Окружив, лежала стража моя
И усыпляла меня во дворце.
Старейшая ночная стража моя
На ханский престол меня возвела!

Звездной ночью
 Вокруг моей дворцовой юрты.
 Лежала стража моя
 Не засыпала во дворце у меня.
 Счастливая ночная стража моя
 На высокий престол меня возвела!
 В снежную бурю и мелкий дождь,
 Пронизывающий до дрожи,
 В проливной дождь и просто в дождь,
 Вокруг приподнятой юрты моей

Стояла, меня не тревожа,
 И сердце мое успокаивала.
 Крепкая ночная стража моя
 На благодатный престол
 меня возвела!

Среди врагов, учинивших смуту,
 И вокруг юрты с дымником стояла,
 Удерживала их мгновенно,

Верная ночная стража моя!
 Колчана из березовой коры
 Еле слышный шорох услышав,
 Без промедленья бросалась бороться
 Бдительная ночная стража моя!
 Из коры ивы (сделанный колчан)
 Лишь только шевельнется у врага
 Тотчас же вставала, не мешкая
 Подвижная стража моя!
 Называйся (отныне), «Старейшей!»

* * *

...Облачной ночью,
 Юрту мою, прикрытую дымником.
 Окружив, лежала стража моя
 И охраняла меня в дворцовой юрте моей.
 Сегодня в пути хочу сказать
 благодарность:

Старейшая ночная стража моя
 На ханский престол меня возвела!

В снежную бурю и мелкий дождь,
 Пронизывающий до дрожи,
 В проливной дождь и просто дождь
 Вокруг походной юрты моей
 Стояла, меня не тревожа,
 И сердце мое успокаивала стража моя!

Сегодня в пути хочу сказать
 благодарность:
 Крепкая ночная стража моя –
 На благодарный престол меня возвела!..

Среди врагов, учинивших смуту,
 Колчана из березовой коры
 Еле слышный шорох услышав,
 Без промедления бросалась бороться,
 Бдительной ночной страже моей
 Сегодня в пути хочу сказать

благодарность.

Загривки люто вздыбив при луне,
 Верная стая волков
 Вожака обступает, выходя на охоту,
 Так в набеге на Запад – со мной
 Неразлучна сивогривая стая моя.

Белые клыки моего трона всюду
 со мной...
 Благодарность пою им в дороге...»²⁰.

Мы видим, что Ч. Айтматов не переписал дословно историко-литературный источник. Он переработал его, осовременил, сделав понятнее для нынешнего читателя, придав новые краски произведе-

нию и расширив его. Мы ощущаем, что мысли Чингизхана льются, словно дождь, стихотворные строки придают художественно-философским обобщениям автора дополнительные оттенки.

Тансыкбаев вез Абуталипа в поезде туда, где он должен был лжесвидетельствовать против Сейфуллина и Попова, таких же, как он сам партизан, воевавших в Югославии. Сможет ли он в щелку увидеть хоть на миг Зарипу или детей своих на полустанке? Исполнится ли его мечта? Чем ближе поезд приближался к Буранному полустанку, тем сильнее билось сердце, готовое выскочить из груди, и кружилась голова. Все знакомо, степь... вон Каранар, из глаз брызнули слезы – Эдигей на низкой крыше, а его сын Эрмек снизу подает ему доску. А вон и Зарипа с младшим сыном Даулом идет в их сторону. У Абуталипа захолонуло сердце. Спасибо хоть за такой подарок судьбы. Тансыкбаев, увидев радостное выражение на лице Абуталипа, понял его по своему, решил, что тот признает свою вину и вместе с собой потащит и тех, других. Но Абуталип согласился на очную ставку с Сейфуллиным и Поповым только в надежде по пути увидеть в щелку вагона своих родных. Откуда манкурту понять радость человека?!

Судьба Абуталипа тоже решилась трагически. За это, конечно, нельзя обвинять автора. Как и в других произведениях Ч. Айтматова трагическое закономерно вытекает из логики развития сюжета. Идя под конвоем, Абуталип бросился под ко-

леса проходящего навстречу поезда. Но эта смерть сохранила жизни других: Абуталип своей смертью сумел сохранить жизни тем безвинным людям, кого обвиняли в антисоветизме. В этом поединке победила смелость, упорство и совесть. Как не вспомнить тут высказывание Ч. Айтматова: «Трагедия Шекспира – произведение, безусловно, жизнеутверждающее, несмотря на свой «безысходный» финал – гибель героев. Да, это высокая трагедия, обличающая зло того времени. Да, и «положительные» герои терпят поражение в схватке с «отрицательными», но вместе с тем история Ромео и Джульетты заставляет нас ценить и понимать смысл права быть свободными людьми. Ради этого права они отдали жизнь. Тем они прекрасны и величественны для живых»²¹.

Это не слова, сказанные для красоты. Сама жизнь давно уже доказала эту аксиому. Не каждый из нас, оказавшись в подобной ситуации, сможет ответственно и решительно действовать. Ч. Айтматов обращается к раскрытию сложной темы, как поступить, если внутренний мир человека, требует совершить поступок, который станет трагическим. Конечно, героя можно убить одним росчерком пера. Такое мы встречаем во многих произведениях! Все дело здесь в мастерстве Ч. Айтматова, который умеет трагедию изобразить как философскую и эстетическую категорию, сопровождающую человека на протяжении всей жизни. Истинная глубина и суть трагедии может быть раскры-

та только художниками уровня Айтматова.

Абуталип и Догуланг, Эрдене, Тансыкбаев и Чингизхан, что их объединяет? Ч.Айтматов, изображая каждого из них по отдельности, показывает, что их объединяет общность проблем, характерных для судеб людей. Человек! Но не каждый может сохранить это высокое звание. Суть человечности в том, чтобы не желать другому плохого, понять слабости и простить, не унижать того, кто слабее, не злоупотреблять властью, не возгордиться от славы, сохранить честь и достоинство, не утратить нравственность – вот такие выводы можно сделать после чтения повести Ч.Айтматова «Белое облако Чингизхана».

«Белое облако Чингизхана» – неотъемлемая часть романа, которая отвечает на вопросы равнодушных читателей о судьбе Абуталипа. Но если учитывать ее внутреннее художественное деление, содержательную структуру, целостность, новых персонажей, их характеры тогда эту «повесть к роману», как определил ее жанр сам писатель, можно считать самостоятельным произведением. Это произведение, волнующее мировое читательское сообщество своим психологизмом, философией и социальной направленностью.

Нельзя не вспомнить в этой связи повесть казахского писателя А.Кекильбаева «Баллада Хатын-Гол». Как и у Ч. Айтматова в произведении А. Кекильбаева проблема власти и отдельного человека ставится с использованием легенды и подвигается художественной интерпрета-

ции. Здесь нет повода говорить о каком-то влиянии, но нельзя отрицать и некоторую общность. Точки соприкосновения произведений двух авторов можно видеть в: во-первых, обращении писателей к личной трагедии Чингизхана и глубококомпроникновении внутреннего мира героя, во-вторых, изображении символического содержания легенд, в-третьих, «бунте» честных, совестливых героев, которые готовы отдать свои жизни борьбе с насилием, жестокостью и, в-четвертых, изображении того как быстро рушится ханская безграничная власть, построенная на тысячах жизней, если тираны начинают вести себя, как равные богу.

Сюжет повести А. Кекильбаева с начала до конца связан только с образом Чингизхана, автор, используя очень интересную легенду, пытается сделать вывод, который мог бы стать полезным современному человеку.

Кто осмелился проявить непослушание Чингизхану, покорившему половину мира?! Тангуты?! Нужно ли ему вновь сесть в седло, чтобы жестоко наказать ослушников?! Что ему Потрясателю вселенной противостояние маленького народа. Тем более Чингизхан искал повода для ссоры после того, как услышал весть о том, что тело Гурбельжин, жены хана тангутов Шидурге, белее свежеевыпавшего снега. Конечно, отказ тангутов выступить вместе с его войсками в поход, чтобы выполнить родственный долг – давал прекрасный повод для нападения!

Несмотря на ожесточенное сопротивление тангутов, воины Чингизхана брали их крепости одну за другой. И вот остался только Шидурге. Степень тяжести, выпавшей на долю мужа, понимает только Гурбельжин, но и она иногда – женщина же – не прочь поласкаться к мужу, а у Шидурге нет времени оказывать ей внимание – воины Чингизхана душат. Конечно, он будет биться до последней капли крови, но отдаст жену на поругание врагу.

Писатель придает символическое значение рогам Архара. Эти рога подарил на свадьбу отец Гурбельжин. Вот с того самого дня Шидурге и Гурбельжин считают рога символом своего семейного счастья. И вот теперь Гурбельжин вдруг замечает на лбу архара, прямо посередине рогов маленькую трещину, похожую на полумесяц. Что это? Когда появилась эта трещина? Почему они раньше не заметили ее? Заметил ли ее Шидурге? Если он видел, то почему ничего не сказал ей?! Почему со слезами на глазах он отвернулся и ушел на свою половину?! Это что, прощание?! Неужели сегодня последний день их жизни?! Неужели пришла смерть?! Разве он не чувствует, что смерть вместе с ним – прекрасна?

Сон Чингизхана тоже словно предвещает беду. Раньше ничего подобного ему не снилось. А снилось ему, что кто-то вонзил ему в грудь кинжал, пытался он кричать, но лишь беззвучно раззевал рот и плакал горько от бессилия. С той ночи нет ему сна. Кому рассказать, с кем поделиться

своими тревогами?! Еще один сон связан с женщиной. Кто она? Почему ему снится женщина? И это непонятно.

А. Кекильбаев отдельно описывает внутренние переживания и мысли героев, но нескончаемые мысли Чингизхана и Гурбельжин странным образом взаимосвязаны. Чьи мысли окажутся пустыми? Что из этих мыслей окажется реальностью? Кто победит их, а кто окажется в их плену? Оба они не хотят бед на свои головы. Что делать, чтобы избежать их? Есть из этого выход?

Не исполнились надежды Гурбельжин, не смог ее муж одолеть Чингизхана, попали она оба в плен. Чингизхан хорошо знал клятву пленников: "Если я не отомщу врагам, пусть все беды падут на мою семью, пусть мои дети всю жизнь голодают, прося подаяния". Кто сможет возвратиться с того света, чтобы отомстить Чингизхану. Брехня все это. На глазах Гурбельжин были обезглавлены все мужчины тангутов и среди них Шидурге. Желал Чингизхан ласкать белоснежное тело Гурбельжин, велел поставить в отдалении специальную юрту, чтобы там предаваться ночным утехам с женой повергнутого врага. Когда увидел Чингизхан черные огромные, как у верблюжонка, глаза Гурбельжин, ее мягкие, как вата, губы, белое, как свежеевыпавший снег, стройное тело едва не потерял сознание. Воспользовавшись этим, Гурбельжин острым стальным клинком полоснула промежность Чингизхана и сбежала. Чингизхан, понимая, что опозорился, не

издав и звука остался в юрте, зажимая кровоточащую рану руками.

Один конец легенды из повести А. Кекильбаева упирается в следующий исторический материал: «Красота моя запятналась пылью твоих воинов. Прежде я была еще красивее. Если теперь я умоюсь водой, стану еще более красивой... «Умойся!» – отпустил ее. Хатун пришла на берег реки, поймала сизого жаворонка и на хвосте его написала письмо: «Я в этих водах умерла. Тело не ищи по течению, ищи вверху». И отправила его своему отцу. По этим словам ее искали вверх по реке, и когда нашли, то каждый человек, задыхаясь от тяжести, принес по мешку земли и, вздыхая, засыпали ее. Говорят, что эта гряда земли и есть (холм) Тэмур-Олху; говорят, что эта река и есть Хатун-Гол»²².

«Шаар тууж», передавая известную легенду о жене тангутского хана, объявляет эту женщину виновницей болезни и смерти Чингиса, последовавшей вскоре после разгрома тангутского царства, «Гурбэлжин-гуа-хатан, – рассказывает автор «Шаар-тууж», – к потаенному месту своему прижала шипцы, тайному месту эзена вред причинила»²³.

В образе Чингизхана гнездится проблема одиночества. Одиночество всегда связано с внутренним миром человека. Кто не испытывал одиночества, всякий, пришедший в этот мир, рано или поздно сталкивался с ним. Как не противился Чингизхан, но и ему пришлось сполна испытать это чувство.

Возвратимся к романам В. Яна и И.Калашникова. В этих произведениях Чингизхан достойно встречает смерть, произносит свои последние назидания. Ни богатства, ни безграничная власть – ничто по сравнению с жизнью. Как бы не стремился к вечной жизни, что бы не делал, но приходит срок и это надо принять!

Чингизхан В. Яна в последние минуты жизни пытается ответить на вопрос «Что хорошего и плохого я сделал в своей жизни?» Автор сумел глубоко изобразить психологическое состояние героя. В этом эпизоде герой – простой человек, который радуется, вспоминая свои добрые деяния и горюет при воспоминании о жестокости и зле, которые тоже пришлось творить. Каков бы не был человек, ничто человеческое ему не чуждо. С одной стороны он горд, что добился такой славы, а с другой – страдает за умерщвление Джучи. Есть ли еще в мире человек, который из-за ревности и мужской гордыни приказал убить своего сына?! Как ему вымолить прощение?! А если вдруг сейчас раскроется эта тайна, что делать?! Для чего ему нужно было покорять половину мира?! Кому это принесло счастье?! Чего ему не хватало в этой жизни?!

В этих предсмертных размышлениях Чингизхана есть истина, которая должна стать уроком всему человеческому роду. Поэтому писатель оставляет право читателю делать свои выводы, руководствуясь судом совести. Истину, правду

нельзя унижить, спрятать, очернить. Истина, совесть – едины и для хана, и для нищего ибо они – мерило человеческих качеств. Финал романа В. Яна приводит к таким выводам.

В произведении А. Кекильбаева Чингизхан, удостоверившись, что рана его смертельна, объявляет свою последнюю волю, затем дает яд охотнику Кахару, оказавшемуся свидетелем его встречи с Гурбельжин, и сам принимает яд. Почему так бесславно, отравившись, умирает Потрясатель вселенной? Почему напоследок он долго вдыхает аромат одежд Гурбельжин и приказывает сохранить их, а место их встречи – наречь Малой ордой? В чем суть его последней воли каждый год проводить тризну по нему в день встречи с этой женщиной, так поразившей его воображение? Почему автор описывает это? Чтобы реабилитировать Чингизхана?! Ища ответы на все эти вопросы, мы понимаем, что А. Кекильбаев не сторонник того, чтобы изображать своего героя только, используя черную краску. Чингизхан в конце жизни вспоминает прожитую жизнь, он восхищен решительностью, чистотой и смелостью Гурбельжин. Писатель хочет сказать, что маленькая человечность выше безграничной власти. В образе Чингизхана, созданном А. Кекильбаевым, лежит подтекст. Мастерство писателя в том, что он не стал трактовать образ Чингизхана традиционно, а сумел обогатить новыми красками, и придал финалу совершенно неожиданный конец.

Те явления, которые имеют символический характер в изображении А. Кекильбаева, будто требуют от героев предварительной психологической подготовки. Поэтому, если Гурбельжин заранее решительно готовится к тому, чтобы наказать Чингизхана, то последний, давно уверовавший в свою богоизбранность, не смог достойно вынести это наказание. Именно желание обладать чужой красавицей-женой закономерно приводит его к трагедии. Коварный и жестокий Чингизхан, конечно, страдает в душе от того, что его перехитрила и так жестоко наказала совсем юная женщина. Когда в нем зажило это стремление любой ценой овладеть ею, откуда вдруг возникла Гурбельжин?!

Автор описывает итог внутреннего противостояния двух героев. Это люди с разными судьбами Гурбельжин и Чингизхан – они олицетворяют величие и низость, победу и поражение, жизнь и смерть. Именно в этом философский смысл обращения писателя к древней легенде. Можно отметить, что А. Кекильбаев сумел очень удачно использовать эту легенду, которая значительно повысила идейно-художественный уровень произведения, усилила пафос. Автор не просто ввел легенду в свое повествование, а придал ей новое значение урока будущим поколениям. Задача А. Кекильбаева дать читателям информацию к размышлению, перевернуть их внутренний мир, а иначе ведь много различных поучительных событий, случившихся во время многих победоносных походов Чингизхана.

«Баллада Хатын-Гол» – произведение философско-психологического содержания, которое ярко свидетельствует о самобытности творческого лица писателя.

Следует отметить, что А. Кекильбаев продолжает свои творческие поиски и в следующем романе «Конец легенды». Тем более образы Чингизхана и Темирлана с исторической точки зрения схожи. В основу сюжета романа «Конец легенды» автор положил легенду о до сих пор сохранившейся в Самарканде мечети любимой жены Темирлана Бибиханум. Существуют различные варианты этой легенды. А. Кекильбаев выбрал из них ту, что поможет раскрыть душу нашего современника. «...Отправился великий властелин в далекий поход. Тоскуя по супругу, юная Биби решила построить к его возвращению дивный голубой минарет – башню любви, от которой не сможет оторвать взор сам властелин. И когда осталось лишь достроить купол, зодчий, к тому времени пылко полубивший прелестную ханшу, заявил ей, что минарет не будет закончен, если она не одарит его, зодчего, поцелуем. Ханша возмутилась и предложила дерзкому мастеру свою самую красивую служанку. Но зодчий был непреклонен. Между тем властелин уже возвращался из похода. И тогда юная ханша уступила просьбе зодчего. Поцелуй был такой долгий и страстный, что на губах ее остался след. Повелитель был восхищен невиданным минаретом. Но след на губах жены заронил в его душу

подозрение. И ханша призналась. Властелин приказал казнить зодчего...».

А. Кекильбаев не старается просто пересказать эту интересную легенду, его цель – «выжать» из нее философские и нравственные проблемы. Поэтому автор дополняет легенду целым рядом художественных эпизодов, деталей. В итоге А. Кекильбаев переходит к анализу внутреннего мира тирана, ханши и юного мастера, взвешивая на весах человечности их качества.

Темирлан хоть и завоевал полмира, обрел славу непобедимого полководца, страдает от одиночества. Всю свою жизнь он провел в битвах, укреплял свою власть, считая, что суть жизни в славе и богатстве. Он не верил своим женам и детям, стараясь держать их подальше от себя. Не с кем было поделиться мыслями и переживаниями. Наставление матери, сказанное ею перед смертью, глубоко запало ему в душу. А совет матери был в том, что следует верить только одной жене и воспитывать в качестве наследника только одного сына. Оказалось, что только давно почившая его первая жена, которая в юности вынесла с ним тяготы жизни, и старший сын – были его настоящей опорой. «Иных уж нет, а те далеке» – как Саади некогда сказал. Сын-первенец его далеко, властвует над чужим народом. А другие жены и дети от них ревнуют друг к другу не его – мужа и отца – а его славу и богатство, пытаются выказывать любовь и послушание. К юной ханше растет его ревность.

Юная ханша еще и не побывала в объятиях грозного своего мужа, хотя прошло уже три месяца с того дня, как он возвратился с похода. Да и о минарете они и словом не обмолвились! Что произошло?! Неужели он нисколько не соскучился?! Когда он придет в ее опочивальню, ведь она ждет и тоскует! «Потом поняла: то, что она считала возвышенной, чистой любовью к великому Повелителю, было на самом деле жадной крепких и грубых мужских объятий».

В минарете был выражен немой упрек. Зодчий сумел вложить в творение душу, выразить в немом, бездушном камне свою затаенную мечту...»²⁴.

Вот так внутренние трагедии каждого героя тесно взаимосвязаны.

Взгляды, размышления, поступки тирана, ханши, зодчего из легенды могут послужить уроком не только ныне живущим, но и будущим поколениям, ибо нравственные проблемы всегда актуальны.

Стихотворная «Поэма о побежденном, но непокоренном Отраре, или Ошибка Чингизхана» Мухтара Шаханова дополняет художественные и исторические материалы, о которых мы говорили. Одна из художественных целей казахского поэта показать ошибку Чингизхана, поэтому он поэтическим языком рисует трагическую судьбу некогда цветущего древнего города Отрара. Сын Чингизхана Чагатай с двумястами тысячами воинов целых шесть месяцев так и не смог покорить небольшой Отрар. Для его непобе-

димого отца, конечно, дико слышать от сына, что он не сумел взять этот город. Был бы кто другой, кожу бы с живого велел содрать, а как быть с сыном? Учитывая силу духа защитников Отрара, даже не воинов, а обыкновенных горожан, Чингизхан дает совет Чагатаю найти предателя, узнать через него слабое место города и ударить всеми силами туда...

Трагические события проходят через сердце поэта, заставляя его кровоточить. Чувства поэта, философские размышления и голос оживляют не только кровавые страницы истории, но и поднимают актуальные проблемы современной жизни. Продолжение жизни связано с победой одной человечности над тысячью античеловеческих поступков.

Чингизхан после пленения хана Отрара Кайырхана подверг его нечеловеческим пыткам, желая унижить гордого степняка. Однако мужество и негибимое упорство Кайырхана, его любовь к родной земле заставляют победителя понять, что дух этого человека не сломить. И тогда Чингизхан решает казнить предателя Карачоку, который открыл ворота Чагатаю. Что это?! Неужели в жестоком завоевателе проснулось обыкновенное человеческое уважение к достойному неприятелю и отвращение к тому, кто продал родную землю и своих близких? Это качество Чингизхана, разными эпизодами ведь подчеркивали в своих произведениях и В. Ян с И. Калашниковым.

Почему придерживается этих взглядов Чингизхан?! Да потому, что он знает –

человек, в котором нет чувства любви к родной земле, предав единожды, будет предавать всегда. «К предателю и отношение должно быть предательское» – к такому выводу приходит грозный завоеватель.

Образом Карачоку поэт хочет показать еще одну форму манкуртизма. Разве будет знать цену родной земле и родным людям человек, с рождения выросший на чужбине?! Старик-отец, когда-то отдавший сына на воспитание чужим людям, берет вину за предательство сына на себя. Он безмерно страдает ибо от этого предательства пострадал не один или два человека, а весь народ, его родная земля. Поэт этим утверждает, что воспитание детей не должно быть оторвано от материнского молока, родной земли, отчизны, а иначе не избежать появления равнодушных людей, готовых с легкостью продать всё и вся. Поэт художественно интерпретируя исторический факт, предостерегает нас от того, чтобы наши нынешние и завтрашние дети не стали манкуртами.

В ответ на плач и стенания Карачоку пощадить его

«...Ты помог нам, – молвил грозно

Чингизхан. –

Но, однако, ты с рожденья – труп живой.
Будь тираном ты, иль трижды будь злодей,
Что-то святое должно быть в душе людей...

М. Шаханов не рисует Чингизхана только черной краской, что бы о нем не писали и говорили, в нем живут простые

человеческие чувства, и их изображение поднимает уровень поэмы. История есть история, ее нельзя изменить, но можно попытаться быть толерантным. Мысли подобные шахановским содержатся и у В. Яна с И. Калашниковым, отличие только в том, что проблески человеческих чувств и переживаний тирана М. Шаханов углубляет. Но как бы положительно не изображался Чингизхан, в анналах истории он так и останется кровавым завоевателем, погубившим миллионы жизней. И это тоже подчеркивается поэтом. Его поэма завершается оптимистически. В разрушенном до основания, сгоревшем Отраре, где ветер вздымает пепел к небу, остался в живых один единственный мальчик, который со временем станет продолжателем рода. М. Шаханов этим образом хочет сказать, что не бывает народа без истории и предков. Сколько веков пройдет пока потомки оставшегося в живых мальчика разрастутся и станут могучей ветвью мирового дерева! Но надо верить в хорошее. Мы же видим, что потомки этого мальчика стали многочисленным степным народом, имеющим свое достойное место в мировой иерархии народов. М. Шаханов – прямой потомок Отрара.

Если понятия о добре, славе, величии в подрастающем поколении окажутся связаны с образами тиранов, пришедших к власти ценой рек крови невинных людей, это приведет к страшным последствиям: наши дети станут равнодушны к слезам, смерти, насилию.

Следовательно, сегодня нам нужны не новые «Чингизханы», а умные произведения о наличии обычных человеческих слабостей и проявлений даже у подобных тиранов. Непреложный закон жизни – в том, что человек должен воспитываться на ярких примерах истории, чтобы научиться отличать добро от зла. И потому обращение Ч. Айтматова, В. Яна, И. Калашникова, А. Кекильбаева, М. Шаханова к страницам истории, художественная интерпретация этих событий очень важны для наших сегодняшних детей.

ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ Советская степь. – 1928. – 2 августа.
- ² Айтматов Ч. «Белое облако Чингисхана». Повесть к роману // Знамя. – 1990. – № 8. – С. 7.
- ³ Парадоксы перестройки // Литературная газета. – 1990. – 27 июня.
- ⁴ Калашников И. «Жестокий век». – Алма-Ата: Мектеп. – 1986. – С. 511.
- ⁵ Лубсан Дансен. «Алтын тобчи». – М.: Наука. – 1973. – С. 314.
- ⁶ Лубсан Дансен. «Алтын тобчи». – М.: Наука. – 1973. – С. 91.
- ⁷ Айтматов Ч. «Белое облако Чингисхана». Знамя. – 1990. – № 8. – С. 35.
- ⁸ «Мэн-да бей-лу». – М., Наука. – 1975. – С. 56.
- ⁹ Сборник материалов относящихся к истории Золотой орды. – М.–Л.: Издательство АН СССР. – 1941. – 2 т. – С. 39.

¹⁰ «Сочинение Рашид-Эддина. Сборник летописей. История монголов. История Чингизхана до восшествия его на престоль». – Санкт-Петербург. – 1868. – С. 76.

¹¹ Калашников И. «Жестокий век». – Алма-Ата. – 1986. – С. 714.

¹² Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечение из персидских источников. М.–Л. – 1941. – С. 108.

¹³ Кебекова Б. «Кыргыз-казак фольклордук байланышы». – Фрунзе: Илим. – 1982. – С. 169. – на кырг. яз.

¹⁴ Эти сведения содержатся в труде Б. Кебековой, а также в фонде. Мы привлекаем лишь отдельные из них.

¹⁵ Буудайбек Сабыр уулу. Унутулгус кездешүүлөр. – Фрунзе. – 1977. – С. 8–11.

¹⁶ ТАИФ, инв. № 1302. – С. 225–227.

¹⁷ Ян В. «Чингисхан». – М.: Правда. – 1984. – С. 313.

¹⁸ Лубсан Дансен. «Алтын тобчи». – М.: Наука. – 1973. – С. 195.

¹⁹ Дубсан Дансен. «Алтын тобчи». – М.: Наука. – 1973. – С. 162–163.

²⁰ Айтматов Ч. Белое облако Чингисхана / Знамя. – 1990. – № 8. – С. 20.

²¹ Айтматов Ч. «В соавторстве с землей и водою...».

²² Лубсан Дансен. «Алтын тобчи». – М.: Наука. – 1973. – С. 238.

²³ Цит. Михайлов Г. И. «Литературное наследство монголов». – М.: Наука. – 1969. – С. 54–55.

²⁴ Кекильбаев А. «Конец легенды». – Алма-Ата. – 1970.

ИДЕИ СВОБОДЫ И НЕЗАВИСИМОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ч. АЙТМАТОВА

Общеизвестно, что художественная литература, искусство являются особой формой познания правды жизни, воспитания на примерах отцов верности дружбе и патриотизму, позволяющей держать руку на пульсе времени и дающей информацию о сегодняшнем и завтрашнем дне. Темы писателям предоставляет сама жизнь. Если мы зададимся целью разделить по тематике вершинные произведения мировой литературы, то получим лишь несколько групп. Это защита своего Отечества, тема семьи, любовь, проблемы жизни и смерти, богатства и власти... В то же время свобода личности, независимость составляют основу этой немногочисленной тематики. Свобода может интерпретироваться в различных планах: политическом, социальном, нравственно-психологическом, религиозном. Великий эпос «Манас» киргизы всегда воспринимали как гимн свободы и защиты своей независимости. Даже в самые тяжелые годы сокрушительных поражений от многочисленных завоевателей, прячась от врагов в неприступных горах, оставшиеся в живых

воспитывали подрастающих воинов и поддерживали свой неукротимый боевой дух, слушая и впитывая величественные напевы эпоса «Манас», чтобы собравшись с силами, вновь и вновь обрести независимость. Это прекрасно описано в рассказе Ч. Айтматова «Плач перелётной птицы» («Кайрылып куштар келгенче») и в романе нашего известного писателя К. Акматава «Күндү айланган жылдар» «Годы, кружащие вокруг солнца».

Тема свободы и независимости всегда составляли ядро творчества Ч. Айтматова. Уже в повестях «Джамиля» и «Лицом к лицу» сложные противоречия между обществом и свободой личности подвергнуты художественному литературному анализу.

Политический характер тема свободы в творчестве Ч. Айтматова впервые обретает, начиная с повести «Прощай, Гульсары!», увидевшей свет в 1966 году. Перед писателем стояла сложная задача: попытаться обойти идеологический контроль и препоны принципов социалистического реализма, высказав при этом свою критику существующего строя. Это уда-

лось писателю во многом благодаря использованию подтекста.

Главный герой повести Танабай – человек мыслящий. Он думает и переживает о прошлом, сегодняшнем и будущем своих близких. Он – человек прямой и честный, готовый все свои силы отдавать труду на благо людей. Однако его прямота не может сосуществовать с «политической» представителей местной власти: председателя колхоза Алданова, районного прокурора Сегизбаева, первого секретаря райкома партии Кашкатаева. Эти люди, прикрываясь высокими словами о «государственных интересах», «общественном достоянии», «авторитете партии», вершат свои темные делишки, играя судьбами простых тружеников вроде Танабая Бакасова.

Большинство литературоведов, особенно зарубежных, всегда отмечало, что произведения Айтматова не вмещаются в «рамки» соцреализма. На закономерный вопрос «Почему?!», следовал ответ о том, что писатель смело критикует социалистический строй.

Действительно, давление общественной идеологии привело к тому, что писателем были созданы такие подтекстные произведения мирового уровня, как «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», «И дольше века длится день», «Белое облако Чингизхана», «Плаха». Подтексты Айтматова всегда многослойны, тесно взаимосвязаны, их нельзя воспринять раз и навсегда. Эти подтексты многогранны, в них присутствуют и социальное, и пси-

хологическое, и нравственное, и философское начала. Именно потому грозной и бдительной цензуре не всегда удавалось найти, «выловить» из текста эти иносказания. Но несмотря на это выход романа «И дольше века длится день» сопровождался значительными трудностями: писатель был вынужден сокращать отдельные главы, а часть книги, которая позже вышла под отдельным названием «Белое облако Чингизхана», вообще была изъята из текста романа.

Повесть «Прощай, Гульсары!» буквально напичкана, начиная с названия и до последней точки, подтекстом. Да, на первый взгляд, в повести открыто критикуются партийно-хозяйственные руководители. А коли так, возникает вопрос, нужно ли было сюда вводить подтекст?! Да, нужно было, ибо за критикой автором повести беспорядков в хозяйстве лежала его острая обеспокоенность развитием общественной системы, предугадывание будущих проблем и попытка привлечь внимание властей страны. Ч. Айтматов никогда не отходил от партийной идеологии, но всегда пытался противостоять его отдельным принципам, идущим вразрез судьбе и истории народа.

Повесть «Белый пароход» – тоже произведение, остро социально-политического плана. Наряду с проблемами экологии, нравственности в ней можно заметить и наличие политического давления на свободу личности. Это видно в образе старика Момуна. Все действия Момуна – в рамках высокой человечности. Он глубоко

читит обычай и традиции предков. Но он всегда уступает несправедливости, завися от более сильных и наглых, даже свою святую веру в сказку о Матери-Оленихе не в состоянии защитить. Вот, что говорит автор об этом словами одного из героев повести Сейдахмата: «Только мы стали подъезжать к маралам, а они стояли на опушке в леску, все три. Только мы привязали коней к деревьям, старик мой вдруг хватает меня за руку. «Не можем, – говорит, – мы стрелять маралов. Мы – бугинцы, дети Рогатой матери-оленихи!» А сам смотрит на меня как ребенок. Умоляет глазами. А я – хоть стой, хоть падай – подыхаю со смеху. Но не засмеялся. А, наоборот, так это серьезно. «Ты, что, – говорю, – в тюрьму хочешь угодить?» – «Нет», – говорит он. «А ты знаешь, что байские сказки эти, придуманные в темные байские времена, чтобы, значит, запугивать бедняцкий народ!» А он тогда и рот раскрыл: «Да что ты?» – говорит. «Вот то-то, – говорю, – ты эти разговорчики оставь, а не то не посмотрю, что старик, напишу на тебя куда следует». Вот так даже бездельник Сейдакмат, пугая старика политикой, заставляет исполнять свои желания.

Вот что сам автор говорил по поводу того, почему Момун поднял руку на свою святую сказку: «Он поднял топор на святую предков не только ради спокойствия своей непутевой дочери и внука. Я вижу в этом социальный аспект. Я пытался показать взаимодействие всех мотивов, но для того, чтобы Момун стал независи-

мым, свободным, сильным и счастливым общество должно было многое сделать, многое решить. Вот, что я хотел сказать».

Термин «манкуртизм» сегодня хорошо знаком широкому кругу читателей. Он впервые появился в романе «И дольше века длится день», вышедшем в свет в 1980 году. Роман мастерски написан. В нем автор использует три типа художественного мышления: 1) мифолого-фольклорный; 2) фантастический; 3) реалистический. С помощью синтеза этих трех типов автор языком искусства, точнее говоря, художественного творчества, критикует отдельные недостатки социалистической тоталитарной системы.

Чингиз Айтматов никогда не отрицал идеологию социализма, хотя и видел, что не все в ней идеально. Но открыто критиковать недостатки не позволяла советская власть. Как крупнейший писатель своего времени, истинный патриот страны, Ч. Айтматов, конечно, не мог примириться с этим. В то время, когда власть требовала, чтобы поэты и писатели прославляли «советский образ жизни», прогрессивность идей социализма, Ч. Айтматов поднимает тему манкуртизма. Образ Сабитжана, человека готового жить по указке властей, слепо исполнять все ее приказы, не задумываясь о последствиях, он подвергает острой критике словами Эдигея «Ты манкурт из манкуртов!».

Даже в те времена, когда нет никакой возможности открыто выражать свои мысли, талантливые писатели находят пути с помощью абстрактных, условных,

символических образов высказать свою гражданскую позицию. Поэтому образы Эдигея, Абуталипа, вынужденных жить в условиях жестких рамок и ограничений, попрания свободы, человеческого достоинства, перемежаются легендой о Найман эне и ее единственном сыне, превращенном жуань-жуанами в манкурта, а также фантастическим сюжетом, когда, боясь установления контакта с инопланетной цивилизацией, земляне вводят в действие космическую операцию «Обруч». В конце романа, Эдигей после бесплодных попыток все же вынужден был похоронить своего друга Казангапа в голой степи. В то время когда он ехал на встречу с начальствующими людьми, которые превратили Ана-Бейит в закрытую зону, и началась операция «Обруч»: ракеты с ревом, изрыгая море огня, стали взмывать в воздух.

«А они бежали – человек, верблюд и собака, бежали без оглядки, вдруг, почудилось Эдигею, откуда ни возьмись появилась сбоку белая птица, некогда возникшая из белого платка Найман-Аны, когда она падала с седла, произнесенная стрелой собственного сына-манкурта... Белая птица быстро полетела рядом с человеком, крича ему в том грохоте и светопреставлении:

– Чей ты? Как твое имя? Вспомни свое имя! Твой отец – Доненбай, Доненбай, Доненбай, Доненбай, Доненбай, Доненбай...

И долго еще разносился ее голос в сомкнувшейся тьме...»

Этот пронзительный крик белой птицы – призывный крик истории, его эхо в ночи – эхо заветов предков (недаром имя отца «Доненбай» повторяется семь раз, издревле у кыргызов было принято знать своих семь предков). Именно здесь в один узел связываются три жизненных слоя, три различных сюжетных линии, составляя цельную художественную систему – метафорическую систему. Хочу привести здесь глубокую мысль турецкого литературоведа Айвозоглу Бешира, высказанную в статье «Легенда о манкурте и манкуртизм» (журнал «Туркия», май 1992 г.), с которой я полностью согласен: «Если углубиться в содержание легенды о Найман-Эне из романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день», то несложно заметить, что эта легенда словно связывает прошлое и настоящее в единую историческую перспективу. Несчастный пленник Жоламан, ставший манкуртом по злой воле жуань-жуаней, и Сабитжан, Шаймерден, кречетоглазый Тансыкбаев, выросшие и получившие образование и воспитание при марксистской системе – представляют единый продукт двух систем».

Роман «Плаха» – последнее произведение писателя, написанное при советской власти – художественное произведение, в котором раскрываются философские и психологические проблемы жизни того периода, резкой критике подвергнуты идеология, догматические принципы тоталитарной социалистической системы. Сюжетно-композиционный строй романа – намного сложнее прежних произве-

дений. Автор сумел использовать все возможные конструктивные средства и ресурсы реалистического романа конца 20 столетия для реализации своей идейно-художественной задачи. Известный литературовед Г. Гачев назвал роман «синкретной книгой», в которой сосуществуют успешно и мистерия, и притча, и жизнь, и эпос о животных, и философский диалог, и реалистическое описание. Роман состоит из нескольких самостоятельных частей, логически взаимосвязанных между собой. Это история Акбары и Ташчайнара, развитие религиозных взглядов Авдия Каллистратова, рассказ о наркоманах, массовое истребление животных в Моюнкумах хунтой обер-Кандалова для выполнения плана по сдаче мяса, грузинская притча «Шестеро и седьмой», евангелическая легенда о Понтии Пилате и Иисусе Назаритяnine, история Бостона и Базарбая.

Эти совершенно одновременные события, происходящие к тому же в разных точках мира, писатель связывает в один тугой узел, чтобы показать результат идеологического застоя и главенства догм, душащего свободу личности, которая и является коренной причиной дисгармонии между властью и обществом, краха политики социалистического правления. Развитие сюжета произведения показывает нам различные виды власти, построенной на догме: религиозную, политическую, экономическую. Один из главных героев романа Авдий Каллистратов, изгнанный из семинарии за пропаганду идей о необходимости обновления, изменения

излишне канонизированной религиозной науки. В его высокоинтеллектуальном диспуте с Отцом-координатором мы встречаем и такие мысли: «Вы ратуете за абсолют вероучения, за конечное раз и навсегда постижение сущности мира и нашего духа, но это же нелогично – неужто за две тысячи лет христианства мы не в состоянии добавить ни одного слова к тому, что было сказано едва ли в не добиблейские времена? Вы ратуете за монополию на истину, но это по крайней мере самообман, ибо не может быть такого учения, даже богоданного, которое бы раз и навсегда познало истину до конца. Ведь если это так, значит, это мертвое учение».

С помощью этой мысли, высказываемой по поводу христианства, в общем контексте произведения автор подвергает критике застой политики социализма. Как не пытается доказать людям свою правду Авдий, как безгранично не любит он Всевышнего, его все же изгоняют из лона церкви. Из индивидуальных попыток героя ничего не получилось, и он в конце-концов умер, распятый на кресте, как и его учитель Иисус Христос. Если семинарист Авдий воспротивился религиозным догмам, то еще один герой романа чабан Бостон Уркунчиев – ярый противник догм системы экономического управления. Сколько бы он не говорил о необходимости поправить социалистическое понятие «Не мое, а общее», обновить принципы ведения хозяйства,

его оппонент – парторг Кочкорбаев, которого люди прозвали «человек-газета» – на каждом собрании кричит, что предложения Бостона – «выступление против священных принципов социализма». Еще один антипод Бостона никчемный чабан Базарбай, пытающийся выгодно продать волчат, на требование Бостона вернуть волчат в их логово, с пафосом человека совершившего дело государственной важности, отвечает: «Ты подумай своей башкой, полной кулацкого сознания, что идешь против власти». В конце-концов потерявший из-за этого своего малыша Кенжеша Бостон в гневе застрелил Базарбая. Такова оказалась его мера терпения в защите своей жизненной правды. «Глядя на лица людей, Бостон вдруг по-

нял, что с этой минуты он преступил некую черту и отделил себя от остальных», – пишет с горечью автор. Иначе говоря, плаха, на которую поднимались в разное время и в разных точках планеты Иисус, Авдий и Сандро, пришлась в урочный час и на долю Бостона.

С помощью системы художественных образов «Плахи» Ч. Айтматов пытается донести до сознания своих современников гражданскую озабоченность все углубляющимися противоречиями тоталитарной социалистической действительности, ведущими к ее Апокалипсису, призвать их активно действовать, изменяя ситуацию. Главная сюжетно-композиционная архитектура романа развивается вокруг этой идеи.

ФЛЕЙТА – СИМВОЛ ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ

Нынешним летом мне вспомнилось, как Чингиз Айтматов, сразу по окончании романа «Когда падают горы», выслал мне его рукопись из Бельгии специально, чтобы узнать моё мнение о книге. Вот и теперь, 7 июля 2013 года, по прошествии пяти лет со дня кончины Чингиза Торокуловича (как летит время!), мне посчастливилось одним из первых читать нигде пока не публиковавшуюся рукопись его незавершенной повести «Флейта и земля». Айтматова уже нет, а я, выразив свое мнение об этом произведении вдове писателя Марии Урматовне, сижу и никак не возьму в толк, как так случилось, что повесть не дошла до читателя. Объем машинописного текста 146 страниц, кроме этого есть еще семь-восемь страниц, написанных от руки самим писателем.

У каждого пишущего человека в его творческом портфеле всегда есть то, что было едва начато или доведено до середины, а затем, по какой-либо причине временно приостановлено, либо не было завершено, потому что в ходе работы помнялись планы, творчество легло в иное русло, или же произведение разонрави-

лось автору. Я более 30 лет находился с Айтматовым в творческих и близких человеческих отношениях, поэтому всегда был в курсе всего, будь то новое произведение, над которым он работал, или же статья, которую он готовил по просьбе того или иного журнала или газеты. Частенько он просил меня уточнить какие-то материалы, относящиеся к создаваемому произведению или статье, либо найти старые номера газет и журналов. Я, конечно, всегда с удовольствием старался вовремя выполнить его просьбу. Например, однажды когда Чингиз Торокулович собрался писать о смерти Чингизхана, я по его просьбе в библиотеке Академии наук взял для него много книг о монголах. Однажды он попросил меня найти охотников, хорошо разбирающихся в повадках и образе жизни снежных барсов. Вскоре после этого он написал свой, как оказалось, последний роман «Когда падают горы».

Мне довелось быть свидетелем самых истоков создания многих рукописей Чингиза Айтматова. Можно отметить, что в процессе работы над такими произведе-

ниями, как «Богоматерь в снегах», «Бахиана», «Цена Бога», «Китина и Китон или досье о влюбленных», «Смерть у Стены плача», автор останавливался после написания 30-40 страниц, был чем-то неудовлетворен, несколько раз начинал писать их заново. Конечно, названные выше рукописи можно назвать эскизами к большим произведениям. Некоторые из них, претерпев изменения, вошли в романы «Плаха», «Тавро Кассандры». Хочу привести еще один факт: как-то, много лет назад, писатель передал мне около десяти страниц рукописи, сказав: «Прочти и скажи, что ты об этом думаешь». Взяв рукопись, я, удивленный и взволнованный одновременно, поспешил домой. Не торопясь прочитал его. Мне и в голову не могло прийти, что Чингиз Айтматов может писать фельетоны. Назывался он «Цветы, вспоенные не водой, а ядом». Не знаю, но мне показалось странным, что писатель взялся за фельетоны. Когда наутро я высказал ему эту свою мысль, он не забрал рукопись обратно, а предложил мне оставить ее у себя. С тех пор она так у меня и хранится. Если передать содержание фельетона в нескольких словах, то он о пагубном влиянии «желтой прессы» на общество... Еще одним произведением, оставшимся в виде рукописи и не дошедшим до читателя, оказалась повесть «Флейта и земля»! Слава Богу, что рукопись нашлась. Со времени ее написания прошло уже сорок лет. Остается загадкой, почему на протяжении стольких лет писатель ни разу не обмолвился об этой

своей рукописи. Возможно, тот факт, что рукопись была недавно обнаружена в доме его сына Аскара Айтматова, говорит о том, что одна из причин сорокалетнего молчания кроется в личной судьбе писателя?! Скорее всего, мне думается, это связано с тем, что прототипом одного из персонажей повести - Шолпан - была великая наша балерина Бюбюсара Бейшеналиева, которую Чингиз Торокулович по-настоящему любил. Глубокая душевная трагедия писателя, связанная с ее неизлечимой болезнью, а затем - ранней смертью, вероятно, и помешала продолжению творческого процесса?! А возможно причиной этого было то, что под влиянием критического духа «оттепели» 60-х годов в повести открыто высказывались резкие, критические мысли, идеи?!...

Произведение, вероятнее всего, по времени было написано после повести «Прощай, Гульсары», но до повести «Белый пароход». Во-первых, главным толчком к его написанию, по всей видимости, послужил общественный настрой, сопровождавший происходившие во второй половине 60-х годов изменения в стране. Во-вторых, создается впечатление, что идейно-художественное содержание, взгляды писателя, система образов, в известной мере, перекликаются с тем, как это было изображено в повести «Прощай, Гульсары», становясь неким его продолжением. В-третьих, если вспомнить, что небольшой отрывок повести был опубликован в 1974 году на болгарском языке под названием «Земля и флейта», то можно с

достаточной мерой уверенности предполагать, что работа писателя над этой повестью приходится на конец 60-х - начало 70-х годов.

Однажды, перелистывая подготовленный библиотекой имени Чернышевского (сейчас - Национальная библиотека) к пятидесятилетию Ч. Айтматова библиографический указатель, составленный Астафьевым и изданный в 1977 году, я увидел там информацию о том, что в 1974 году на болгарском языке было опубликовано произведение Ч. Айтматова под названием "Земля и флейта". Конечно же, мне и раньше приходилось несколько раз просматривать этот указатель. Нередко бывает так, что переводчики, чтобы дать информацию о произведении, которое они переводят, заранее поделиться с читателями тем впечатлением, которое оно на них произвело, а также заинтересовать читателей еще до того, как новое произведение выйдет в виде книги, отдают в печать отрывок из него, причем давая новый, подходящий к публикуемому отрывку заголовок. Видимо, я, хоть и видел этот заголовок раньше, принял его за отрывок из повести "Прощай, Гульсары". Даже если не учитывать изменение темы в переводе, нередки случаи, когда сам автор по различным причинам дает произведению несколько разных названий. Достаточно в качестве примера привести такие названия произведений писателя, как «Кыямат» - «Акыр заман» - "Баталга" ("Плаха" - "Последние дни" - "Судный день"), "Кылым карытар бир

кун" - "Бороондуу бекет" ("И дольше века длится день" - "Буранный полустанок"), "Жамийла" - "Обон" ("Джамиля" - "Мелодия"), "Кызыл жоолук, жалжалым" - "Делбирим" ("Тополек мой в красной косынке"), "Тоолор кулаганда" - "Сардал кыз" ("Когда падают горы" - "Вечная невеста").

Следовательно, можно сделать вывод, что повесть "Флейта и земля" была написана в период, когда творчество Ч. Айтматова поднялось на новую ступень литературно-эстетического развития. На мой взгляд, повесть вполне можно считать завершенной, потому что в нем Ч. Айтматов смог, в принципе, до конца выразить свои мысли, полностью раскрыть образы своих героев, а сюжетная линия достигла своей логической развязки. Таким образом, речь пойдет о найденной вскоре после кончины писателя рукописи...

Название темы, особенно то, как она звучит по-кыргызски, кажется несколько необычным. "Флейта" и "земля" - вещи, казалось бы, никакого отношения друг к другу не имеющие, одна принадлежит к материальному миру, тогда как вторая - больше к миру идеальному... Тут на память приходит стихотворение поэта-суфиста Руми о флейте, иначе говоря - "о тоске по своему истоку". В нем флейта скучает по покрытому камышом берегу, где она росла еще до того, как стала флейтой, и эта грусть и тоска вырывается из нее печальной мелодией! Видя свой человеческий, гражданский и творческий долг

в том, чтобы подчинить себя безграничной милости и любви Божьей, прославить его могущество и силу, поэт-суфий Джалаледдин Руми всегда в своих произведениях посредством обычных жизненных явлений аллегорически говорит о "начале начал" - Боге. В основе стихотворения лежит питающая его мысль-наставление поэта: "Бог-Творец есть тот первоисток, который, "замесив" нас из глины (или вырезав из выросших на ней растений), изготовил подобно флейте, и нам надлежит познавать его, стремясь к духовному единению с первоисточником". Мне подумалось, что, с юности страстно желавший познавать произведения поэтов и писателей как Востока, так и Запада, Чингиз Айтматов, конечно же, был хорошо знаком с творчеством Руми. Возможно, своим произведением "Флейта и земля" писатель в соответствии с традициями "назиры" (в литературной классике Востока - написание "поэтических ответов") вступал в своеобразное творческое состязание с Руми, желая поделиться своими мыслями о "первоистоках". По мере проникновения в суть произведения, я все больше убеждался, что был прав в своем первоначальном предположении. Обращение к истокам, тоска по ним являются центральным мотивом, составляющим самую суть повести "Флейта и земля". Конечно, обращение это не имеет той религиозной направленности, как в мистической поэзии поэта-суфиста, оно у Айтматова ведет к истокам национальным - народным обычаям и тради-

циям, верованиям, понятиям, являющимся предпосылкой правильного, здорового развития общества.

В произведении чувствуется настроение духовного кризиса и разочарования, вызванных "развалом" и "падением" государственной системы управления в стране, имевшими место в конце 60-х годов прошлого века. "Развал" - это развал власти времен Хрущева, выступившего с резкой критикой сталинизма, начавшего руководить с мыслью "вот теперь мы пойдем по правильному пути", вытеснение ее сторонниками прежнего, централизованного, авторитарно-тоталитарного стиля, конец "хрущевской оттепели". Вновь потихоньку начали тормозиться демократические начинания в сфере культуры, искусства, управления, а беспорядки в хозяйстве, идеологическом руководстве, внешней политике пошатнули доверие людей к государственной власти, их веру в справедливость социалистической системы, толкнули на самостоятельные поиски истинных ценностей, составляющих сердцевину всякого развития. И вполне закономерно, что в такие моменты первое, что "приходит на ум", - это национальные истоки своего народа, его культурное наследие, обычаи и традиции. Первые признаки подобных поисков у Айтматова можно наблюдать в его повести "Прощай, Гульсары" на примере образа Танабая. Однако в ней в качестве главной причины допущенных недостатков критике подвергается репрессивно-авторитарный режим сталинского правления,

а произведение заканчивается мечтой Танабая вновь вернуться в ряды партии. В повести же "Флейта и земля", в отличие от повести "Прощай, Гульсары", мы вовсе не видим ничего, на что мог бы опереться в своем угнетенном сознании главный ее герой Байымбет. Нет у Байымбета и такой искренней веры, какую мы видим у Момуна в "Белом пароходе," - его вера в святую силу Рогатой матери-оленихи. Несмотря на то, что и герой, и вместе с ним автор с надеждой обращаются к национальным истокам - мудрости, обычаям и традициям, опыту народа, их вера в то, что эти истоки приложимы к советской жизни, кажется еще слабой. Если вспомнить, как автор в одной из своих бесед утверждал, что он "использовал фольклор в "Прощай, Гульсары" в качестве художественного средства, а в "Белом пароходе" - в качестве концепции", то, видимо, вера в истоки народной мудрости не поднялась еще тогда у писателя до уровня активной идейной концепции. Фольклорные средства в этом произведении не привязаны напрямую к основной истории, составляющей основу сюжета. При описании отношений между разными поколениями (Байымбет, его дочь и зять, внук), между обществом и отдельными людьми, они осторожно используются в качестве отдаленно звучащих художественных параллелей.

В рукописи можно наблюдать и то, как Чингиз Айтматов продолжает углублять свою художественную позицию, начатую в "Прощай, Гульсары". Если выразиться

точнее, автор, понимая, что пишет в русле социалистического реализма, приравливаясь к принципу партийности, тем не менее пытается отойти от него и осмеливается сделать упор на недостатках социалистического общества. Он стремится показать через образ главного героя, как со временем все больше усиливается искажение идей социализма, как в сознании советских людей, миллионах семей все больше укореняется чувство эгоизма, как коллективизм, уважение к старшим все больше подавляются всеобщей апатией и равнодушием.

Каким сильным, воодушевляющим чувством был коллективизм во время строительства Большого Чуйского канала в 1939 году и годы Великой Отечественной войны. Когда строился самый большой в республике канал, коллективизм, как символ единства народа, разве не убеждал нас в крепости, силе социализма?! Разве была бы одержана великая победа в тяжелой войне, если бы не было коллективизма? А что теперь?! "Каждый тянет одеяло на себя". Ушла из душ людей человечность, все выслеживают, подсиживают друг друга, роют яму один другому. Слово бы понятия ответственности, обязанности превратились в архаизмы...

Главный герой повести "Флейта и земля" Байымбет не просто современник Танабая из "Прощай, Гульсары". Он, так же, как Танабай, радуется достижениям общества, огорчается его недостаткам. Внутренний мир, психология, мышление,

поведение этих двух героев тоже схожи, одинаковы. Их воспитали отстаивать правду, и они всю жизнь носят эту правду у себя в сердце, они смотрят ей прямо в глаза и не умеют хитрить и двоедушничать, как остальные. Но Ч. Айтматов не делает этих двух своих персонажей похожими, как две капли воды, нет, в изображении каждого из них присутствует идейно-художественное своеобразие. В целом, их дополняют и Эдигей из романа "И дольше века длится день", и Бостон из "Плахи". Это - те люди, по Айтматову, на которых "мир держится" испокон. Именно благодаря тому, что в жизни есть такие люди, мир чист и справедлив.

Повесть "Флейта и земля" тоже повествует о трудной человеческой судьбе. Судьбу порождают не только жестокие преграды и препятствия жизни, но также судьба одного человека влияет на судьбу другого. Судьба создает условия для конфликта в произведении. Судьбы айтматовских героев цепляют, как принято сейчас говорить, заставляют плакать, утешают, печалят, радуют именно потому, что они близки судьбам самих читателей. Не оставляет читателя равнодушным и судьба Байымбета.

Произведение начинается так: "Этот автобус ничем не отличался от других автобусов, которым несть числа на свете. Но именно на нем, на этом автобусе он отправился за город и на нем возвращался. Поскольку в этот раз, когда он прибыл в Кайынды, он не остался там, как обычно, до следующего рейса, а тот-

час же, на этом автобусе поехал назад в город. В том-то и дело. Задержись он до следующего рейса; возможно, все обошлось бы... Вот об этом речь...".

Итак, мы знакомимся с новым и в то же время старым героем Чингиза Айтматова. Старым - потому что Байымбет - это идейный образ автора в начале семидесятых годов. Новым - потому что мы знакомимся с этим героем впервые. И здесь вновь автор посредством своего главного героя поднимает социальные, нравственные, моральные, как всегда политически значимые, актуальные, новаторские проблемы, касающиеся того времени, а - по большому счету - и сегодняшнего дня.

Чего только не пришлось пережить за свои почти семьдесят лет Байымбету, пламенная молодость которого была посвящена строительству БЧК - Большого Чуйского канала - и закладыванию, в его и понимании многих других современников, фундамента социализма. Он - активный строитель нового общества, подобно другим, самозабвенно верит в социалистические идеи, служит им всей душой. Быть другим, даже думать иначе, отстраняться от общества невозможно. Все гордятся тем, что под руководством великого вождя, отца мирового рабочего класса советские люди идут правильным путем. С почтением стоя перед большим портретом Сталина и с твердым убеждением, что победят капитализм на мировой арене, строители БЧК дают обещание досрочно завершить стройку. Они знают, что Боль-

шой Чуйский канал имеет огромное значение для развития и процветания народа, и поэтому, не покладая рук, усердно трудятся день и ночь. Социальное равенство, твердая дисциплина, чистота помыслов, забота друг о друге, взаимное уважение - все это кажется в новинку тем, кто еще два десятилетия назад терпел унижение и эксплуатацию в феодальном обществе. Чингиз Айтматов вдохновенно описывает великий труд киргизстанцев в довоенный период, присущие народу достоинство и честь. Романтические побуждения и преданность идеям социализма сближают, объединяют людей, рождают согласие между ними. Основная цель писателя - отразить дальнейшую драматическую судьбу тех, кто был глубоко убежден, что социализм победил, кто умел сочитать слово и дело.

На руководящую должность избирается опытный, умелый, знающий толк и в деле, и в слове большевик Асакеев. Только руководитель, сам неуклонно следующий линии партии, имеющий огромный авторитет, чистую совесть, стоящий на страже правды, в те годы был способен повести народ за собой. Ведь и Байымбет лишь при содействии Асакеева устраивается в филармонию, что становится поворотным пунктом в его судьбе!

Партия и правительство создали все условия для того, чтобы Большой Чуйский канал был построен, люди преодолевают безграмотность, углубляют свои знания, с радостью отдыхают. Писатель не случайно использует слово "чоор" в на-

звании своего произведения. От начала повести и до самого конца древний народный инструмент кыргызского народа, каковым является чоор, проходит как обобщенный символический образ культурного наследия нации. Он продолжает образ темир комуза (варгана), на котором играла жена Танабая Жайдар в повести "Прощай, Гульсары". В этой книге автор также дает особую оценку древнему инструменту, используя его наигрыши при передаче психологического состояния Танабая, потерявшего близкого друга - Чоро. В этом, конечно, мы видим то, насколько внутренний мир Чингиза Айтматова близок музыке. Не случайно его произведения многие сравнивают с рапсодиями, симфониями и поэзией.

Чоор в произведении - это символ надежд и чаяний трудового народа, его совести, чувства справедливости и любви. Чоор - с древности свидетель горькой судьбы народа. С помощью чоора писатель открывает нам внутренний мир героев. У тех, кто близок к чоору, кто почитает и понимает его сокровенные мелодии, чисты и внутренний мир, и жизнь. Именно поэтому народные мелодии, талантливо исполняемые Байымбетом, оказывают сильнейшее влияние на окружающих. Чистоту звука, издаваемого свирелью, его мелодичность, великолепие сравнивают со звуком родника, игриво стекающего со склонов гор, используя многозначное слово "ак", "Ак булак" - "Белый, чистый, священный родник". Слыша чистый звук этого "Белого родника", мастерски вы-

резанного из тонкого стебля, рабочие, а вместе с ними и сам чоорчу-исполнитель Байымбет, не просто отдыхают душой, но и воодушевляются на новые трудовые свершения, предаются мечтам, устремляются к цели, наполняясь силой, которая "и горы может свернуть". Все это и описывает писатель, степенно, по порядку, красочно, вырисовывая постепенно обширное полотно, изображающее реалии жизни довоенного времени. Да, мы знаем о непростом отношении, личной неприязненной оценке Чингизом Айтматовым образа Сталина как вождя, но тем не менее писатель сумел объективно отразить то время, одновременно удивляясь и восхищаясь решительностью, мужеством, силой, упорством и смелостью народа, который непоколебимо верил в своего вождя и за ним следовал. По мнению автора, коллективный труд на крупной стройке является необходимым, призванным служить пользе общества историческим событием, именно поэтому Айтматов оценивает труд, порожденный энтузиазмом на строительстве Большого Чуйского канала, как труд исторической важности. Не зря Байымбет, вернувшийся с войны героем, так сетует, что нет ныне такого же масштабного события как строительство Большого Чуйского канала.

Мастерство игры на свирели - это природный талант, передавшийся Байымбету по крови от его деда, который был знаменитым чоорчу. Много людей из самых разных селений собирались послушать его игру. Такие наигрыши, как "Айдарыш",

"Бекбекей", которые Байымбет впитал с самого детства, сыграли большую роль в формировании его сознания. Когда он начинал наигрывать мелодию, например "Айдарыш", то слушатели чувствовали, как со стороны Ала-Тоо приносится свежий ветерок, а перед глазами отчетливо рисовалась картина колышащихся в поле злаков и качающихся на ветру деревьев. Так же, как и на картине, звуки наигрыша рисуют все это живыми музыкальными красками. Умение создать гармонию музыки и изобразительного искусства всегда отличало Ч. Айтматова, свидетельствуя о качествах и способностях, присущих лично ему. Какое бы его произведение мы не взяли, в каждом виден образец музыки и изображения. Передавая будоражащие внутренний мир человека неуловимые музыкальные гаммы, вырисовывая их словами, писатель вплетает загадочные тайны мелодии в самую душу своих героев. В этом-то и заключается сила художественного творчества Ч. Айтматова. Автор сумел услышать музыкальные аккорды даже в топоте копыт мчащихся лошадей, которых Байымбет увидел во сне. Живая музыка с детства овладела всем естеством Байымбета. Чувство музыки, склонность к ней уводят героя в мир романтики, воодушевляют его, более того - сводят его в жизни с казахской певицей Шолпан. Оо, как же счастлив был в те дни Байымбет!...

А ведь началось все с чоора, который он любил как свою жизнь! И руководители, довольные талантом Байымбета, при-

гласили его на работу в столичную филармонию! Случилось так, что герою, который должен был участвовать в концерте на Большом Чуйском канале, суждено было встречать делегацию артистов Казахстана. И когда он стоял, смущенно держа в руке букет и не зная, кому его вручить, светлоликая Шолпан, словно свалившаяся на него с луны, сверкнула улыбкой и произнесла: "Агай, дайте Ваши цветы мне. Я хочу свои цветы отдать моей подруге Зине, а Ваши - взять себе. А можно мне послушать коор, который Вы держите в руках?" Вот и представилась возможность познакомиться! Влюбленность зарождается от одного взгляда, а влюбленность - это первая искорка любви. Айтматов - писатель, воспевающий любовь, а поэтому главное, чтобы любовь созрела в душе у героя. Сладкое чувство, вспыхнув, должно разгореться и превратиться в пламя любви. А если искреннее чувство переросло в любовь, то его уже никто не сможет остановить - ни сам герой, ни кто-нибудь другой.

Тема Любви в этой незавершенной рукописи Айтматова в общем созвучна другим его произведениям. Иначе и быть не может. Потому что формула Любви - одна, она - Пик внутреннего мира человека. И хотя пути, ведущие к этой Любви-Вершине, различны, люди переживают мучения и печали одного и того же чувства, одинаково радуются, ликуют, волнуются, иначе говоря, психологическое состояние человека, ведомого чувством по сути одно и то же. Разве не

так?!... Так же и Байымбет попадает в объятия этого светлого чувства, ревнует Шолпан к сопровождающему ее парню. Ну а первая стадия ревности - это та самая первая искра влюбленности, о которой мы говорили. Образ девушки снова и снова возникает перед его глазами, лишает его сна, он молит бога, прося, чтобы на завтрашнем концерте Шолпан прекрасно выступила. Сам он горячо желает посвятить ей народную мелодию "Гульгаакы", выразить в ней свои чувства. Приводя мелодию "Гульгаакы", писатель показывает, что любовь и в древности, и сейчас, и в будущем всегда будет иметь одно и то же значение, всегда будет на той же Высоте - чистому чувству всегда присуща Высота. И дервиш, по древней легенде полюбивший Гульгаакы, и Байымбет, полюбивший Шолпан, несмотря на то, что живут в разное время, находятся в одном состоянии - в объятиях любви. А в этом Ч. Айтматов - мастер слова, он сводит воедино, переплетает древнюю легенду и судьбу своего героя, превращает их в неразрывное единство. Как и ожидалось, перед концертом Байымбет встречается с Шолпан и желает ей, чтобы она, оставив волнение и держа себя свободно, сохраняя тембр голоса, смогла хорошо выступить перед людьми. Более того, выясняется, что они горячо болеют друг за друга. Посредством музыки легенда полностью овладевает сердцем главной героини, а в глубине сердца само по себе зарождается едва заметное еще по-юношески трепетное чувство. Может

быть, если б судьба больше не свела их вместе, это чувство замкнулось бы в их душе и затем постепенно погасло. Кто знает?!... Если считать, что встреча влюбленного человека со своей возлюбленной - это необходимость, тогда и встреча Байымбета со случайно уехавшей в столицу Шолпан вполне закономерна. Ведь оказывается, что и девушка приходит к главному герою, которого переполняла боль возможной потери найденного счастья, потому что и она его искала! Оо, какой же огромной была радость двух молодых в этот миг! Родившемуся в них чувству не могли бы помешать ни другие, ни они сами. Писатель предельно свободен в описании овладевшей молодыми сердцами любви. Героев не волнует даже то, что они голодны. Взяв на всякий случай с собой три лепешки, они едут за город, и там звучит на свирели мелодия "Гульгаакы", а они, растаяв от своей любви, сливаются воедино. Байымбет изумляется тому, как становится явью тот сон, который часто он видел с самого детства. В том его сне паслись на лугу кони, одним из которых был он - Байымбет. Не обращая внимания на остальных, он ждал лишь одну, особую кобылицу, которая должна была прискакать издалека. Красота, стать этой кобылицы, ее бег волновали кровь коня-Байымбета, заводили его, побуждали его устремиться ей навстречу. А когда они идут к прозрачному потоку, пьют из него воду, в которой отражаются их глаза, когда его охватывает

чувство томления и нетерпения, ощущение того, что они созданы друг для друга, кобылица вдруг резко бросается прочь. Конь-Байымбет бросается за ней, но не может догнать, земля, песок под ногами словно бы мешают ему, он злится на них, а по мере бега из-под копыт кобылицы, казалось бы, вылетают музыкальные звуки, наполняя его наслаждением. Чем больше он отстает от нее, тем больше усиливаются в нем нетерпение и тоска. Когда-то, когда он пересказал этот сон деду, тот истолковал его на добро. Но с тех пор, как дед ушел в лучший мир, он никому уже не рассказывал свой постоянный сон, ни с кем не делился этой своей тайной. И вот теперь, тая в объятиях Шолпан, он чувствовал, как пересекаются сны и реальная жизнь, и не мог понять, происходит ли это наяву, или же вновь впал он в сон...

В рукописи о дальнейшей судьбе двух героев не говорится - автор ограничивается всего лишь одним предложением: "это была последняя встреча наших героев". Но почему?! То, что до сих пор не найдены последние листы рукописи, затрудняет нахождение ответа на этот вопрос. Может быть, с Шолпан произошла трагедия?! Если проследить логический ход событий, то можно прийти именно к такому выводу. Почему Байымбет садится на автобус и едет в Кайынды?! Что связывает его с этим местом?! Если прислушаться к его словам: "Ты меня, Кайынды, пригласи, О судьбе моей распроси", то чувствуется, что в его душе есть ка-

кая-то большая печаль, так и не ставшая реальностью надежда...

Почему Байымбет не находит общего языка со своей дочерью Айзадой, зятем Евгением, внуком Славиком и вступает в конфликт с ними?! Потому что он живет старыми понятиями?! Потому что он не в состоянии понять целей, устремлений, желаний образованной молодежи?! Или он отстал от нынешнего течения жизни, оказался на задворках общества?! Почему нынешние молодые люди не приемлют народные инструменты, такие как чоор?! Почему все ставят на первое место свои личные эгоистические планы, а когда дело касается проблем общества, то становятся такими равнодушными?! В этом ли глубинная суть, идеология социализма?!...

Сколько бы людей ни встречал Байымбет в жизни, со сколькими бы ни знакомился, но так и не обрел настоящего друга. Партийный работник Асакеев, Олег Завадский, с которым Байымбет едва успел познакомиться и с которым у него, казалось бы, начали складываться отношения, как у отца и сына, погибли на войне. Главный герой, чувствуя, что проходящее время лишь усиливает его одиночество в жизни, пытается сблизиться с дочерью, с внуком, они же не подпускают его, не в состоянии открыть ему свое сердце.

Однажды Славик разрывает фотографию, на которой его дед снят с Асакеевым на фоне изваяния Будды. Это была самая дорогая вещь в жизни Байымбета.

Увидев дома разорванную фотографию, старик Байымбет не выдержал и заплакал. Его зять Евгений ведет себя так, будто ничего не случилось, хлопает тестя по спине и, словно одобряя поступок сына, властно говорит: "Что ты так расстраиваешься, война - это война, на войне кто-то умирает, кто-то выживает, дело не в том, сколько погибло людей, а в том, чем это закончилось". А затем, переходя к запугиванию, добавляет: "Ты, что, не желаешь нашей победы, она тебе не по душе? Я ведь могу сообщить, куда надо". "Идиот!" - отвечает ему Байымбет. В отрицательном образе Евгения просматриваются черты манкурта. Точно так же, обращаясь к еще одному отрицательному персонажу - Сабитжану, Ч. Айтматов через Эдигея бросает: "Ты - манкурт!"

В эпоху глобализации (тогда использовали слово "интернационализация"), эпоху политической, культурной, экономической интеграции, понимая, что невозможно ограничить, остановить, резко критиковать этот процесс, учитывая, что все связано не с национальными особенностями, религией человека, а с его намерениями, человечностью, воспитанием, писатель, в качестве альтернативы отрицательному образу Евгения в повести "Белый пароход" создал образ другого зятя - Орозула.

Если в "Белом пароходе" рядом с дедом подается близкий ему, чистый образ его внука - Мальчика, то в повести "Флейта и земля" рисуется противоположный деду образ Славика. Если Мальчик, ус-

лышав от деда сказку о Рогатой матери Оленихе, поверил в нее, жил в мире этой сказки, узнал обычаи народа и в его чистой, как горный родник, детской душе зародились романтические мечты, то Славик вырос в городе, ходил в детский сад и не знал кыргызского языка, слышал от отца лишь ругательные слова и научился у него неправильному поведению, своими поступками расстраивая и огорчая деда. С помощью подтекста писатель намекает на то, где лежат корни воспитания детей, показывает, что в смешанной семье может возникнуть множество проблем. А ведь в то время прославление многонациональной советской семьи было одним из главных идеологических лозунгов. Говоря прямо, было неожиданностью, что у Ч. Айтматова была идея, противоположная социалистическому принципу строительства семьи, идущая вразрез с принципами партии.

Хотя Байымбет жил вместе со своей единственной дочерью и ее мужем, между ними не было внутренней близости, они были чужими друг другу. Дочь с зятем забрали его в город не потому, что думали о его интересах и не хотели, чтобы он чувствовал себя одиноко после смерти своей старухи, а лишь потому, что хотели получить квартиру с лишней комнатой. Байымбет, на примере своих дочери и зятя, чувствует и понимает, что труд и жизнь его поколения, посвященные им, благополучию будущего поколения, не только не были оценены по достоинству, но к ним относятся с насмешкой, как к

чему-то темному, и это огорчает его. Неизвестно, вспомнят ли дочь и зять о нем после его смерти. Мало того, что жизненные принципы дочери и зятя доставляют ему психологические страдания и лишают его последней надежды, теперь могут быть обрезаны и его духовные корни. Выясняется, что на месте села, где он родился и вырос, будет построено водохранилище для электрической станции. А для этого требуется переселить не только жителей села, но и и раскопать находящиеся там могилы. Пришло официальное предложение из исполкома о необходимости перенесения могил в другое место. "Вам нет надобности туда ехать, там покоятся ваши предки и родственники, я сам съезжу, просто помогите мне деньгами," - обращается Байымбет к дочери и зятю. "А нам что до этого, не можем мы деньги на ветер выбрасывать", - отказывают те. Этим событием писатель тоже передает драматическую коллизию между старым и новым поколением, распространение в обществе манкуртизма.

В шестидесятые годы во всесоюзном масштабе проходила кампания, целью которой было укрупнение сельского хозяйства, освоение целины, строительство водохранилищ. На основе специальных государственных постановлений жители многих сел и деревень были вынуждены оставлять насиженные места и обживать-ся на другой территории. Большей частью это имело место в Западной Сибири и Средней Азии. Для большинства местных жителей это было тяжелым, драма-

тическим событием. Подобное выдающееся событие общественной жизни нашло отражение и в литературе того времени. Например, в киносценарии М. Гапарова "Улица" (1968) оно описывается в возвышенном, романтическом духе, а вот в киноповести М. Байджиева "Чужое счастье" (1969) старик, обиженный тем, что колхоз перепахал его яблоневый сад, чтобы превратить это место в посевную площадь, поджигает свой дом и хозяйство и уезжает в город, в дом престарелых. Писатель-сибиряк В. Распутин, чья родная деревня осталась под водой, написал об этом в 1976 году в своей повести "Прощание с Матёрой".

– Товарищи! Тут с вашей стороны непонимание. Есть специальное постановление, - знал Жук силу таких слов, как "решение, постановление, установка", хоть и произнесенных ласково, - есть специальное постановление о санитарной очистке всего ложа водохранилища. А также кладбищ... Прежде чем пускать воду, следует навести в зоне затопления порядок, подготовить территорию...

Дед Егор не вытерпел:

– Ты не тяни кота, кажи, кресты по какой такой надобности рубил?

– Я и отвечаю, – дернулся Жук, от обиды заговорил быстрее: – Вы знаете, на этом месте разольется море, пойдут большие пароходы, поедут люди... Туристы и интуристы поедут. А тут плавают ваши кресты. Их вымоет и понесет, они же под водой не будут, как положено, на моги-

лах стоять. Приходится думать и об этом...

– А о нас вы думали? – закричала Вера Носарева. – Мы живые люди, мы пока здесь живем. Вы загодя о туристах думаете, а я сейчас мамину фотокарточку на земле после этих твоих борозд подобрала. Это как? Где я теперь ее могилку стану искать, кто мне покажет? Пароходы поплывут... это когда твои пароходы поплывут, а мне как теперь здесь находиться? Я на ваших туристов... - Вера задыхалась. – Покуда я здесь живу, подо мной земля, и не нахальте на ней. Можно было эту очистку под конец сделать, чтоб нам не видать...

– Когда под конец? У нас семьдесят точек под переселение, и везде кладбища. Не знаете положения и не говорите. – Голос у Жука заметно потвердел. – Да восемь кладбищ полностью переносятся.

Так и в Кыргызстане, при строительстве Токтогульской ГЭС, сельские жители были переселены с мест, где веками жили их предки.

Будучи депутатом Верховного Совета Киргизской ССР и Верховного Совета СССР, Ч. Айтматов неоднократно встречался со строителями Токтогульской ГЭС и жителями села, участвовал в решении многих проблем и, самое главное, видел все происходящие изменения своими глазами. Возможно, некоторые подумают, что на Ч.Айтматова могла повлиять и повесть В. Распутина. Но, как выше уже говорилось, повесть Ч. Айтматова "Флейта и земля" была опубликована в Болга-

рии двумя годами раньше "Прощания с Матёрой". Повесть В. Распутина от начала и до конца посвящена событиям, связанным с переселением людей, а у Ч.Айтматова это лишь один эпизод. Чтобы подать негативные впечатления, связанные с переселением, не напрямую, на основе реальных событий, а через образную, абстрактную ассоциацию, Ч. Айтматов использует каменное изваяние Будды, связывая его с эпосом "Манас". Для этого он в ретроспективном плане возвращается к строительству Большого Чуйского канала. Если посмотреть с внешней стороны, то видишь, как идут большие стройки, которые особым образом служат народу, а страна развивается и процветает. В действительности же уже начался период развала социализма, утери духовных и материальных богатств народов, все разрушается. Через эти события рисуются образы Байымбета, Айзады, Евгения, вскрывается их психологическое состояние. Вместе с тем, через скрытый подтекст, писатель показывает и то, как советская власть присваивает, отбирает у народа землю его отцов, подрезает корни нации, уничтожает ее историческую память.

Во время строительства Большого Чуйского канала находят исторический памятник - каменное изваяние Будды. По приглашению Асакеева из центра приезжают Надежда Ивановна и еще один русский парень. На месте они устанавливают историческую древность найденного памятника. Байымбет играет для гостей

на чооре. Слушая мелодию чоора, Надежда Ивановна глубоко задумывается, а затем, когда музыка замолкает, задает вопрос: "О чем Вы думали, играя эту мелодию?". "Я ни о чем не думал, задумался Будда", - отвечает Байымбет. "Мне тоже так показалось," - говорит Надежда Ивановна. О чем же мог задуматься Будда?! Откуда памятник Будды оказался в месте, где рыли Большой Чуйский канал?! Кто принес его сюда?! Более того, автор говорит о том, что мысль о Будде высказывается в эпосе "Манас", и приводит следующие строки! Скорее всего, этот текст был придуман в соответствии с течением сюжета самим автором.

"Он надменен, непроницаем, как лед,
Точно бы в целом мире один он.
И творец, и каган, и владыка.
Точно бы знать не желает
Никаких он иных богов.
Он надменен, он спокоен и вечен,
Как море, как глыба скалы.
Он, как пещера глубокая –
Неизвестно, что в мыслях его затаено,
Он скопец и мудрец
И мужчина и женщина телом
Он сидит, руки скрестив на груди,
Не боится ни пики, ни сабли.
Только свалить его можно
Обвязав волосняным арканом,
Чтобы лежал он в землю уткнувшись,
Чтобы не думал, что выше людей он,
Чтобы не сглазил батыров в набеге,
Чтобы вольные крики носились,
Чтобы вольные кони бежали."

Здесь мы видим непоколебимый, как лед, довольный собой образ каменного Будды, который не боится ни хана, ни бека, ни копья, ни меча.

Конечно, это фантазия, абстракция, а на самом деле в эпосе "Манас" нет ни слова о Будде, это лишь строки, рожденные воображением писателя. Как говорится в одной из строк: "Чтобы не думал, что выше людей он", государственное решение, исходящее из установки, что души умерших предков не выше общества, государства, интересов живых людей. Насколько бы правильным с практической точки зрения ни казалось решение властей, для местных жителей, родной земли, могилам предков которым суждено было остаться под водой, это обернулось трагическим событием. Иными словами, хотя для мертвых данное государственное решение не имело никакого значения, не несло никакой угрозы, тем не менее необходимо, чтобы в самих людях сохранялось известное чувство уважения по отношению к умершим. Эта проблема может быть решена не бездумными командно-административными методами, а лишь путем осторожного разъяснения. Мне думается, что вводя текст, связанный с Буддой и имеющий ко всему косвенное отношение, писатель тем самым подвергает критике используемые правительством в связи с хозяйственными нуждами командно-административные методы управления.

Иногда приходит мысль о том, что сам Чингиз Айтматов мог в молодости зани-

маться пересказом "Манаса", потому что, во-первых, его размышления всегда отличаются широкой эпической масштабностью, присущей "Манасу", а во-вторых, я сам был неоднократно свидетелем того, как он приводил из эпоса отдельные фрагменты. Эпос "Манас" всегда был неким художественно-эстетическим источником во внутреннем мире Чингиза Айтматова.

Переживая нелегкие времена, Байымбет вдруг подумал, схватил чоор, на котором давно не играл, и отправился на базар. В ожидании, что звуки чоора заинтересуют народ, а сам он сможет развеять свою тоску, он устраивается на краю рынка и с волнением начинает играть мелодии, по которым истосковался. Удивленные и даже настороженные, люди проходят стороной, бросая на него равнодушный взгляд. В то же время русскому человеку, играющему на баяне, они выражают благодарность, жалеют его и с состраданием бросают ему деньги. Конечно, главный герой повести не пришел на базар, чтоб собрать денег. Он пришел, чтобы развеять свою тоску, в надежде, что его будут слушать так же, как когда-то, в дни строительства Большого Чуйского канала. Старый Байымбет все уповает на свой чоор, хочет донести до людей, что чоор отнюдь не вреден для нового времени, однако никто к нему не прислушивается. Байымбета огорчает и гнетет, что в широкие массы все больше проникает громкая, шумная западная музыка, что она оказывает на молодых негативное влияние. В подтексте, где Ч.Айт-

матов сравнивает баян и чоор, сразу же чувствуется некое соперничество между этими двумя народными инструментами. Хорошо, мы можем принять инструмент нашего "старшего брата", но зачем же при этом забывать об инструменте кыргызского народа, который пережил не одно столетие, передавался из поколения в поколение?! Разве можно искоренить его, как классового врага?! Почему нельзя учить игре на чооре, преподавать его?! Чем чоор-то виноват?! Дочь Байымбета - Айзада - оперная певица, человек искусства, и тем не менее она смотрит на чоор с пренебрежением, его зять Евгений называет чоор "пережитком феодализма", грозясь, что сжег бы его, если у него была печь, а внук, которого он растил, сам вошел в детский сад, грозит его поломать. Неужели они проливали пот, отдавали свои жизни для того, чтоб построить вот такое общество?!...

Возможно из жалости к старику, играющему на свирели, человек со сверкающим орденом на груди дает ему пять сомов, а затем выясняется, что он - его старый знакомый, с которым они работали на строительстве Большого Чуйского канала. Автор даже не дает ему никакого имени, просто с восхищением называет его Орденосцем. Оба они скучают по старой жизни, вспоминают прошлое. А значит, они хорошо понимают друг друга, тогда как новое поколение, казалось бы, совсем не интересуют их взгляды и мнения. Как бы то ни было, но жизнь Орденосца течет своим чередом, и едет

он на Анархай, помогать своему младшему сыну. Когда Орденосец хочет взять билет на самолет, кассир отказывается продать ему билет, ссылаясь на то, что у того нет паспорта. Не соглашается, даже когда он предъявляет ему другие документы. Люди в очереди разделяются на два лагеря, а начавшиеся долгие разговоры переходят, в конце концов, на политику. "Во время Сталина был порядок, тогда не допустили бы подобного беспорядка," - к такому заключению приходят Байымбет и Орденосец. В то же время здесь, в известной мере, затрагивается и политика, которая, провозглашая, что сельским жителям не нужны паспорта, что если выдать им паспорта, все переедут в города, и тогда некому будет пасти скот, доить коров, убирать пшеницу, а значит - некому будет снабжать горожан мясом, маслом, хлебом и другими продуктами, вплоть до 60-х годов держала сельчан в селах и лишала их всяческих прав. Милиция арестовывает Орденосца за нарушение общественного порядка: оказывается, что и лучшие работники милиции не имеют практически никакого представления о Большом Чуйском канале. Выходит, что темные сотрудники милиции умеют наслаждаться лишь рыбной ловлей?! Чем больше Орденосец говорит о своей семье, тем больше Байымбет не знает, что сказать ему в ответ. Он готов провалиться сквозь землю, понимая, что у него нет права даже просто пригласить своего приятеля домой на чашку чая. Он боится своей дочери,

своего зятя. И единственным утешением, единственным лекарством для старика, переживающего морально-психологическую трагедию, становится его чоор. Поэтому, проводив Орденосца на вокзал, сидя на крайнем сиденье, он играет для него мелодию "Бегство Каныкей в Бухару". Здесь писатель во второй раз в своей рукописи обращается к эпосу "Манас". Посредством эпоса "Манас" автор раскрывает психологию своих героев, проводит параллель между событиями в их жизни, судьбе и событиями эпоса. Неужели и чоор, не найдя своего места в городе, претерпя крушение, должен уехать в село, в Анархай?! Уж в селе-то, наверное, есть такие люди, как его друг Орденосец, готовые слушать голос чоора?! А Манас, высказывая свою последнюю волю, умоляет Каныкей сделать все, чтоб уберечь Семетея, изъявляет свое желание, чтоб она бежала к отцу в Бухару:

Растащат они народ по кускам,
после смерти моей,
Откроют они ворота врагам, после
смерти моей,
Зальют они кровью раздоров,
после смерти моей
Землю кыргызскую от дверей до
дверей, после смерти моей.
На последнем дыхании заклинаю тебя,
Каныкей,
Унеси от них дальше Семетея, сына
нашего, Каныкей.
На последнем дыхании заклинаю тебя,
Каныкей,

Сбереги от них сына нашего, Семетея,
сбереги, Каныкей
На последнем дыхании заклинаю тебя,
Каныкей
После смерти моей уходи, Каныкей,
прощай, Каныкей.

В этот просторный мир от злобы людей
не вмещаюсь,
Ухожу, ухожу, ухожу в Бухару.
В этот обжитый мир мести людей
не вмещаюсь,
Ухожу, ухожу, ухожу в Бухару
Чтобы сына Манаса взрастить на
чужбине далекой,
Ухожу, ухожу, ухожу в Бухару.
Чтобы снова вернулся он в горы
кыргызские,
Ухожу, ухожу, ухожу в Бухару.
Чтобы с кличем Манаса поднял он
знамя отцовское,
Ухожу, ухожу, ухожу в Бухару.
Чтобы с кличем Манаса воедино
собрались кыргызы,
Ухожу, ухожу, ухожу, в Бухару.

В тексте самого эпоса «Манас» эти строки звучат так:

«Если я умру, Каныкей,
А со мною и ты умрешь,
Если оба с тобой умрем,
И останется Семетей,
Не кочует пусть на быке,
Чтоб не сделали пастухом
Абыке и Кобош его,
Те, что стоят шести чертей,

На коровью спину сады,
Чтоб малого, битьем, одного
Не смогли они запугать,
Чтоб вот так Абыке и Кобош -
Шесть чертей – не сгубили его,
Перевалом Куюк уходи!...
К Темирхану беги, Каныкей...?

(С. Каралаев «Манас» Бишкек,
Турар, 2010, с. 959)

«Если после меня ты умрешь,
Если оба умрем с тобой,
Не разбить бы нам стан у реки, айым,
И не стать бы нам как потухший
костёр!

Если муж умрет, для вдовы
Станет ближе её родня,
Все имущество брось, оставь,
К Темирхану, к родне убегай.»

(С. Каралаев. «Манас». –
Бишкек: Турар: 2010. – 980-б.)

Можно сразу же заметить, что Ч. Айтматов не копирует текст эпоса буквально, а берет его общий смысл и самостоятельно перерабатывает его. Из-под пера писателя рождаются короткие и, вместе с тем, очень точные строки, передающие завещание Манаса и горькую долю Каныкей, ее трагедию. Так же и в истории, посвященной "Манасу" и занимающей объем около десяти страниц, он прозаическим языком дает художественное разъяснение значения эпоса.

"Бегство Каныкей в Бухару", "Скорбь Каныкей" ("Каныкейдин арманы") – это

отголосок беспокойства, которое охватывает Байымбета и таких же, как он, людей старшего поколения, чувствующих то отчуждение, что разделяет их и будущее поколение, которое не имеет ни малейшего желания понимать ценность культурного наследия нации, их тревоги за судьбу народа. В самой созвучности затронутой в повести темы репрессии и "Бегства Каныкей в Бухару" явственно ощущается то психологическое страдание, которое сам автор пережил из-за репрессии, которой подверглась его семья, и перед глазами возникает картина скорбного прощания Торекула Айтматова со своей семьей в 1937 году на московском вокзале. А подтекст, скрытый за "Плачем Огулан", позднее получил подробное отражение в романе писателя "И дольше века длится день".

И в этой рукописи мы видим, что для Ч. Айтматова эпос "Манас" всегда был великим духовным наследием. Несомненно, что события эпоса, в соответствии с целью произведения, несут идейно-эстетическую нагрузку. Это во-первых. А во-вторых, это было время, когда Ч. Айтматов особо интересовался эпосом "Манас" и хотел написать художественное произведение на его основе. В-третьих, он был очень заинтересован в том, чтобы эпос "Манас" знала молодежь. Значит, творческий план-проспект Ч. Айтматова, связанный с эпосом "Манас", укрепился еще в конце 50-х годов, и то, что позднее он обращался к нему в "Плач перелетной птицы" ("Куштар кайрылып келген-

че"), в "Ранних журавлях", возглавлял редакционную коллегию эпоса по вариантам С. Орозбакова и С. Каралаева, писал о нем статью за статьей, было не просто закономерностью, но горячим желанием его сердца!

Писатель противопоставляет друг другу образы Евгения и Олега. Одно только упоминание имени Олега Завадского вызывает у Евгения раздражение. Евгений ненавидит традиции и обычаи кыргызского народа, в том числе чоор. А Олег, несмотря на то, что он был эвакуирован из Москвы, как сын врага народа, устраивается в кыргызский интернат, преподает музыку и рисование, за три года осваивает кыргызский язык, а чоор чувствует как свою душу. Создавая образ Евгения, автор выражает свое противление таким вот духовно бедным людям, а также мысль о том, что психологическое единство, стабильность, которые приписываются в последнее время состоящему из разных национальностей народу как единой семье, на самом деле не являются таковыми. Еще один подтекст писателя заключается в том, что ребенок, выросший в разнонациональной семье, оказывается внутренне пуст, словно дерево без корней. Чего можно ожидать от Евгения, который ничего не сделал для строительства социализма? Даже поведение зятя не соответствует образцу поведения советского человека, его морально-нравственная неустойчивость, антисоветские взгляды привлекают внимание органов, подпадают под их контроль. Семья Евгения

- это разрушенная семья. Что касается Айзады, то она, сокрушаясь, что не смогла получить никакого звания, занята лишь своей собственной жизнью, ей и дела нет ни до отца, ни до сына.

Олега и Байымбета свел вместе чоор. Во время концерта в интернате, который вел Олег, директор неожиданно останавливает его и, предложив спеть, смотря на портрет Сталина, создает неудобную ситуацию. И тогда Байымбет, чтобы поднять настроение Олега, начинает играть мелодию "Мен колуктуу" ("Я - невеста"). В рукописи говорится о том, что Олег был призван на войну и там погиб. Оказывается в той части, что написана Ч. Айтматовым от руки, писатель собирался описать подвиги, которые совершила под Москвой сформированная из кыргызов и казахов Панфиловская дивизия. Его целью было показать, что кыргызстанцы тоже внесли значительный вклад в крушение планов фашистской Германии, связанных с операцией "Барбаросса". В это время Шопоков, Ананьев и остальные из 28 панфиловцев отдали свои жизни, не пропустив врага к Москве. Они и стали прототипами таких героев писателя, как Асакеев и Олег Завадский.

С помощью способа художественного параллелизма события повести подаются вместе с созвучными им по содержанию фольклорными произведениями. Это отрывок о Будде из "Манаса", рассказ о мелодии "Я - невеста", а также "Прощание с беркутом", "Бегство Каныкей в Бухару", "Скорбь Каныкей", "Плач матери

Чингизхана Огулан". И хотя эти фольклорные параллели напрямую не связаны, они, без всякого сомнения, необходимы для развития авторской мысли, которую он хочет донести через свое произведение. Ключи к глубинному смыслу повествуемых жизненных событий находятся именно в этих фольклорных образцах.

Одна из особенностей творчества Ч. Айтматова заключается в том, что он, используя устное народное творчество, вместе с раскрытием психологии своих героев, через подтекст, еще и вырисовывает облик общества, времени! Между историей, содержащейся в легенде, и временем, в котором живут герои, есть заметная связь. Оказывается, все те драгоценные жемчужины человеческой мысли, что заложены в фольклоре и адресованы человеку, все еще важны и для дня сегодняшнего. Ведь потому писатель и обращается к образцам устного народного творчества, чтобы сохранить нравственную, моральную совесть людей, вернуть их к прежней, родниковой чистоте, для выправления искаженной истины! Однако, подобно другим писателям, жившим в одно с ним время, творившим в рамках советской литературы, ограниченной требованиями соцреализма, возможность высказывать свои критические взгляды у Ч. Айтматова тоже была ограничена. Мысли, мнения, которые он не мог сказать прямо в лицо власти, Ч. Айтматов выражал с помощью фольклора, через подтекст отражая проблемы и общества, и людей. В таких случаях цензура, часто

оказываясь не в состоянии уловить основную идею автора, не могла препятствовать изданию произведения. Поскольку две авторские линии - внешняя, видимая, и "скрытая", отражающая глубинные мысли автора, - шли параллельно, переплетаясь и накладываясь друг на друга, "археологи" от идеологии были не в силах найти какой-либо политический грех. Однако в повести "Белый пароход" цензура все же учуяла тонкие приемы, использованные автором, начала искать политическую подоплеку не только в содержании, но и в названии произведений Ч. Айтматова, из-за чего, как мы знаем, при издании названия некоторых из них были изменены. Например, изначально тема романа "И дольше века длится день" была обозначена как "Обруч". Цензура не согласилась с таким названием, потому что в нем скрывался глубокий подтекст.

Искания Айтматова, начавшиеся в повести "Прощай, Гульсары", примененный там метод привели к плодотворным результатам, принесли ему большое удовлетворение, а сам автор понял, насколько синтез фольклора и текущего момента, фольклора и авторской фантазии отвечают эстетическому вкусу читателя. Писатель загорелся желанием к познанию не только кыргызского фольклора, но и фольклора других тюркоязычных народов - узбеков, казахов, туркмен, каракалпаков, а также нивхов и вообще - мирового фольклора. В рукописи повести "Флейта и земля" автор обращается к

пяти легендам. Возможно, для данного произведения это многовато. Но если обратиться к содержанию повести, то все они буквально вплетены к описываемые события. Образцом может послужить охотничья мелодия-легенда "Прощание с беркутом".

Дрессировка беркута - это не профессия, это искусство, талант, азарт. То же можно сказать и об искусстве игры на чооре. Этому нельзя просто научиться. Из этого стоящего результата не получится. Чтобы стать знатным саяпкером (дрессировщиком ловчих птиц), знатным чоорчу, человек должен вложить в это свою душу. Выражение "вложить душу" очень точно описывает то, что происходит. И поэтому когда само это искусство, в которое вложена душа, используемый в нем инструмент остаются без внимания - для мастера это большая трагедия. То, что истосковавшийся по искусству чоорчу, не в силах больше сдерживать себя и идет на базар, играет там на чооре, - это тоже своего рода прощание, подобное "Прощанию охотника с беркутом". Конечно, это прощание вынужденное. Разве есть кто-нибудь, кто не хотел бы, чтобы другие продолжили его дело, чтобы кто-то еще вложил в него свою душу, и оно продолжало жить?!

По легенде старый охотник, из последних сил борясь с надвигающейся смертью, не знает, что ему делать с беркутом, которого он вырастил, взяв совсем птенцом. С того момента, когда он нашел его в гнезде, они всегда были вместе, вместе

провели молодость, и он не променял бы своего беркута ни на золото, ни на деньги, ни на скот. И вот теперь, когда они оба состарились, наступила пора прощаться. Кому он оставит беркута? Кто возьмет его себе? Кто по достоинству оценит его? Старому охотнику хочется отпустить орла на волю - в небо. Но есть у него последнее желание, связанное с беркутом: хотелось бы ему, чтобы после смерти хозяина, когда заголося над ним плакальщицы, пролетел бы он разок кругом над юртой, где будет лежать его тело. Объяснив это беркуту на языке птиц, охотник отпускает его. А вскоре сам он уходит в мир иной. Беркут делает круг над юртой, с горестным клекотом сопровождает выносимое тело, бросает взгляд на могилу, а затем улетает в бескрайние просторы неба:

«Как белый туман, дыхание коня,
Не видеть мне в зимнем поле.
Лисицу, бегущую, как красный пожар,
Не видеть мне в зимнем поле.
Как сизый туман, дыхание коня,
Не видеть мне в желтом нагорье.
Волчицу, бегущую, как бурый буран,
Не видеть мне в желтом нагорье.»

Эту мелодию-легенду мы слышим в тот момент, когда состарившийся Байымбет понимает, что остался один и уже никому не нужен. Возможно, уставшему от одиночества главному герою хотелось бы, подобно орлу, жить вольной жизнью, куда-то улететь, куда-нибудь умчаться?!

Может быть, как подается в авторском рефрене, в этом и заключен тайный смысл того, почему Байымбет, в одиноком размышлении на заднем сиденье автобуса, ни с кем не разговаривая, часто едет в Кайынды, но затем вновь возвращается оттуда?! Возможно, параллельно описывая старика из легенды и старика из реальной жизни, старого охотника и состарившегося вместе с ним, утратившего былую силу беркута, автор тем самым изображает горькие дни старости и одиночества в жизни?! Легендарный старик, орел и старый Байымбет - тесно связанные друг с другом образы. Может быть, глубинное значение истории старика и беркута берет начало в жизни знаменитого манасчы Саякбая Каралаева?! Писатель хорошо знал, что манасчи был ко всему и беркутчи, много слышал от него об этом. Для Саякбая Каралаева было невозможно представить жизнь без беркута. Возможно, в то время писатель услышал от манасчи и его тревогу о том, что станет в будущем с искусством сказительства. Еще одно доказательство того, что, как мы уже говорили, Ч. Айтматов создал эту рукопись после повести "Прощай, Гульсары", - это то, что трагедия Танабая и Гульсары продолжилась в ином ракурсе...

Что касается легенды "Плач матери Чингизхана Огулан", то в ней, в подтексте, отражается картина тоталитарной системы, существующей власти, личного эгоизма. Сталин и Чингизхан, или же Чингизхан и советская власть... Всепог-

лощающая власть не смотрит ни на родителей, ни на детей, ни на братьев и сестер. Достаточно вспомнить Ивана Грозного, Тараса Бульбу. Во время репрессии никто ни с кем не считался. С незапамятных времен репрессии повторяются в истории человечества. Брат Темуджина (Чингизхана) Хасар отправляет к нему своих воинов с предложением править по очереди. Темуджин просит дать время на обдумывание. Однако, вместо того, чтобы думать, на следующий день нападает на Хасара и его людей и истребляет всех. Когда о возможном нападении слышит мать братьев Огулан, она отправляется туда на белом верблюде, но - опаздывает. Каким же горьким был ее плач в тот миг...

Различие между временем, когда жил Байымбет, и прошлым не такое уж и большое. Всеподавляющая власть, через силу и насилие, пронизывает общество, управляет им, контролирует, самодурствует. Выступить против нее - значит, лишиться головы. А поэтому все делают вид, что ничего не видят, не замечают, проявляют равнодушие, а подлинным девизом жизни становится "ты меня не трогаешь, а я не трогаю тебя".

Мы упоминали мелодию "Гульгаакы" в связи с судьбой Байымбета и Шолпан. Если остановиться на этом наигрыше конкретно, то, по легенде, у джунгарского хана Эсенхана была красавица дочь Гульгаакы, красота которой затмевала и солнце, и луну. До самого совершеннолетия ее держали взаперти, не выпуская нару-

государство в своем развитии шло свободным, независимым, демократическим путем, думал об этом?! Ведь свободная птица не знает границ, так и человек мог бы быть свободным, не ограниченными рамками государства, границами. Может, об этом он думал?! Говорю так, потому что думаю, неслучайно в романе "И дальше века длится день", где он говорит о сыромятном куске верблюжьей кожи шири, ограждении, политическом окружении, рефреном звучат слова о том, как непрерывно движутся поезда с Запада на Восток, с Востока на Запад. Ведь дело здесь не в простом движении поездов, а в географическом понятии, соединяющем между собой регионы, нации, страны земного шара. И на этом пространстве люди должны жить в мире и согласии. Во-вторых, Ч. Айтматов в своем выступлении в Турции, которое я помогал организовывать для него в университете Анкары 5 апреля 1994 года, сказал следующее: "Вы, наши турецкие братья, правильно перевели мою повесть "Прощай, Гульсары", назвав ее "Разорви свои оковы, Гульсары". Цель писателя, его мысль похоже доказывают правоту нашего мнения, которое мы выше выразили.

Если бы рукопись повести "Флейта и земля" была издана в свое время, мы бы восприняли ее как новое произведение Ч.Айтматова. Хочу повториться, мне кажется, что эта повесть содержит мысли и мнения, которые не поместились, не вошли в повесть "Прощай, Гульсары". Идейное содержание, жанровое строение,

стиль, манера, размышления главных героев, образная система названных двух произведений созвучны друг другу. Добавлю еще что эта повесть могла быть написана до "Белого парохода" или параллельно с ним, а затем, поскольку повесть "Белый пароход" получилась художественно более сильной, в сравнении с повестью "Чоор и земля", и содержала более глубокие мысли, это произведение как бы осталось в тени "Белого парохода", и писатель либо остановил процесс его написания, либо, как было сказано в начале работы, по объективным и субъективным причинам он не захотел его издавать. Понятно, что, если бы рукопись была опубликована до "Белого парохода", то она была бы хорошо принята читателями, специалистами, но она все равно не достигла бы той художественной высоты, которой достигла повесть "Белый пароход", номинированная в свое время, как значительный поворот в творчестве писателя, на Нобелевскую премию.

Итак, в повести "Флейта и земля", которая не была в свое время опубликована, встречается немало ситуаций и мотивов, которые напоминают нам отдельные эпизоды последующих произведений Ч.Айтматова. Если взаимоотношения Байымбета с дочерью, зятем и внуком, особенно то, что его взгляды и принципы в корне противоположны взглядам и принципам его зятя, напоминают нам отношения между старым Момуном и Орозкулом в "Белом пароходе", то сон Байымбета, где он видел себя скакуном, его

мысли о хоре школьников напоминают нам эпизоды из повести "Прощай, Гульсары". Ну а плач Огулан, то, как она едет на верблюде к своему сыну, в известной мере, напоминают историю матери Найман. По этой причине, не будет преувеличением сказать, что в повести "Флейта и земля" если не утвердились, то, по крайней мере, наметились идейные, творческие планы писателя на будущее.

Пусть не в свое время, пусть лишь после смерти писателя, но слава Богу, что у нас есть возможность прочитать эту его рукопись. И прочитав, лишний раз убедиться в том, что Ч. Айтматов был человеком, который всегда находился в творческом поиске, умел предъявлять к себе жесткие, высокие требования, придавал значение не количеству, но качеству произведений.

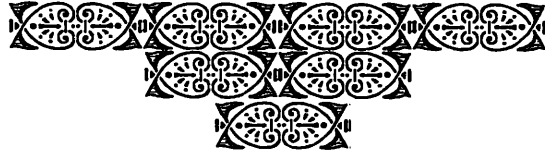
В повести явственно просматриваются значительные вопросы и проблемы сегодняшнего дня. Ведь само величие творчества Чингиза Айтматова и заключается в том, что его невозможно ограничить во времени! Когда рукопись наконец дойдет до читателя, мы станем свидетелями того, как для него прозвучит заветная мысль писателя, которая всегда жила у него в груди: "Как, человеку Человеком быть?!"

Будет справедливо, если в дальнейшем мы будем рассматривать повесть Ч. Айтматова "Флейта и земля" наряду с его другими произведениями. Ну что ж, читатели уже соскучились по Чингизу Айтматову, и теперь настало время утолить эту тоску и встретиться с ним вновь!

16 июля 2013 года.

МУХТАР АУЭЗОВ И ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

Творчество лауреата Ленинской и Государственной премий М.Ауэзова обогатило сокровищницу мировой культуры. Он известен как автор эпопеи "Путь Абая", незаконченного романа "Племя младое", многочисленных рассказов, повестей, драматических произведений. Его перу принадлежат и художественные переводы, и публицистика, и литературная критика. М.Ауэзов занимался и научной работой.

Творчество Мухтара Ауэзова стало литературной школой для писателей Средней Азии и Казахстана. "Мне кажется, на формирование современной среднеазиатской художественной мысли и всей духовной жизни наших соседствующих народов Ауэзов оказал такое же влияние, как в свое время Пушкин на развитие русской культуры", — пишет Ч.Айтматов. Узбекские писатели А.Мухтар, Мирмухсин, П.Кадыров с гордостью вспоминают о нем как об учителе. Так, созданный М. Ауэзовым в 1922 году рассказ "Судьба беззащитных" оказал влияние на рассказ "Ажар" К.Баялинова. В романе "Среди гор" лауреата Государственной премии

СССР Т.Сыдыкбекова прослеживается эпическая традиция творчества М.Ауэзова.

Особое внимание М.Ауэзов уделил духовному богатству киргизского народа. Как исследователь и ученый, он написал монографию о героическом эпосе киргизского народа "Манас", устанавливая его особенности и различия, проанализировал образы главных героев, делая при этом акцент на своеобразии поэтики эпоса.

В 1952 году на конференции, посвященной народности эпоса "Манас", М.Ауэзов выступил с докладом на тему "Создание народного варианта эпоса "Манас". С этого времени он своими ценными советами неустанно помогал в создании сводного народного варианта эпоса, за что киргизская интеллигенция выразила ему сердечную благодарность.

Если говорить о творчестве более молодого поколения, то можно отметить очень близкие отношения М.Ауэзова с Ч.Айтматовым. Это отношения двух талантливых писателей — один был тогда учителем, наставником, другой — учеником.

Отмечая творческие успехи писателей Средней Азии и Казахстана, М.Ауэзов в

то же время не мирился с такими произведениями, в которых освещались события в широком масштабе, а образы героев описывались поверхностно, переживал за то, что нет таких произведений, где бы внутренний мир героя раскрывался глубоко, психологически верно и логично. И в это время появляется "Джамиля" Ч.Айтматова. Это произведение молодого киргизского писателя очень понравилось М.Ауэзову. Он всячески содействовал творчеству Ч.Айтматова, верил в его большое будущее: "Самое отрадное, и, скажем прямо, необычное для киргизской прозы заключается у Айтматова в обрисовке людей, в показе их отношений, как бы изнутри. В наших братских литературах характеры людей часто даются описательно. Бывает, что автор специально, как-то нарочно придумывает своим персонажам мысли и намерения. Повесть Чингиза Айтматова психологична, естественна, изящна и проста. Она приятна правдивостью душевных состояний, тонко подмеченных и сдержанно, выразительно, даже порой коротко обрисованных... Это явление, новое на почве киргизской прозы, обнаруживает хорошую профессиональную культуру авторов, и, конечно, тонкое, верное знание жизни народа, характеров людей и условий их труда".

Если рассмотреть произведения Ч.Айтматова, начиная с повести "Лицом к лицу" и кончая романом "И дольше века длится день", то в них ясно прослеживаются творческие особенности писателя, замеченные М.Ауэзовым еще в 1958 году.

М.Ауэзов следил за ростом Ч.Айтматова, радовался его успехам, таланту, всегда с гордостью отзывался о нем и с нетерпением ждал новых произведений молодого писателя.

В телеграмме, адресованной секретарю Союза писателей Кыргызстана Т.Абдымомунову, М.Ауэзов поздравляет его с выходом в свет книги "Тополёк мой в красной косынке". Восхищаясь тем, что Ч.Айтматов создаёт своё произведение на русском языке, он позднее писал: "Я вспоминаю азербайджанского писателя Сеида Бейли, киргизского прозаика Чингиза Айтматова, казахского писателя Бауржана Момыш улы, поэта Олжаса Сулейменова и других. Их всех объединяет один, казалось бы, внешний, но немаловажный, даже весьма существенный признак, все они, будучи писателями национальными, с тематикой национальных братских республик, пишут свои художественные произведения на русском языке"¹.

Профессор Е.Исмаилов вспоминает: "В 1961 г., рассказывая о заседании комитета по Ленинским премиям, он говорил о близости к успеху кандидатуры Чингиза Айтматова. Ещё он говорил, что Айтматов очень талантливый писатель и стоит в числе первых в современной Средней Азии"² Предсказание М.Ауэзова подтвердилось: в 1963г. Ч.Айтматов был удостоен Ленинской премии.

На заботу и внимание старшего товарища по перу Ч.Айтматов отвечал взаимностью. Он видел в лице М.Ауэзова современного классика и гордился тем,

что тот – сын братского казахского народа: "У меня есть две национальные святыни, с которыми я еду в другие страны, с которыми я переступаю порог других народов. Это – "Манас" и Мухтар Ауэзов. Когда меня спрашивают: кто вы такие, казахи и киргизы, - я рассказываю о "Манасе" и Мухтаре Ауэзове. Это символы моих народов, и с ними я могу достойно представлять себя другим".

В серии изданий "Библиотека всемирной литературы" рядом с шедеврами мировой литературы, среди 250 томов Данте и Шекспира, Толстого и Томаса Манна, Горького и Шолохова стоят два тома М.Ауэзова, что является свидетельством того, что он один из тех классиков, которые внесли прямой вклад в сокровищницу общечеловеческих ценностей. Поэтому творчество М.Ауэзова можно рассматривать важным звеном в общей цепи связей многих народов мира и их культур. "С высоты Мухтара Ауэзова мы судим о себе и общаемся с другими культурами и народами"³, – пишет Ч.Айтматов.

Роман "Путь Абая" является своеобразной энциклопедией казахской жизни, и Ч.Айтматов высоко ценил реалистическую широту произведений М.Ауэзова. Он считал роман "Путь Абая" так же, как и "Тихий Дон" Шолохова, эпопеей.

Писатели народов СССР, создавая биографические произведения, руководствовались марксистско-ленинским учением о роли народа и личности в истории. Роман "Путь Абая" стоит в одном ряду с выдающимися социально-историческими произведениями классики.

Верность теоретических рассуждений В.Г.Белинского о том, что личность нельзя отделять от народа, что жизнь и судьба человека тесно связаны с историей, еще раз доказывается романом "Путь Абая". Образ Абая ныне занял прочное место в галерее образов, имеющих мировую известность.

М.Ауэзов писал: "В моей творческой жизни самым дорогим является создание романов "Абай" и "Путь Абая"⁴. Говоря словами Ч.Айтматова, эпопея "Абай" – это наша художественная и социальная энциклопедия, это наш общий мандат"⁵.

Повесть "Лихая година", одно из первых произведений М.Ауэзова, была написана в 1928г. В ней рассказывается о политике царских колонизаторов, о тяжелой жизни и горе простого народа. Писатели и поэты Средней Азии и Казахстана не раз обращались к событиям кровавого 1916г. Эта тема нашла отражение в произведениях "Перед зарей" А.Токомбаева, "Ажар" К.Баялинова, "Решающий шаг" Б.Кербабаева, "Школа жизни" С.Муканова. В предисловии к повести Ч.Айтматов отмечает, что повесть "Лихая година" свидетельствует о том, что до "Абая" Ауэзовым была уже освоена форма широкого эпического повествования⁶.

"Читая "Лихую годину", даже задним числом страшно представить себе, что было бы дальше, какой оказалась бы судьба кочевых казахов и кыргызов, если бы не Октябрьская революция. Язык мой не поворачивается сказать, возможно, нас не было бы"⁷, – пишет Ч.Айтматов.

В своё время, работая над предисловием к повести, Айтматов думал о её светлой дороге в будущем и символически сравнивал её со скакуном: "Кажется мне, что провожаю в большую дорогу коня без седока. Вот я подвязал поводья повыше, поднял стремена к луке седла, укрепил их. Чтобы они не мешали бегу, и говорю коню: "Здравствуй и прощай, око давнишнего скакуна! Скачи! Пусть правда будет правдой"⁸.

Предчувствия Айтматова сбылись – повесть была тепло встречена читателями.

Ч.Айтматов неоднократно говорил, что читая произведения Ауэзова, чувствуешь какое-то вдохновение, прилив светлой радости, появление неожиданных глубоких мыслей.

В романе "Племя младое" Ауэзов впервые обращается к проблеме современного животноводства, создает образ партийного вождя, показывает жизнь чабанов во всей ее сложности. Это произведение, как отмечает критик А.Салахян, является примером того, как следует молодым писателям подходить к современной теме. Этот опыт М.Ауэзова не мог остаться без внимания Ч.Айтматова.

В произведении "Прощай Гульсары!" Ч.Айтматова подняты остро нравственные проблемы, автор ставит своих героев в сложные драматические ситуации. Но в романе Ауэзова, и в повести Ч.Айтматова прослеживаются индивидуальные черты каждого автора в отдельности. К такому же заключению приходят А.Муслинов и М.Каратаев⁹.

В целом Айтматов впитал эстетический опыт романа "Путь Абая". Он получил от М.Ауэзова, как и от других классиков, урок мастерства в создании ярких и самобытных характеров, в выработке своего писательского стиля, короче говоря, Ауэзов помог Айтматову в становлении как художника слова.

Прошло много лет с тех пор, как М.Ауэзов пожелал Ч.Айтматову светлой дороги на литературном поприще. И ныне, говоря об авторах, стоящих в первых рядах литератур народов Востока, мы вместе с М.Ауэзовым произносим имя Ч.Айтматова. Творческие связи М.Ауэзова и Ч.Айтматова – свидетельство бескорыстной дружбы двух братских народов.

ЛИТЕРАТУРЫ

¹ Ауэзов М. Доброе начало // Ленинская смена. – 1961. – 9 апр.

² Исмаилов Е. Зовущий на вершину. – В кн. М.Ауэзов в воспоминаниях современников. – Алма-Ата: Жазушы, 1972, с.252.

³ Айтматов Ч. В соавторстве с землёю и водою... С.248.

⁴ Ауэзов М. Мысли разных лет. – Алма-Ата: Казгослитгиздат., 1961, с.397.

⁵ Айтматов Ч. В соавторстве с землёю и водою..., с.248.

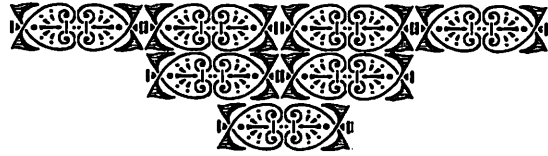
⁶ Там же, с. 218.

⁷ Там же, с. 219.

⁸ Там же, с.224.

⁹ См.: Каратаев М. Мировоззрение и мастерство. – Алма-Ата; Жазушы, 1965, с.33; Муслинов А.О. – Казахско-киргизские литературные связи, с. 136.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ И ГАБРИЭЛЬ ГАРСИЯ МАРКЕС

Ровно 60 лет (1928) назад в двух весьма удаленных друг от друга точках планеты появились на свет два человека, которым в будущем дано будет во многом определять ход развития мирового литературного процесса. Они стали не только прославленными писателями с мировыми именами, но и авторитетными общественными деятелями, к мнению которых прислушиваются политики и народы. Их имена Г. Гарсиа Маркес и Ч. Айтматов.

В судьбе Ч. Айтматова и Г. Гарсиа Маркеса много общего: они оба представители не самых крупных национальных литератур: колумбийской и киргизской. Их народы не самые многочисленные в мире, скажем так. И нельзя сказать, что они определяют ход общественного развития планеты. Но появление выдающейся творческой индивидуальности совсем не объясняется этими причинами. Русская классическая литература XIX века, её золотой век, связанный с именами Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, возникла в России, которая в экономическом плане отставала и от Европы, и от стремительно развивавшейся Северной Америки.

Чем объясняется феномен «нового» латиноамериканского романа, во многом связанного с именем Г. Гарсиа Маркеса, и «феномен» Чингиза Айтматова в современной советской литературе?

За превращением бывших периферий в центры культуры – огромный сдвиг исторических пластов, и это обстоятельство необходимо иметь в виду всем, кто хочет определить место каждого отдельного явления в картине движения всеобщей духовной жизни. Таким образом, состоялось событие для истории мировой литературы вроде бы привычное, и в то же время всегда неожиданное, небывалое: увеличение, приращение общечеловеческого духовного опыта и богатства. Творчество художников, следовательно, говорит о нечто таком, что имеет всеобщее значение, затрагивает самое сокровенное в жизни литературы.

Оба писателя являются создателями того, что называют «интегрирующим», «тотальным» романом, который воссоздавал бы «всю действительность» (Гарсиа Маркес), всю целостность бытия во всех её проявлениях, которая далеко не

исчерпывается, как говорит Гарсиа Маркес «ценой на томаты».

Приметы межнационального художественного языка, рождённого альтернативами и тревогами современного мира, настолько очевидны, что суть творчества Ч. Айтматова можно объяснить словами колумбийского писателя. Объясняя смену курса в своем творчестве, Гарсиа Маркес говорил: «...Я понял, что как писатель несу ответственность не только перед социальной и политической действительностью моей страны, но и перед всей действительностью во всех её проявлениях».

Основополагающей задачей в наше время Айтматов считает «переход от «корпоративного», блокового сознания человечества к глобальному восприятию единства жизни на земле, к планетарному мышлению перед лицом возрастающей ядерной угрозы существованию народов». Сквозь призму этого признания можно понять художнические устремления и Гарсиа Маркеса.

Судьбы мира сегодня решают не только политики, их решают народы и их писатели, несущие на своих плечах тяжчайший груз ответственности перед будущим. Во все времена подлинными художниками были совестью человечества.

Селеньице Макондо у Гарсиа Маркеса и затерянный в бескрайней казахской степи буранный полустанок у Ч. Айтматова становятся средоточием грандиозных общечеловеческих проблем.

Роман «Плаха» – также часть того обособленного айтматовского мира, который развивается по законам расширяющейся вселенной.

Невозможно понять и объяснить творчество Ч. Айтматова и «новый» латиноамериканский роман, лидером которого является Гарсиа Маркес, не выйдя за пределы художественного мира в сферу «больших смыслов» истории, культуры и не отдав себе ясного отчета в том, что они являются порождением нового «открытого» мира. Все новое, что рождалось и существовало в Европе, на Западе, на Востоке, опробовалось в горниле их творчества, все шло в ход. Не следует забывать и о собственно национальном наследии: великом фольклоре кыргызского народа, питающем творчество кыргызского писателя и «реальном чуде» (Алехо Карпентьер) народной мифологии Латинской Америки, составленной из причудливого переплетения индейской, негритянской, испанской общехристианской традиции. «Магический реализм» Гарсиа Маркеса – порождение «чудесной реальности» Латинской Америки. Только с этой точки зрения становится понятным весь глубинный смысл, который вкладывает писатель в свои порождающие заявления о том, что всё им написанное взято непосредственно из действительности Латинской Америки, где всё может произойти и происходит. В «Сто лет одиночества» я реалист, ибо верю, что в Латинской Америке всё возможно, всё реально... и эта форма реальности может

дать кое-что новое всемирной литературе». Творчество же кыргызского писателя всеми своими корнями уходит в толщу эпического наследия кыргызского народа, его мифов, легенд и преданий. А в целом творчество этих двух писателей является порождением «многоотонной» культуры, и самое главное у них – это стремление к полифонизму мировосприятия, отрицающему всякую косную, застывшую картину мира и утверждающему историю как неисчерпаемое, вечно развивающееся бытие, многомерность жизни, неограниченность возможностей её развития. А зерно, самую сердцевину такого мировосприятия, составляет идея неограниченных гуманистических возможностей человека, противостоящая всяким положениям о его пределах.

Абсолютно современное письмо и разительное чувство народной культуры, причём не только своей, национальной, но и мировой, ставшей сокровенным, личным опытом художника – вот сочетание, характерное для крупнейших представителей современной мировой культуры.

Сочетание реалистического, фантастического и символического элементов в произведениях художников действительно даёт возможность новых поворотов в освещении привычных сфер жизни, показать обыденную жизнь с некой высокой точки зрения, как бы интегрирующей подробности до степени символа. Конкретный сюжет обладает у них много смысловой философской «радиацией». То есть речь идёт о художественной дей-

ствительности, созданной особым творческим сознанием, как бы сливающимся с сознанием народным, которое, заряжая действительность мифологическими, фантастическими токами, преобразует её.

Роман Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» ответил на повсеместную потребность в искусстве синтезирующем, поднял тему семьи до темы – Человек и История, Человек и Бытие, до уровня притчи и мифа.

В романе Ч. Айтматова «Плаха» речь идёт о трагедии тем более глубокой и значительной, что в ней запечатлен момент бытия человечества, «когда могущество человека достигает наикритической фазы», как сказано в романе.

На плаху восходят по сути все герои романа: Христос с его верой в спасение заблудших душ людских, а значит, и в то, что он не зря погиб за людей: Авдий в его неистовом желании утвердить добро среди хаоса торжествующего зла; Бостон в его неизбывном стремлении к праведной, честной жизни, полной тяжкого, до седьмого пота труда и любви; на свою плаху восходит и главная героиня романа – волчица Акбара, великая мать всего сущего, сама природа, распинаемая людьми, лишённая будущего и, может быть, это самое страшное предостережение писателя. Одному лишь Авдию, живущему в согласии с собой и природой, своей чистотой и духовностью наиболее близкому к Иисусу-герою, дано быть прощённым, помилованным Акбарой, заглянуть перед

смертью в её синие, как звезды, глаза, глаза замученной природы.

У Гарсиа Маркеса мощный библейский ураган сносит с лица земли Макондо в тот момент, когда последний из Буэндиа пытается прочесть манускрипт, в котором записана история его рода, история ста лет одиночества. Писатели едины в своем предостережении роду человеческому.

Гарсиа Маркеса и Ч. Айтматова роднит этический пафос воспевания человеческой солидарности и силы духа человека, выстаивающего несмотря ни на что, несмотря на поражение, трагизм пути, даже смерть. Впрочем, это то, что роднит всех писателей-гуманистов независимо от языка, культуры, национальной принадлежности.

Гарсиа Маркеса и Ч. Айтматова сближает и пафос трагического стоицизма «победы в поражении». Пафос «победы в поражении» господствует на страницах повести «Полковнику никто не пишет».

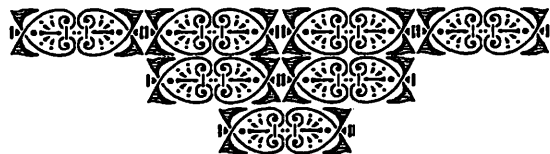
Это отметил и сам Гарсиа Маркес: «С самого начала полковник знал, что он будет побежден, но он победил тем, что бросил вызов неминуемому поражению». Авдий из «Плахи» победил этим же.

«Человек бессмертен не потому, что среди всех живых существ имеет неистощимый голос, но потому, что один своим характером, душою он способен на состра-

дание, жертвы и непреклонность. Долг прозаика, поэта – говорить об этом. Писатель должен поддерживать человека на его пути к бессмертию, возвышая его душу, напоминая о мужестве, чести, надежде, гордости, сострадании, жалости, жертвенности – обо всём том, что составляет извечную славу человека. «Голос поэта должен стать поддержкой, опорой, помогающей человеку выстоять и восторжествовать», – эти слова были произнесены ещё одним великим представителем литературы XX столетия американцем У. Фолкнером при получении Нобелевской премии. Гарсиа Маркес и Ч. Айтматов своим творчеством подтверждают эти слова.

Проследить за связью крупнейших художников, принадлежащих к различным культурам, нациям, языкам – значит расширить наше понимание того, как заполняется память мировой культуры, как передаётся через времена и континенты «культурный код», без которого невозможно существование человечества. Единая цепь, которая тянется от древних мифов к «фантастическому реализму» Ф. Достоевского и дальше – к Фолкнеру, Т. Манну, М. Булгакову, а от них к Гарсиа Маркесу и Ч. Айтматову, не имеет конца и, обнаружив одно из звеньев, мы с большей легкостью сумеем узнать остальные – в прошедшем и будущем.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ И ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Во время моих командировок в «Дни науки» старшеклассники школ республики часто задают вопросы по произведениям Ч. Айтматова «Лицом к лицу» и В.Распутина «Живи и помни». Иногда эти вопросы порождают споры, дискуссии.

В связи с этим в предлагаемой статье хотелось бы остановиться на некоторых вопросах взаимосвязи и взаимовлияния (на примере произведений Ч.Айтматова и В.Распутина), которые вызывают затруднения у старшеклассников в оценке тех или иных произведений.

Если мы обратимся к литературной карте, то нам покажется, что на ней не осталось ни одной темы, к которой не обращались бы великие писатели, не осталось ни одного литературного приема, который они бы не использовали. Кажется, уже обо всем написано и сказано.

О сложностях и трудностях писать, творить, сочинять после великих писателей говорится довольно много. Например, молодой киргизский писатель М. Байджиев, исходя из своего писательского опыта, говорит: «Нам писать после Айтматова стало трудно. Потому что он оп-

ределил развитие нашей прозы самое малое на десять лет» («Кыргызстан маданияты», 1977, 10 февраля).

А сколько человек, стараясь подражать великим писателям, осталось в тени, так и не показав своего лица художника образного слова?!

Разумеется, это ухудшает качество литературы. Что же надо делать, чтобы найти в ней свою тропу, не повторяя литературного следа великих писателей?

В некоторых художественных произведениях отдельных писателей можно заметить литературное влияние, в какой-то степени перекликающееся с произведениями Ч.Айтматова. Но нельзя путать между собой понятия «воздействие», «подражание», «списывание» и т. д.

Обратимся к фактам.

И у Ч.Айтматова, и у В.Распутина показано трагическое крушение Исмаила и Андрея, которые ради спасения своей жизни, предав Родину, дезертировали с фронта. События двух произведений действующие персонажи (Исмаил и Сейде, Андрей и Настена), их характеры и поступки очень похожи друг на друга.

Правда, судьбу Андрея, его характер В.Распутин в некоторой степени показал усложнение, Исмаил, ночью спрыгнув с поезда, следовавшего на фронт, пешком пошел в аил, где оставалась его жена Сейде. Андрей, наоборот, побывал в пекле войны, ходил в разведку и был уважаемым солдатом среди однополчан. Но вот однажды осколком ранило Андрея, и он попадает в военный госпиталь. Томительные недели лечения. Многих, кто поднимался после ранения, отправляли в родные края, в глубокий тыл, Андрею тоже хотелось скорее поправиться, чтобы уехать к любимой жене Настене, к отцу и матери, к родным и близким. Но комиссия врачей находит, что Андрей годен к строевой службе, и он получает приказ отправиться на фронт, в свою воинскую часть. Сначала Андрей растерялся, но вот он решает ехать не на запад, где фронт, а на восток, где его село Атамановка, побыть дома денек-другой, помочь по хозяйству и вернуться на поле сражений.

Андрей «вложил» свой вклад в войну, был ранен. Читатель беспокоится за него, готов даже оправдать. А если бы у него, как и у Исмаила, была возможность, смог бы он сбежать с пол-пути? А если бы потребовалось жизнь отдать за Родину, смог бы он пойти на это без сожаления и раздумий?

Ответы на эти вопросы дает нам дальнейшая судьба Андрея.

Любимые супруги Сейде и Настена встретили своих мужей Исмаила и Ан-

дрея совсем неожиданно. Потом мужья строго-настрого потребовали от своих жен молчать и никому словом не обмолвиться, что они, бежали с фронта. Жены безропотно выполняли приказания своих мужей и даже своей основной обязанностью посчитали прятать дезертиров от людских глаз.

А Сейде, вызванная, по этому поводу в сельсовет, сотруднику НКВД отвечала даже так:

«— не знаю, я ничего не знаю. Его взяли в армию, а больше мне ничего не известно. Сбежал он или не сбежал, я этого не знаю...»

Председателя сельского совета Мырзакула, вернувшегося с фронта калекой, Сейде почти обвинила: «Или ты хочешь, чтобы все вернулись калеками, как ты?»

И все-таки страшная весть о том, что Андрей бежал с поля боя, распространилась по селу. Из слов Настены: «Как тебе в голову взбрело, что я могу поперек тебя пойти? Что ты, Андрей, что ты! Не надо так, ну не надо. Ты посмотри хорошенько, посмотри хорошенько, посмотри на меня, такая я, нет? Неужто не видишь?» мы понимаем, что она не выдаст Андрея.

Свекор Михеич, догадывавшийся, что Настена знает, где его сын Андрей, просит, чтобы хоть разок она его показала. Но Настена, как и Сейде, отказывается: «Я его не видела и не знаю, где он».

Исмаил прячется в горах, в пещере, Андрей — на заброшенной, забытой людьми зимовке. На Сейде и Настену ложится еще одна тяжелая забота — обеспечить

своих мужей питанием. Сейде экономит муку, которая нужна для сынишки, печет из нее лепешки, и все, что добывает в голодающем айле, несет своему мужу: «Пусть Исмаил покушает, пусть Исмаил попьет, мы все-таки дома, даже на воде какнибудь перетерпим». Так же поступает и Настена. Она украдкой приносит Андрею сначала топор, затем доставляет продукты.

Пока Исмаил и Андрей «спасали свою душу», с фронта приходят печальные вести — убиты Байдалы («Лицом к лицу») и Витя («Живи и помни»). Андрей, узнав про это, остается при своем мнении: «Я отвоевался, с меня хватит, не хочу подставлять голову пуле, пусть другие воюют». А Исмаил, услышав от Сейде весть о гибели соседа Байдалы, даже ухом не повел: «Ну и что, если погиб?!».

Постепенно они утрачивают человеческий облик, из людей превращаются в хищников. Исмаил, страдая от голода, стал есть траву. Андрей сравнивает свою жизнь с существованием серого волка: «Если время твое стало волком, сам будь волком».

И все это время Сейде и Настена работали не покладая рук. Обе неузнаваемо изменились, незаметно отстранились от односельчан, замкнулись. Они жалели своих мужей, верили в них, с нетерпением ждали лучших времен. Сейде убеждала: «Пусть он беглец, лишь бы был живой. Мужчине виднее, как ему поступить. Муж и жена всегда вместе в беде и горе, что бы ни свалилось мне на голову, все

должна я вынести». Почти так же думала Настена. «Такая уж судьба, наша жизнь на одной веревочке. Скоро кончится война, и все наладится. Андрею простят. Если даже ему не простят пока, вот рожу ребеночка, ради него все простят».

А Сейде, вызванная, по этому поводу в сельсовет, сотруднику НКВД отвечала даже так:

«— не знаю, я ничего не знаю. Его взяли в армию, а больше мне ничего не известно. Сбежал он или не сбежал, я этого не знаю...»

Председателя сельского совета Мырзакула, вернувшегося с фронта калекой, Сейде почти обвинила: «Или ты хочешь, чтобы все вернулись калеками, как ты?»

Позже Ч.Айтматов, ознакомившись с повестью В.Распутина, очень сожалел по поводу этого эпизода. «Живи и помни» написано сильнее и лучше. Я писал свою повесть в начале пути, он — будучи опытным мастером. Конечно, я не все сказал, что мог бы. Во-первых, побоялся показав Сейде беременной. Я подумал, что она потеряет привлекательность в глазах читателей, будто бы беременность ее унижит. Потом я страшно переживал, когда читал об этом у Распутина. Упустил я это. Во-вторых, я упустил еще один драматический момент. Старушка, мать Исмаила, могла бы помереть, ее надо хоронить, сын должен прийти похороны и не может. И для него, и для Сейде это большая трагедия. И потом, уже после похорон, он крадет к кладбищу, где-то на бугре, в кустах, в зарослях, чтобы его не увидели, он

все время скрывается. И только поздно ночью, во тьме, он подползает к могиле матери и плачет, рыдает...» (Ч.Айтматов — «Я открыл свою землю». — Литературный Киргизстан, 1978, № 6, с. 108).

Однажды ночью Исмаил украл и зарезал единственную корову, которая кормила Тотой и ее маленьких детей.

Поздней ночью, по привычке постучав в окошко, с каким-то башлыком вошел хмурый, как туча, Исмаил. Он небрежно бросил башлык в угол. Сейде потрогала его — что-то мягкое, развязала — торба с мясом.

Вера Сейде в своего мужа, ее светлые мечты, надежды — все мгновенно рухнуло, погасло. Теперь она окончательно поняла, что ее муж, Исмаил, дезертир, предатель своего народа. В финале повести, прижав ребенка к груди, Сейде лицом к лицу выступила против Исмаила. И он не узнал прежней Сейде. Это была другая, незнакомая ему женщина: «Седоволосая, с непокрытой головой, она бесстрашно стояла перед ним, держа в руках сына, и ему вдруг показалось, что она стоит высоко, очень высоко, недоступная в своем скорбном величии, а он бессилён и жалок перед нею». Это была не обычная встреча двух людей, а противостояние правды и лжи, доброты и жестокости, человечности и тирании, иными словами, лицом к лицу встретились положительное и отрицательное, добро и зло, и победило, возторжествовало светлое.

Андрей, подойдя к окраине села, увидел корову, стоящую с телёнком. Не в

силах пройти мимо, он зарезал телёнка...

Прошли дни, месяцы, кончилась война. Вот что пишет об Андрее литературовед А.Теракопян: «Никаких оправданий не оставляет писатель дезертиру. Все было ложью: и слова о любви к Настене, и рассуждения о ребёнке. Не за ребёнка цеплялся Гуськов, за свою жизнь, старался продлить её под любым предлогом. И вот, теперь, предлога не стало. Эти побуждения выступили уже без всякой маскировки»¹.

Настена, поняв подлинный внутренний мир Андрея, бросается в омут и кончает жизнь самоубийством. Но её нравственная высота и душевная чистота заставили покориться Андрея, он всё-таки остался жить.

Вот что сказал в беседе с автором данной работы молодой казахский прозаик М.Сундетов (24 октября 1979 года), касаясь проблем поднятых в двух повестях: — «Конечно, если учесть художественно-эстетические аспекты произведения В.Распутина, оно, безусловно, стоит выше. Но мы должны помнить время, когда были созданы произведения Айтматова и Распутина. Во-первых, Ч.Айтматов пишет сразу же после войны, взяв дезертира, как объект. И это было своего рода смелостью. Почему смелостью? Да потому, что в то время произведения такого плана воспринимались читателями с трудом. Писатель, без страха, мастерски изобразив это явление, проявил большое мужество. Современный же читатель готов понять любое произведение. Поэто-

му общественность приняла произведение Распутина, как обычное. Во-вторых, Ч.Айтматов свою повесть написал в начале своего творческого пути, а Распутин – будучи большим мастером».

Глубокое проникновение Ч.Айтматова и В.Распутина в духовный мир своих героев мы должны рассматривать, как и большое достижение. Оба писателя свои произведения создали на основе острых драматических сюжетов «Айтматов в свое время рассказе «Лицом к лицу» поставил сложнейшую проблему и предложил одно из многих ее художественных решений. Распутин в свою очередь продолжил художественное исследование аналогичной коллизии, обогатив другим, национальным, близким ему жизненным материалом, в духе художественных исканий советской многонациональной литературы 70-х годов»¹.

Возможно, в тематике, сюжете, образах героев, характерах у В.Распутина и Ч.Айтматова есть некоторые сходство, но в их почерке манере изображения, раскрытии художественных деталей есть, немало различий, чего не дает нам основания говорить «кто-то у кого-то взял». Свидетельство тому – четкое, ясное, самобытное изображение в каждом произведении национальных особенностей национального духа. Повесть В.Распутина «Живи и помни» была удостоена Государственной премии СССР.

С другой стороны, В. Распутин не мог не опираться на успехи и художественно-эстетические открытия, достигнутые Айтматовым в повести «Лицом к лицу». Ведь настоящие художники продолжают и совершенствуют лучшие находки своих предшественников и современников. Именно это привело двух писателей к некоторой общности, к совпадению точек зрения при изображении событий военных лет.

Взаимодействия произведений зависят не от возраста писателей, а от их таланта. Например, Ч.Айтматов читав произведение «Живи и помни», говорил, что он теперь мог бы заново написать свою повесть «Лицом к лицу», но это уже ни к чему, так как каждое время дорога само по себе, что Распутин ему очень нравится и он восхищением читает его произведения. Следовательно, можно заметить творческое взаимовлияние и взаимодействие на примере повестей «Живи и помни» и «Лицом к лицу».

Сопоставляя упомянутые произведения, можно прийти к такому замечанию: при создании произведений близких в идейно-тематическом, художественно-эстетическом отношении, основную роль играет общность мировосприятия писателей, их идейно-эстетические позиции.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ И ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

Давид Кугультинов – известный калмыцкий поэт, лауреат как Государственной премии РСФСР им. А. М. Горького, так и Государственной премии СССР. На языках братских народов нашей страны и языках мира звучат его поэтические циклы о Ленине, «Жизнь и размышления», «Душа слова», «Я твой ровесник», поэмы «Сар-Герел», «Бунт разума» и другие произведения. Он активно участвует в общественно-политической жизни страны.

Давид Кугультинов большой друг Ч.Айтматова. Это подтверждается поэмой, созданной известным поэтом и посвященной писателю. И Айтматов с большим уважением относится к его творчеству, ставшему уникальным явлением поэзии. Название к своей книге «В соавторстве с землёю и водою...» Чингиз Айтматов взял из кладовой поэзии Д. Кугультинова. Во время шестидесятилетия великого поэта Калмыкии Ч. Айтматов находился в Америке. Но и оттуда, не забывая о знаменательном дне друга Чингиза выслал поздравительную телеграмму: «Дорогой Давид, в твоём лице кланяюсь калмыцкому народу, его земле, его истории и современности. Сожалею очень, что

по причине вылета в Нью-Йорк с приглашением в ООН не могу прибыть на твой юбилей, но я знаю давно, что ты велик не только духом, но и пониманием друзей. Находясь над Атлантикой, буду думать о тебе, выдающейся личности нашего времени».

В перерывах между работами VIII съезда писателей Киргизии Давид Кугультинов нашёл время, чтобы поделиться со мной о дружбе, о молодости, о творчестве, о личности Чингиза Айтматова.

Чингиза он знает давно. «Случилось так, – рассказывал он, – что в 1957 году я поступил в Москве на Высшие литературные курсы. Айтматов тоже учился там. Мы познакомились в эти годы. С тех пор, и до сегодняшнего дня продолжает наша дружба».

Мы узнали, что Чингиз Айтматов вступил в партию, учась на литературных курсах. Там они сдружились с К. Кулиевым, который знал Чингиза ещё мальчиком, т. е. работал во Фрунзе. Среди слушателей курса особо отличался Ч. Айтматов. Он отличался своей напористостью, любознательностью, неуёмным интересом ко всему, что читалось преподавателями. Профессора даже стали побаи-

¹ Теракопян А. Послесловие/В кн.: Распутин В. «Живи и помни». – М.: Известия, 1977. – С. 582.

ваться его, так как он задавал массу вопросов. Другие слушатели хотели, чтобы занятия прошли побыстрее, а Чингиз наоборот. У него было огромное желание много знать. С большим вниманием он слушал лекции преподавателей и профессоров. Вся аудитория чувствовала как Айтматов выжимает из профессоров их знания и вливает в себя. Его стремление взять у них знания исходило из того, что, вероятно, ещё тогда Ч. Айтматов предчувствовал свой грядущий путь, своё будущее. Писатель должен быть образованным человеком, ибо всё, что написано писателями, должно быть достоверно, соответствовать истине.

В беседе Давид Никитич приоткрыл нам ещё одну черту характера своего друга. «Чингиз был абсолютно честным. Я имею ввиду его обучение на высших литературных курсах. Если ты приехал в Москву на три года, то эти годы ты должен не просто смотреть на красивые улицы столицы и наслаждаться ею, а работать, пополнять своё образование. Вы знаете его биографию. Литературное образование ему было необходимо. Хотя писателю нелишни сельскохозяйственные знания, литературные ему были нужны профессионально. И Чингиз навёрстывал упущенное, навёрстывал с лихвой».

Время, пржитое Ч. Айтматовым в период обучения на высших литературных курсах в Москве, не прошло даром. Находясь в познавательной среде, утопая в книгах, Чингиз ощущает живой путь литературного процесса. Тогда-то он и написал свою «Джамилю». Это первое

произведение, которое прозвучало так широко и сразу дало писателю имя.

«Чингиз работает неторопливо, – говорит Давид Кугультинов, – но очень требовательно по отношению к себе. И это, может быть, отличает его от тех других его коллег, от братьев по перу.

Если взять произведения Ч. Айтматова, – размышляет поэт, – вошедшие в 3-х томник и поставить рядом все, что он написал, то бросается в глаза абсолютная непохожесть их друг на друга. У иного автора достаточно прочитать одну-две книги, остальные чем-нибудь да будут похожи. У Ч. Айтматова этого нет. Возьмите «Тополёк мой в красной косынке», «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», «Пегий пёс, бегущий краем моря», «И дольше века длится день». То есть все они совершенно разные. Это разные миры. И прочтя эти книги мы обращаемся к многообразию всей жизни. Поэтому, каждая книга Ч. Айтматова – это особое явление в литературе, не говоря уже, что в киргизской, это особое явление в советской и более того, – в мировой литературе. Ведь Ч. Айтматов никогда не старается удивить читателя».

У Чингиза так: «Я вижу это вот так. Я – Чингиз Айтматов, и об этом, как я вижу, – рассказываю. Как ты видишь, читатель, – это дело твоё. Посмотри». И тогда читатель становится, как бы равноправным автором и уже соавтором строительства той жизни, к которой призывает Ч. Айтматов. Отношение читате-

ля к жизни проходит через призму прочитанного айтматовского произведения, через то, что он сам становится философом. Читатель заражается книгой, открывая для себя новый мир, обогащая и очищая свой разум и душу. «Чингиз Айтматов идёт в литературе совершенно своим, индивидуальным путём. Он делает своё открытие мира и открывает его читателям. Его партийная и гражданская преданность литературному делу не дают ему краснеть назавтра. Его книги настолько современны, что мыслящий читатель через них разглядывает себя в «завтра», в «послезавтра». А видеть себя сквозь будущее – это значит жить и создавать жизнь. В свои произведения Чингиз Айтматов закладывает энергию жизни. Эта энергия не только даёт возможность увидеть завтрашний день, но и ведет к нему, спасая его».

Рассуждая о романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» Давид Кугультинов сказал: «На страницах этого романа сосредоточены все тревоги мира. И самое удивительное то, что волнующие жизнь вопросы, которые должны бы обсуждаться в Президиуме Академии наук, пропущены через рабочего железнодорожной станции – Едигея. Они получают такое разрешение, которое не раз подтверждает простоту проблемной истины». «Если взять «Белый пароход», то люди, в основном литературоведы, находят в ней тему экологии».

На самом же деле у Айтматова всегда, во всех его книгах существует «вчера». Это «вчера» существует для того, чтобы

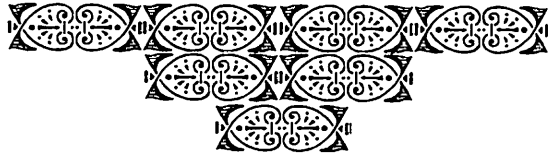
обосновать сегодняшний день. Чтобы каждое «сегодня» не было мертворожденным, а стало корнем для роста дерева будущего. Если писатель пишет без «корней», то в его произведениях будет сухой шум. У Айтматова во всех произведениях существуют «корни», живые корни во времени. Вот почему его книги, его «яркий восток» заряжен оптимизмом. И непременно этим зарядом одаряют читателя. Сила художественного образа заключается в том, что этот образ, как будучи гигиеничным, всегда вбирает в себя всеобщее, закономерность их.

Выступая с трибуны VIII съезда писателей Киргизии Давид Кугультинов сказал, что киргизскую литературу он представляет большим лесом, над которым возвышается самое высокое дерево. В дереве, растущем в голой степи, невозможно увидеть ни величия, ни высоты. А в большом лесу одно из деревьев обязательно выделится примечательностью. Этим самым высоким деревом Д. Кугультинов считает Ч. Айтматова, а большим лесом – киргизских писателей. Он сказал: «Когда я бываю в разных странах мира и называю имя Чингиза Айтматова, то я как бы предъявляю паспорт: гражданином какой литературной страны я являюсь. Имя Чингиза Айтматова сразу говорит и обо мне, потому что его знают всюду».

В этой искренней и большой дружбе двух великих людей чувствуется дружба двух народов. И дело их последователей, их преемников – усилить, укрепить, расширить такую дружбу, которая обогащает казну литературы.

РАЗГОВОРЫ С АЙТМАТОВЫМ

1. Человек своего времени

Глубоко исследуя интересную проблему «Достоевский в художественном мире Айтматова», молодой профессор страны Восходящего солнца, литературовед Тэцуо Мотидзуки прибыл во Фрунзе для сбора материала на эту тему. Читая лекции по русской литературе студентам университета Хокайдо, находящегося в Саппоро, он дает обширные понятия о взаимосвязях литератур. Беседуя с гостем, я напомнил ему, что героем первого произведения киргизского писателя («Газетчик Дзюйю») является японский мальчик, а в пьесе, написанной в соавторстве с казахским драматургом К. Мухамеджановым, фигурирует гора Фудзияма. В свою очередь Тэцуо рассказал об огромном интересе японских читателей к произведениям Ч. Айтматова, о переводе таких его произведений, как «Материнское поле», «Белый пароход», «И дольше века длится день». Затем он показал мне свои статьи, опубликованные в его стране и посвященные творчеству писателя. Мы прочитали его статью в русском переводе. Автор постарался дать в ней характеристику главным героям, острой актуальнос-

ти, глубокому значению и ювелирному решению проблем, поднятых в романе «Плаха». Его размышления вызвали большой интерес и я задал вопрос:

– *Мы стремимся найти общее во взглядах Айтматова и режиссера Курасавы на Искусство, более того, ведь эти маститые личности взаимно уважают друг друга. Как вы смотрите на это?*

– Я, – отвечал гость, – тоже пришел к выводу, что есть много общего между нашим Акирой Курасавой и Айтматовым. Их обоих волнуют одни и те же проблемы. Оба они решительно берутся за мировые проблемы, волнующие человечество. Их герои даже похожи характерами. Это сильные люди с широкой натурой. На мой взгляд, самое главное тут то, что они сумели как бы из древности устремить свой взор в далекое будущее.

Мысль Тэцуо Мотидзуки о встрече с Айтматовым была взлелеяна давно, и он был полон надежды. Из первой же беседы с ним стало очевидно, что его цель не осуществится полностью, если он уедет, не поговорив с Айтматовым. И мы подготовили много вопросов.

Я известил Чингиза-ага о приезде Тэцуо Мотидзуки, и Айтматов пообещал выкроить для этого время, несмотря на занятость работой над новым романом.

– *Расскажите об отношении между искусством и обществом. Какова роль писателя в обществе?*

– Это общий вопрос, – сказал Айтматов. – Я думаю, что в культуре любого народа современная литература играет колоссальную роль. Потому что литература способна увидеть и выразить мир в образах. А это имеет особую силу, особое воздействие на сознание и эмоции. Поэтому ведь и в прежние дописьменные времена существовали народные певцы, поэты, сказители. И уже тогда их художественное слово имело большое воздействие. Тем более это верно сейчас, когда слово обрело силу печатного текста. Оно сохраняется, оно передается, оно действует во времени и пространстве. Литература в современном мире играет очень заметную роль в формировании общечеловеческой культуры в целом и духовного облика читателя. Конечно, это не значит, что литература должна быть дидактичной, нравоучительной, не в этом суть. Суть в том, что каждый соприкасающийся с большой, настоящей литературой познает себя, свое время, и это имеет огромное значение для осмысления им своего человеческого назначения. Думаю, что эта точка зрения общепринята. Хотя мы пытались иногда подчеркнуть, что наша литература и искусство особые. Но, как показывает жизнь, все-таки так обособлять,

изолировать их нет смысла, потому что в любом обществе, при любой идеологии литература должна, так сказать, преследовать высшие человеческие идеалы.

– *Как Вы лично относитесь к таким писателям, как Набоков?*

– Набоков – это очень большой европейский писатель, хотя он русский происхождением. Он сейчас воспринимается как видный писатель XX века. Как главный редактор журнала «Иностранная литература» должен сказать: мы «очень заинтересованы тем, что им написано на английском языке. И мы постараемся опубликовать эти его вещи.»

– *Чингиз Тореккулович, думается к легендам, к мифам нужно относиться очень осторожно?*

– Может быть, Вы правы. Если подходить к мифу с какими-то историческими, политическими мерками. Но ведь существует еще один аспект восприятия, когда миф рассматривается как художественное произведение, которое родилось в определенную эпоху, при определенном образе жизни, при определенном восприятии. В таком случае каждый миф должен рассматриваться как художественная ценность. Даже если это будет, предположим, миф о величии или о небесном положении императора, все равно в нем содержится какая-то художественная ценность. Но миф, конечно, всегда является продуктом гиперболической импровизации. В этом его красота и особенность. Даже муравей в мифе сможет выступать как слон. Но это прием. Это прием чисто

художественно-психологического плана. Миф имеет свои законы, свои особенности воздействия. Вот эпос «Манас». Это героическое сказание, там персонаж Манас – личность и т. д.

Но в мифах много особых художественных свойств. Например, когда Манас должен был родиться, мать почувствовала изменения в себе, ей захотелось съесть сердце тигра. Вот начало мифа. Она сказала своим людям: «Я узнала, что знаменитый охотник убил тигра, я хочу съесть сердце этого тигра». Табунщик скачет туда. Этот табунщик был в какой-то мере шутник. Возвращаясь, он увидел в одном месте погибающую от неправильных родов лошадь. Ее зарезали, и он взял ее сердце, оба сердца он положил в мешок, и когда привез, то уже не знал, какое сердце тигровое, а какое лошадиное. Женщина рассердилась, и тогда она съела оба сердца. Когда родился мальчик, он оказался таким сильным, что еще в детстве был способен на поступки, которые непосильны и взрослому.

У каждого народа свои мифы, свои легенды, свои предания. Слагая эти мифы, легенды, художественное мышление того и иного народа достигает каких-то особых высот и особого своеобразия. Миф, предположим японский, никогда не будет похожим на наш миф. Почему? Потому, что далеко живем, разная история, разные судьбы народа.

Мифы могут оставаться в истории сами по себе, а последующих веках они могут изучаться специалистами как сокровища

фольклора, но они могут быть использованы и современными писателями. Они берутся как сырье, как полуфабрикат. Таково мое восприятие. Но это, я должен заметить, свой текст, своя художественная система. Сохраняя самобытность, она помогает обогатить и увидеть мир по-новому. Это прием. И в то же время это какое-то, так: сказать, включение современного мышления в прошлое художественное мышление. Я думаю, я не один, а многие сейчас прибегают к этому, особенно писатели Латинской Америки. Проза там очень сильная, яркая. И она очень сильно опирается на мифы.

– В «Плахе» Вы употребляли такое выражение – «исторический синхронизм»...

– Если есть у вас что представить, если вы обогащены прежними историями, прежними мифами, или предположим, книгой типа Библии, если вы все восприняли, все усвоили, если можете все заново воспроизвести мыслями и одновременно находиться в данном своем времени, вы можете уходить в синхронизм, то есть единство времени исторического, хотя вы живете в совсем другой эпохе. Вот что я имею в виду.

– Современный человек сможет ли осмыслить мифологическое мышление?

– Думаю, что может. В конце концов, любое сказание, даже литература современная может обращаться к прошлому. Фантастика – дело другое, другой жанр. В реалистическом сказании речь всегда о том, что произошло или происходит в

данный момент. Но современный читатель, если у него есть подготовка, мыслит шире. Почему, в школах стремятся воспитать человека широкого культурного диапазона? Он должен знать по мере возможности все, что было «до этого», все эпохи, все исторические события, все культурное наследие. Тогда поле его восприятия становится гораздо обширнее. Что было, предположим, в Древней Греции? Если он знает мифологию, он сможет представить себе образ мышления людей того времени и лучше понять его. Это будет особый мир и особое понимание. Он проникнется тем, что хотели сказать в мифах Древней Греции. – Если этого он не знает, если он не готов, тогда это для него закрытая тема. Все зависит от степени внутренней подготовленности.

В повести «Прощай, Гульсары» подключается миф – «Песни охотника». Это траурная легенда, с ней совпадает настроение главного героя. А в другом случае легенда будет иметь самостоятельное значение, она включается в произведения и несет свою нагрузку. Вот, например, сказание о манкурте. Сейчас этот образ стал очень популярным. Он расширился, видоизменяется.

– Когда читаешь роман «Плаха», особенно рассказ о волках, перед взором встают словно живые кинокадры.

– Да, возможно. Очень сильно воздействует на нас кино. Мы ведь смотрим кино с детства. Кроме того, я много лет проработал в тесной связи с киноискусством.

И сам чувствую, что где-то мыслю, и представляю средствами кино.

– У вас много общественной работы...

– Мы все – люди своего времени. Общество и человек должны быть в нерасторжимом единстве друг с другом. Каждый по мере своих сил обязан способствовать развитию общества, и в этом смысле я – сын своего времени.

... На столе писателя лежат рукописи. Никто не сомневается, что в них содержатся новые глубокие мысли, которые будут высказаны человечеству. Было известно, что в скором времени в руках читателей всего мира окажется еще одно большое произведение. Давняя мечта узнать его название подталкивала на вопрос. Чингиз-ага дал знать, что отрывки из романа предполагается опубликовать, в журналах «Огонек» и «Ала-Тоо», а о сущности проблем и героях не счел уместным распространяться.

Вновь и вновь телефон нарушал тишину, писатель отвечал на каждый звонок, решая важные вопросы...

Да, я знал о готовящемся к публикации в журнале «Ала-Тоо» отрывке из нового произведения под названием «Бахиана». Невозможно сделать общий вывод из отрывка, хочу просто сказать, что Бахиана – имя девушки. Вполне возможно, что оно станет среди народа таким же популярным, как Джамия, Асель, Бегимай. Я назвал Тэцуо имя девушки, он удивленно задал ответный вопрос: «А разве у киргизов многоупотребляемы такие имена?!»

Чингиз-ага пожелал Тэцуо, чтобы он чаще приезжал в Киргизию и чтобы мечты его в науке осуществились.

2. «Если огонь не поддерживать, он погаснет»

Когда, оказавшись за пределами Киргизии, заводишь разговор с кем-нибудь, сведущим в литературе, собеседник непременно переходит к разговору об Айтматове и его творчестве. Так же бывает и при общении с гостями нашей республики. Один из таких собеседников – литературовед из Индии Насар Шакил Руми – не стал скрывать, что одной из причин его приезда во Фрунзе было желание встретиться с Айтматовым. Автор этих строк встретился с молодым индийским литературоведом.

– *Насар, несколько слов о себе, пожалуйста...*

– Я родился и вырос в городе Сринагар, столице северного штата Индии, Кашмир. Там же окончил школу. Мой отец, заведующий кафедрой языка и литературы урду в Кашмирском университете, первый раз посетил Москву в 1974 году. О своей поездке он написал книгу под названием «Рассказ о моей поездке в СССР».

После школы я поступил в центр русских исследований при университете имени Джавахарлала Неру в Дели. После окончания курса по русскому языку, русской и советской литературе, мне выпала судьба поступить в Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова на

кафедру истории советской литературы, где и сейчас учусь в аспирантуре.

Я занимаюсь творчеством вашего земляка, и тема моей диссертации звучит следующим образом: «Художественный психологизм прозы Чингиза Айтматова». И это не случайный выбор. С полным убеждением могу сказать, что среди современных советских писателей Чингиз Айтматов является самым популярным мастером слова в нашей стране. Широкую популярность приобрели «Первый учитель», «Белый пароход», «Прощай, Гульсары!» и другие его произведения. Повесть «Джамиля» была переиздана много раз. Книги Айтматова переведены на все языки народов Индии.

– *Совсем недавно Национальный драматический институт Индии поставил спектакль «Восхождение на Фудзияму». Удалось ли Вам его посмотреть?*

– Постановка этой пьесы, которую я имел возможность посмотреть, была еще одним шагом вперед для индийской драматургии, развивающейся быстрыми темпами. О большой популярности спектакля можно судить по десяткам статей, рецензий, появившихся в печати Индии.

Спектакль дал представление о современной советской драматургии, с которой, к сожалению, до сих пор индийская общественность очень мало знакома.

– *Насар, как Вы познакомились с произведениями Чингиза Айтматова? Почему хотите написать научный труд, связанный с творчеством киргизского писателя?*

– Творчество Айтматова, насыщенное социальным содержанием, дает пример плодотворного обращения к актуальной проблематике, волнующей любой народ, и индийский, в частности. Сам факт, что писатель был удостоен недавно Международной премии имени Джавахарлала Неру, говорит о многом. Мое желание работать над вопросами творчества Айтматова, думаю, вполне естественно.

Речь в работе пойдет о проблематике, связанной с изучением художественного психологизма, со спецификой его проявления в творчестве Айтматова. Объект исследования считаю чрезвычайно широким и многогранным. Цель диссертации – выявить сочетания индивидуальных и социальных моментов во внутреннем мире героев писателя.

Мое первое знакомство с творчеством Чингиза Айтматова состоялось, когда я в первый раз читал «Белый пароход». Эта повесть до сих пор остается моим самым любимым произведением.

А «Джамиля» стала, пожалуй, самым популярным произведением Чингиза Айтматова в Индии. В этой повести затронута чрезвычайно важная проблема, стоящая перед сегодняшней Индией, где еще существуют феодально-патриархальные пережитки. Проблема места женщины в обществе, проблема эмансипации не нова и для самой индийской литературы.

...Индийский литературовед рассказал также о многочисленных литературных вечерах, научных конференциях, посвященных творчеству Айтматова, о рецен-

зиях, статьях, монографиях, исследующих произведения киргизского прозаика.

В момент знакомства с Насаром Шакилом автор этих строк получил задание редакции еженедельника «Кыргызстан маданияты» взять интервью у Айтматова. Задание было серьезное, вопросы, которые я должен был задать писателю, были давно обдуманы, но теперь, когда мы решили встретиться с писателем вместе с гостем из далекой Индии, пришлось эти вопросы пересмотреть, убрать лишнее, добавить кое-что новое.

Встретиться с писателем было трудно. Мы прекрасно знали, что у него сложно со временем, что ему дорога каждая минута, к тому же именно в это время Айтматов готовил к публикации свой новый роман и плюс ко всему этому близился VIII съезд писателей Киргизии, подготовка к которому отнимала у Чингиза Торекуловича много сил и времени. Прямо вот так вот идти к нему и просить принять нас, мы не решались. Помогла случайность. Встретившись с ним в Союзе писателей, я рассказал ему о Насаре Шакиле, о том, что он хотел бы принять участие в работе съезда писателей республики, о задании, которое я получил в редакции. Писатель не стал ссылаться на нехватку времени и назначил нам время аудиенции.

На другой день мы были в приемной Айтматова. Чингиз Торекулович принял нас радушно, с улыбкой.

– *Чингиз Торекулович, позвольте нам еще раз поздравить Вас с присуждением*

Международной премии имени Джавахарлала Неру.

– Спасибо.

– Индийские читатели хорошо знакомы с такими Вашими произведениями, как «Джамилля», «Первый учитель», «Материнское поле», «Прощай, Гульсары», «Белый пароход». Во многих индийских городах проводятся литературные вечера и научные конференции, посвященные Вашему творчеству, в центральной индийской печати публикуются рецензии на Ваши книги, литературоведческие статьи, затрагивающие различные аспекты Вашего творчества. Индийский народ знает Вас, как неумолимого борца за мир, как выдающегося общественного деятеля, не жалеющего сил для укрепления мира между народами. Широко известны Ваши многочисленные, очень теплые высказывания о великой дочери индийского народа Индире Ганди. Когда и как Вы познакомились с ней?

– Мне повезло, я был довольно близко знаком с Индирой Ганди. А познакомились мы в 1966 году. Мне было поручено возглавить небольшую делегацию писателей и артистов, отправляющуюся в Индию. В Дели Индира Ганди пригласила нас в свою резиденцию. За чашкой чая состоялась тёплая непринужденная беседа. Позднее она посетила одно из наших мероприятий. На этом литературно-художественном вечере сначала выступил я, потом кто-то из моих коллег, а в заключение состоялся небольшой концерт. У меня есть и фотография, на которой я

снят рядом с Индирой Ганди. Позднее у нас с ней было много встреч. У меня всегда было какое-то особое чувство к этой выдающейся дочери Индии.

– Чингиз Торекулович, на сегодня Вы один из самых знаменитых писателей планеты. Ваши произведения давно уже шагнули за пределы Советского Союза. Ваш голос слышен сейчас во всех уголках планеты, и день от дня число Ваших читателей растет. Ощущаете ли Вы эту свою славу как писателя?

– Популярность меня не пьянит. Но она предоставляет такие возможности, которые хотелось бы использовать с большой продуктивностью. Недавно в Дели была осуществлена постановка пьесы «Восхождение на Фудзияму». Пришло письмо, в котором сообщалось об успехе спектакля: В этом же письме была просьба прислать что-нибудь новенькое для театра. Но увы, ничего новенького в тот момент у меня не было. Иногда прямо охватывает досада, что не можешь в полной мере использовать подобные возможности. Но бывает и так, что эта известность, популярность надоедают, мучают. Если не поддерживать огонь, то он погаснет. Но я стараюсь не гасить свой огонь. Скоро в журнале «Новый мир» увидит свет мой новый роман.

– Можно попросить Вас подробнее рассказать об этом романе?

– Рассказывать о нем трудно. Очень трудно. Скажу лишь, что он затрагивает наши сегодняшние, воистину современные проблемы.

– Чингиз Торекулович, что, по-вашему, сыграло главную роль в становлении Вас как писателя?

– Видимо, жизнь, жизнь, которую я видел вокруг себя, которую прожил, которую изучал.

– Читатель, внимательно следящий за Вашим творчеством, наверняка заметил, что вы в своём творчестве начали с небольших рассказов, затем Вашим любимейшим жанром стала повесть, а сейчас Вы пишете романы. Чем можно объяснить это?

– По-моему, здесь нечего и объяснять. Это самый обыкновенный закономерный путь перехода от «самых малых форм» ко все более сложным, масштабным формам. Правда, есть писатели, начинающие прямо с романа, даже с трилогии. Вольному воля, как говорится.

– Какова, по-вашему, роль интуиции и творческого вдохновения в творчестве писателя?

– По-моему, это весьма интересная, и в то же время трудная для исследования, проблема. Все, или почти все, можно объяснить как логически вытекающее одно из другого. Однако, понять природу интуиции и вдохновения сложно, и тем более сложно объяснить. И все же я придаю особое значение интуиции. Мы ведь лишь не можем вместить ее в какие-то понятные рамки, логически доказать ее существование, ее роль в творчестве. Иногда я даже думаю, что интуиции принадлежит главенствующая роль в литературном творчестве. Ведь предчувствие, оза-

рение помогают писателю предвидеть ход событий в своём произведении, помогают написать правдивые, жизненные образы. По-моему, творчество немислимо без озарения, без интуиции.

– Вы составляете план в начале работы или он складывается сам в процессе работы над новым произведением?

– Бывает по-всякому. Иногда в процессе работы, иногда до. Здесь нет точного рецепта.

– Говорят, что образы героев произведений не всегда получаются такими, как их задумал автор, что образы эти самостоятельны. Бывают случаи, когда образ, который по замыслу автора должен быть положительным, получается отрицательным, и наоборот. Вы согласны с подобным утверждением?

– Это весьма спорное утверждение. Ведь постановка вопроса, его решение зависят от автора. Если он почувствует, что задуманное не осуществляется, то ведь он в любую минуту может переделать произведение, исправить допущенные ошибки.

– Чингиз Торекулович, сейчас и советская художественная литература и наша критика уделяют большое внимание психологическому анализу. Это вниманием обусловлено прежде всего стремлением исследовать всю сложность духовного мира нашего современника, познать уровень его мышления. Художественный психологизм, дает писателю возможность глубже проникнуть в суть

человеческой деятельности, изучить внутренний мир человека во всей его сложности. Каково Ваше мнение о роли художественного психологизма в современной прозе?

– Психологизм – это, я думаю, необходимое, неотделимое качество реалистического искусства. Раньше художественное мышление удовлетворялось каким-то почти сказочным описанием событий, характеров. Например, характеристика героя решалась очень просто – скажем, вот этот храбрец, тот мудрец, а этот злодей. Для характеристики было достаточно двух-трех слов. Но для реалистического искусства этого было недостаточно. Необходимы были новые изобразительные средства, необходимо было, изображать жизнь таковой, как она есть, – без прикрас, со всеми тонами и полутонами. А это можно осуществить, лишь вжившись

в образ изображаемого героя, тщательно изучив его психологию. И потому я считаю психологизм как первейший элемент реалистического искусства...

...Во время нашей беседы беспрестанно звонили телефоны. Однако Чингиз Торекулович не реагировал на звонки и отвечал на наши нескончаемые вопросы, а мы, взволнованные общением с писателем, ловили каждое его слово. Но вот время беседы подошло к концу. Мы попрощались, пожелав Чингизу Торекуловичу здоровья и творческих успехов.

Потом, выйдя на улицу, я спросил у Насара, волновался ли он во время беседы.

– Еще бы. Это, наверное, от чувства почитания. Сейчас я понял, что Айтматов не только великий писатель, но и очень обаятельная личность, гуманист, Человек с большой буквы.

БЕЛОЕ ОБЛАКО ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА ОБЕРЕЖЕТ НАС ОТ БЕД...

Я плачу, сижу и плачу. Буду плакать ещё, буду плакать в душе всю жизнь. Словно селевой поток прошел по душе, опустошил и смыл все, что было спокойно и хорошо. «Опустела без тебя Земля» поется в прекрасной старой песне, но только теперь я понял и ощутил всю бездонность и безнадежность этих простых по сути слов... Мгновенно жизнь потеряла всякий смысл, всё обездвижило, наступила пронзительная тишина, ни запахов, ни красок, ни звуков...

Вчера еще я шел рядом с Ним, говорил, делился планами, советовался! Все знаем, что у каждого из нас существует определенный свыше жизненный предел, но мы верили, почти были уверены, что Чингиз Торекулович проживет дольше, хотя бы до ста... Кто ожидал, что эта несправедливая неизбежность наступит так скоро!..

Словно кадры немого фильма перед мысленным взором проходят последние четверть века с небольшим моей жизни, проведенные пусть и не всегда рядом, но всегда с Айтматовым. Судьба преподнесла мне бесценный подарок: встречу с ге-

нием, который стал мне по сути духовным отцом, заботливым и требовательным. В 1978 году, будучи молодым преподавателем Ошского педагогического института, смотрел по телевизору торжественный вечер в театре оперы и балета – 50-летний юбилей Ч. Айтматова. Помню, подумал тогда, что было бы хорошо получить автограф писателя, чтобы показывать своим студентам и будущим детям. Видно Всевышний услышал мое желание и, будучи в хорошем расположении духа, воздал сполна. За многие годы между нами установились отношения полного доверия и теплых чувств. Восемнадцать лет назад Чингиз Торекулович написал мне: «Верю тебе как самому себе». Эти слова стали жизненной программой моего отношения к великому писателю.

Вновь перед моим мысленным взором образ Айтматова. На праздновании 60-летия писателя в его родном Шекере в присутствии известных людей страны я сказал: «Была бы возможность, каждый кыргыз отдал бы по одному году своей жизни, чтобы продлить жизнь Айтматова». Да, многие из нас готовы были это сделать.

Никогда не думал, что стану главным организатором проведения 70-летнего юбилея Чингиза Торекуловича. В соответствии с Постановлением Правительства Кыргызской Республики на меня была возложена обязанность возглавить создание пятитомного академического издания произведений Айтматова и проведение международной конференции «Чингиз Айтматов и мировая культура». И вот теперь, готовясь отметить 80-летие писателя, мы сидим оглушенные неожиданным известием...

Последний раз виделся с Чингизом Торекуловичем 11 мая, когда согласовывал с ним список ученых, писателей, общественных деятелей, приглашаемых на юбилейную конференцию. Было что-то незнакомое мне в словах, взгляде писателя. Он сказал, что будет в Алматы, Москве, Казани, попросил немного отложить запланированные на ближайшее время мероприятия... Что-то подспудно беспокоило меня, я подумал, когда увидимся теперь, но это легкое беспокойство оказалось отодвинутым вглубь сознания иными мыслями. Конечно, и в кошмарном сне не привиделось бы, что это последняя наша встреча...

Назавтра, 12 мая после обеда позвонил Чингизу Торекуловичу, сказал, что хочу проводить, он сказал: «Не волнуйся, я уже выезжаю, свяжемся». Почему я не проводил его тогда?! Он позвонил мне 13 мая утром из Алматы, попросил

взять бумагу в Министерстве иностранных дел. Вечером он позвонил опять и попросил поддержать эти бумаги у себя до его приезда. Тот последний разговор, голос Айтматова до сих пор стоит в моих ушах, отдаваясь эхом в мятушейся душе...

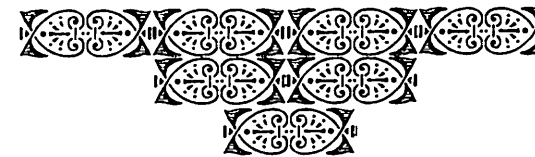
Все читатели мира вздрогнули и всплакнули при вести о кончине любимого писателя. Если бы собрали все слезинки, получилось бы озеро Иссык-Куль! Если бы собрали горестные мысли читателей, получилась бы гора высотой со священную Фудзияму!..

АЙТМАТОВ был для нас духовным КОСМОСОМ, через него мы связывались со ВСЕЛЕННОЙ, а ОНА через АЙТМАТОВА связывалась с нами. Теперь во ВСЕЛЕННОЙ нет ни КОСМОСА, ни АЙТМАТОВА!.. В мире наступил Апокалипсис...

14 июня на рассвете видел во сне спящего Чингиза Торекуловича, ничто не изменилось на одухотворенном лице писателя. Крепко спит великий властитель душ, крепко, но чутко, вот-вот очнется...

Прощаясь у Филармонии, взглянул в небо. Редкие облака, словно журавли, летели куда-то вдаль. Теперь и наш гениальный писатель присоединится к ним, чтобы плыть в бесконечность. Уверен, БЕЛОЕ ОБЛАКО Чингиза Айтматова обережет нас от «бед нелюдских» и будет дарить НАДЕЖДУ?..

«Аалам», 14 июля 2008 г.

«ПОСЛЕ СЛОВ О ГАЧЕВЕ АЙТМАТОВ СРАЗУ ПОГРУСТНЕЛ...»

Мы побеседовали с директором Национального центра манасоведения и художественной культуры Кыргызской Национальной академии наук, литературоведом, профессором Абдылдажаном Акматалиевым, который близко знал великого писателя Чингиза Айтматова как в плане творческого взаимодействия, так и в плане семейных взаимоотношений.

– Вы в жизни общались с нашим великим писателем Чингизом Айтматовым. Не могли ли бы Вы рассказать нам о его последних днях?

– Мне нелегко вспоминать о Чингизе Торекуловиче. В апреле он вернулся в Бишкек из Астаны. После теплого приема у казахского президента Нурсултана Назарбаева он находился в бодром, приподнятом настроении. Ведь, как говорили наши предки, «Доброе слово веселит душу!» Радуюсь тому, что Астана стала очень красивым столичным городом и развивается по мировым стандартам, он не скрывал, что разделяет успехи братского казахского народа. Он был назначен советником одного из крупных бан-

ков Казахстана – «Туран» банка, получил жилье в Алматы и создались очень удобные условия для продолжения творчества. Раза два-три он также съездил в Алматы по житейским и общественным, творческим делам.

Мы снова и снова уточняли график его участия в прямом разговоре с читателями газеты «Вечерний Бишкек», так как Чингиз Торекулович был занят и постоянно сдвигал его время. В конце концов остановились на конце мая месяца. В середине апреля в кыргызско-турецком университете «Манас» должна была проходить неделя, посвященная творчеству писателя. Это мероприятие готовила профессор Лайли Укубаева, а я должен был обеспечить участие в ней Чингиза Торекуловича. Я устроил встречу ректора университета С. Кайыпова, декана И. Шахинди и помощника декана С. Сапаралиева с Айтматовым. Сам же я буквально перед этим мероприятием уехал в командировку в Джалал-Абад и не смог принять в нем участие. Однако мой сын Эльтуран повсюду ездил с Чингизом Торекуловичем на машине. Вернувшись из Джалал-

Абада, я отправился к Айтматову. Он только что вернулся из бассейна. Мы поговорили за чаем, он отметил, что встреча в университете «Манас» прошла очень хорошо. Особенно взволновала его встреча в кыргызской школе № 5. Он снова и снова говорил о том, как благодарен детям. Чингиза Торекуловича много приглашали в разные места, и повсюду он ездил с Эльтураном. Иногда извинялся, что отнял у него время, что, вероятно, отвлек его от занятий. «Кому же, как не Вам, он может послужить, ведь даже своим именем он обязан Вам. Лишь бы он оправдал Ваше доверие», – отвечал я. «Смотри, как летит время, тогда, давая ему имя, я и подумать не мог, что однажды он будет возить меня на машине», – искренне изумлялся он. К тому времени, уже в течение двух лет сын проводил больше времени с Айтматовым, чем со мной, они очень сдружились, сблизилась. Я очень этому радовался...

30 апреля, в связи со срочной поездкой в Алматы, он попросил передвинуть на другое время встречу в мужском лицее образовательного учреждения «Себат» имени Чингиза Айтматова. Я поговорил с вице-президентом учреждения господином Джафаром, и мы перенесли встречу на 7 мая. Сам я съездил на научную конференцию, посвященную 80-летию покойного академика Заки Ахметова, и 6 мая вернулся из Алматы. Поговорили с Чингизом Торекуловичем по телефону. Он рассказал, что 5–6 мая вместе с Эльтураном сходил в филармонию. Назавтра,

7 мая, в 10:00 мы встретились в гостинице «Пинара – Ак-кеме». Айтматов беседовал с гостями, приехавшими из Италии. Вместе с ним и моим однокурсником Курманбеком Абакировым мы на одной машине поехали в кыргызско-турецкий лицей. Руководители лицея встретили нас с цветами. Мы сфотографировались вместе с моим однокурсником Курманбеком, а также сотрудниками Академии образования Абдыкеримом Муратовым, Садыркулом Субановым, Мадиной Касымгельдиевой и другими. Это была наша последняя фотография с Айтматовым. Чингиз Торекулович с большим вниманием посмотрел отрывок из спектакля, подготовленного по произведению учащихся, выслушал программу художественного чтения, ответил на вопросы. После встречи втроем-вчетвером мы поехали обедать в Вефа-центр. Рядом со мной сидел Садыркул Субанов из Джалал-Абада. Я представил его как «Дюйшена XXI века». Между Чингизом Торекуловичем и Садыркулом Субановым сразу же завязался живой разговор о воспитании и знаниях учащихся, школьных проблемах, подготовке молодых учительских кадрах. «В России, в сельских школах в одном классе осталось только по пять-шесть учеников, а у нас положение лучше. Нельзя допустить, чтобы сельские школы закрылись, обратите на это внимание», – сказал Айтматов. Этот день был своеобразным праздником для всех нас.

9 мая я поздравил его с Днем победы и поговорил с ним. А 10 мая мы с Эльту-

раном навестили его. Мы гуляли у него во дворе, дышали свежим воздухом. И он удивлялся, что в этом году нет бурно текущих потоков воды. «Повез я киношников из Москвы, что приехали снимать документальный фильм, в Ала-Арчу, пообещав, что там они увидят бурную горную реку. Поехали, а там – ни капли воды, и неизвестно, куда она подевалась. Как мне было стыдно! И зима нынче была холодной. Мы дома мерзли. Да и снега ведь много выпало?!» – начал он. Я стал говорить то, что знал сам: «О снеге, что выпал в этом году, говорят, что он был сухим. Вот ветер и унес его. Был бы он влажным, остался бы на земле, растаял. В Токтогульском водохранилище должно быть 19 миллиардов кубов воды, а сейчас там вчетверо меньше. Недавно видел реку Нарын, так она не бурлит, пенясь, как раньше, течет медленно». «Ледники должны были растаять ... есть такая организация, как ледники, знаешь?» – ответил он. Мы еще долго разговаривали...

11 мая я приехал домой к Айтматову. Он дома оказался один. Вышли во двор, сели в тени. А Чингиз Торекулович смотрит как-то задумчиво. Я ознакомил его со списком гостей, что должны были быть приглашены на его 80-летний юбилей. Перечисляя московских ученых: Кузнецова, Золотова, Гачева, я вновь взглянул на Айтматова. Смотрю – он стал еще задумчивей. Я остановился. А Чингиз Торекулович долго молчал, а затем сказал: «Гачева уже нет, ты, что, не слышал?» «Нет», – отвечаю. «Его, бедолагу, вечером хо-

тели с дачи забрать, а он под электричку попал. У него ведь и глаза уже плохо видели. Такой худой был, что его, возможно, сбила не сама электричка, а порыв ветра, ею вызванный, а он ударился о что-нибудь», – продолжал Айтматов. После слов о Георгии Гачеве, соратнике, с которым его связывали многолетние творческие отношения, Чингиз Торекулович как-то погрустнел. Заметив, что Айтматов не высказывает явного интереса, я не стал до конца уточнять список. Он сообщил, что на следующий день едет в Алматы, затем – в Москву и Казань. Попросил приостановить все связанные с ним мероприятия в Бишкеке. Пока он говорил, буквально на мгновение какая-то пустота возникла в моих мыслях и чувствах. Было такое ощущение, как будто я расстаюсь с ним надолго. Хотя и раньше я много раз был свидетелем приездов и отъездов Айтматова, никогда прежде проблеск подобной шальной мысли у меня не возникал. Показалось вдруг, что мы уже никогда не увидимся, но я попытался отвлечься, гнал от себя эти черные мысли. Заметил, что и Айтматову тяжело. «Голова что-то болит», – сказал он. «Вы отдохните», – попрощался я. Чингиз Торекулович, как обычно, проводил меня до ворот. «Пусть Мария Урматовна посмотрит», сказал он, оставляя у себя списки, что я принес. Это видение так и застыло перед моими глазами.

– А Вам когда-нибудь приходилось говорить с писателем о смерти?!

– Жизнь есть жизнь, приходится говорить и об этом. Когда кто-либо оставлял

этот бранный мир, и об этом заходила речь, он очень сетовал. Особенно часто Чингиз Торекулович говорил о немецком ученом, переводчике Фридрихе Хицере. Они были близкими друзьями. Когда проводились встречи с читателями в Германии, Швейцарии, Австрии, он всегда брал с собой Хицера. Из их бесед родились и были впервые изданы на немецком языке очень ценные, художественные воспоминания писателя – «Моё детство». Буквально в тот день, когда Фридриха Хицера не стало, Айтматов вечером позвонил ему, и они от души и долго говорили по телефону. А утром у Хицера случился сердечный приступ, и он скончался. В тот день Чингиз Торекулович позвонил мне из Бельгии. «Я лишился хорошего друга. Смерть-то, оказывается, приходит без предупреждения. Все мы рано или поздно уйдем. Но как тяжело, когда человек только что был, и вдруг его не стало. Этот человек много сделал, чтобы познакомить мир с Кыргызстаном», – сказал он и попросил меня организовать телеграмму соболезнования семье Хицера от имени Союза писателей Кыргызстана. Я тут же сообщил об этом тогдашнему председателю Национального Союза писателей Анатаю Омурканову.

Много мы говорили и о смерти героев его произведений. Например, смерть Арсена Саманчина и Жаабарса в последнем романе «Когда падают горы». Хотя это и художественное произведение, но не секрет, что, когда писатель пишет о пробле-

ме смерти в реальной жизни, его идея, взгляды отражаются в главном герое.

– А Чингиз Айтматов верил в религию?

– Конечно. Но он никогда не противопоставлял религии друг другу. Он призывал учиться лучшим сторонам любой религии для развития всего человечества. Ведь, действительно, и в христианстве, и в исламе, и в буддизме есть много общего, того, что хорошо для человека. Он много говорил об этих общих вещах. Чингиз Торекулович в душе верил в бога и открыто выразил свое мировоззрение еще в романе «И дольше века длится день». Некоторые же, не понимая, обвиняли его, называя «космополитом». Айтматов полностью отвергал террористическое направление в исламе. В речи он всегда повторял «иншалла».

– В течение десяти лет Вы не написали ни одной статьи по Айтматову. В чем причина? Это не повлияло негативно на ваши отношения?

– Нет! Чингиз Торекулович как раз и хотел, чтобы поле моей научной деятельности было шире, побуждал меня к этому. Хотя я и не писал статей, но в интервью выражал отдельные взгляды об Айтматове. Я полностью отдался работе по выпуску академического издания «Манаса», серий «Народная литература», «Выдающиеся акыны», «Великие личности», многотомника «История кыргызской литературы», «Антологии мировой поэзии» и т.д. Постоянно советовался с Айтматовым, дарил те издания, что уже вышли. Он был очень благодарен за это, поддер-

живал мое рвение работать с еще большим творческим порывом. И лишь когда вышел в свет новый роман Айтматова «Когда падают горы», я написал большую статью. Теперь она полностью переведена и на турецкий язык. Поэтому Чингиз Торекулович в своей поздравительной телеграмме на мое пятидесятилетие писал: «Такими значительными научными достижениями, как научная систематизация эпического мира «Манаса», исследование нынешнего состояния и развития литературы XX–XXI вв. на международном уровне, мы также обязаны Абдылдажану Акматалиеву». Однако нашлись злопыхатели, которые приложили немало усилий, пытаясь использовать тот факт, что я в течении десяти лет ничего не писал об Айтматове. Но отношение Чингиза Торекуловича ко мне всегда было чистым и искренним. И я сохранил это отношение. Кстати, Айтматов упомянул мою фамилию и в своем докладе к 1000-летию эпоса «Манас», чему я был несколько удивлен. Но, как оказалось, этим он тоже пытался направить меня в русло более широких научных изысканий! Более того, будучи директором созданного при его содействии Национального центра манасоведения и художественной культуры, он не хотел, чтобы я оставался исследователем лишь одной проблемы.

– Как Вы думаете, что должно быть сделано, чтобы не просто вспоминать Чингиза Айтматова, но и сохранить светлую память о нем в истории?

– Думаю, государство и общественность должны хорошенько об этом подумать. Айтматов – звезда мировой величины. А значит то, что делается, должно соответствовать его уровню. Но важно и не переборщить. На мой взгляд, было бы правильно Чуйскому проспекту, старой правительственной площади, парку у Южных ворот, соответствующим учреждениям, улицам в областных центрах или другим местам присвоить имя писателя, поставить там ему памятник. Памятник Пушкину есть в любой почитающей литературу стране, точно также одна из наших основных задач – позаботиться о том, чтобы в мире были памятники Айтматову. Я верю, что в Казахстане, России, Узбекистане, Азербайджане, Турции и других странах полностью поддержат эту идею. К тому же памятник писателю будет поставлен уже в этом году в турецком городе Элазыке. Еще восемнадцать лет назад Чингиз Торекулович как-то сказал мне: «Надо вспоминать гениев, если не вспоминать, то могут забыть и их». Мы должны вспоминать Айтматова не ради самого Айтматова, а ради истории кыргызского народа, его вклада в мировую культуру, для воспитания молодежи и улучшения нашего образования! Необходимо, чтобы творчество, жизнь и общественная деятельность писателя широко освещались на всех уровнях, от детского сада до академических трудов, а для этого необходимо проводить систематическую работу.

– Писатель давал много автографов. Наверное, если посчитать, наберется больше миллиона? Сколько его автографов есть у Вас?

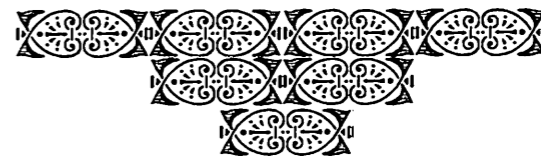
– Кто знает, возможно, он дал больше миллиона автографов. Думаю, что большинство тех, кто брал у него автограф, были западноевропейскими читателями. Я смог получить у него автограф первый раз только в 80-х годах в связи с его романом «И дольше века длится день». Когда я попросил у него автограф позднее, он сказал: «Мелис, мы же уже прошли тот этап, когда дают автограф». Позже он давал автографы моему сыну Эльтурану, дочери Медине. Однако в 2007 году Чингиз Торекулович однажды пригласил меня к себе домой. Когда я пришел, он дал мне одну фотографию, которую привез из Алматы, со словами: «Пусть она будет у тебя». Я взглянул на фотографию и увидел на ней себя вместе с Айтматовым

и другими людьми. «Прочти, что написано на обороте», – сказал он. А там была его подпись и надпись: «Мелису! Как свидетельство того, чтобы мы были современниками».

– Вы ведь недавно ездили в Турцию на мероприятие памяти Айтматова?

– Да, побывал в городе Элазык. Наши турецкие братья очень почитают Айтматова! Вспомнить Айтматова приехали писатели из Малатии, Анталии, Гунджа-ли и других мест Турции. Была устроена книжная выставка «Книги от Манаса до Айтматова». В парке имени Айтматова показали документальный фильм о двухдневной творческой поездке писателя в город Элазык. Поэты прочли посвященные ему стихи. Такой волнительный вечер возможен только в Турции.

Беседовала
Аймира Женишбек кызы
17 июля, 2008 года,
«Заман Кыргызстан»

ЧИНГИЗУ АЙТМАТОВУ БЫЛА ПРИСУЖДЕНА НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ, НО...

– Не секрет, что наш духовный мир заметно и постепенно сжимается после кончины нашего великого всемирно известного писателя Чингиза Айтматова. О самом писателе мы ещё много раз будем говорить, ведь Айтматов для нас – вечная тема! Сейчас я хочу задать тебе один интересующий многих наших читателей вопрос. Тайна Нобелевской премии и творчество Айтматова...

– Читатели хорошо знают, что и сам Чингиз Торекулович, и я много раз на страницах печати вели речь о Нобелевской премии и Айтматове. Но есть одна тайна, которую и писатель, и я долгие годы держали в себе. Наверное, для того времени это было правильным, но сейчас иные условия. При жизни Чингиза Торекуловича я неоднократно справлялся у него по этому вопросу, но всякий раз он подводил проблему Нобелевской премии к политике и избегал прямого ответа. Глубокая личность, видимо, и тайны глубоко хранит.

Недавно смотрел передачу, посвященную 20-летию ликвидации Берлинской стены. Именно тогда мне подумалось, что

настало время приоткрыть завесу тайны, да простит меня Чингиз Торекулович...

Насколько мне известно, впервые номинировали на Нобелевскую премию повесть «Белый пароход» турецкие писатели. В то время я горячо поддержал это начинание словами: «В действительности по художественному уровню Нобелевская премия должна быть присуждена «Белому пароходу...».

Роман «И дольше века длится день» также был выдвинут на соискание этой премии. Тогда же в журнале «Иностранная литература» появился список великих писателей мира, который возглавлял Чингиз Айтматов. В это время в газете «Правда» было напечатано предположение нашего писателя о том, что к смерти премьер-министра Швеции Улофа Пальмы, возможно причастно ЦРУ. Конечно, такое мнение не могло пройти бесследно...

Роман «Плаха», вышедший в 1986 году, стал огромным событием мировой литературы. Мусульманин, писатель-коммунист с помощью образа Иисуса Христа раскрывал замалчиваемые проблемы

советского общества, всего человечества, глобализации. С помощью своего художественного чутья он поставил перед мировой общественностью вопрос о необходимости в конце XX века изменить мировосприятие и достойно встретить век грядущий. Именно тогда Шведская академия присудила Нобелевскую премию Айтматову. Наш писатель находился в поездке по Австрии. Представитель Нобелевского комитета специально разыскал Чингиза Айтматова в Вене, сообщил весть о присуждении премии и горячо поздравил его. Я прошу учесть, что впервые эта весть доносится до общественности Кыргызстана, иностранные друзья и соратники Чингиза Айтматова, конечно, знают эту историю. Но случилось так, что впервые за свою 110-летнюю историю Нобелевский комитет, я специально хочу подчеркнуть слово «впервые», был вынужден спешно поменять свое первоначальное решение. В тот год произошло поистине эпохальное событие: была разрушена 160-ти километровая Берлинская стена и две Германии объединились в единое государство. В мирном объединении немецкого народа огромную роль сыграл первый президент СССР М.С. Горбачёв. А ведь без вedomо могущественной тогда державы – СССР – даже мышшь не могла проскользнуть через эту стену. Именно в тот единственный раз шведский комитет пересмотрел свое решение и присудил Нобелевскую премию мира Михаилу Горбачёву. Двум представителям СССР нельзя

было в один год получать премию. Большая политика сыграла здесь свою роль.

Присуждение премии турецкому писателю Орхану Памуку ещё раз подтвердило тот факт, что политика играет первостепенную роль и в творческом состязании.

Но Чингиз Торекулович никогда не высказывал обиды по поводу того, что вначале присудили, а затем отменили свое решение, эта несправедливость не стала для него трагедией. Ещё раньше, когда его кандидатуру сняли после статьи о гибели Улофа Пальмы, помню, писатель сказал: «Премия мне не нужна, было бы здоровье и мир, это выше всяких премий». Эти слова он говорил в день своего рождения 12 декабря 1986 года в продолжение разговора о своих дружеских отношениях с М.С. Горбачёвым, о поддержке его политики сохранения мира. С этих своих позиций Чингиз Торекулович не сошёл до самой смерти.

– *А в годы независимости не было попыток выдвижения на премию?*

– После распада Советского Союза, когда каждый народ был занят самоопределением, было не до того. Тем более с 1990 по 2008 годы Айтматов был вначале послом России в Люксембурге, а затем послом Кыргызстана в Бельгии.

В 1993 году на моё имя пришло краткое послание Шведского комитета на английском, немецком, французском, шведском и арабском языках следующего содержания:

«Шведская академия, Нобелевский комитет по поручению Шведской академии, мы нижеподписавшиеся, которые составляют Нобелевский комитет академии, имеют честь пригласить Вас тоже предложить одну или более кандидатуры на Нобелевскую премию по литературе на 1994 год. Мотивация Вашего предложения желательна, но необязательна. Правда, чтобы Ваше предложение было рассмотрено, необходимо подать его до 1 февраля 1994 г.

Нобелевский комитет, задачей которого является подготовка дискуссии по премиям внутри академии, строго конфиденциально обсудит Ваше предложение и предполагает, что Вы со своей стороны сохраните предписанную конфиденциальность.

К. Еспмарк, С. Аллен...».

Мы отправили ответ следующего содержания:

«Нобелевский комитет Шведской Академии

Уважаемый господин К. Еспмарк!

Мы весьма благодарны Вам за письмо (Стокгольм, октябрь, 1993) с предложением о выдвижении кандидатуры на Нобелевскую премию 1994 года. Творческая личность, достойная быть удостоенной высокой премии, конечно, человек, который своими трудами обогатил мировую духовную культуру, оставляет неизгладимый след в сознании читателей всего мира. Такой личностью является Чингиз Айтматов. (Далее мы дали подробный анализ его творчества).

Уважаемые господа! Мы верим, что при обсуждении кандидатур будет учтена наша рекомендация о выборе наиболее достойного представителя тюркоязычных народов мира.

С наилучшими пожеланиями,

А. Акматалиев,

*доктор филологических наук,
профессор, директор*

*Института языка и литературы
Киргизской национальной
академии наук».*

Письмо Нобелевского комитета и наш ответ мы обсуждали на совете айтматовского клуба, на английский язык наш ответ перевела член клуба Жаркын Рыскулова. И хотя мы просили всех сохранять строгую конфиденциальность, известие об этом появилось на страницах газеты «Кыргыз Туусу». Этот факт, конечно, нас очень обеспокоил. Письмо наше я отправил из Бишкека 16 декабря 1993 года, а 20 декабря ещё раз отправил в Шведскую академию из Алматы. Никаких сопроводительных документов мы не отправляли, да и не знали, что отправлять.

Через некоторое время пришёл ответ: «Профессору А. Акматалиеву.

Шведская Академия с благодарностью извещает о принятии вашей кандидатуры для рассмотрения комитетом Нобелевской премии по литературе текущего года.

Искренне ваш Исполнительный секретарь

С. Аллен»

Затем уже в 2007 году мы с академиком Аскарком Чукетаевичем Какеевым в последний раз отправили в Швецию письмо. Недавно приснился мне сон, будто бы я говорю с Чингизом Торекуловичем о Нобелевской премии. Рядом мои коллеги. Я вроде бы объясняю Айтматову, что мы не знаем порядка выдвижения на Нобелевскую премию, наверное, где-то глубоко во мне сидит мысль о том, что, может быть, мы не послали в свое время все необходимые бумаги, и потому эту премию Чингиз Торекулович не получил... Мы каждый раз ограничивались лишь коротким письмом с рекомендацией. Полные условия, какие документы, когда следует сдавать для Нобелевской премии мы нигде не смогли найти, в том числе и в Интернете. Только время от времени мы получали коротенькие письма с минимумом информации: до какого срока следует прислать рекомендацию, а также условия полной конфиденциальности о представленных кандидатурах.

– А разве нельзя было действовать от имени государства?

– Конечно, каждое государство должно быть в этом заинтересованно. Ведь Нобелевская премия – мировой авторитет. Однако, в Устав Шведской академии никакое государство не имеет право входить. Лет десять назад руководители нашей страны тоже заинтересовались этой премией, их имена даже выходили на страницах газет. Но потом обсуждения по поводу их выдвижения на Нобелевскую премию не было. Два-три года назад нас

приглашали руководители, мы отдали им все бумаги по выдвижению Ч. Айтматова на Нобелевскую премию. Дальнейшие действия мне не ведомы.

– Я понял, что Чингиз Торекулович не очень-то ждал и переживал за эту премию, а каково же твое отношение?

– Великие писатели Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский, А.П. Чехов тоже не имели Нобелевской премии, разве от этого они стали менее велики!? Даже завзятые читатели не знают творчество всех лауреатов Нобелевской премии. Я, конечно же, дважды ждал, надеялся, что эта премия будет присуждена Чингизу Торекуловичу, но увы... Лет семь-восемь назад Чингиз Айтматов в составе кыргызской делегации был в Швеции. Шведский король тогда во всеуслышание заметил, что с большим волнением прочитал все произведения Айтматова, переведенные на шведский язык. После выхода романа «Когда падают горы» премия была очень близка, но скончался Чингиз Торекулович! А Нобелевская премия присуждается только живым авторам. Бог с ней, видно, не суждена была эта премия. Думаю, любовь миллионов читателей по всему миру есть самая высокая читательская премия великому писателю.

– Нет ли некоего пророчества в названии романа «Когда падают горы»?

– Многие читатели тему романа «Когда падают горы» тесно связывают с личной трагедией Чингиза Торекуловича. Наверное, так и есть. Этот роман автор, вероятно, неспроста связал с «закатом пе-

чальным» своей жизни. По моим наблюдениям, где-то с 2006 года великий писатель постоянно размышлял о жизни послевоенного кыргызского села, о философии любви. Это, во-первых, во-вторых, писателя уже давно волновали проблемы разрушения наших гор. Младший брат писателя Ильгиз и его супруга Дженчураева Розалия – ныне академики, специалисты по горно-геологическим наукам. Еще лет тридцать назад, когда они вели разведку полезных ископаемых в наших горах, Чингиз Торекулович однажды попросил их: «Пожалуйста, не наносите эти месторождения на карту. Иначе, вскоре придут из Москвы специалисты, станут взрывать наши горы, жизнь простого народа осложнится...». «Но, Чингиз Торекулович, ведь это наша профессия и обязанность перед государством» – ответила невестка. «Ну, тогда хотя бы не отмечайте природные ископаемые на пике Манаса в Таласе» – попросил еще раз писатель. Его сестренка Роза Торекуловна, присутствовавшая при

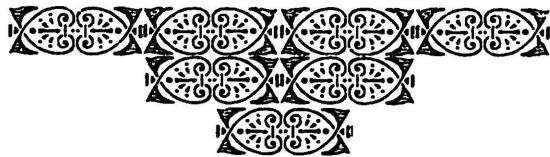
этом разговоре, вспоминает, что очень была изумлена: «Как же так, мы – советские люди не можем быть против советской политики!»

Оказалось, еще тогда Чингиз Торекулович пророчески предвидел экологические последствия разрушения гор. Для него гибель природы была сродни духовному разрушению, психологической и общественной деградации. Позже все это самым закономерным образом сплелось с его душевным миром, трагедией смерти личности! Разве просьба о том, чтобы не трогали гору Манаса – не пророчество!? Ведь через десятки лет мы стали свидетелями того, что начали копать караульную сопку Манаса, чтобы найти там несметные богатства, якобы спрятанные им для потомков! Да, рухнула исполинская духовная Гора!

– Спасибо за беседу.

Беседовал Сапалкан АРИПОВ,
«Аалам», 26 ноября 2009 г.

АЙТМАТОВ СВОИ ОБИДЫ ПРЯТАЛ ГЛУБОКО, ДА И КОМУ ИХ БЫЛО ГОВОРИТЬ...

– *Абдылдажан Амантурович, Вы много лет были рядом с Ч. Айтматовым. Наверное, были у писателя какие-то проблемы бытового характера, которые Вас волновали...*

– Не только волновали, но и глубоко возмущали. Наши президенты, премьер-министры, спикеры обязаны были окружить великого писателя государственной заботой. В средствах массовой информации читал о том, какими льготами и заботой наделил президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов Давида Кугультинова, пару раз об этом с гордостью за своего друга обмолвился при мне и сам Чингиз Торекулович. Было время, когда Айтматову не выделяли даже дежурную машину из правительственного гаража, и он был вынужден просить знакомых отвезти его на какие-то встречи, мероприятия. Иногда я сопровождал его на чем-нибудь частном автомобиле до Алма-Аты, видел какие высокие чины Казахстана в сопровождении нескольких экипажей ГАИ встречали его. Конечно, меня глубоко возмущало такое преступное равнодушие властей к великому человеку. Часто его

возили такие-же начинающие горе-водители, как и я. Когда он садился в мой жигулёнок, я буквально цепенел от страха совершить аварию. Как я радовался, когда на дороге было мало машин, когда попадал на зеленый свет светофора. Обычно даже на трассе я ехал со скоростью 60–70 км в час, Чингиз Торекулович часто говорил: «Надо ездить со скоростью 100–120 км». Конечно, он привык за границей к хорошим дорогам, автомобилям. Мне очень не нравилось, что он ездит на старых машинах, с водителями-любителями, ведь на дороге всякое может быть. Да, Чингиз Торекулович был предельно прост, но ведь это не повод возить его на развалюхах.

Как-то раз он позвонил мне на работу и попросил срочно приехать к Дому кино. Когда я подъехал на стареньком такси, он уже ждал меня на улице: «Давай, срочно съездим на поминки и вернемся, машину не отпускай». Мне, конечно, стало неудобно. Прибыв на место, я увидел нескольких встречающих. «Замир, Смальтбек, вы прекрасно знаете, что у Чингиза Торекуловича нет служебного

транспорта, неужели трудно найти зарнее нормальный автомобиль и привезти его?» – возмутился я негромко, подойдя к ним. Айтматов укоризненно взглянул на меня...

Почему партийные и государственные руководители даже не самого верхнего эшелона живут на полном государственном обеспечении в резиденции, имеют по нескольку авто последних моделей, а крупнейший общественный деятель мирового масштаба не имеет элементарного! С письмом подобного содержания я обратился в тогдашний Жогорку Кенеш. Мне позвонили и устно ответили, что общественным деятелям по закону не предусмотрены из госбюджета никакие льготы, а в завершение ещё и ехидно поинтересовались «Чего не хватает Айтматову?! Куда он деваает гонорары?!»

На всякие юбилеи и торжества тратятся миллионы из госказны, многочисленным депутатам, значительная часть которых являются миллионерами, предоставляются просторные хоромы, автомобили, по 2–3 помощников и советников. Почему на Айтматове деньги заканчиваются, может его общественная деятельность мешает стране развиваться! Денег своих ему, конечно, хватило бы. Нужна была, по большому счету, только моральная поддержка от страны и руководства. Нам следовало беречь его, как зеницу ока, ценить его время. Мы же, напротив, не жалели его великодушного и благородного сердца, не понимали его острораннимую душу. Какую только клевету и инсинуа-

ции не лили на него со страниц отдельных изданий. Руководители страны вместо того, чтобы защитить его, заявили с трибуны: «Прекратите, оставьте в покое гордость и совесть нации!», кто с нездоровым любопытством, а отдельные и с мелким злорадством поощряли клеветников. Были и те, кто сами стояли в первых рядах клеветников, исполняя роль сегодняшних Сальери. Подумайте, чего стоит только то, что ему отказали приходить в бассейн, где он любил ежедневно плавать, зимой отключали отопление, выключали свет. К кому мог пойти и пожаловаться Айтматов?! Свои обиды он прятал очень глубоко. Справедливости ради, следует отметить, что только во время руководства Аманбеком Карыпкуловым Администрацией президента великому писателю позволили при необходимости вызывать служебную машину из правительственного гаража. Но и это длилось недолго.

Меня всегда заботил вопрос, почему Правительство наше не позаботится о том, чтобы приставить к Чингизу Торекуловичу кинооператора и медработников. В те годы, когда у него были проблемы с сердцем, его почитатели со всего мира волновались, желали ему здоровья! Я часто видел как академик Мирсаид Миррахимов приезжал к нему домой. Но постоянного медицинского надзора не было. Постоянно Айтматов искал лекарства от сахара. Понятно, насколько показано было перманентное наблюдение врачей.

Кинооператор-журналист должен был

отслеживать буквально каждый шаг писателя, создавать хронику его жизни под названием «Айтматов». А сейчас мы имеем лишь два документальных фильма, снятых 30–40 лет назад Гернштейном, Виленским и Орозалиевым. Это очень стыдно, нам нечего показывать, чем тут хвастать?! Нет ни одной документальной ленты за последние 20 лет, кроме той, что снималась на его 60-летие. Это время как белое пятно кыргызского искусства и культуры. Эту пустую страницу никто и никогда не сможет, к сожалению, заполнить. Что нужно делать?! На мой взгляд, перед нами стоит срочная задача. В архивах многих стран мира, на телестудиях хранятся материалы о пребывании там великого кыргызского писателя. Надо срочно запрашивать у них копии. Это – задача государства.

Ещё при жизни Ч. Айтматова президент Казахстана Н.А. Назарбаев пригласил его в Алматы, создал для него прекрасные условия для жизни и творчества, выделил средства на издание его произведений в восьми томах на русском и казахском языках. А что у нас?! Не найдя денег на издание собрания сочинений писателя при его жизни, мы вынуждены были объявить читательскую подписку, и это о многом говорит! Да, Чингиз Торекулович имел жильё, машину, но это не говорит о том, что ему не нужна была поддержка государства. Даже сегодня я не могу сказать, что наше государство что-то делает для сохранения памяти великого сына кыргызского народа.

– В последнее время проводится много презентаций по кинолентам, снятым по произведениям Ч. Айтматова. Каково Ваше отношение к этому?

– Вызывает сожаление тот факт, что в последние годы заметно снизилось ответственное отношение к творчеству Ч. Айтматова со стороны тех режиссеров, кто обращается к экранизациям его произведений. Особо в этом плане «отличаются» киностудии «Мосфильм» и «Казахфильм». О своём неприятии киноленты «Казахфильма» «Гульсары» я уже говорил в одном из прежних интервью. Совсем недавно в кинотеатре «Ала-Тоо» московский режиссёр провёл презентацию фильма «Белое облако Чингизхана». Я не знаю, как восприняли эту киноверсию наши критики и деятели кино, но мы, простые зрители, были очень недовольны. Идея Ч. Айтматова совершенно пропала, прекрасно смотрится лишь Белое облако над головой Потрясателя Вселенной. В фильме присутствуют айтматовские имена персонажей, но сюжет переиначен до неузнаваемости. Так изуродовать произведение нашего великого писателя мог только человек, не читавший Айтматова, не понимающий его души. Только талантливый режиссёр может продолжить и углубить идеи Чингиза Торекуловича. В качестве примера могу отметить прекрасные картины Болота Шамшиева «Белый пароход» и «Материнское поле» Геннадия Базарова. Создаётся впечатление, что московские режиссёры и операторы попытались сделать неуклюжий

отчет за большие деньги, выделенные на съёмки. Посмотрите фильм внимательно, вы увидите среди пейзажа пусть и пустые, но шоссе-ные дороги, какие автомобили в эпоху Чингизхана?! Вдруг промелькнул в кадре столбы электропередач с проводами, какое электричество в XII веке?! Около юрты на треноге установлен казан с дымящимся мясом, но под казаном в очаге – густая зеленая трава?! В этом, с позволения сказать, фильме снимались среди прочих и известные киргизские артисты, неужели и они не заметили этих вопиющих несуразностей, которые буквально бьют в глаза. Если поменять имена персонажей, никто и не заметит, что фильм – экранизация айтматовского произведения. Вероятно, и артисты наши не читали Айтматова, а иначе они вряд ли бы дали согласие сниматься в такой халтуре, или до хрипоты спорили бы с режиссёром, оператором. Удивляет меня и позиция руководства кинохозяйством страны, почему они промолчали?! Фильм этот следует снять с производства и никогда не демонстрировать как экранизацию романа нашего великого писателя.

Второй фильм – документальный о Чингизе Торекуловиче. В июле прошла презентация в кинотеатре «Россия». Я пошел на просмотр с надеждой, что увижу какие-то кадры последних лет жизни писателя, но, увы... Создатели, оказалось, прибыли со своим интересом к пансиону Айтматова «Белек» на Иссык-Куле. Обсуждался вопрос о строительстве там какого-то корпуса. Если не считать от-

дельных кадров с Ч. Айтматовым того периода, то о документальности можно и не вспоминать. Без души, с единственной целью удлинить картину сделан монтаж из фрагментов широкоизвестных фильмов «Джамиля», «Красное яблоко», «Материнское поле», «Манкурт», «Бураный полустанок», «Белый пароход» и др. Творческими поисками здесь и не пахнет. Если мы молча будем проглатывать такие низкопробные, лишённые каких-либо эстетических достоинств картины-однодневки – это оскорбление памяти Ч. Айтматова. Нам следует всячески препятствовать таким халтурам, и в первую очередь это – дело деятелей киноискусства.

– Были ли случаи, когда Вы делились своими мыслями, впечатлениями с Айтматовым по случаю экранизаций его произведений?

Конечно, частенько я высказывал Чингизу Торекуловичу свои впечатления о картинах, снятых по его творчеству, много раз на страницах средств массовой информации публиковал свои мысли, в частности, по фильмам «Тополёк мой в красной косынке», «Белый пароход», «Восхождение на Фудзияму», «Бег иноходца» (Урусевского), «Плач перелётной птицы», снятой по повести «Лицом к лицу». Чтение книг тесно связано с наличием времени у читателя, условиями, его настроением, поэтому восприятие может быть совершенно разным в разных ситуациях чтения. В кино за полтора-два часа 500–600 человек одновременно вос-

принимают версию сценариста, режиссёра и оператора. Кино способно быстро доносить литературу до человека, поэтому важно сохранять и бережно доносить идеи и содержание книг до зрителя. Помню, как однажды принёс Чингизу Торекуловичу свою статью о кинофильме «Восхождение на Фудзияму», в которой было отмечено около десятка моих принципиальных замечаний по поводу несовпадений, переименования оригинала. Айтматов согласился со мной, отметив, что просил не упоминать его имени среди сценаристов фильма, но, к сожалению, создатели забыли это сделать. Я человек достаточно далёкий от кинокритики, но, несмотря на это, мне пришлось выступить консультантом трёх-четырёх художественных и документальных фильмов, поэтому немного разбираюсь в производственно-творческом процессе создания картин. Недавно по телевизору посмотрел картину «Мосфильма» о волках, краже их волчат, событиях с этим тесно связанных. Влияние Айтматова, несомненно, присутствует. События буквально зеркально повторяют жизнь волчицы Акбары из «Плахи», много общего с фильмом Д. Садырбаева «Слёзы Акбары». Но нигде не прозвучало, что фильм каким-то образом связан с творчеством Айтматова. Будь у нас сильные, равнодушные кинокритики, можно было заставить создателей ленты хотя бы отметить, что их труд «Снят по мотивам произведения Ч.Т.Айтматова».

– *Бываете ли Вы на Ата-Бейите, если да, то когда были в последний раз?*

– Бываю там практически каждый месяц, сидя у могилы великого писателя и гражданина, веду неспешный разговор по душам с Чингизом Торекуловичем, делюсь редкими успехами, говорю о проблемах. Вот и недавно был там после возвращения с Иссык-Куля. Ата-Бейит стоит опечаленный, цветы пожухли, трава вокруг выгорела... Стоял долго, вспоминал былое. Мы так часто называем Айтматова звездой, а что если будем называть его Айтматов-звезда Чолпон, будем писать рядом эти слова, которые составят одно имя? Звучит вроде бы неплохо. Часто гляжу на небо: звезда Чолпон раньше всех появляется и позже других заходит, огибая земной шар, недаром её называют звездой утренней и вечерней зари. Уважаемые читатели, обращаюсь к вам, давайте произносить имя Айтматова вместе с звездой Чолпон, в конце концов ведь можно не только как эпитет, но и в реальности предложить это название в качестве астрономического наименования.

Возвращался с Ата-Бейита, в ушах у меня звучал проникновенный голос Чингиза Торекуловича: «Я всего лишь крылатая птица в этой стае летящей. Я лечу с журавлями и сам журавль. Я лечу с журавлями тёмной ночью – по звездам, днем – над нивами и городами. Думая думу свою.

Лечу и плачу,
Лечу и плачу,
Лечу и плачу,

Заклиная людей и богов,
Поосторожней с землёю,
О, люди, полегче сплеча...
Что журавлиные слезы?..

Смахните с лица!

И все же, и все же, и все же –

Упаси вас, о люди, от бед нелюдских –

Упаси от пожаров неугасимых.
От кровавых побоищ неустойчивых,
Упаси вас от дел непоправимых,
Упаси вас, о люди, от бед нелюдских...»

Беседовал

Кунболот МОМОКОНОВ,

«Алиби», 23, 27 августа 2010 года

**«АЙТМАТОВ ПОНИМАЛ
ЖИЗНЬ КАК НЕУСТААННЫЙ ТРУД...»**

– *Абдылдажан Амантурович, многих читателей интересует вопрос о взаимоотношениях Чингиза Айтматова с властью, могли бы Вы подробнее рассказать об этом?*

– Вся жизнь Чингиза Торекуловича и его творчество свидетельствуют о том, что достаточно лояльный ко всем руководителям страны, он так и не примирился со сталинским режимом. Оно и понятно, ведь его отец – Торекул Айтматов – истинный коммунист и государственный деятель был расстрелян в 1937 году! Звучный и очень справедливый по сути лозунг социализма «Сын за отца и отец за сына не отвечают» на самом деле был пустым звуком, о чем свидетельствуют судьбы сотен тысяч семей и миллионов людей, попавших в страшные жернова репрессивной государственной машины тех лет! Чингиз Айтматов на одни пятерки окончил сельскохозяйственный институт, но его не приняли в аспирантуру, как сына «врага народа»! Однако, как это часто бывает, трудности и препоны ломают лишь слабых духом людей, сильных – они закаляют. Я считаю, что по

большому счету именно тяготы безотцовщины, с самых ранних лет укрепляли характер юного Чингиза, научили его неустанно трудиться, верить лишь самому себе. Случай с Ч.Айтматовым лишний раз подтверждает справедливость кыргызской мудрости: «Сирота вынужден сам перерезать свою пуповину». Его путь на вершину мировой литературы отнюдь не был усеян розами, как может показаться. Именно поэтому проблема «власть и личность» стала одной из главных тем его творчества. Страшный внутренний лик Сталина, его коварство и жестокость глубоко обрисованы в романах «И дольше века длится день», «Тавро Кассандры». Из этих книг читатель может легко заметить отношение Ч. Айтматова к вождю мирового пролетариата.

В годы правления Н.С.Хрущёва, Л.И.Брежнева, Ю.В.Андропова и М.С.Горбачёва ярко горела общественная и литературная звезда нашего писателя. Своим неустанным трудом и талантом он заслужил практически все государственные награды огромной страны, занимающей шестую часть земной тверди,

стал признанным маршалом мировой литературы. И если в начале его творческой деятельности менее талантливые завистники и недоброжелатели из нашей же кыргызской литературы злобно шипели, мол «казах Мухтар Ауэзов и француз Луи Арагон подняли его из грязи в князи», каждая следующая книга молодого писателя становилась бестселлером, миллионными тиражами печаталась в СССР. Многие его произведения почти параллельно с кыргызским и русским выходили на многих языках мира. Без оглядки на власть имущих Чингиз Торекулович в своих произведениях открыто и по-граждански жёстко критиковал негативные стороны нашей социалистической действительности. В качестве примера можно привести такие его книги как «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», «И дольше века длится день».

Если говорить об отношениях к нему со стороны республиканских лидеров Т.Усубалиева, А.Масалиева, А. Акаева, К.Бакиева, то здесь было по-всякому. Образно говоря, и приливы, и отливы, и пигмейское восприятие масштабов гения...

– *Наш первый президент Аскар Акаев во всех статьях и интервью говорит о своем глубочайшем уважении к Чингизу Айтматову. Есть Вам, что добавить к этому?*

– Чингиз Торекулович уважал Аскара Акаева задолго до того, как тот стал президентом страны. Уважал за то, что Акаев был настоящим ученым, честным и справедливым человеком, истинным ин-

теллигентом. По-моему, и в последующем до событий 24 марта 2005 года между ними сохранялись хорошие отношения. Уже многие годы людей интересует вопрос о том, какое отношение Чингиз Айтматов имел к тому, что Аскар Акаев стал президентом Кыргызстана. В годы правления Акаева многие стремились подчеркнуть, что именно они поспособствовали этому, но стоило ему потерять власть, как те же люди стали прилюдно отрешиваться от Акаева, утверждая, что к власти его привёл Чингиз Айтматов.

Лидеры демократического движения Кыргызстана и 114 тогдашних депутатов Жогорку Кенеша, оппозиционно настроенные к А. Масалиеву, стали искать кандидата в президенты. Кто-то высказал мысль пригласить на этот пост Чингиза Торекуловича. Когда ему позвонили с этим предложением, он поблагодарил и отказался, говоря: «Я не хозяйственник, да и возраст не тот, есть творческие планы, которые мне нужно завершить. Если вас интересует мое мнение, то я могу порекомендовать молодого, энергичного депутата Верховного Совета СССР, крупного ученого, президента нашей Академии наук Аскара Акаева». Незадолго до этого на сессии Верховного Совета СССР Аскар Акаев выступил с очень яркой и смелой по тем временам речью в защиту Андрея Сахарова.

Эти мои слова подтверждаются воспоминаниями нашего известного писателя, депутата «легендарного парламента» Казата Акматова, которому коллеги-депу-

таты и поручили переговоры с Чингизом Айтматовым. В своей книге «События, люди», изданной в 1998 году, он приводит слова Айтматова: «Посмотрите на этот высокий пост Аскара Акаева, он сейчас в Москве. Прямой, открытый, смелый джигит». Свидетелями этого телефонного разговора были знаменитый наш кинорежиссёр Толомуш Океев и писатель Мар Байджиев. Кандидатуру Аскара Акаева с трибуны Жогорку Кенеша при поддержке 114 депутатов предложил тогдашний имам Садыкжан Камалов. Только после этого нынешние академики Ильгиз Айтматов, Абдыганы Эркебаев и Жанымбек Шаршеналиев сумели по телефону с трудом найти в Москве Аскара Акаева, который находился в гостях у академика Самарского. Не будем забывать, что тогда ещё не было мобильных телефонов, IP-связи, Интернета.

Недаром говорят «У победы много авторов». Мы помним, сколько прилипло вдруг появилось после избрания первого президента суверенного Кыргызстана! Чингиз Торекулович остался в стороне, да вряд ли тогда Аскар Акаев знал, кто его рекомендовал. И, конечно, позже, когда они встретились в Москве, Чингиз Торекулович, поздравляя Аскара Акаева с избранием на пост президента страны, с присущей ему скромностью не обмолвился о своей роли в этом неожиданном повороте судьбы последнего. После отъезда в 2005 году Аскара Акаева в Москву на одном из многочисленных брифингов, отвечая на порядочно надоевший

вопрос-обвинение одного назойливого журналиста, Чингиз Айтматов достаточно резко и с издёвкой парировал: «Ну и что, я рекомендовал на пост президента Казахстана и Нурсултана Назарбаева!»

Общественность страны хорошо знает, с каким размахом под патронатом Аскара Акаева были проведены 70 и 75-летние юбилеи Чингиза Торекуловича. В этих мероприятиях я принимал самое активное участие, помню, как они проходили. Не так давно попросил своих учеников найти уникальные кинокадры с этих торжеств. Нет ничего... Где видеосвидетельства этих юбилейных торжеств, проведённых на государственном уровне с присутствием высоких гостей со всего мира, почему они спрятаны или, ещё хуже, уничтожены?! Разве Аскар Акаев официально поздравлял Чингиза Торекуловича не от имени государства и всего народа страны! Если мы будем вести отсчет своей истории, начиная только с момента прихода очередного президента, где наша славная история, где 2200 лет нашей государственности... Это – манкуртизм высочайшей степени!

В 2008 году я зашел в музей на Ата-Бейите. Поскольку бываю там достаточно часто, сразу обратил внимание, что произошли какие-то изменения в расположении фотоэкспонатов. Пригляделся, действительно, нет фотографии 1991 года, когда проходило перезахоронение жертв политических репрессий 1937 года. На том снимке были Аскар Акаев, Чингиз Айтматов, Апас Жумагулов, Медет-

кан Шеримкулов и Тугельбай Сыдыкбеков. Вот уж действительно, как сказал классик: «Иных уж нет, а те далече...». Сколько низости и тупости в том человеке из властной обоймы, кто распорядился убрать тот снимок и на его место повесить фото К. Бакиева. С историей следует обращаться очень бережно. Вряд ли Курманбек Бакиев сам распорядился повесить свое фото.

Не стану утверждать, что между Чингизом Торекуловичем и Аскаром Акаевым всегда были тёплые отношения. Что скрывать, всегда существуют люди, коих хлебом не корми, дай только вбить клин между близкими. Особенно это было заметно в 1995 году, когда приближались вторые президентские выборы. Помню, в одной из газет появилась статья «Аятолла Айтматов». «Если Айтматов станет президентом, то Акматалиев будет госсекретарём, а Жакшылыков – спикером», – ничтоже сумняшеся, вещал автор. Слава богу, и Чингиз Торекулович и Аскар Акаев – люди чистые, высоко нравственные и интеллигентные – не обращали внимания на житейские мелочи.

Вряд ли многим известно о том, как воспринял события 24 марта 2005 года Ч. Айтматов. Прекрасно разбираясь в проблемах нашего общества тех лет, он считал это событие не революцией, а переворотом. Писатель не принял его душой, оно всегда сильно волновало, будоражило его мысли. В статье «Экстренный переворот» он писал: «Но будущее будет зависеть от того, насколько данный

переворот даст позитивные результаты. Пока что выплеснулось на торговые улицы повальное мародерство... да, произошел своеобразный государственный переворот...». Недаром русский философ Николай Бердяев сказал: «Каждый успешный переворот называют революцией, а каждый неудачный – мятежом!»

– *Согласны ли Вы с утверждением о том, что время Курманбека Бакиева с моральной стороны было трудным для Чингиза Айтматова?*

– Второй президент Курманбек Бакиев не сумел наладить с Ч. Айтматовым хороших отношений. Да и откуда им было появиться, производственник, не признающий важности духовного мира, не читающий книг. Говорю так потому что видел своими глазами как президент читал по бумажке заготовленный спичрайтерами текст во время прощания с великим писателем в июне 2008 года на ступеньках филармонии. В какой-то момент небольшой порыв ветерка шевельнул листочки с текстом. Надо было видеть, как Курманбек Салиевич судорожно бросился грудью на эти бумажки, какой ужас потерять шпаргалки отразился в его глазах... Несколько встреч на каких-то официальных мероприятиях, пару-тройку раз их вместе зафиксировали кинокадры, да одна 15 минутная аудиенция, которой удостоил великого писателя К. Бакиев, по вопросу о проведении 80-летнего юбилея, которому не суждено было состояться. О чём им было говорить, что обсуждать?! Чингизу Торекуловичу нужна была лишь

моральная поддержка. Оставаясь не у дел, я видел, он чувствовал себя бездельником. Как-то за чаем я поинтересовался, почему он не оформляет, как другие, пенсию. Он удивленно взглянул на меня и сказал: «У меня ещё достаточно сил, чтобы работать». Наверное, в его представлении на пенсию выходят те, кто не в состоянии уже работать. Жизнь ассоциировалась у него с неустанным трудом. Каждую минуту жизни он старался использовать с пользой. Общественная деятельность, государственная служба, встречи с читателями, творчество... Без работы, ему казалось, жизнь остановится, ему нравилось быть в водовороте событий. Он не ведал усталости, отдыхом для него было творчество.

Президент при встрече сказал ему, что он остается на посольской службе. Он строил планы... На его место без предупреждения был назначен новый дипломат! Об этом Чингиз Торекулович узнал не от нашего Министерства иностранных дел, а от коллег-дипломатов Бельгии! Столь изощренного, мягко говоря, коварства его душа не выносила. Обычно Чрезвычайные и Полномочные послы, уходя со своего поста, дают прощальный банкет для коллег. Для великого писателя наша власть не сделала даже этой малости. Коллеги-дипломаты провожали Чингиза Айтматова с территории посольства Казахстана в Бельгии... Вот такой оскорбительный для страны факт, вот уж поистине «Нет пророка в своем Отечестве»...

Помню, как-то Чингиз Торекулович спросил моё мнение о президенте Бакиеве. «Не знаю, говорят, производственник, практик, – ответил я. – Но на одном из многочисленных собраний он не смог вспомнить Вашего имени и сказал: «Ну тот, кто написал «Первого учителя»». Айтматов ничего не сказал в ответ.

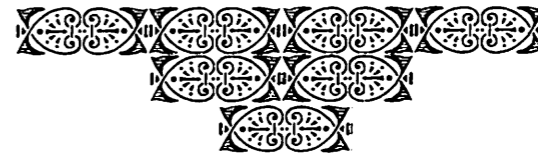
– *Чего ждать от новой власти, смогут ли они понять и в полной мере оценить Чингиза Айтматова?*

– Не власть для Айтматова, а Айтматов нужен был всегда для власти. Это не стало для нас аксиомой до самой кончины Чингиза Торекуловича.

Искреннее уважение Розой Исаковной Отунбаевой Чингиза Айтматова начинается не сегодня. Ещё в 80-е годы советского периода они общались семьями. Я много раз встречал Розу Исаковну дома у Чингиза Торекуловича. Она не изменила своего глубокого почтения к великому писателю и в те годы, когда была в оппозиции, несколько раз, особенно после его смерти особо отмечала непростительное равнодушие властей к этому человеку в своих пламенных выступлениях перед людьми. Это свидетельство чистоты и глубины её внутреннего духовного мира. Я уверен, что время президентского правления Розы Отунбаевой ознаменуется глубоким пониманием айтматовского феномена, явившего миру простую истину: Как человеку каждый день оставаться человеком!

Беседовал

Кюнболот МОМОКОНОВ
«Алиби», 12 октября 2010 г.

«УПАСИ ЛЮДЕЙ ОТ ПАГУБНЫХ МЫСЛЕЙ...»

– *Политика сейчас и в газетах, и в магазинах, где продают хлеб, молоко, и за столом за чашкой чая. Давайте сегодня поведём речь об иной «политике»: писательской «политике» Айтматова, творчество которого Вам так близко, о его мировоззрении, человеческих проявлениях. Писательский талант Айтматова всеми признан, но отдельные его персонажи часто оказывались объектами критики. К примеру, Джамилия ушла с Данияром, бросив своего мужа, Женатый Танабай до отчаяния любит Бюбюжан...*

– Вы правы, у искусства тоже есть своя «политика», свои правила и порядок. Сюжет любого литературного произведения, будь то проза или драма строится на основе каких-то противоречий. Именно эти противоречия помогают высветлить, показать правду жизни. Мы ведь с Вами прекрасно знаем, что «жизнь прожить, не поле перейти», много на пути крутых поворотов, глубоких ухабов. Есть много видов конфликтов: противоречия общества с обществом, между обществом и временем, обществом и личностью, между конкретными людьми, внутренние

противоречия человека и т.д. А как же иначе, разве интересно будет «пошел, пришел, без проблем добился успехов и жил долго и счастливо».

Айтматов – великий мастер изображать внутреннюю борьбу противоречий в самом человеке, борьбу личности с самим собой. Джамилю и прежде критиковали и сейчас найдутся люди, готовые смешать её с грязью. Но подобные взгляды – свидетельство того, что человек не понял сути повести, не понял мысли, которые автор пытается донести до читателя. Часто те люди, которых насильно связали люди или обстоятельства, не могут жить вместе. Джамилия против своей воли стала женой Садыка, да и тот женился вовсе не потому что полюбил ее. Скорее, наоборот, не сумев догнать ее в игре «Догони девушку», он от досады умыкнул Джамилю. Да и потом в короткой супружеской жизни не смог разбудить в ней любовь. Если бы Джамилия любила мужа, ждала бы его хоть сорок лет. Только после того, как она, полюбив всей душой Данияра, поняла, что с Садыком ей счастливой жизни не будет, она

ушла из семьи. Джамия – сильная и самодостаточная личность, она не может существовать, подчинившись обстоятельствам. Она жаждет счастливой, полноценной жизни.

Мы знаем много подобных случаев. Курманджан датка тоже, не считая себя ровней мужу, за которого ее выдали замуж, вопреки всем заповедям шариата, уходит от него, а позже становится супругой Алымбека датки. В том же XIX веке дочь Каптагая из Джумгала, узнав о том, что ее собираются выдать замуж за не любимого человека, переодевается в мужскую одежду и сбегает в Чуй. Здесь она потом выходит замуж за одного из сыновей хана Джантая. Почему мы не осуждаем их, а обвиняем только Джамия?...

Айтматов вовсе не пытается возвысить женщину, которая бросила своего мужа, он старается донести до читателя понимание того, почему она вынуждена была так поступить. Мы говорим, что литература – это человековедение. Не все женщины, ушедшие от мужей, глупы или одни виноваты в этом. Надо с пониманием подходить к каждому конкретному случаю. Айтматов говорит нам о том, что разрушенная семья сродни разрушенному городу. Если с самого начала строительства города не строить надежно, он быстро разрушится. Также следует строить и семейные отношения убеждает нас Айтматов своей повестью.

– Но ведь разлучились женившиеся по любви Ильяс и Асель из повести «Топлек мой в красной косынке»?..

– Да в жизни бывает и так. Литература черпает свои сюжеты из повседневной жизни. Задача писателя здесь отличается от того, что было в «Джамии». Любовь – это чудесное чувство, птица счастья, которая прилетает не к каждому, – утверждает Ч. Айтматов, – поэтому нужно стараться не спугнуть её, беречь и лелеять. Безусловно, эта мысль – лишь одна из многих проблем, поднимаемых писателем. Грамотный читатель должен воспринимать не одну лишь внешнюю канву, а стараться с ее помощью добраться до внутренней сути.

– Но ведь и сам Чингиз Айтматов пережил большую любовь?!

– Ты права, и Чингиз Айтматов по воле судьбы пережил большую позднюю Любовь. Не испугавшись гнева Компартии, он не предал эту свою Любовь и любимую. Бережно и гордо он пронёс её до конца. Слова Луи Арагона о повести «Джамия»: «Это лучшая повесть о любви в мире» с полным основанием можно отнести и к личной судьбе Айтматова. Только человек, в чьем сердце живет настоящая Любовь, может вынести её «слякоть и порошу», как писал Степан Щипачёв. Существует выражение «Большому кораблю – большое плавание», если бы сам Чингиз Торекулович не пережил настоящих чувств, вряд ли сумел бы так глубоко и разносторонне изобразить Любовь в каждом из своих бессмертных произведений. О Любви Ч. Айтматова я написал лирическую поэму «Лучший сказ о любви».

– Как великий писатель относился к Богу? Верил он в Него или нет?

– Верил ли Айтматов в Бога?.. – вопрос очень сложный. Трудно однозначно на него ответить. Помните, в советские времена веру в Бога, потусторонние силы объясняли неграмотностью людей, их непониманием законов природы. В этом есть, конечно, резон, но разве, когда наука, казалось бы, достигла своей высшей точки развития, мы можем полно и объективно объяснить все тайны Мироздания? Да и вряд ли когда-нибудь это произойдет. Изыщем ответ на один вопрос, тут же следом появится другой, а затем и следующий. Потому люди и вынуждены прибегать к помощи таких пословиц как «Нищий хочет сало есть, но на это нужна воля Бога», «Без соизволения Бога не сломается и ножка муравья». Рассуждать об этом можно бесконечно, но давай конкретизируем. Не могу сказать уверенно, но, по-моему, Чингиз Торекулович все-же верил. Понятие «Бог» всегда используется в сопряжении с понятием «Вера». Как свидетельствует история религий, вера имеет много разнообразных видов, которые зависят от условий жизни конкретного человека или целого народа. В романе «И дольше века длится день» есть фрагмент, когда Эдигей, прочитав на могиле Казангапа короткую, когда-то насмешливую молитву, обращается к Всевышнему: «Я хочу верить, что ты есть и что ты в помыслах моих. И когда я обращаюсь к тебе с молитвами, то на самом деле я обращаюсь через тебя

к себе, и дано мне в час такой мыслить, как если бы мыслил ты сам, Создатель...».

В романе «Тавро Кассандры» ученый Андрей Крыльцов сумел разработать методику искусственного создания безродных людей – иксродов, которых можно было использовать на службе во имя государственных, общественных и политических «интересов». Позже ученый остро каялся в том, что посмел покуситься на божий промысел. Конечно, нельзя утверждать, что герои произведений всегда полностью выражают мысли и идеи автора, но в данном случае, уверен, Андрей Крыльцов – носитель авторской позиции. В свое время Лев Толстой и Федор Достоевский критиковали революционеров – идеологов социализма за их атеизм, считая, что их идеи не имеют будущего. Великие философы Кант и Гегель также не были безбожниками, но они не сидели, сложа руки, мол «Всё в воле божьей». Они были яркими создателями, стремящимися сполна исполнить свой долг перед человечеством с помощью таланта, данного им от Бога.

– Айтматов – космополит?

– Да, Чингиза Торекуловича часто обвиняли в космополитизме. Хотя что плохого в том, что личность не противопоставляет христианство, буддизм, ислам друг другу, а, наоборот, ищет в них общее, могущее быть полезным для всего человечества?! Разве преступно быть космополитом, сохраняя мир на Земле, возвеличивая идеи дружбы и единства?! Раз-

ве перестает быть мусульманином человек, отрицающий, скажем, джихад в исламе?! Или неправ тот, кто не примиряется с ярыми террористами, губящими невинных людей, детей и стариков?!

За долгие годы общения я заметил какое-то своеобразное отношение Чингиза Торекуловича к Богу: он верил в него как-то очень бережно, в глубине души.

– *Придерживался ли Айтматов каких-то обычаев, традиций, верил ли в знаки судьбы, предначертания? К примеру, в последнем романе ласточки настойчиво сопровождают Арсена Саманчина и в городе, и в селе, что-то щебечут, отчаянно стучатся в закрытые форточки, как бы предупреждая героя о грозящей опасности...*

– Не могу утверждать, что Чингиз Торекулович был слепым приверженцем всех обычаев, но он уважал традиции, верил, что отдельные из них обладают магическими свойствами. А если говорить о ласточках в романе «Когда падают горы», то они – сюжетный художественный приём, средство. Почему, скажем, не воробы или голуби?..

Все прекрасно знают, несмотря на то, что Айтматов – представитель письменной литературы и реалист, он часто прямо и опосредовано использует в своих произведениях образцы устного народного творчества. В данном случае отчаянные попытки ласточек восходят к легенде о Ное (по-кыргызски Нух). По легенде, змея затыкает собой дыру, образовавшуюся в днище ковчега, и этим спа-

сает всех от неминуемой гибели. В благодарность за это Всевышний позволяет ей перепробовать кровь всех живых существ и разрешает питаться в дальнейшем самой сладкой кровью. Змея выбирает человеческую кровь. Ласточка, помогая людям, вырывает язык змеи, чтобы она не смогла рассказать о своем выборе. Вот и ласточки в романе стучатся в окно Арсена Саманчина, чтобы он остановил преступные действия Ташафгана и его подручных из аила Туюк-Жар, готовых пролить кровь арабских шейхов или продать свою землю вместе с барсами и беркутами за двадцать миллионов долларов. Потеря нравственных начал людей страшнее разрушительных последствий природных катаклизмов.

– *И последний вопрос, не задать его я не могу. Давайте, вернемся в день сегодняшней. Сейчас проводится много мероприятий по присвоению имени Айтматова тем или иным объектам. Как по-Вашему, все ли правильно делается?*

– Меня радует то, что мы постепенно выходим из тупика равнодушия. Я поддерживаю, в целом, начавшийся процесс, но не все в этом меня удовлетворяет: нет бережности, если хотите, тонкости исполнения. Почему, объясняю. Существует грубая, я бы сказал, топорная тенденциозность. Мы отбираем для переименования те объекты, что долгие годы носили имена представителей русского народа или имели чисто русское звучание. Не чревато ли это охлаждением взаимоотношений?! Здесь я имею в виду лишь эти-

ческую сторону вопроса. Мы дали имя Айтматова русскому драмтеатру им. Н.К.Крупской, аграрному университету им. К.И.Скрябина, бульвару Молодая Гвардия. Сейчас один из депутатов предлагает назвать именем нашего великого писателя Свердловский район столицы. Не удивлюсь, если после ухода В.В.Путина с поста президента РФ найдутся люди, которые станут настаивать на переименовании горного пика его имени на имя Айтматова. Я вовсе не защищаю здесь представителей русского этноса, да эти великие личности и не нуждаются ни в моей, ни в чьей-либо иной защите. Если уж переименовывать часть столицы, то почему бы не сделать это с Первомайским районом, о чём я говорю уже третий год.

Айтматов был интернационалистом в полном смысле этого слова. К русскому народу относился с огромным уважением, и великая Россия платила ему тем же. Произведения кыргызского писателя

давно уже занимают самое почетное место в учебных программах и учебниках российских школ и вузов, миллионы детей россиян воспитываются на его книгах, большими тиражами выходят его произведения. Через русский язык Айтматов шагнул в огромный мир, стал общественным деятелем мирового масштаба, он неустанно пропагандировал русский язык и русскую культуру. Вот об этом нам не следует забывать.

Разве нет в Бишкеке улиц, проспектов, бульваров, учреждений, достойных имени великого Айтматова?! Есть! А памятник установлен на площади Ала-Тоо, которую, кстати, он сам и назвал, и это правильно. Бульвар Айтматова, район его имени, парк и памятник составят один ансамбль-комплекс, который бы волновал, вызывал уважение. Поэтому пока не поздно нужно глубоко продумать и вынести решение...

*Баратбай АРАКЕЕВ
«Фабула», 12 июля 2011 г.*

«АЙТМАТОВ ХОТЕЛ НАПИСАТЬ «МАНАС» ПРОЗОЙ, НО...»

– Я предлагаю поговорить о сегодняшнем состоянии литературы и культуры, о вкладе молодых в этот процесс. Выходят ли книги молодых литераторов, смотрите ли Вы фильмы, созданные молодыми режиссерами, если да, то какое впечатление они оставляют?

– Литература и культура, конечно, продолжают жить, но говорить, что они «развиваются», к сожалению, не приходится. Наши профессиональные поэты и писатели не так активны, как в прежние годы, некоторые из них совершенно отошли от творчества. В сфере поэзии есть целая группа перспективных молодых ребят, но в прозе и драматургии некого отметить. Может показаться, что писать прозу легче, но это не так. История мировой литературы свидетельствует, что художественная проза появилась намного позже, чем поэзия. В прежние века драматические произведения все писались стихами. Настоящая профессиональная художественная проза возникла после того, как сформировались определенные литературные традиции, когда определились и установились художественные идеалы.

К сожалению, не могу ничего сказать о кинолентах, созданных молодыми, ибо не знаком с такими картинами.

– Кстати, о кино, много говорилось о необходимости снять кино-эпопею «Манас», по этому поводу были какие-то собрания, на которых присутствовали и Вы. Как Вы относитесь к данной идее?

– Сама идея, конечно, хороша. Но снять художественный фильм на сюжет «Манаса» – дело нелёгкое. Не буду говорить о нехватке профессионалов, сколько финансовых и материальных средств это потребует?! Где их взять государству, едва сводящему концы с концами?! А снимать «Манас», как говорят, с бухты-бархты, нельзя. Если нашим режиссерам не терпится снять фильмы на эпические сюжеты, пусть попробуют снять одно или двухсерийные картины по мотивам малых эпосов и народных дастанов.

Я давно мечтаю о появлении документального фильма «Эпос «Манас» и Айтматов». Такой фильм ещё раз в доступной и образной форме показал бы зрителям величие нашего великого эпоса, его тысячелетнее живое бытование, проде-

монстрировал бы историю художественного слова кыргызов, национальную специфику его литературно-эстетических идеалов. В моем представлении ядро фильма могла бы составить статья-воспоминание Ч. Айтматова о Саякбае Каралаеве. Льет дождь, но писатель вместе с многочисленными слушателями, весь отдавшись магии сказителя, ощущает себя участником событий «старины глубокой», что составляют содержание эпоса «Манас». В качестве звукового фона звучат мысли писателя об эпосе, его влиянии на самого Айтматова, воздействии на современную жизнь, высказанные в публицистике, в многочисленных интервью, статье «Манас» – вершина духа кыргызов». К тому же ведь сам Айтматов написал художественное произведение об истоках появления сказительства манасчи, его народности, национальной ценности.

– Расскажите подробнее об этом произведении.

– Чингиз Торекулович был человеком, глубоко понимающим природу, философию феномена сказителя-манасчи. В 1978–1990 годы он был главным редактором книг по вариантам Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева, очень хорошо знал оба текста. У него была мысль создать прозаический вариант эпоса «Манас». Из-за нехватки времени он попросил сделать это Ашима Жакыпбекова и Кенеша Жусупова. Но тема этого гениального эпоса, его дух заметны уже в первых произведениях писателя. В на-

чале семидесятых годов, увлечшись феноменом сказительства эпоса, он начал работу над большим произведением об этом. Несложно заметить уже в рассказе «Плач перелётной птицы», опубликованном в 1972 году, элементы романного масштаба. Айтматов планировал написать книгу исторического плана, взяв за основу описание жизни манасчи.

А может книга и была написана... Ведь недаром известный калмыцкий поэт, друг и во многом наперсник нашего писателя Давид Кугультинов просил у Айтматова рукопись книги, чтобы прочитать. Кугультинова заинтересовал тот факт, что в произведении изображались исторические события XVII века – борьба кыргызов против поработителей ойратов и калмыков за свою свободу. Калмыцкий поэт попросил Айтматова не публиковать эту книгу, которая могла негативно отразиться на взаимоотношениях двух братских ныне народов, и оставил рукопись у себя. Чингиз Торекулович в знак уважения согласился.

В 1988 году в филармонии проходил творческий вечер Айтматова в честь его шестидесятилетия, вёл который драматург Бексултан Жакиев. Я письменно обратился из зала по поводу дальнейшей судьбы произведения «Плач перелётной птицы». Писатель тогда ответил, что завершил над ним работу, что рассказ этот перерос в роман. Позже я еще раз спросил его о судьбе книги. «В те годы сложно было опубликовать его», – ответил Чингиз Торекулович. Как бы то ни было,

«Плач перелётной птицы» – особое явление в творчестве писателя. Айтматов глубоко окупился в историю, попытался создать обобщенный, незабываемый образ манасчи, чтобы показать величие, героизм, силу духа, единство кыргызского народа. Именно манасчи давали силу духа, пробуждали в народе честь и достоинство, учили любить и беречь свою землю. «Манас» живет в душе каждого кыргыза. Это слово многие века было боевым кличем. Образно говоря, эпос «Манас» стал неприступной твердыней, защитой от поработителей. Манасчи были первыми, кого стремились убить враги, ибо тогда не оставалось того, кто своим словом пробуждал бы в людях честь и мужество. Айтматов бы прекрасно написал и историческое произведение.

– *Пожалуйста, расскажите о том, как появилась легенда о Вечной невесте в последнем романе писателя. Есть ли у кыргызов такая легенда? Этот вопрос, насколько мне известно, интересует читателей.*

– Чингиз Торекулович не уставал повторять, что народные сказки, легенды и мифы актуальны и обладают огромным воспитательным зарядом и сегодня. Своим творчеством он доказывал их современность. Несмотря на упоминание в романе о том, что легенда о Вечной невесте принадлежит кыргызам Китая, мои поиски оригинала не увенчались успехом. Ни Макелек Омурбай, ни Адыл Турду, которым я задавал этот вопрос, ответили,

что никогда не слышали такой легенды. Когда однажды я сказал Чингизу Торекуловичу, что такой легенды у китайцев нет, он только переспросил «Да?». Фольклор Айтматов использовал в разных вариациях. Идея произведения развивая и изменяя отдельные части соответственно теме, додумывая и тем самым создавая новую легенду. Новая легенда не может возникнуть на пустом месте, она появляется, опираясь на ту же фольклорно-поэтическую эстетику. В своих статьях по этой проблеме я высказывал предположение, что основу легенды о Вечной невесте в романе «Когда падают горы» может составлять «Сказание о Коджожаше». Конечно, на этом предположении я стою и поныне. Однако, следует отметить, что Айтматов, наряду с «Кожоджашем», мог параллельно использовать еще одну легенду, внедрив ее в «Кожоджаш».

Иначе говоря, мне представляется, что легенда о Вечной невесте делится на две части. Первая – о метком охотнике, который кормит весь свой род, конечно, здесь присутствует мотив «Кожоджаша», вторая – история о поисках невестой своего суженного, кажется, взята из легенды о Чолпон. По одному из вариантов легенды о Чолпон, в давние-предавние времена была девушка Чолпон, красотой своей спорящая с луной и солнцем. Полюбила она юного джигита, но отец её был богат и не хотел отдавать дочь за бедняка. Молодые договорились встретиться в

горах, чтобы бежать из дома. Всю ночь прождала юная красавица своего жениха, но тот почему-то опаздывал. На рассвете отчаявшаяся девушка убивает себя ударом кинжала в сердце. Звезды забирают ее на небо. Придя на место встречи, юноша видит, что его любимая стала звездой Чолпон на небе. С тех пор юноша безуспешно пытается дотянуться до своей невесты, а она зажигается раньше всех звезд на небе, а гаснет позже других, продолжая ждать джигита, поэтому ее называют звездой утренней и вечерней зари. Конечно, Чингиз Торекулович знал эту легенду, поэтому сумел мастерски соединить две народных легенды в одну. Тот же художественный прием мы наблюдали в повести «Прощай, Гульсары!», в которой были синтезированы «Кожоджаш» и «Карагул ботом». Образ Вечной невесты является контрастом, примером для подражаний нынешним Айданам, чья любовь не выдерживает испытаний богатством и властью сегодня.

– *Кто кроме Айтматова был в числе тех, кто во времена СССР пытался сохранить своеобразие, национальную самобытность своих народов?*

– В те годы творческими опорами тюркоязычного мира были башкир Мустай Карим, балкарец Кайсын Кулиев, дагестанец Расул Гамзатов, казах Олжас Сулейменов и кыргыз Чингиз Айтматов. Эта блестящая плеяда всегда высоко ценила таланты, морально поддерживала друг друга. Чингиз Торекулович был между ними признанным объединителем в

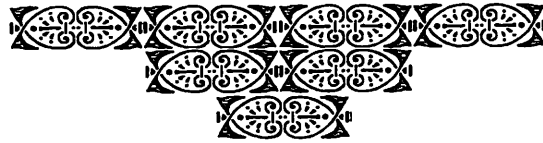
жизни и творчестве. Были они свободолобывы и смелы, часто вставали на защиту друг друга, когда советская партийная цензура ополчалась на кого-нибудь из них. В свое время книга Олжаса Сулейменова «Аз и Я» буквально взорвала все советское общество, он был предан партийному ostrакизму. Мустай Карим, Кайсын Кулиев и другие представители творческой интеллигенции во главе с Чингизом Айтматовым дошли до первого секретаря ЦК компартии Казахстана Д.Кунаева, а затем и до Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева и защитили опального поэта. Вот пример истинного мужества и гражданственности. Отдать Олжаса Сулейменова, образно говоря, на «съедение» партийной цензуре – значило под корень рубить литературу, культуру, искусство тюркоязычных народов. Сейчас из той плеяды жив только Олжас Сулейменов, который отмечает в этом году свое 75-летие. Он личность очень значимая и для кыргызов, было бы хорошо пригласить его для встречи с нашими читателями! Он бы побывал и на Ата-Бейите, поклонился праху своего великого старшего друга. На 50-летие Чингиза Айтматова он написал:

Идут с Востока новые Чингизы, –
Цари прозы и чистых красок мастера.

– *Благодарю за интересную беседу!*

Папан ДУЙШЕНБАЕВ
«Алиби», 5 августа 2011 г.

«И АЙТМАТОВ – ФУТУРОЛОГ...»

– *Айтматов очень глубокий писатель-мыслитель, практически все литературоведы, среди которых и Вы, уже давно говорите о том, что в его произведениях живут целые слои открытых, завуалированных мыслей, идей, поучений, отличающихся бездной содержательного пространства. И все-таки, какое произведение великого писателя Вы отметили бы как самое сложное?*

– Я полагаю, это роман «Тавро Кассандры». Чингиз Торекулович во время работы над этим романом часто говорил: «Все, что я написал до этого произведения – одна часть, а этот роман – другая часть. Каждый день я пишу лишь пять-шесть предложений. Я окунулся в совершенно иной мир. Наверное, массовому читателю будет сложно понять то, о чем я сейчас пишу. Приходится очень много читать». Когда роман появился в свет, оказалось, это действительно весьма сложное произведение. Недаром писатель высказывал обеспокоенность. Я, помню, тогда же, после внимательного прочтения, сказал Чингизу Торекуловичу, что вряд ли кыргызские читатели смогут понять произведение. Действительно, в этой кни-

ге мало событийности, читателю придется напряженно думать, следовать за мыслями автора, где-то соглашаясь с ним, а в чем-то вступая в заочную полемику. Неподготовленному читателю, конечно, он «не по зубам». Понять и оценить этот роман дано лишь очень искушенным читателям-интеллектуалам. «Тавро Кассандры» заставляет отойти от мыслей о лишь самом себе, вынуждает совместно с автором озаботиться будущим всего человечества, делать какие-то обобщения. Образно говоря, многовековая история, судьба, опыт всего человечества словно невидимой пружинкой до предела сжаты и помещены в рамки романа. Здесь в концентрированном виде с особым мастерством синтезированы мифолого-фольклорные, религиозные (иудаизм, христианство, мусульманство), историко-социальные, научно-философские воззрения.

– *В таком случае, в чем, на Ваш взгляд, новизна, особенность произведения, в его сложности или в том, что он поднимает новую тему?*

– Я всецело согласен с утверждением японского мыслителя XX века Дайсаку Икеда «Айтматов открыл тринадцатую

тему в мировой литературе». Это тема проблема «поколения кассандро-эмбрионов», которые, еще не родившись, сигнализируют из чрева матерей о том, что они не должны рождаться, ибо принесут в наш мир горе и несчастья. В Торе, Евангелии, Коране есть предупреждения о том, что когда люди забудут о Боге и наполнят мир греховными деяниями, Всевышний будет наказывать их, насылая различные природные катаклизмы. И Айтматов в своем романе размышляет вокруг этих проблем, утверждая, что состоится Апокалипсис или нет, близок он или находится в далекой перспективе, зависит только от самих людей. Неблаговидные деяния как отдельных людей, так и всего человечества, чувства обиды, мести, злобы, непослушания, отсутствия чувства вины и богобоязненности не умирают вместе со смертью этих людей. Как утверждает автор книги, «ядовитые семена в глухом лесу людских генов...», множатся и переходят из поколения в поколение. В каких-то из человеческих зародышей эти семена достигают предельных величин, и тогда они, понимая, что не смогут поднять эту безмерную ношу, не хотят приходить в наш мир и дают сигнал «Я – кассандра-эмбрион, я не хочу рождаться». В таком решении кассандро-эмбрионов не виноваты лишь их родители, велика негативная роль всего общества, политики, проводимой государствами. Айтматов своим романом словно говорит нам: «Люди и те, кто ныне стоят у власти, борясь с сегодняшними проблемами, не забывайте о будущем своих де-

тей! Мало оставить им в наследство лишь материальные богатства, думайте о воспитании в них совести и чести. Не занимаясь подсчетами голосов сегодняшних избирателей, озаботьтесь и завтрашней судьбой народа».

– *Кстати, об избирателях, ведь в романе описаны и события, связанные с президентскими выборами.*

– Да, теория о кассандро-эмбрионах и связанное с этим открытием письмо Папе римскому космического монаха Филофея, (условный образ пророка нового времени в романе), публикуется в самый канун президентских выборов. Несмотря на то, что кандидат в президенты Оливер Ордок не способен понять важность открытия Филофея, его хитрости и чутья достаточно, чтобы с его помощью набрать дополнительные голоса избирателей. Он сумел в своих интересах использовать предупреждение Филофея о грядущей трагедии людей, принес в жертву ученого-футуролога Роберта Борка, начав дьявольскую избирательную игру. Автор в своем романе упоминает и о том, что слово «Ордок» с одного из языков переводится как «чёрт». Бог – пророк – чёрт – народ. Казалось бы старая схема, однако новая конкретика, новая система образов, соответствующая сегодняшнему дню. Ведь мы видим как простой народ все время оказывается в плену дьявольской избирательной политики, спотыкаясь об одни и те же грабли наших домогренных ордоков и послушно бредя на убой за козлами-провокаторами...

– *Среди наших кандидатов тоже есть кыргызские Ордоки?..*

– Число кассандро-эмбрионов в наше время растет. Возникшие из них Ордоки рвутся в президенты. Разве таких в Кыргызстане нет?! Сегодня более восьмидесяти человек зарегистрированы кандидатами в президенты. Все ли у них нормально с головой?! Айтматовские кассандро-эмбрионы невольно приходят на ум, когда видишь бездельников-кандидатов в президенты страны, неспособных прокормить одну свою семью, людей, которые не заслужили уважения даже соседей. И хотя роман Айтматова написан двадцать лет назад, он и сегодня в преддверии президентских выборов в Кыргызстане имеет огромную воспитательную силу.

– Скажите, можно говорить о том, что и сам Айтматов обладал даром предвидения?..

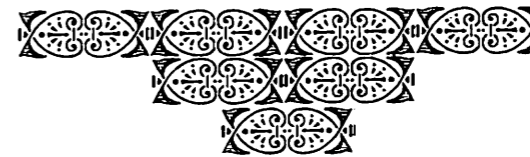
– Айтматов – Роберт Борк в произведении. И Айтматов – футуролог. Основная мысль и главная цель романа – предугадать будущее. Образ мышления, взгляды автора романа и главного героя практически идентичны. Айтматов как общественный и государственный деятель, конечно, хорошо знал социально-экономическое и духовное движение общества, его недостатки и противоречия, влияния внешних и внутренних сил. В написанных до «Тавро Кассандры» романах и повестях «Прощай, Гульсары», «Белый пароход», «И дольше века длится день», «Плаха» уже можно заметить, что многое писатель наблюдал, предвидел. Но это были предвидения, так сказать, в рамках лишь одной формации социализма. В «Тавре Кассандры» нет противопоставления

капитализма, социализма. Автор окунается в проблему общемирового масштаба, пытается заглянуть в будущее всего Человечества. Постепенно по ходу действия книги складывается идейная троица: Айтматов – Борк – Филофей, главная цель которых сделать так, чтобы человечность в мире росла и развивалась.

– Что, на Ваш взгляд, нужно сделать, чтобы не было Кассандра-эмбрионов или хотя бы уменьшилось их число?

– Да, в произведении, протестуя против негативных явлений человечества, киты погибают, выбрасываясь на берег. В Кремле умирает летающая по ночам старая сова. На Красной площади совершает акт самосожжения девушка. А что делать нам в своей повседневной жизни?! Легко давать советы, поучать. Но жизнь такова, что трагедия одной личности вырастает до трагедии вселенского масштаба. Можно ли сберечь жизнь?! Скажем, можно! Но как? Ответ на этот вопрос, по моему, Айтматов дал задолго до сегодняшнего дня в финале повести «Белый пароход»: «И в том еще, что детская совесть в человеке – как зародыш в зерне, без зародыша зерно не прорастает. И, что бы ни ждало нас на свете, правда пребудет вовеки, пока рождаются и умирают люди...». Эти слова великого писателя не должны оставаться для нас лишь частью художественного произведения. И напоследок отмечу – финал повести «Белый пароход» стал художественным сгустком романа «Тавро Кассандры».

Беседовал Зулпукор САПАНОВ
«Алиби», 2011.

«КОГДА ВЗДЫХАЛ ЧИНГИЗ ТОРЕКУЛОВИЧ, МНЕ КАЗАЛОСЬ – РУШАТСЯ ГОРЫ...»

– Обычно ученики знаменитых людей получают от этого большие дивиденды: высокие должности, премии, звания, квартиры. Что Вам в этом плане дала близость к Айтматову? Вообще какое внимание он уделял жизненным условиям своих учеников?

– Часто мне задают подобные вопросы, я всегда отвечаю, что, к счастью, наши с ним взаимоотношения не опускались на уровень каких-то жизненных условий, получения благ. Премии, звания я получал и до знакомства с ним и получаю за свой труд после его кончины. В 2008 году был избран академиком, награжден орденом «Манас». Однако, считаю, что многолетние близкие взаимоотношения с Чингизом Айтматовым – важнее всех наград. В 1992 году я получил от него письмо, которое заканчивалось словами: «Я верю тебе как самому себе». Его доброе отношение, благословения давали мне большую моральную силу, повышали ответственность. Только через десять лет после знакомства, пройдя какие-то жизненные испытания, я заслужил его веру и расположение, стал близким

ему человеком. Я никогда не опускался до того, чтобы просить его помочь мне с жильем, должностью. Даже не просил лишний раз автографы, не сфотографировался в непринужденной обстановке, хотя возможностей было много. Сейчас жалею, нужно было записать с ним беседы, когда он возвращался из-за границы.

А жизнь текла своим чередом. Наблюдая как мы мучаемся с жильем, некоторые знакомые советовали: «Обратись к Айтматову, что ему стоит поднять трубку и позвонить, сразу решится вопрос». Да, я знаю такие случаи. Но воспользоваться этим значило, что я нахожусь рядом только для того, чтобы иметь какие-то льготы. В те годы я дал интервью «Үнкүр да болсо үй болсо...», русский вариант «Хоть пещера, и то дом» и как-то так сошлось, что власть выделила мне 3-х комнатную квартиру, в которой мы проживаем до сих пор. Именно туда я впервые пригласил Айтматова в гости, он долго не верил, что статья-интервью послужила причиной. Но и тогда знакомые пустили слух, что Айтматов купил мне двухэтажный дом.

Как-то встретил одного знакомого, который на полном серьезе стал поздравлять меня, я спрашиваю: «С чем?», а он и говорит: «Оказывается, Айтматов на своем самолете свозил тебя в Турцию, у вас была встреча со спикером Парламента и тебя назначили ректором университета «Манас». Какой самолет, какой спикер?! И смех, и грех, как говорится. Могу сказать, что никогда за долгие годы мы не опускались до разговоров о каких-то жизненных благах.

Ты спрашиваешь, что мне дала дружба с Айтматовым, ученичество у него? Я научился у него справедливости, чистоте помыслов, человечности, простоте, благородству, душевности, толерантности, стал духовно богаче. Он не дал мне богатства, власти, славы, он показал мне, каким должен быть человек! Я счастлив оттого, что на протяжении двадцати восьми лет сумел достойно пронести рядом с великим человеком свою честь и достоинство, не возгордился, не искал дивидендов. И он меня понял, научил своими глазами смотреть на мир.

– Великий писатель был в опале во время правления К.Бакиева. Говорят, что и прежняя власть не слишком его жаловала. Говорили ли Вы с Айтматовым по этому поводу?

– По этому вопросу я много дал интервью. Как-то вечером, провожая меня до ворот, он спросил: «Что за человек президент?» Я ответил: «Мне он не нравится». «Что так?» – удивился Чингиз Торекулович, видно не ожидал от меня

такого резкого ответа. «Один только факт, – сказал я. – На одном из совещаний республиканского масштаба, сидя в президиуме, он не смог вспомнить Вашу фамилию, долго мялся, а потом сказал «Ну тот, кто написал «Первого учителя». Айтматов задумался, замолчал. Еле раз, уже после возвращения из Бельгии, он сказал мне: «Не понял я действий президента, прощаясь, сказал мне «Работайте, не волнуйтесь», а вслед за мной в Европу сразу же пришел его указ о снятии с меня посольских полномочий».

– Говорят «И у хана есть несбывшаяся мечта». А какие несбывшиеся мечты тревожили Айтматова?

– Нет в мире человека, у которого все было бы в порядке, недаром кыргызы говорят: «Всегда чего-то одного не хватает». Айтматов мечтал о расцвете Кыргызстана, говорил о достижении уровня Малайзии, Сингапура. Мечтал построить на побережье Иссык-Куля Дворец деятелей культуры, в котором могли бы собираться величайшие умы планеты, чтобы обсуждать проблемы, принимать какие-то решения. Он часто сетовал на нехватку времени, невозможность претворить в жизнь многие свои творческие замыслы. Когда в такие моменты он вздыхал, мне казалось, рушатся горы...

– Как-то великий писатель произнес парадоксальное выражение «Жизнь – трагедия, прославляющая жизнь». Отдельные люди пишут и говорят, что Ч.Айтматов – трагическая личность. Что Вы скажете по этому поводу?

– Трагедия – понятие весьма широкое, надо посмотреть, в каком контексте говорил писатель. Айтматов разрушил, изменил в советской литературе взгляды на трагедию. В литературе соцреализма есть принцип, что трагедии не должно быть, а если и есть она, то должна быть оптимистической. Но ведь трагедия – не всегда смерть. Каждый человек в душе одинок, и это трагедия. Если человек рождается, то у него один путь в дальнейшем – к смерти, это тоже трагедия. Смерти не избежишь, от нее не спрячешься, ее не обманешь. Рано или поздно встретишься с ней лицом к лицу. Значит нужно прославлять жизнь, пока мы живы. Чингиз Торекулович перенес много тягот до выхода в свет повести «Джамия», после получения Ленинской премии он был все время в фаворе, а его произведения и внутренний мир – трагичны.

– Казахи на русском языке издали полное собрание сочинений Айтматова в 8-ми томах. Мы дважды издавали его 8-митомники, но их нельзя назвать полными собраниями. Рассматривается ли вопрос издания полного собрания?

– За 50 лет всего три раза выходили 3-х, 5-ти и 8-митомники писателя на кыргызском языке. Последние две я готовил к 70-летию, а позже – к 80-летию Айтматова. Горжусь тем, что их подготовка выпала на мою долю. Идея их издания также принадлежала мне. Сразу скажу, хотя эти собрания сочинений выходили к юбилеям всемирно известного писателя на родном его языке, Правительство

не выделило ни единого тыйына. Как тут говорить добрые слова в его адрес?! Буквально вчера Народный поэт Кыргызстана, депутат Жогорку Кенеша Эгемберди Эрматов, спасибо ему, написал: «Сколько мытарств перенесли те, кто во главе с А. Акматалиевым готовили 8-митомник писателя к изданию в честь 80-летнего юбилея». До сих пор не собраны в полном объеме интервью и статьи писателя, причина одна – нет средств.

– После многих мастеров слова остается эпистолярное наследие, дневники, письма. Какова судьба архива писателя, его личной библиотеки?

– Мы часто просили его написать мемуары. Он отвечал: «Для этого нужно сидеть в архивах, нужно вспомнить много событий». Но я не видел и не слышал, чтобы он вел какие-то дневники. Архив сейчас приводится в порядок, личная библиотека – в доме, где он жил.

– Айтматов не только великий мастер слова, но и философ, большой политик. Много размышлял о религиях. Ведет ли работу айтматовская академия в данном направлении?

– Очень интересно рассмотреть его отношение к религиям. В беседе с японским философом Дайсаку Икедой он выступает как знаток проблем религии. Помните, как его обвиняли в космополитизме после его книг, в которых он писал о христианстве! Никогда он не противопоставлял ислам, буддизм, христианство, наоборот, зная их схожесть, искал пути их сближения во имя спасения челове-

ства от Апокалипсиса. Не скрывал своего отношения и к негативным сторонам религий. А по вопросам его философии, политической деятельности, мудрости и др. Общественная айтматовская академия проводит различные мероприятия, исследования, поиски. Ребята пишут курсовые и дипломные работы, кандидатские диссертации. Давай как-нибудь отдельно поговорим о его отношении к религии.

– У Айтматова была мечта открыть на берегу Иссык-Куля Центр для молодых писателей и поэтов. Говорили, что под Центр и землю выделили. Какова его судьба?

– Каждым летом в пансионате «Белек» проходят семинары для молодых писателей. В этом плане супруга писателя Мария Урматовна проводит большую работу. В Бишкеке выделен участок, млад-

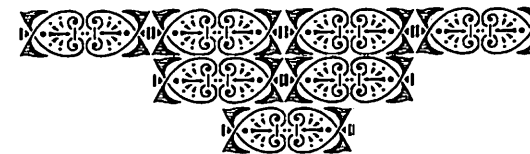
ший сын Эльдар давно разработал проект Центра, но нужны большие средства.

– На следующий год мы отметим 85-летие Айтматова. Был разговор и об «Иссык-Кульском форуме». Вообще, как идет подготовка к юбилею?

– Все будет зависеть от отношения Правительства, если вновь, как и прежде, не будет средств, проведем «местечковую» тусовку. Такие юбилеи следует рассматривать как возможность заявить на весь мир о своей стране, как развиваемся, успешном в будущем государстве. Это нужно не Айтматову, это нужно, чтобы кыргызы, наконец, смотрели на мир с высоко поднятыми головами.

– Спасибо за содержательную беседу!

Мирлан ДУЙШЕНБАЕВ
«Де-факто», 15 марта, 2012 г.

«ПЛАКАЛИ ВСЕ, БУДТО ВНОВЬ ПОЧИЛ МАНАС...»

– Читательская общественность хорошо знает, что Вы были одним из наиболее близких великому Айтматову людей, его наперсником. После ухода писателя, эту вдруг образовавшуюся пустоту Вы пытаетесь заполнить поэзией. В своих стихах Вы даете не только штрихи из жизни великого человека, его характера, но и бичуете власть. Нет чувства страха, опасения за свою жизнь, карьеру?

– Эрнис, скажу так, сила поэзии – в своевременной правде, она, как зеркало, призвана отражать чувства и переживания читателя. Только когда между строками стиха и внутренним миром читателя установится связь, поэзия окажется в состоянии ответить на кричащие вопросы последнего. Ведь не один я переживаю за безвременный уход величайшего из кыргызских сыновей, не я один – свидетель, мягко говоря, равнодушного отношения власти к нему. Но, будучи много лет рядом с Айтматовым, я, конечно, знаю больше о противоречиях между властью и писателем. Это и пытаюсь отразить в своих стихах. Правда на моей стороне, я ничего не придумываю, не сгу-

щаю краски, поэтому без опасения критикую бакиевскую власть, Временное правительство.

– А как с нынешней властью?

– Постепенно власть поворачивается лицом к великому писателю. На площади «Ала-Тоо» установлен памятник, люди приходят к нему почтить память. Об этом я написал в стихотворении «Айтматов сүйгөн Эркиндик». К сожалению, и нынешняя власть вся обвита чиновниками-манкуртами, как повиликой, а мы – люди старшего поколения – помним, сколько средств и труда советская власть тратила на борьбу с этим злостным сорняком! Именно поэтому я написал:

Манкурт один – Ваш бедный Жоламан,
Сейчас не счесть манкуртов – аламан.
Ужель пришла эпоха манкуртизма, –
Манкурты в Кыргызстане правят бал!

– Это – трагедия нашего времени, нашего общества! А как понимал трагедию Чингиз Торекулович?

– Ты прав, это болезнь всего общества. У нас нет идеологии, чтобы лечить общество, проводить профилактическую рабо-

ту. Трагедия единиц стала у нас трагедией общенационального масштаба, словно сель захлестывают нас вредоносные идеи, резкое падение нравственных устоев. Чингиз Торекулович и в творчестве, и в многочисленных выступлениях не уставал призывать землян не допускать планетарных трагедий. Трагедия человечества – это не только и не столько глобальные катаклизмы, войны, кровопролитие, терроризм, в первую очередь – это нравственное обнищание людей. Национальная трагедия – следование культурной диверсии массовой манкуртизации, отдаление отдельных людей и целых народов друг от друга. В наше время трагедию отдельной личности нельзя рассматривать в отрыве от трагедии всего человечества. Как никогда сегодня справедливы слова Э. Хэмингуэя «Никогда не посылай узнавать, по ком звонит колокол: он звонит по тебе». К слову, «Материнское поле», «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», «И дольше века длится день», «Тавро Кассандры», «Восхождение на Фудзияму», «Когда падают горы» затрагивают проблемы вселенской трагедии! Недаром сам Чингиз Айтматов утверждал, что «Трагедия – горький спутник счастья».

Для Айтматова жизнь – служение народу, прославление своего Отечества, гордость за него, он прожил честно и чисто свою жизнь, не творил зла, был великодушен и справедлив. Его собственные слова о том, что самое трудное для человека – каждый день быть человеком в полной мере относятся к нему самому, являются девизом всей его жизни!

– А были ли у него личные трагедии?

– В какой-то мере Чингиза Торекуловича можно назвать трагической личностью. О таких гениальных людях у нас в народе говорят «У него есть ровесники, но нет ровни». Много людей нуждаются в его советах, его помощи, надеются на него, а кто поможет ему в тягостную минуту, кто поддержит словом и делом?! Муки мысли – тяжелая ноша. Друг и наперсник Айтматова, мой учитель Георгий Гачев как-то посетовал: «Какую тяжелую ношу носит в себе Чингиз, он водрузил на свои плечи ответственность за культуру и историю своего народа и с этим грузом ездит по всему миру. Неподъемна его ноша, мне его искренне жаль».

Конечно, в его жизни много было трагедий. С детства он считался «сыном врага народа», только после окончания сельскохозяйственного института его отца реабилитировали. Со стороны это может показаться не столь существенным, но представьте, сколько душевных мук это представляло для чувствительного мальчика, потом юноши. Позже встретил большую любовь, но и она сопровождалась трудностями, а затем окончилась смертью любимой. Как писатель и общественный деятель видел и понимал глубже других недостатки в политике государства, хозяйственной деятельности. С чем-то не мирился в открытую, что-то критиковал устами своих героев. Почти все его главные персонажи – трагические личности: и Дуйшен, и Танабай, и Едигей, и Авдий Калистратов, и Арсен. Айт-

матов видел в них себя, вложил в каждого из них свой внутренний мир и переживания.

– А были ли между вами разговоры о регионализме, трайбализме, которые сегодня имеют тенденцию к развитию?

– Да, конечно, Чингиз Торекулович часто затрагивал эту тему, его внутренний мир не принимал тех людей, кто, пользуясь этими категориями, рвался к власти, разделяя людей по их принадлежности к различным родам. Расскажу интересный случай. После перезахоронения останков 137 исторических личностей на Ата-Бейите в госрезиденции Чингиз агай устроил поминки по отцу Торекулу Айтматову. Читатели знают, что многие годы семья писателя не знала, где покоятся останки их отца. Только после обретения суверенитета вдруг выяснилось, что Торекул Айтматов вместе с соратниками покоится рядом с Бишкеком. Вот откуда вышли эти поминки шестидесятилетней давности. Здесь присутствовали президент А. Акаев, премьер-министр Н. Исанов, председатель Жогорку Кенеша М. Шеримкулов, патриарх-писатели и поэты Т. Сыдыкбеков, С. Эралиев, всего около 300 представителей интеллигенции страны. В своем заключительном слове Айтматов сказал среди прочего и следующие слова: «Сегодня к Марии Урматовне пришел молодой человек и сказал: «Я родом, как и Вы с Суусамыра. Вот принес Вам с Чингизом Торекуловичем свою книгу с дружескими шаржами». В книге есть и я,

летающий в самолете. Я подумал, а если бы я не оказался по воле судьбы родственником, не видать бы мне этой книги?! Почему даже в таком маленьком деле мы ищем земляков. Это неправильно, тем более такого не должно быть среди молодежи, я не виню этого молодого человека, но, по моим наблюдениям, идет заметный крен в сторону трайбализма. Мы только обрели независимость и не гоже нам сразу же окунаться в регионализм, трайбализм, феодализм. Эти атавизмы прошлого помешают нам укрепить свою независимость, всегда будут разделять наш маленький народ и могут привести к потере столь долгожданного суверенитета...»

– Вы согласны с этими словами писателя?

– Конечно, у меня много учеников, они из Таласа, Нарына, Оша, Иссык-Куля, Чуйской долины, Китая, Турции. Людей следует ценить по их человеческим и профессиональным качествам, а не принадлежности к одному роду-племени.

– Говорят, что у Вас дома в гостях был космонавт Жаныбеков, это правда?

– Да! Ассамблея деятелей культуры государств Центральной Азии проходила в 1995 году в Ташкенте. На нем Чингиза Айтматова избрали президентом Ассамблеи. Киргизскую делегацию из тридцати человек возглавляли мы с Казатом Акматовым. Вице-президенты Ассамблеи известные писатели Адыл Якубов и Тулепберген Каипбергенов позже приехали в Бишкек. Я знаком был с эти-

ми писателями еще с 1982 года, был у них дома в гостях в Ташкенте и в Нукусе. Я их пригласил в гости к себе домой, предварительно договорившись с Чингизом Торекуловичем. Вот они-то и привели с собой дважды Героя СССР, космонавта Жаныбекова. Прекрасно мы тогда посидели, есть видео. Спасибо, что напомнил об этом событии, сейчас вспомнил, что за бытовыми хлопотами не записал в свой дневник это историческое событие.

– Нет намерения издать дополненный вариант дневника?

– Даст Бог, издам. Многие просят у меня книгу «Айтматов жөнүндө этюд», но, к сожалению, нет средств переиздать ее.

– Говорят были какие-то запреты со стороны власти даже во время прощаний великого писателя в последний путь?

– Что говорить, было и это. В свое время мы говорили об этом. Многие знаменитые люди со всего мира, намеревавшиеся проститься с великим современником, не прибыли потому что не получили внятного, просто человеческого приглашения разделить с киргизским народом горечь утраты от наших властных структур! Еще одно, все мы в траурном безмолвии. По сценарию, отъезд от филармонии до площади Ала-Тоо гроба с телом Айтматова должен был сопровождаться сказанием великим манасчи Саякбаем Каралаевым эпизода о прощании киргизов с Манасом. Так было решено ко-

миссией. Вдруг ко мне подбежал с озабоченным видом министр культуры Султан Раев: «Что будем делать, агай, начальники запретили включать эпизод «Манаса». Я сказал: «Султан, что хочешь делай, но этот фрагмент должен прозвучать, я буду делить с тобой ответственность за это решение, как член траурной комиссии. Айтматов сегодня для нас Манас». С опозданием на две-три минуты запись была включена. Потом люди говорили мне, что у многих было ощущение будто они разом прощались с двумя великими сынами народа.

– Часто бываете на Ата-Бейите?

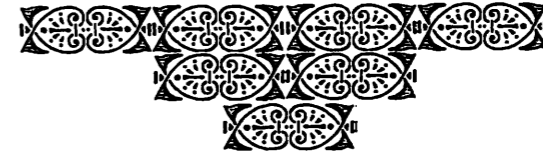
– Да, довольно часто. Был и 1 апреля, много было иностранцев. Ата-Бейит печален. Со мной поехал мой аспирант, турок Мустафа Ожак, он как раз завершил кандидатскую диссертацию по теме «Ребенок и детство в художественном мире Ч. Айтматова». Как всегда мысленно общался с Чингизом Торекуловичем, рассказал о проблемах, на душе полегчало...

– Нет теперь Айтматова – что осталось в Вашей душе?

– Есть «Манас», есть и Айтматов! В моем духовном мире эти два феномена будут жить вечно!

– Благодарю за беседу!

Эрнис БАЛБАКОВ
«Фабула» 10 апреля 2012 г.

«АВТОМОБИЛИ ЕЛЬЦИНА И АЙТМАТОВА СТОЯЛИ РЯДОМ...»

– Мы хорошо знаем, что Вы долгие годы дружили с Айтматовым домами. Наши читатели достаточно глубоко осведомлены о его творчестве, но не знают, каким был писатель по жизни, что его волновало, что заботило. Могли бы Вы рассказать об этом?..

– У каждого своя судьба, сколько человек в мире – столько и судеб. Моя судьба распорядилась так, что я познакомился и сблизился с Чингизом Торекуловичем. За долгие годы дружбы старался не подвести его, не обидеть. Кстати, и сам он всегда старался помочь даже людям, которых видел в первый раз. Никогда не отказывал встретиться, ссылаясь на нехватку времени. В теплое время года принимал во дворе, на скамейке, если было холодно, заводил в дом. Всегда поил гостя чаем, провожая, срывал яблоки и угощал. Если замечал, что посетитель волнуется, не может внятно объяснить проблему, выстраивал такое общение, что снимал напряжение и волнение. Был готов помочь советом, многие потом признавались мне, что ощущали от него отношение старшего брата или отца. Он умел постепенно

успокоить человека, был мягок и предупредителен. Не любил, когда к нему приходили, чтобы облить кого-нибудь грязью, и сам никогда не говорил плохое о людях. У него была прекрасная черта провожать до калитки посетителя, несмотря на его возраст. Если у них не было транспорта, обязательно просил своего шофера отвезти до дома. Часто, не принимая в расчет мои слова, что сам доеду до дома, что осталось совсем мало, отвозил меня до самого подъезда.

– Говорили, трудно встретиться с Айтматовым...

– Это не так. Другое дело, что не так часто он приезжал в Бишкек, но в эти дни он сам искал встреч с друзьями. Если звонили, он говорил: «Приезжайте туда-то, я в Посольстве Казахстана или в Доме кино», затем назначал время. Встречи с людьми, словно заряжали его энергией, он отдыхал душой.

– На его столе, наверное, каких-только заморских яств не было?..

– Мы не обращали на стол большого внимания, нам было важно послушать его, обменяться мнениями. Конечно, как

хозяин он говорил: «Ешьте, пейте, не смотрите на меня, я на диете». Он питался легкой пищей, любил манты из тыквы, рыбу. В гостях, конечно, ел бешбармак, отрезал кусочек мяса, пробовал и сразу безошибочно определял, откуда это мясо. Ведь по образованию он был зостехником!

– В чем он ходил дома? Наши читатели задают и такие вопросы...

– По-разному, но чаще всего был в спортивной форме, футболке, легкой куртке.

– Телефон, наверное, не смолчал?

– Да, телефон всегда находился с правой стороны. Часто он не успевал хлебнуть чаю, звонили с Запада, России, Турции, Узбекистана, Казахстана. Чингиз Торекулович вел неторопливый разговор. Мы узнавали много нового, к примеру, где вышла книга писателя, какая конференция, где планируется, куда он вскоре поедет, с кем будет встречаться...

– Сами Вы часто ему звонили?

– Когда он был за границей, в три-четыре дня звонил ему, связывался по интернету. Когда же он был в Бишкеке, звонки и встречи, конечно, были частые, иногда на дню встречались по два-три раза, по пять-шесть раз перезванивались. Иногда Айтматов звонил мне в час-два ночи, спрашивал, чем занимаюсь, извинялся, что помешал мне спать. Я, конечно, старался придать сонному голосу бодрость, говорил: «Нет, не сплю, работаю, или читаю». Мне не хватало смелости поинтересоваться, почему он сам бодрствует в столь поздний час. Иногда он посылал за мной машину полночь, я

приезжал в тревоге, думая, что случилось, а он, смеясь, предлагал мне почаевничать. Мы долго беседовали в такие ночи. Однажды я вскочил от звонка, было полтретьего ночи. В трубке раздалось: «Мелис, не могу вспомнить, куда положил мобильник, позвони, пожалуйста». Мобильный телефон оказался у него в кармане пиджака. Он долго извинялся...

– В доме Айтматова Вы, вероятно, познакомились не с одним знаменитым человеком?..

– В 1989 году я был в научной командировке в Москве, поселился в гостинице. Через два-три дня заехал ко мне известный писатель Муса Мураталиев и повез меня к Чингизу Торекуловичу. Почти месяц я прожил на Тверской. Борис Ельцин жил в соседнем подъезде. В это время он работал в Министерстве строительства и был в оппозиции к Горбачеву. Каждый день ровно в 9 встречаю его во дворе, высокий, могучий человек. Чингиз Торекулович тогда был членом Президентского совета, депутатом Верховного Совета СССР. Слава его гремела по всему миру. В моде были черные «Волги», автомобили Ельцина и Айтматова всегда стояли рядом. Как-то мы вышли из подъезда вместе с Айтматовым и встретили Ельцина. Они две-три минуты очень дружески поговорили, Борис Николаевич взглянул на меня, видно принял меня за телохранителя писателя. Чингиз Торекулович улыбнулся, представил меня: «Гость из Бишкека, известный литературовед». Моя ладонь утону-

ла в могучей длани Бориса Ельцина. Позже он стал президентом России, а в 1997 году экс-президент СССР Михаил Горбачев прибыл в Бишкек на «Иссык-Кульский форум». Вот судьба, Папан. В доме Айтматова я был гостем вместе с Горбачевым и даже сфотографировался с ним! Как-то ужинал в доме Айтматова с Розой Отунбаевой и главным идеологом США Бжежинским, который собственно и стал автором развала СССР. О встрече с Генеральным секретарем ЮНЕСКО Федерико Майором и другими участниками Иссык-Кульского форума 1986 года давай поговорим в другой раз.

– Был ли случай, когда Вы по-человечески были обижены на Айтматова?

– За что я должен был обижаться на него? Хотя были среди моих знакомых и те, кто говорил: «Почему Айтматов не сделал для тебя то, это?». Я старался во всем помогать ему, не дожидаясь его просьб, дважды устроил ему поездки в Турцию (Анкара и Элазык) для встречи с читателями и литературоведами.

– Почему по примеру кыргызских богачей Айтматов не построил огромный особняк?

– Он об этом и не думал, хотя и землю ему выделили. Да и государственную дачу он взял по настоянию близких и семьи.

Да и зачем ему было строить особняк, ведь он выстроил из своих произведений духовный дворец для всего человечества! Он вмещает и веками будет вмещать в себя людей всего мира!

– А сколько раз Айтматов был у Вас дома в гостях?

– Много раз, я не считал. Пригласил его, когда получил квартиру, он и спрашивает, как я получил эту квартиру. Я сказал, что квартиру выделили после того как я дал интервью на тему «Хоть бы пещера, и то дом...». Он поверил только после того, как я показал ему вырезку того интервью.

– Вы и сейчас живете в той квартире?

– Да, в ней выросли мои дети. Однажды решили продать, чтобы расшириться, дали объявление. Один из покупателей увидел портрет Айтматова, узнал, что великий писатель не раз бывал в этих стенах и стал предлагать намного больше того, что мы просили! Тут я и подумал: «А ведь теперь Чингиз Торекулович никогда не переступит порог нашего нового жилья. Пусть хоть портрет его висит там, где он неоднократно бывал...»

Беседовал

Папан ДУЙШЕНБАЕВ

«Күн дарек» 26 апреля 2012 г.

«МЫ ВСЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ»

– Абдылдажан, Чингиз Торекулович в повести «Пегий пес, бегущий краем моря» пишет, что память об усопших необходима самим живым. В этом году исполняется 4 года как великий писатель ушел из этого мира. В связи с этим возникает мысль: смогли бы мы с должным уважением отнестись к памяти нашего человека, ставшего гордостью нации?

– Вы правильно говорите, что без уважения к покойникам не может быть и уважения и среди ныне живущих. Мы не сделали еще ничего достойного, чтобы увековечить память нашего мыслителя, мудреца. Не проявили подлинной заботы, чтобы сделать это. Есть надежда, есть планы. Если жизнь наша пойдет на поправку, может и в этом деле удастся что-то сдвинуть с места.

– В последнее время мы часто видим ваши выступления по таким произведениям великого писателя, как «И дольше века длится день», «Тавро Кассандры», «Когда падают горы», статьи по повестям «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход». Может быть это связано с тем, что

их проблематика наиболее тесно связана с нынешней общественно-политической жизнью, с проблемами нашей повседневной жизни? У писателя есть еще одна замечательная повесть «Пегий пес, бегущий краем моря». Говорят, что Ч.Айтматов написал это произведение как бы вступая в творческое соперничество с Эрнестом Хемингуэем, в частности, с его произведением «Старик и море». Как известно, Хемингуэй за это произведение получил Нобелевскую премию. Может быть вы расскажете как впервые познакомились с этой повестью Айтматова? И что вы думаете об этом произведении?

– Это вы правильно заметили, такова уж природа газетных изданий, она всецело нацелена на повседневную проблематику, когда мне задают какие-то вопросы, я стараюсь отвечать на них, связывая их с проблемами литературы, культуры, с творчеством Айтматова. Потому что я, во-первых, сам по профессии литературовед, во-вторых, кто-то должен говорить читателям о насущных потребностях литературы, языка, о творчестве Айтматова, а не кормить их только

политикой. Литература, культура являются духовной пищей общества, ее основой и опорой. А теперь, обратимся к повести «Пегий пес, бегущий краем моря», о котором вы говорите. Помню как в 1977г. прочитал эту повесть впервые в журнале «Знамя». Тогда я, будучи преподавателем Ошского пединститута повез студентов 1 курса на сельхозработы собирать хлопок в селе Сакалды. Тогда стояли очень жаркие дни. Ребята собирали хлопок, а я, сделав себе укрытие от солнца из халата, буквально запоем читал повесть в журнале «Знамя». Тогда я помню дошел до последних страниц произведения, когда за одну каплю воды Орган, Мылгун, Эмрайин жертвуют собственной жизнью, а Кириск находится в тяжелом состоянии. Он падает в обморок со стоном: «Чычкан аке, дай воды!». Помню я тоже почувствовал острую жажду. В это время стали раздаваться голоса ребят: а нет ли воды? когда привезут воду? жажда уже замучила. И в это время подъехал джигит, который возил воду и сказал: «Вот вам вода». Все обступили повозку и начали жадно пить воду. Я тоже присоединился к ним. Но в бидоне осталась лишь мутная вода на самом дне, но делать было нечего, пришлось попить и такой. Видимо тогда, под влиянием только что прочитанной повести, под воздействием образа Кириска тоже слишком остро почувствовал жажду. Это я всегда вспоминаю.

Если перейти непосредственно к произведению, то оно посвящено высокой мис-

сии человека, его долгу быть человеком в самом высоком смысле этого слова.

– У Айтматова как писателя-философа часто фигурирует образ океана...

– Да это произведение, образы которого имеют глубокое символическое и обобщающее значение. Заключает в себе философскую притчу длительной истории, начиная с самого сотворения мира и до наших дней, когда человечество уже начало покорять космос. Выражая глубинную суть всей истории человечества. Известный айтматовед Г.Гачев впервые прочитав повесть, сказал так: «Прочитав Вашего «Пегого пса», я онемел – глубина, простота!...». Очень трудно в нескольких словах выразить философскую суть произведения. Произведение включает в себе мифологические образы, образы природных явлений, образы персонажей и их тончайшая связь между собой – поэтическая, идейно-эстетическая – все это составляет очень сложную художественную систему. К примеру, мифологический образ Рыбы-Женщины является генетически родственным образу Матери-Оленихи из повести «Белый пароход». Оба они выражают глубинную суть матери-природы. А старик Орган своим несгибаемым духом, глубоким умом, мужеством и богатым опытом становится сильным образом, способным стоять на одном уровне с самой природой. Если Рыба-Женщина является материнской основой, дающей пропитание нивхам, живущим на берегу моря, оберегающей их от холода, обеспечивающей продолжение их рода, то ста-

рик Орган является духовным отцом, составляющим духовное ядро рода нивхов, передающим этот дух Эмрайну, Мылгуну, Кириску и всем последующим поколениям. Он, начиная с первых часов Великого тумана (это тоже является символическим образом) отказывается от питьевой воды, дабы ее хватило для утоления жажды другим. Уже умирая от жажды, теряя сознание, он говорит, хорошая собака не показывает своей смерти, я уйду сам. В этом мире я был Великим человеком. Это я сам знаю. Мне всегда снилась Рыба-Женщина. Я теперь пойду к ней. И с этими словами бросается за борт. Это означало его желание, чтобы остались живыми более молодые, у которых есть еще срок жизни. И ради этого он пожертвовал жизнью собственной. А вы прочитайте то место, где он разговаривает с лодкой, которую сам и выстрогал — это чистая философия. Сейчас можно часто слышать, когда говорят о здоровье, о диетологии, что мы — это то, что мы едим. Это, с одной стороны, смешно, но в этих словах есть доля истины. Философия Органа есть не легковесные суждения, подобные полету бабочки, а очень тяжелые, глубокие и безграничные афоризмы, подобные самой Вселенной. По мысли Органа слова Эмрайна тоже подтверждают это: «Все, что я сделал в этом мире хорошего и все, что я сделал плохого, все это вместе и составляет меня». Другими словами, чтобы ни делал человек в этом мире, во всех его поступках содержится частица его души. Может быть

такой великий писатель, великий человек как Айтматов помогли понять вот такую глубинную связь этой жизни, его глубинный смысл. Еще одним достоинством и свидетельством величия Айтматова является то, что он говорит и о других сторонах значения жертвенности в человеческой жизни. В искусстве часто встречается такое понятие как полифонизм, что означает многоголосие, многогранность. Как мы сказали выше я — это то, что я сделал, все мои поступки, все мои дела — это и есть я. Оказывается мы сами того не понимая, вкладываем частицу себя, своей жизни, своих лет, своей энергии во все те дела, которые совершаем. Воспитываем ли мы детей, пишем ли книги, строим ли дом, без вкладывания души никакое дело не может принести хорошего результата. Старик Орган заранее знал и понимал это и мудро, переступая через свой эгоизм, свою гордость и стремясь только к своим узким интересам, служил своим соплеменникам. Эмраин открывает эту истину для себя только в последний момент своей жизни.

Перед тем как оставить своего сына одного в лодке, заблудившегося и затерявшегося в бескрайнем широком море. В связи с этим возникает такая мысль, что не надо так уж сильно трястись над собственной шкурой, надо отдавать силы делу, которое может принести пользу людям.

— Известно, что в изображении Айтматова одним из таинственных является связь между человеком и природой. Что

мы можем сказать по этому поводу в связи с данной повестью?

— К какому бы произведению писателя мы не обратились человек и природа в них всегда отображается параллельно, без одного не существует и другого. Природа необходимо не только для того, чтобы раскрыть внутренний мир героя, природа — это источник красоты, украшающий всю жизнь. Магический, таинственный, волшебный мир. Айтматов показывает как жестокую страшную силу природу, так и противоположные ее качества, их неразрывную взаимосвязь между собой. Неразрешимую дилемму понять которую до конца вряд ли удастся когда-нибудь. Человек радуется, любит природу и уважает ее, ценит, вместе с тем борется против ее разрушительных явлений. Неспроста в некоторых европейских странах для усиления реализма этого произведения театры осуществляют постановки непосредственно на берегу озера, океана.

— Как известно повесть перевел наш замечательный писатель Ашым Джакылбеков. Вы имели возможность поговорить с ним?

— Да, я хорошо знал Апыма байке. Он действительно был хорошим писателем. Однажды на каком-то торжестве я встретил его по привычке дымящего сигареты. Пока собирались люди, мы с ним вместе прогуливались и тогда он рассказывал о ходе перевода произведения: «По сравнению с другими произведениями Чыке повесть «Пегий лес» переводить было значительно труднее и, вместе с тем, я пере-

водил ее с глубоким упоением. Почти полтора месяца я не смог перевести ни одного предложения этой повести. У меня такого никогда не было. Искал, мучился, печалился. И, однажды, вероятно, посетило какое-то творческое вдохновение и я, поставив свою машинку на кухне, начал строчить как из автомата. Работал не обращая внимания на дни и ночи. И закончил за один месяц. Затем лишь слегка просмотрел однажды. Для меня это произведение Чыке значит столько же, как и все остальные его произведения. Я работал с таким удовольствием, что было даже жалко, когда работа закончилась. Было такое ощущение, как будто я не занимался переводом, а читал какую-то удивительную поэму. Эту повесть можно смело выдвинуть на Нобелевскую премию.

— Вы затронули вопрос о Нобелевской премии. Давайте вернемся к повести Хемингуэя «Старик и море».

— Творческое соперничество обязательно бывает. Но, по-видимому, когда Айтматов приступил к повести, вероятно, не думал об этом, потому что творческим толчком к написанию повести послужил нивхский писатель Владимир Санги. Чингиз агай был в Москве, в гостях у Санги, в его квартире. На стол подали утку и от него услышал легенду об утке Лувр, об охоте, о связанных с ней событиях. И после этого он незамедлительно приступает к написанию произведения и заканчивает его за один месяц. Если говорить точно, начало его в декабре 1976 г. и завершение в январе 1977 г. Может быть он и думал о

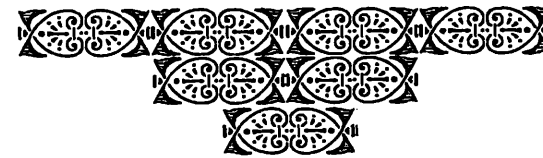

Хемингуэе, когда работал над произведением. После его опубликования литературоведы сразу же заговорили о повести, сравнивая ее со «Стариком и море» Хемингуэя, как о созвучных произведениях в идейно-тематическом плане и некоторые европейские издания назвали перевод повести «Мальчик и море». Конечно, это большая честь, но сравнение может быть и поверхностным, основанным только на близости темы, а на самом деле сюжет произведения Айтматова очень острый, психология его героев выписана глубоко, масштаб мыслей чрезвычайно широкий и конфликт очень сложный. В ней борьба между жизнью и смертью, от уровня отдельных человеческих судеб возвышается до уровня всего человечества и решается в таком глобальном масштабе. Об основной метафоре повести Айтматов говорил так: «Мы все в одной лодке, вокруг нас бесконечное космическое

пространство». Если произведение Хемингуэя заканчивается победой одного человека, утверждающего несгибаемость его духа, у Айтматова природа забирает жизни трех людей, иными словами если Хемингуэй воспевает человеческое мужество в оптимистическом плане и делает оптимистический вывод, то Айтматов смотрит на взаимоотношения человека с природой с глубокой озабоченностью, беспокоится о будущем планеты Земля, беспокоится о нем как мыслитель (хотя тогда Чингиз агаю не было еще и 50-ти). Этими словами я не хочу принизить значение всемирно известного Хемингуэя, такой мысли у меня нет и в помине. Его повесть тоже очень сильное произведение.

Беседовал

*Бабыржан ЖЭЭНБАЕВ
«Алиби», 15 мая 2012 г.*

«ХРАНИ НАС, БОЖЕ, ОТ ИКСРОДОВ...»

– В 1986 году Чингиз Айтматов собрал знаменитых людей планеты, чтобы изменить взгляды людей на мир... Позже наше Правительство и ЮНЕСКО поднимали вопрос о созыве нового Иссык-Кульского форума, что делается?

– Да, тот форум стал одним из главных событий времен перестройки. Чингизу Айтматову принадлежит фраза «Мы изменяем мир, мир изменяет нас». Конечно, мы можем гордиться тем, что именно гражданину Кыргызстана выпала эта ответственнейшая миссия – собрать и провести этот исторический форум. Горбачевская власть достаточно профессионально и успешно опиралась на авторитет и талант Айтматова, ибо хорошо понимала, что в те годы только имя кыргызского писателя может объединить интеллектуалов всего мира. Нужно было их всех привести к консенсусу, чтобы совместно бороться с углубляющимися противоречиями на планете. Айтматов и выступил мостом, послем доброй воли между СССР и выдающимися личностями мира. На приглашение Айтматова откликнулись Артур Миллер, Авери Текле, Федерико

Майор, Клод Симон, Питер Устинов, Александр Кинг, Болдуин, Зульфия Ливанелли и др. Весь мир тогда обратил свои взоры на Кыргызстан. Сейчас наши власти рассматривают вопрос о созыве на государственном уровне в 2013 году Иссык-Кульского форума в честь 85-летия Ч. Айтматова.

– Вам посчастливилось встречаться с известнейшими личностями мира...

– Да, я помогал их встречать в квартире Чингиза Торекуловича, расположенной в доме на углу улицы Токтогула и бульвара Джержинского, находился рядом с великими людьми 5–6 часов. Тогда я впервые столкнулся с такой формой приема гостей, как шведский стол. Было интересно наблюдать, как каждый из гостей сам брал, что ему по душе, свободно ходил по залу, общаясь с людьми. Каждого из гостей сопровождал переводчик. До сих пор хорошо помню всех участников форума, очень жалею, что не взял у них автографы. Потом все они были на встрече в Союзе писателей, мэрии столицы, где они стали Почетными гражданами Фрунзе. Затем в разные годы Форум этот проводился в разных точках мира.

– Как Вы думаете, что дал «Иссык-Кульский Форум» Айтматову, Кыргызстану в целом?

– Думаю, нельзя во всем искать какую-то пользу для себя, своих интересов. Все приглашенные Айтматовым личности приехали. Была разработана согласованная концепция нового взгляда на проблемы мира. В эти дни наиболее повторяемыми всеми средствами массовой информации словами были «Иссык-Куль», «Кыргызстан». Немаловажным, на мой взгляд, стало и то, что форум этот стал причиной, по которой Айтматов написал роман «Тавро Кассандры». Прибывшие из США братья-футурологи Болдуины оказали большое влияние на кыргызского писателя. В результате появился в романе футуролог Роберт Борк. В «Тавре Кассандры» чувствуется присутствие Иссык-Кульского форума. Недаром супруга Роберта Борка Джесси вспоминает встречу в Кремле 1986 года, М. Горбачева, который вел это совещание!

– Значит, писатель изобразил это событие в своем романе?..

– Роман «Тавро Кассандры» стоит особняком в творчестве Айтматова. События из личной жизни писателя, какие-то художественные детали играют важную роль и в содержании, и в сюжетной структуре романа. В 1989 году, будучи советником президента СССР, Айтматов в составе официальной делегации был в Китае. Он своими глазами видел многочисленные выступления-протесты студенческой молодежи на площади Тяньаньмен. Эти впечатления то-

же вошли в роман, как и события 90-х годов в Москве. В романе «Тавро Кассандры», наряду с М. Горбачевым упоминаются и имена Сталина, Мао Цзе Дуна, Гитлера, Садлама, Каддафи, Фиделя Кастро.

Образами двух духов Айтматов показывает крах идей социализма, анархию и произвол обществе, пришедших вместе с дикой демократией, необходимость ощущения конца существования всего человечества, если не преллпринимать попыток изменить ситуацию. Когда ночью духи спорят яростно, доходя до драки, по Кремлю бесшумно летает старая сова, живущая здесь с момента строительства мавзолея, много всякого повидавшая и слышавшая.

– А что, мы можем считать этот роман историческим?

– Нет, «Тавро Кассандры» не исторический роман. Мало участия в произведении каких-то исторических личностей, изображения исторических событий, чтобы оно стало историческим произведением. В художественной литературе, особенно реалистической есть понятия «принцип историзма» и «художественная условность». Проще говоря, писатель берет идею из жизни, затем для того, чтобы донести ее до читателя в образной форме, с помощью типических образов, действующих в типических обстоятельствах, придумывает сюжет. Но события не преподносятся им так как это было в жизни: в соответствии со своей идейной концепцией писатель, словно строитель, начинает строить произведение, по ходу на-

писания изменяя первоначальный проект, что-то убирая, что-то добавляя. Таким образом, события, взятые из реальной жизни, одновременно исторически обусловлены и имеют условный характер. Если вернуться к «Тавру Кассандры», то в нем изображена общественная ситуация, жизнь после 90-х годов прошлого века. Но главные персонажи Андрей Крыльцов – Филофей, Роберт Борк, Энтони Юнгер – условные герои, созданные фантазией писателя. Кассандро-эмбрионы, иксроды – носители основной идеи Айтматова – тоже условные образы-понятия. Если в свое время советское государство в интересах идеологической политики ставило на поток воспитание «иксродов», подобных Сабитжану, Тансыкбаевым, то сколько появилось «иксродов» сейчас в затянувшийся на четверть века переходный период, сколько малышей-киргизов растут «иксродами» в сиротских приютах России и Кыргызстана!? Сколько рождаются «кассандро-эмбрионов» с врожденными патологиями, вызванными экологическими катастрофами, секретными ядерными испытаниями?! Айтматов, раньше других поняв опасность этой глобальной проблемы, своим романом призывает люлей земли: «Давайте пока не поздно прекратим политические, экономические, религиозные противостояния, амбициозные личные интересы, соберем в одном месте лучшие умы мира, подумаем о будущем человечества, что нам всем нужно делать, чтобы человеку человеком быть».

– У Айтматова, наряду с человеческими персонажами мастерски изображаются и образы животных: Гульсары, Каранар, Акбара, Жаабарс, киты, сова и др. Расскажите и о них тоже.

– Во-первых, это образы, которые дают нам дополнительное представление о животных, углубляют наше понимание образа их жизни. После прочтения произведений писателя, начинаешь яснее понимать, что к животным следует относиться так же как к людям, ибо и они страдают, переживают... Во-вторых, конечно, это символы, условные образы.

– В «Тавре Кассандры» писатель вновь широко использовал символические образы, ведь так?

– В произведении, наряду с совой, действуют и киты, которые своими горлоподобными телами разрезают океанские волны. Когда футуролог в иллюминатор самолета видит внизу стадо китов, он вдруг понимает, что мир ожидает какое-то крупное событие, зачарованный их могучим ходом, он словно сам превращается в кита, плывет вместе с ними к какой-то неясной цели. Недаром и во сне он видел китов, которые словно радары в мировом океане заранее понимают, что скоро мир ожидают те или иные катаклизмы. Они пытаются предупредить людей, но, не имея возможности это сделать, выбрасываются на берег. Почему? Да потому, что эти трагические животные не в состоянии вынести предательства, обмана, жестокости, столь распространенных среди людей. Когда приближается хаос, на-

рушается вселенская гармония, люди теряют массово разум, киты таким образом выражают свой протест, чтобы своей смертью призвать людей одуматься. Этими образами Айтматов еще раз звонит в колокол для всего человечества – «как человеку человеком быть». Ибо разрушение нравственности, потеря людьми духовности – наивысшая трагедия для людей. Да, трагедия совы или китов – трагедия природы, но это трагедия, тесно связанная с судьбами людей, ибо, по писателю, нельзя рассматривать природу и человека в отрыве друг от друга. Именно поэтому в одном романе Филофей, Роберт Борк, Руна Лопатина, сова, киты столь тесно внутренне связаны между собой, что составляют ядро трагизма в романе. Трагедия – содержательный итог романа.

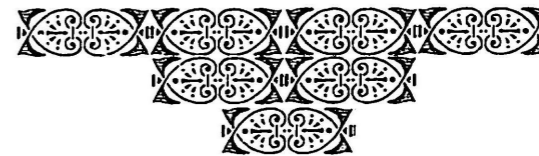
– Почему Чингиз Айтматов завершает трагедией свои произведения? Что он этим хочет сказать?

– Это характерно для творчества Айтматова. Вы прекрасно знаете масштабы

его мышления. Трагедийность в произведениях нашего писателя – вовсе не мелодраматические слезы и стенания отдельных людей по каким-то мелким своим проблемам. Айтматовская трагедийность тесно связана с проблемами общества, эпохи, самыми важными социальными, философскими проблемами современности. Именно поэтому трагедия Филофея или трагедия Жаабарса – трагедия имеющая отношение, затрагивающая все общество, все человечество. Недаром Аристотель трагедию в искусстве расценивал как катарсис, явление, имеющее огромную духовно-очистительную роль. Храни нас Бог от жизненных трагедий, но каждый читатель должен взять уроки жизни от трагедий Танабая, старика Могуна, Саманчина, Роберта Борка...

Беседовал

Мирлан АЛЫМБАЕВ
«Фабула» 25 мая 2012 г.

«АЙТМАТОВЕДЕНИЕ – НАУКА МИРОВОГО МАСШТАБА...»

– Мы тебя знаем как литературоведа, но, в первую очередь, как айтматоведа. Слово «Айтматоведение» – в научной среде специальный устоявшийся научный термин или общественное понятие, возникшее в честь великого писателя? Вообще, что это такое? Давай, с этого вопроса и начнем беседу.

– «Айтматоведение» – в первую главу, конечно, научное понятие, термин, вторую – как Вы верно подметили, есть в этом слове и преклонение перед талантом великого писателя, признание его заслуг перед мировой литературой. Есть много общепризнанных научных дисциплин – природоведение, обществоведение, литературоведение и др. В мировом литературоведении существуют направления, связанные с изучением творчества отдельных поэтов и писателей, к примеру, шекспироведение, пушкиноведение, абаеведение и т.д. В кыргызском литературоведении также развиваются такие специализации как манасоведение, осмоневедение, токомбаеведение, сыдыкбековедение. Понятно, что айтматоведение среди них должно стоять особняком. И

еще здесь следует подчеркнуть, что «...ведений» не может быть столько, сколько существует талантливых писателей. Для этого должно набраться большое количество исследовательского материала. Т.е. вовсе недостаточно 5–6 литературоведческих статей, монографии, нескольких десятков хвалебных юбилейных материалов и защищенной диссертации по творчеству того или иного писателя, чтобы говорить о самостоятельном научном направлении. Для этого объект научных исследований, к примеру, если говорить о нашем национальном литературоведении, творчество, скажем, А. Осмонова или Ч.Айтматова должно подкрепляться возможностями для систематического, многостороннего научного анализа. Проще говоря, должно быть так, чтобы без творчества этого писателя или поэта невозможно было представить литературный процесс какого-то определенного времени. К примеру, литературу Возрождения, английскую литературу, историю драматургии невозможно представить, изучать без Шекспира. Также без пушкинской поэзии невоз-

можно представить русскую литературу, без творчества Абая – казахскую. Без А. Токомбаева, Т. Сыдыкбекова, А. Осмонова, Ч. Айтматова нельзя составить объективную картину исторического развития кыргызской литературы. Литературу XX века, советскую литературу и её различные специфические проблемы невозможно представить, полнокровно исследовать без Айтматова.

– Кто родоначальники науки айтматоведения, когда она появилась?

– Понятно, одной статьёй айтматоведение не началось, но значение, вес той, первой, статьи особое. Первым силу таланта молодого писателя заметил и понял классик казахской литературы, авторитетный ученый Мухтар Ауэзов. Именно он увидел в повести «Джамия» психологическую, доселе недостигнутую нить в литературе Средней Азии, глубину раскрытия внутреннего мира человека и первым благословил в международной прессе молодого писателя. Это было в 1958 году. В тот же год известный французский писатель Луи Арагон назвал «Джамия» «лучшей на свете повестью о любви», написав одноимённую статью, затем он перевёл её на французский язык и издал на следующий год во Франции. С той поры и началось развитие айтматоведения. Статьи М. Ауэзова и Л. Арагона стали методологической основой для следующих разысканий, и они не заставили себя долго ждать.

– Кого ты считаешь лучшим среди айтматоведов?

– Здесь не может быть двух мнений, конечно, это Георгий Гачев и Кенешбек Асаналиев. Они и по возрасту близки Чингизу Торекуловичу. С момента знакомства с творчеством Айтматова они оба полюбили этого писателя, стали бережно исследовать, открывая художественную глубину содержания его произведений, мастерство изображения. Оба они свои жизни и таланты посвятили служению читателям Айтматова. К 1960 году относится статья Г. Гачева о повести «Джамия», позже в 1965 году вышла уже его книга «Любовь, человек, эпоха». В 1963 году он написал вступительную статью на сборник Ч. Айтматова. С того времени ни одно произведение кыргызского писателя не осталось вне поля зрения талантливого литературного критика. На выход каждой следующей книги он откликался оригинальными, глубокими статьями.

Уже в 1956 году, делая доклад на Пленуме союза писателей о состоянии жанра рассказа в кыргызской литературе, Кенешбек Асаналиев отметил в рассказах молодого, никому неизвестного Чингиза Айтматова «Белый дождь» и «Ночной полив» своеобразие и интересные художественные находки. В 1968 году в издательстве «Кыргызстан» он издал книгу «Открытие человека современности», посвященную творчеству писателя, позже защитил докторскую диссертацию по поэтике художественных образов Айтматова. Он внес большой вклад в развитие айтматоведения в Кыргызстане. Кстати, здесь необходимо отметить, что пер-

вую книгу о творчестве Чингиза Айтматова в нашей стране написал и издал в 1965 году Бакен Ашимбаев. Книга эта так и называлась «Чингиз Айтматов». К сожалению, он рано скончался. Большую лепту в становление айтматоведения в Кыргызстане внесли Абдыкадыр Садыков, Лайли Укубаева, Калык Ибраимов. Трудно, наверное, найти у нас в стране литературоведа, который бы не обращался в той или иной мере к творчеству Айтматова.

– Мог бы ты дать краткую творческую характеристику ведущим айтматоведцам.

– С удовольствием. Начнем с Георгия Гачева, который был глубоким эрудитом, знатоком мировой литературы. Он многие годы исследовал историко-теоретические вопросы литературы тех народов, кои позже других присоединились к письменной литературе, сам он называл этот процесс «ускоренным развитием литературы». Весьма глубоки и интересны его работы по сопоставлению айтматовских сюжетов и образов с аналогичными вопросами мировой литературы. Георгий Гачев сумел убедительно раскрыть глубинные идейно-художественные особенности айтматовских персонажей, их духовную суть. Одна из лучших монографий критика, посвященных творчеству Ч. Айтматова, называется «Чингиз Айтматов в свете мировой культуры».

Кенешбек Асаналиев же исследовал айтматовские образы и сюжеты в эволюционном плане с позиций и на фоне национально-поэтической эстетики.

– А каково направление твоих исследований?

– Обе мои диссертации – и кандидатская, и докторская – были посвящены типологическому анализу творчества Ч. Айтматова во взаимосвязях и взаимовлиянии с современной литературой тюркоязычных народов. Если до меня были в основном разыскания о влиянии на творчество Айтматова мировой литературы, то я сделал упор на роль самого Айтматова, его влияния на развитие современных литератур тюркоязычных народов. Уже затем в своих работах я обратился к сюжетным, образным параллелям творчества Айтматова с мировой литературой.

– Появляются ли молодые айтматоведы?

– Есть молодые ребята, которые пишут статьи, берут темы диссертаций по творчеству Айтматова. Однако, нельзя тех, кто написал пару-тройку статей или защитил диссертацию, а затем перекинулся на другой вид деятельности, называть айтматоведом. Его работы должны узнать и, главное, признать читатели, коллеги-литературоведы. Только тогда будет развиваться айтматоведение. Следует при Институте языка и литературы НАН Кыргызстана открыть 2-3 штатных научных единицы, которые бы занимались этими проблемами. Через айтматоведение можно понять и решить все вопросы теории литературы, истории кыргызской и мировой литературы.

– Произведения Айтматова переводились и исследовались во многих странах,

расскажи нашим читателям об этом тоже.

– Да, айтматоведение развивалось не только в Кыргызстане или странах бывшего СССР, но и по всему миру. В качестве тех, кто многие годы систематически исследовал творчество Ч. Айтматова нужно отметить немцев Имтрауд Гучке и Фридриха Хитцера, американца Жозефа Мазура, китайку Пен Мэй, турков Рамазана Коркмаза и Билге Эржиласуна и др. Можно сказать, что во многих странах сформировались свои школы айтматоведения. Это доказывают кандидатские диссертации Евгении Шагаловой об исследованиях айтматовского творчества литературной критикой Германии, Жаркын Рыскуловой о восприятии произведений кыргызского писателя в англоязычных странах, Пен Мэй – в Китае, Ахмета Сарыгуля – в Турции. Из их научных работ видно, что исследования творчества Айтматова посвящены сотни статей и монографий.

– На какие языки переведены твои статьи, книги?

– На английский, французский, испанский, немецкий, японский, китайский, русский, турецкий, казахский, узбекский языки. Например, только в Турции уже изданы три моих книги.

– Как по-твоему, в какой стране созданы лучшие труды по айтматоведению?

– С работами на иностранных языках я знакомлюсь если есть их переводы на кыргызский или русский языки, иногда

читаю комментарии о них в трудах других литературоведов. Часто мечтаю о том дне, когда появится много молодых кыргызских ребят, знающих разные иностранные языки и любящих литературу. Как было бы хорошо с их помощью сразу переводить все, что появляется по айтматоведению в разных странах, издавать эти труды. Конечно, стараюсь не пропускать все, что выходит на русском языке. Представители разных народов совершенно по своему, иногда очень своеобразно воспринимают творчество Айтматова, его героев, их поступки и действия, следить за этим весьма интересно и поучительно. Не стану ранжировать страны по степени развития в них айтматоведения, скажу только, что где бы и как бы успешно не развивалось айтматоведение в мире, его научный, признанный всеми центр должен находиться в Кыргызстане. Обидно когда другие страны ежегодно проводят международные конференции по творчеству своих не столь авторитетных поэтов и писателей, оплачивая полностью проезд и пребывание приглашенных специалистов. По результатам этих форумов издаются прекрасно оформленные материалы. Так другие народы пропагандируют себя через творчество своих известных личностей. Мы же стыдливо делаем вид, что не слышим, когда в таких поездках нас просят «Обязательно сообщите нам, если будете проводить конференции по Айтматову». Даже 80-летие великого писателя уже после его кончины мы с грехом пополам су-

мели весьма бесцветно провести с помощью спонсоров из-за рубежа...

– Будем надеяться на лучшие дни... Последний вопрос, об Айтматове много написано, можем ли мы сказать, что решены в целом вопросы, связанные с айтматоведением?

– Вершинные произведения вечны, в них каждое следующее поколение открывает для себя что-то новое. К примеру,

Шекспира продолжают изучать уже более 500 лет, он продолжает воспитывать, удовлетворяя духовно-эстетические потребности современных людей. Столь же нетленно и творчество Айтматова, вечна наука по названию «Айтматоведение».

Беседовал
Бабырбек ЖЭЭНБЕКОВ
«Алиби», 8 июня 2012 года

КАК ПРИСВАИВАЛОСЬ ИМЯ АЙТМАТОВА...

Со дня кончины великого писателя читатели, радиослушатели, телезрители обращаются ко мне с вопросами о том, что делается для того, чтобы увековечить имя Ч. Айтматова. Конечно, эта проблема требует времени и определенных действий. Но, на мой взгляд, есть полные основания для озабоченности почитателей писателя. Прошло всего четыре года как с нами нет Айтматова, а не все из нас уже и помнят, что 10 июня 2008 года мы потеряли человека, громко заявившего миру о том, что есть на земле такой народ, как кыргызы. Да, были сообщения в новостях радио и телевидения, были статьи и заметки в отдельных газетах, но они как-то затерялись среди проблем того дня. И Правительство, и учреждения культуры, и общественные организации, занятые своими мелкими каждодневными заботами, не отреагировали. Только на Ата-Бейите по инициативе семьи и близких прошла немногочисленная встреча.

Конечно, не такого я ждал. День 10 июня не только для кыргызов, но и для всего мирового духовного сообщества –

день невосполнимой утраты, большой трагедии. Хотим мы того или нет, Чингиз Айтматов для нас «вершина духовного мира». Весь мир теми или иными мероприятиями отметил этот день, мы – «хранили гордое молчанье». Да, наверное, негоже лишь раз в году вспоминать его. Самому Айтматову принадлежит утверждение «если не вспоминать, забываются и гении». Неужто он был прав?!

С какого времени имя Ч. Айтматова присваивается тем или иным объектам? Какие учреждения носят его имя? Как происходило присваивание его имени? Попробуем ответить на эти вопросы. Впервые я учредил «Клуб Айтматова» в 1987 году при «Обществе любителей книги». В советское время идеология не позволяла учреждать подобные клубы, да и противников моей идеи вдруг оказалось много, в том числе и среди власть имущих. Вопрос этот поднялся до уровня третьего секретаря горкома партии, где и было решено создавать клуб при какой-нибудь общественной организации. Почетный председатель «Общества любителей

книги» Суюнбай Эралиев и председатель Аскер Карыбаев сразу же поддержали идею. К 60-летию юбилею писателя директор Полиграфкомбината Тургунбай Суванбердиев изготовил нам бланк клуба и удостоверения, а генеральный директор объединения «Кыял» – партию нагрудных знаков. На третьем этаже библиотеки им. Чернышевского нам выделили большой зал, читатели, конечно, очень горячо поддерживали все наши начинания. После обретения суверенитета мы вышли из-под крыла «Общества любителей книги», прошли регистрацию в Министерстве юстиции, получили свидетельство и стали называться «Международный клуб Айтматова». Тогда же мы учредили звание лауреата нашего клуба. Сейчас члены нашего клуба проводят большую работу как в стране, так и за ее пределами. Многие из наших одноклубников выросли в известных государственных и общественных деятелей. В декабре 1999 года основали «Библиотеку айтматовских книг». Цель наша – сбор вышедших за рубежом книг писателя и ознакомление читателей с ними. В этот раз нашу инициативу здорово поддержал тогдашний мэр столицы Жумабек Ибраимов. Выслушав мои объяснения, он написал резолюцию на моем заявлении, вызвал вице-мэра Миру Джангарачеву, велел ей оказывать всяческое содействие и принять участие в открытии «Библиотеки айтматовских книг». Признаться, я не ожидал, что так оперативно решится наш вопрос, настраивал себя на долгую борьбу

с чиновничьим равнодушием. Тем более городская библиотека № 1 уже носила имя Л.Н. Толстого. Эта библиотека расположена на пересечении улиц Боконбаева и Тыныстанова на первом этаже жилого дома, просторные, чистые помещения. «Когда предполагаете провести открытие?» – поинтересовался мэр, только тогда я пришел в себя и сказал, что через два дня. Вот так 3 декабря мы повесили новую вывеску и в присутствии самого писателя и многочисленных почитателей его творчества торжественно открыли библиотеку.

Люди часто спрашивали меня: «А как отнесется сам Айтматов к тому, что еще при жизни присваивают его имя?» Я отвечал в том плане, что, во-первых, это нужно не самому писателю, а нам, следующим поколениям, творческой общественности страны, а во-вторых, если я скажу ему заранее, конечно, он будет против. К присваиванию имени следует относиться очень ответственно, не ища каких-то выгод для себя. Создавая и «Клуб Айтматова», а затем и «Библиотеку айтматовских книг» я предварительно не обговаривал это с Чингизом Торекуловичем. Считал, что прежде нужно доказать на деле, чего мы стоим. На открытии библиотеки ознакомившись с нашими планами и программой, Айтматов был очень доволен и взволнован. Главная наша задача состоит в том, чтобы через писателя и с помощью его произведений пропагандировать мировое искусство, культуру, литературу и науку.

Выступление писателя на открытии записал и донес до читателей вице-президент клуба Дилдебек Андашев.

Деятельность «Международного клуба Айтматова» успешно развивается, растет число членов, это люди разных национальностей и разного возраста. В какой-то момент стало трудно организационно действовать и тогда мы приняли решение развести обычных читателей и тех, кто занимается наукой. В 1994 году возникла «Общественная айтматовская академия». Она тоже прошла регистрацию в Министерстве юстиции, имеет свою печать, бланк. После организации Клуба и Академии мы сумели провести выездные заседания в Турции, Казахстане, Китае. Нас даже признал Комитет по присуждению Нобелевской премии: мы стали получать от них письма с предложением номинировать свои кандидатуры. Японский философ Дайсаку Икеда, знаменитая турецкая актриса Тюркан Шорай, немец-переводчик Фридрих Хитцер, американский литературовед Жозеф Мазур и др. признали нашу работу и стали членами Клуба и Академии. Основное ядро Общественной Айтматовской академии составляют профессора, доктора наук.

Перед 70-летием Чингиза Айтматова оргкомитет стал рассматривать предложения. Столичная средняя школа с киргизским и русским языками обучения обратилась с просьбой о присвоении ей имени великого писателя. Как член оргкомитета обратился в Правительство. Думал, что проблем с этим не будет, но

выяснилось, что противников такого шага много: не только вопрос о присуждении имени, но и издания пятитомника произведений встретили заметное чиновничье противодействие. Тогда я увидел много двуличных персон, которые вчера еще как тени следовали за писателем, а сегодня вдруг стали противиться хоть что-то сделать для него. Но ведь это нужно не писателю, а нам, его читателям и почитателям. Ладно, можно понять, что есть Положение, в котором прописано, что имена живых людей запрещено присваивать объектам культуры, образования и т.д., хотя разве мало такого в нашей действительности. Но при чем тут издание юбилейного пятитомника произведений?! Однако, здравый смысл и наши решительные действия привели к тому, что появилось Постановление Правительства о присвоении имени писателя школе № 11. Издание пятитомника тоже осуществилось буквально в последние дни перед юбилеем. Новый премьер-министр Амангельды Муралиев быстро решил вопрос, правда, Правительство не смогло найти финансы, пришлось прибегнуть к помощи спонсоров. В эти дни я убедился в существовании открытого и скрытого противодействия всему, что связано с именем Ч. Айтматова. Эти люди открыто ненавидели меня за то, что я настаиваю, обиваю их служебные пороги. В те дни меня здорово поддержали Казат Акматов, Надырбек Алымбеков, Курбаналы Сапарбаев.

Ко мне обратился глава образовательного Кыргызско-Турецкого лицея «Себат» Орхан Инанды с просьбой помочь им с решением вопроса о присвоении имени Ч. Айтматова. Помня свои недавние «хождения по мукам», я сразу предупредил его о сложностях. Впервые я решил обсудить проблему с Чингизом Торекуловичем до ее решения. Прямо из кабинета Орхана Инанды мы позвонили Айтматову в Бельгию. Он сказал нам «Решайте сами, я не против». Через какое-то время и этот вопрос положительно решился.

Число тех, кто был против Айтматова при его жизни, «как грибы после дождя» размножились после кончины великого писателя. Мое предложение назвать именем академика Чингиза Айтматова Институт языка и литературы Национальной академии наук Кыргызстана тоже встретило неоднозначное отношение. Мы провели несколько собраний в разном формате, один из тех, кто при жизни писателя всячески демонстрировал свое подобострастие, вдруг выступил против, пытаюсь объяснить это тем, что, мол, наш Институт мелковат для такой интеллектуальной глыбы. Я парировал словами о том, что подобные институты других стран носят имена своих великих писателей и поэтов: М. Ауэзова в Казахстане, А. Навои в Узбекистане, Махтумкули в Туркменистане, Насими в Азербайджане,

А. Пушкина в России. Руководство Академии наук в лице президента Ш. Жоробековой и вице-президента В.М. Плоских поддержали идею, которую утвердил Президиум НАН КР. В течение месяца со дня кончины Чингиза Торекуловича Институт языка и литературы стал носить его имя. Мне представляется, что дух Айтматова поддерживает деятельность ИЯЛ: налицо успехи. За четыре последних года разработано и издано около шестидесяти фундаментальных трудов, тепло и с интересом встреченных общественностью страны. Я внес в Правительство около 20 предложений по увековечиванию памяти Ч.Айтматова. К сожалению, до сегодня исполнено лишь одно из моих предложений – парк имени Ч.Айтматова. Люди оправдывают свое нежелание или бездействие тем, что по Инструкции должно пройти пять лет со дня смерти. По моему глубокому убеждению, Айтматов стоит выше всяких Инструкций. Хорошо еще по инициативе нашего президента А.Ш. Атамбаева установлен единственный пока памятник писателю, сейчас мы собираемся у него. Чингиз Айтматов часто снится мне. Вот и сегодня под утро видел его во сне. Одет он был совсем по-рыбачьи: на ногах керзовые сапоги, на плечах выцветший плащ с капюшоном. Мы идем с ним вдоль берега реки...

«Алиби», 10 июля 2012 г.

«ВЛАСТЬ НЕ ЖАЛЕЛА ОТ АЙТМАТОВА ПОЧЕСТЕЙ И НАГРАД, НО...»

– Абдылдажан, ты написал много статей о Чингизе Айтматове, давал интервью, издал монографии. Хоть и вкратце, но говоришь о государственной и общественной деятельности писателя. Мне хочется поговорить с тобой подробнее по теме «Айтматов и власть». Как сам писатель отразил эту тему в творчестве, как в жизни он относился к власти и властным лицам? Начало жизни и творчества Айтматова пришлось на сталинское время...

– Да, черная тень 1937 года прошла и по семье Айтматова, отец Торекул попал в жернова репрессии, затем был расстрелян, тавро «сын врага народа» долгие годы носил Чингиз агай, это оставило незаживающие раны в его душе. Много репрессий и унижений от власти он перенес, пока имя отца его не было реабилитировано. Но нужно было стоически терпеть, ведь при сталинском режиме ему нельзя было поднимать голос, спорить. В 1952 году юноша опубликовал свой первый рассказ «Газетчик Дзюйю», в котором через образ мальчика, продающего газеты для поддержания семьи, изобра-

жалась борьба японского народа против интервентов. В рассказе Сталин изображен как символ мира. Нетрудно найти объяснения, почему начинающий писатель так изобразил виновника всех несчастий их семьи. Во-первых, в то время для всех самой актуальной темой была тема мира, а СССР был флагманом в этом вопросе. К тому же знаменитый принцип Людовика XIV «Государство – это я» был основным принципом и сталинского периода. Во-вторых, в то время еще не были известны основные причины репрессий и роль в них Сталина. Семья еще не знала, жив ли их отец, ведь сообщение о смерти Торекула Айтматова они получили только в 1957 году. В-третьих, молодой писатель, изображая Сталина как миротворца, конечно, пытался таким образом очистить себе путь, ибо клеймо «сына врага народа» продолжало висеть над его головой, как Дамоклов меч. Власть продолжала помнить это и всячески, что называется, вставляла палки в колеса. Сдав все вступительные экзамены в аспирантуру сельхозинститута, Чингиз Торекулович так и не был принят в нее. Тем бо-

лее, без упоминания имени Сталина вряд ли публикация тогда увидела бы свет. О своем отношении к Сталину и сталинизму потом он напишет в романе «И дольше века длится день», а также в таких произведениях, как «Плач охотника над пропастью», «Тавро Кассандры»! Вообще тема власти в творчестве Айтматова велика, постараюсь при случае касаться этой темы.

– *Культ личности был развенчан. Время пошло по новому витку, пришла власть Никиты Хрущева.*

– Открылась новая страница в жизни Айтматовых. В 1956 году отец был реабилитирован. Чингиз Айтматов был принят в члены Союза писателей и на два года уехал в Москву учиться в Институте мировой литературы. В эти годы были написаны повести «Лицом к лицу», «Джамиля». В прежнее время «сыну врага народа», который главными героями своих произведений сделал дезертира, его жену, долгое время помогавшую ему прятаться, женщину, бросившую мужа-солдата ради новой любви, конечно, не поздоровилось бы. Мы ведь помним, как свои же старшие коллеги по писательскому цеху устроили форменную обструкцию. Если бы не поддержка центральной власти, не миновать бы Айтматову и его книгам беды. Период хрущевской оттепели ознаменовался для Айтматова не только выходом его книг «Первый учитель», «Тополек мой в красной косынке», «Материнское поле», но и признанием ему высшей творческой на-

грады СССР – Ленинской премии. Это, конечно, открыло перед молодым писателем широкую писательскую стезю. Айтматов в целом давал высокую оценку хрущевскому времени за снятие многих лишних препонов для творчества, создание хороших условий. Недаром в те годы уверенно шагнула в мировую литературу целая плеяда молодых талантливых поэтов и писателей, прозванных «шестидесятниками»: Б.Ахмадулина, А. Вознесенский, Р. Рождественский, О. Сулейменов, Р. Гамзатов и др. Произведениям Ч. Айтматова этого периода характерен романтизм.

– *Затем около 20 лет мы жили при Генеральном секретаре ЦК КПСС Брежнев, позже это время назвали «застоем». Но ведь именно это время стало периодом расцвета таланта Чингиза Торекуловича, почему?*

– Вы правы. Второй этап творчества Айтматова начинается с повести «Прощай, Гульсары!». Писатель придумал новый стиль, новое дыхание пресловутой «производственной» теме, столь распространенной в советское время. Начиная именно с этой повести Айтматов открыто критикует недостатки, присущие нашему обществу. «Хозяева жизни» Кашкатаев, Сегизбаев, Алданов, пользуясь своей властью, топчут и унижают простых людей вроде Танабая. Одним из первых в стране Айтматов начал открыто критиковать партийных секретарей, председателей колхозов, утверждать, что наш социализм пошел не по тому пути, каким сле-

довало. Это было открытое несогласие с линией, проводимой КПСС. Тем более в рамках метода социалистического реализма такие произведения не могли быть созданы. Но щитом для Айтматова явилась Ленинская премия. Поскольку западная пресса очень доброжелательно восприняла повесть, наши функционеры поспешили дать за нее Государственную премию автору, хотя прошло всего три-четыре года с момента присуждения Ленинской премии! Видно кто-то испугался, что присудят Нобелевскую премию. Но это лишь мои предположения. Знал это Айтматов, или нет, не знаю, но теперь можно было претендовать на звание Героя Социалистического труда или замахнуть на Нобелевскую премию. В это время появилась повесть «Белый пароход». В руках Орозкула – маленькая, но власть, которой он сполна пользуется. На лесном кордоне ему никто не смеет перечить, исполняя все его приказы и прихоти. Недаром Турция номинировала повесть на Нобелевскую премию, ведь в ней отражены самые острые проблемы и конфликты социалистического общества. Вскоре был снят одноименный фильм, за который авторам картины и Айтматову вновь была присуждена Государственная премия. Власть словно торопилась отдать Айтматову все государственные почести. Эта торопливость наталкивает меня на мысль о том, что, может быть, власть втайне не хотела, чтобы он стал лауреатом Нобелевской премии. Приведу еще парочку примеров: за роман «И дольше века дли-

ся день» автору вновь преподносится Государственная премия! Литературоведы считают этот роман Айтматова конгениальным роману Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», удостоенного Нобелевской премии. В романе «И дольше века длится день» писатель показывает манкуртизацию системы власти на местном национальном, союзном и общепланетарном масштабе. Второй факт – время брежневское тоже принесло Айтматову крупные творческие успехи, усилило его авторитет, писатель был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. В истории нашей страны не было такого, чтобы писатель в пятьдесят лет стал Героем Социалистического Труда. Айтматов получил все премии, создается впечатление, что награждение его орденами и медалями СССР осуществлялось только для того, чтобы его не наградили Нобелевской премией, впрочем, может, я и ошибаюсь.

– *Когда к власти пришел чекист Юрий Андропов, ставший Генеральным секретарем КПСС, установилась железная дисциплина, мало кто ходил по улицам в рабочее время, даже празднеств стало меньше.*

– Да, я тоже помню. В то время я впервые осмелился пригласить Чингиза Торекуловича домой в гости. Это было в ноябре 1983 года. Вместе с ним пришли академик Жамин Акималиев, писатель Казат Акматов. Айтматов очень переживал в тот вечер по поводу того, что цензура не пропустила в печать фрагмент «Белое облако Чингизхана» из романа «И

дольше века длится день...». В нем речь шла о безграничной власти Чингизхана. Писатель тогда обронил фразу «Может новая власть с пониманием отнесется?». И хотя у него были хорошие ожидания, он не скрывал, что может установиться и сталинский режим. Юрий Владимирович, как умный человек и глава КГБ, конечно, прекрасно видел все негативные стороны брежневского «застоя», но ничего не мог поделать с системой. А теперь, когда он стал первым, быстро прекратил всеобщую безалаберность, массовые дневные походы в кино, по магазинам. Днем автобусы и троллейбусы ходили пустые. Чингиз Торекулович боялся, чтобы следом не установился тоталитарный режим. Но как бы то ни было брежневской демократии, «коммунизму» пришел конец.

– *Но Андропов заболел и вскоре скончался. Во главе страны встал брежневский кадр Черненко, казалось, опять установилось спокойное время. Но и он вскоре умер от болезни. Генеральным секретарем КПСС был избран молодой, энергичный Михаил Горбачев, который вскоре стал первым и последним президентом СССР. Он сделал Айтматова своим советником.*

– В это время Айтматов вплотную занимался политикой. Горбачеву нужны были известные личности, поддерживающие его «перестройку», и он выбрал Айтматова. Может возникнуть вопрос: «Почему из сонма знаменитых на весь мир людей Горбачев выбрал Айтматова?» Три

года назад я давал интервью, которое называлось «Айтматов получил Нобелевскую премию, но...». Тогда я говорил, что как-то вечером Айтматову в Вену позволили из Шведской академии, чтобы уточнить, где он находится, сообщили решение Нобелевского комитета о присуждении ему Нобелевской премии и поздравили. Рядом с Айтматовым находился директор издательства «Унионсферлаг», который собрал друзей, и они тепло поздравили Чингиза Торекуловича, накрыв праздничный ужин. В эту же ночь Нобелевский комитет вновь собирается на свое чрезвычайное заседание, чтобы присудить премию мира Михаилу Горбачеву за его огромную роль в разрушении 160-километровой Берлинской стены, многие годы разделявшей Восточную и Западную Германию. По Положению нельзя было присуждать премии сразу двум представителям одной страны, поэтому Айтматова вывели из литературной номинации и присудили премию другому номинанту. Этот случай стал пока первым и единственным в 112-летней истории Нобелевского комитета изменением принятого решения. Это стало известно Михаилу Сергеевичу, который с того времени всячески старался поддержать Айтматова. Когда Чингиз Торекулович заболел в Казани, Горбачев помог переправить его на лечение в Германию, заплатил из своего фонда. Вспоминаю, я был дома у Чингиза Торекуловича по улице Токтогула, мы пили чай, когда на домашний телефон позвонил президент М.С. Горбачев.

Разговор продолжался около часа, оказалось президент страны собирался ехать в Китай и очень просил принять участие в этой поездке Чингиза Торекуловича. Я, конечно, был горд за него.

О М. Горбачеве Чингиз Торекулович упомянул в своих произведениях: «Тавро Кассандры», «Ода величию духа», «Плач охотника над пропастью», в многочисленных статьях. Позже взаимное уважение переросло в искреннюю дружбу. В романе «Плаха» явственно заметно дыхание перестройки, писатель открыто критикует секретарей парткомов вроде Кочкорбаевых. В это время была напечатана повесть «Белое облако Чингизхана», в которой писатель, наконец, претворил в жизнь свои мысли о критике тоталитаризма власти. В том, что было осуществлено самостоятельное издание этой повести из романа есть и мой вклад. Как главный редактор издательства «Баласагын», учрежденного в 1989 году, я вылетал в Москву, чтобы получить авторское согласие на издание. Я написал Вступительное слово, а Георгий Гачев – Заключение. В это время произошли Ошские

события, Авторитет Айтматова тогда сыграл огромную роль в стабилизации положения. Горбачев целиком и полностью доверялся ему. Потом Москва послала его на дипломатическую службу послом СССР в Люксембург. Вместе с тем для Айтматова создавались и условия для творчества.

После того, как распался СССР, президентом России стал Б.Н. Ельцин, но и тогда Айтматов продолжал быть послом. Там он завершил роман «Тавро Кассандры». С Б.Н. Ельциным он был соседом по московскому жилью. Только по прошествии долгого времени Чингиз Торекулович сдал должность посла России и стал послом Кыргызстана в Бельгии.

– Предлагаю на этом закончить нашу первую беседу, вторую давай посвятим отношениям писателя с республиканскими властями. ведь они тоже оказали влияние на жизнь и творчество Айтматова.

– Спасибо за беседу!

*Бабырбек ЖЭНБЕКОВ
«Алиби» 10, 14 августа 2012 г.*

ЗАСУЕТИЛИСЬ, НАЗЫВАЯ ЕГО «АЯТОЛЛА АЙТМАТОВ»...

– Абдылдажан, в прошлый раз мы начинали разговор о взаимоотношениях Чингиза Айтматова с властями и о том, как в его произведениях отражалась тема власти. Мы тогда обещали читателям поговорить об этом, что называется, «на всю страну». Давай опять окупемся в историю.

– Суровое детство и юность Чингиза Торекуловича дали ему раннее развитие и взросление, к тому же он много читал, что значительно расширило кругозор, углубило знания. То, что он выделяется среди своих сверстников стало заметно уже в его ранних рассказах «Ночной полив» и «Белый дождь». В свое время Союз писателей, как одна из властных структур республики, устроил гонения на молодого писателя за повести «Лицом к лицу» и особенно «Мелодия» (так вначале называлась «Джамиля»). Дошло до того, что ему запретили писать. Опытные консерваторы, опираясь на свою власть, не смогли понять, простить начинающему автору его безусловный талант. Власти страны тоже втайне поддерживали ретроградов от творчества.

В ЦК компартии Кыргызстана буквально дождем посыпались протоколы партийных собраний с мест, заявления о необходимости наказать автора. И в такое тяжелое для Айтматова время, словно яркое солнце в лице казаха Мухтара Ауэзова и француза Луи Арагона разогнало черные тучи, поддержав в мировом масштабе повесть «Джамиля». Этот выход на мировую арену придал силы и уверенность молодым писателям и литературоведам К. Асаналиеву, К. Бобулову, Б. Жакиеву, А. Жакыпбекову и др. выступить открыто против консервативных сил в защиту Ч. Айтматова. Одно за другим появились «Первый учитель», «Тополек мой в красной косынке», «Верблюжий глаз». Следует отметить, что в первый раз повесть «Джамиля» была выдвинута на Ленинскую премию в 1961 году наряду с произведениями Т. Сыдыкбекова и других кыргызских писателей. Только в 1963 году отделом философии Академии наук, стараниями А. Салиева, А. Какеева сборник «Повести гор и степей» был выдвинут на Ленинскую премию, и высота эта была взята!

Если до сего времени яркими критиками Ч.Айтматова выступали Аалы Токомбаев и Насирдин Байтемиров, то теперь к ним присоединился и Тугельбай Сыдыкбеков. Он открыто выступил против художественной картины «Первый учитель», повести «Прощай, Гульсары!», хотя до параллельных притязаний на Ленинскую премию между ними были дружеские отношения. Ч.Айтматов являлся одним из переводчиков второй части романа «Среди гор». Кстати, помните в повести «Прощай, Гульсары!» есть фрагмент скачек, где три скакуна, далеко оторвавшись от соперников, ведут между собой борьбу за победу. Три скакуна – творческое состязание между А. Токомбаевым, Т. Сыдыкбековым и Ч. Айтматовым. Двухлицие власти особенно ярко проявилось в это время, она оказалась уже не в состоянии не поддерживать, правда втайне уже Айтматова, что в конце 60-х – начале 70-х годов привело к острому противостоянию представителей двух творческих поколений. К этому времени авторитет Ч. Айтматова становится уже непререкаемым, и это обуздывает Аалы Токомбаева и Тугельбая Сыдыкбекова.

– В эти годы республикой правил Т. Усубалиев...

– Да, вначале между первым секретарем ЦК компартии Кыргызстана и писателем были натянутые отношения. Одна из причин этого была в том, что Айтматов, будучи спецкором газеты «Правда» по Средней Азии, открыто писал о недос-

татках в республике. Конечно, это не нравилось власти. Тем более именно ЦК партии утвердил Чингиза Торекуловича вначале на пост главного редактора журнала «Литературный Кыргызстан», а затем – корреспондента газеты «Правда». Власть начинает побаиваться растущего влияния писателя, к тому же в это время отдельные персоны начинают вести тайные переговоры с Ч.Айтматовым о занятии им поста первого секретаря ЦК компартии Кыргызстана. Понятно, что это доходит до Т. Усубалиева, и писателя переводят на работу председателем Союза кинематографистов республики. Так Айтматов оказывается отлученным от активной общественной жизни, но недаром говорится «нет худа без добра»: все силы писателя, его энергия направляются на развитие киргизского кино, работу над новыми произведениями.

Позже, в 70-е годы отношения между Т. Усубалиевым и Ч.Айтматовым улучшились, ЦК партии предоставляет писателю условия для творчества, начинает прислушиваться к его мнению. Когда Чингиз Торекулович ушел во вторую семью, отдельные давние его недоброжелатели вновь развили бурную деятельность, стали писать в ЦК компартии письма о его недостойном коммуниста поведении с требованием примерного наказания. ЦК компартии не стал вмешиваться в эти проблемы, посчитав, что это его личное дело. В эти годы Айтматов несколько раз избирается депутатом Верховного Совета Киргизской ССР, депутатом Верховного

Совета СССР, становится членом ЦК компартии Киргизстана и Героем Социалистического Труда. О том с каким трудом в 1978 году писателю было присвоено это высокое звание, о противодействии отдельных высокопоставленных лиц Москвы, приведших к тому, что ему пришлось решать вопрос лично с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым написал в своей книге Турдакун Усубалиевич с привлечением многих фактов. Это подтвердил и сам Айтматов, выразив искреннюю благодарность Усубалиеву.

– На последнем XVII съезде Компартии Кыргызстана Т.Усубалиев был подвергнут резкой критике и снят с работы. Кажется в то время отношения экс-первого секретаря и писателя поостыли?

– Вы правильно подметили, действительно, на съезде Айтматов высказал много замечаний в адрес руководителя партии. У меня создалось впечатление, что писатель вынужден был это сделать, что эта критика была задана партией. Вскоре после этого Чингиз Торекулович вечером послал меня домой к Турдакуну Усубалиевичу с напутствием никому не рассказывать об этом. Между их домами метров 100. Чингиз Торекулович в то время жил на пересечении улицы Токтогула и бульвара Дзержинского на пятом этаже. Турдакун Усубалиевич был дома, свет везде потушен, но и так было заметно, что он похудел, сошел с лица, что называется. «Чингиз Торекулович послал?» – спросил он меня, затем поднялся на

второй этаж и принес мне какой-то большой конверт. «В чужие руки не должно попасть» – сказал он мне. Потом этот же конверт я принес назад владельцу.

Позже, приезжая на дачу Ч. Айтматова и прогуливаясь с ним по территории госрезиденции, часто встречались с Турдакуну Усубалиевичем. Они душевно здоровались. «Чингиз Торекулович, я иду в бассейн», – говорил он. «Я скоро тоже буду», – отвечал писатель.

– При горбачевской «перестройке» поменялись руководители нашей республики, а Абсамат Масалиев стал первым секретарем?

– В то время сильнее первого был второй секретарь ЦК Киселев, ставленник Москвы. Его команда занялась всерьез поисками националистов, как в 1937 году. Вновь стали обсуждать эпос «Манас», но теперь уже богатырь Манас рассматривался как завоеватель чужих земель. Айтматова стали серьезно прессовать за высказывание о том, что в столице лишь одна школа № 5 с киргизским языком обучения. В книгах Казата Акматова, Мара Байджиева, Мусы Мураталиева, в лекциях профессора-историка Аттокурова начали искать идеологические ошибки, обвиняли их во всех смертных грехах. «Плаха» Айтматова тоже попала в жернова этих разборок: в Кремль направлялись письма с требованием запретить издание романа. В это время Айтматов сблизился с М.Горбачевым и вскоре уехал в Москву, став главным редактором журнала «Иностранная литература».

С А. Масалиевым он встретился только в 1990 году во время ошских событий. Тогда писатель прилетел в Ош в качестве советника президента СССР, наблюдал трагические события, что называется, изнутри, высказал много нелицеприятного в адрес руководства республики. Конечно, это был служебный и гражданский долг писателя, и хотя на проходившем вскоре партийном съезде руководители республики вынуждены были отметить большую роль Айтматова в сохранении мира и стабильности на юге страны, но в душах затаили обиду, а кто-то и ненависть.

– *Независимость упала к нам, как говорится, с неба. После обретения свободы и солнце, и воздух, и вода стали как бы другими, это понятно, мы обрели долгожданную свободу. Теперь без указки Москвы мы могли выбрать себе руководителя страны. Первым президентом Кыргызстана с благословения Чингиза Айтматова стал Аскар Акаев. Он не оправдал наших надежд. Каково твое отношение к нему?*

– Я считаю, что историю их взаимоотношений можно разделить на пять этапов. Первый – они относились друг к другу как братья, будучи депутатами Верховного Совета СССР. Результатом стала рекомендация Айтматовым кандидатуры Аскара Акаева на пост президента Кыргызстана и избрание последнего. С 1991 по 1995 годы между ними были теплые дружеские отношения. Чингиз Торекуло-

вич стал послом Кыргызской Республики в Бельгии.

Второй этап – в 1995 году началась подготовка к выборам президента. Кто-то в Белом доме пустил слух, что Айтматов собирается баллотироваться в президенты, и его сразу записали в оппозицию. Начались попытки не пропустить его в депутаты Жогорку Кенеша под предлогом, что Айтматов якобы не гражданин Кыргызстана. Помню, мы, несколько членов клуба Айтматова, ходили в Комиссию по выборам с вопросом-недоумением «Как посол Кыргызстана может не быть гражданином своей страны?!», тогда же мы показали Комиссии удостоверение Айтматова о том, что он является «Почетным гражданином Бишкека». В эти дни в газете «Асаба» была напечатана статья «Аятолла Айтматов», которая лишь подлила масла в огонь. Власть вовсе потеряла покой и сон. Многие пытались вбить клин в отношения между писателем и президентом, но и тот и другой молчали по поводу домыслов.

Президент был избран на второй срок. В этот третий этап отношения их носили семейный характер. В госрезиденции они практически каждый день заходили друг к другу на вечерний чай, часто гуляли вместе. Я был этому свидетелем. Многие вопросы решались во время таких встреч. К примеру, Комиссия по языку при очередном реформировании должна была быть ликвидирована, а ее функции переданы в Министерство. Об этом мне сообщил Казат Акматов, зани-

мавший руководящий пост в Комиссии, я поехал к Айтматову и сообщил об этом. Вечером пришел помощник президента и сообщил, что он вскоре зайдет к Чингизу Торекуловичу. Я отошел в укромное место. Вскоре появился президент в спортивном костюме, около часа они пили чай. После его ухода Айтматов сказал мне: «Передай Казату, пусть не переживает, госкомиссия остается при президенте». Когда женился сын президента Айдар, сам Чингиз Айтматов в качестве старшего свата ездил к Нурсултану Назарбаеву, прося руки его дочери. В годы правления Аскара Акаева на международном уровне прошли 70 и 75-летние юбилеи писателя, он получил звание Героя Кыргызской Республики и орден «Манаса», был всегда в составе делегации в зарубежных визитах президента.

– *Но и тогда среди людей бытовало мнение, что их взаимоотношения больше для политики... Якобы президент не желает выдвигать кандидатуру Айтматова на Нобелевскую премию...*

– Всегда находились люди, с удовольствием готовые вбить клин в их взаимоотношения. Это уже четвертый этап. Подхалимы и ближайшее окружение якобы выдвинули Аскара Акаева на Нобелевскую премию за «Построение в Средней Азии островка демократии», сообщение об этом было в газетах. Не берусь утверждать, было ли с их стороны обращение в Нобелевский комитет, но знаю, что сразу два человека из одной страны вряд ли могут пройти. Мы же со своей стороны

от имени клуба каждый год предлагали кандидатуру Айтматова. Справедливости ради скажу, что Аскар Акаев не имел права выдвигать, ибо по Положению главы государства не может этого делать.

– *Шло время, наступило 24 марта 2005 года. Аскар Акаев сбежал в Москву...*

– Этим пятым этапом мы можем завершить историю их взаимоотношений. Айтматов дал оценку мартовскому событию, назвав его «переворотом». Далее он перечислил причины, вызвавшие резкое недовольство населения, дал жесткую оценку действиям президента, который мог и должен был не допустить этих событий. Каждое слово Айтматова было, как бомба, его выступление перепечатали все СМИ Востока и Запада. Акаев прежде не слышавший таких резких слов, конечно, обиделся, но как истинный интеллигент и глубокая личность он с болью отозвался на весть о кончине великого писателя, написал воспоминания о нем, выразил глубокое сожаление о том, что не сумел присутствовать на его похоронах. Меня удивляет, почему эти двое людей не сумели встретиться в Москве, выразить свои чувства, ведь Айтматов часто бывал там уже после того, как там стал жить и работать Аскар Акаев...

– *Если Айтматов заявил во всеуслышание, что 24 марта 2005 года произошел «переворот», конечно, бакиевская власть невзлюбили его...*

– Вы правы. Они повели себя так, будто Айтматова в мире не существует вовсе, власть отвернулась от него. Это, ко-

нечно, очень задевало писателя, но он продолжал работать, исполняя посольские функции, завершил свой роман «Когда падают горы». Только спустя долгое время власть стала понимать, что без писателя, который может выступать мостом по налаживанию отношений с другими странами, ей будет намного сложнее эффективно функционировать, начала неохотно привлекать его к каким-то небольшим мероприятиям. Большой любви и уважения между властью и Айтматовым, конечно, не было. Потом произошла и вовсе позорная для власти история. После встречи с тогдашним президентом страны К. Бакиевым писателю было заявлено «Можете ехать на службу», сразу же вслед за ним был отправлен Указ о снятии его с поста. Об этом Указе Чингиз Торекулович узнал у руководства Министерства иностранных дел Бельгии. Провожали своего мэтра его коллеги – Чрезвычайные и Полномочные послы других государств – в Посольстве Республики Казахстан (?!). Конечно, дело было не

в должности, 80-десятилетний всемирно известный писатель и сам собирался сдать службу. Власть сняла его с госслужбы словно рядового проштрафившегося главу сельского округа.

– *Пришло новое время, которое Чингиз Айтматов не увидел. Какова будет его вторая жизнь?*

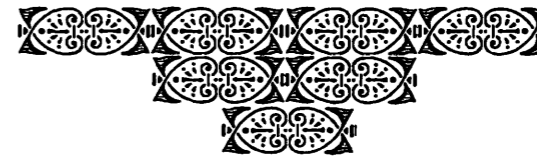
– Теперь нет Айтматова, которого побаивались прежние власти. Алмаз Атамбаев сам член Союза писателей СССР видел, слышал и часто общался с великим писателем. Айтматов сам поднял себя на недостижимую высоту, наше дело – не пытаться спустить его с этой вершины. Как к нему будут относиться будущие президенты, премьер-министры и спикеры – их дело, но благодарные читатели по всему миру многие века будут на примере его произведений и героев воспитывать своих детей...

– *Спасибо за интересную беседу!*

Бабырбек ЖЭЭНБЕКОВ

«Алиби»

17, 21 августа 2012 г.

ПАМЯТНИКИ АЙТМАТОВУ И УЛИЦЫ ЕГО ИМЕНИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Министерство иностранных дел
Кыргызской Республики,
Посольства Кыргызской Республики

Великий писатель и мыслитель, личность планетарного масштаба Чингиз Айтматов – ныне и в грядущем духовный паспорт, который кыргызы с гордостью могут предъявить миру. Нет у нас величественных пирамид, подобных древнеегипетским, нет Великой защитной стены, опоясывающей Китай, нет циклопических, известных всему миру архитектурных сооружений. Но у нас есть Ч. Айтматов и океаноподобный эпос «Манас», который сам писатель назвал «вершиной кыргызского духа». Чингиза Айтматова мы с полным основанием можем назвать Манасом сегодняшнего дня, ибо он сумел вобрать в себя всё прогрессивное из величайшего эпоса, кыргызской и мировой культуры. Силой своего могучего таланта писатель переплавляет и синтезирует локальные идеи, выводя их на общечеловеческий уровень, и доносит до мировой общественности.

Из-за границы хочу ещё раз обратиться к Министерству иностранных дел Кыргыз-

ской Республики и всему посольскому корпусу с очередным предложением по увековечиванию светлой памяти Чингиза Торекуловича Айтматова в мире. 1 декабря 2010 года, будучи в Южной Корее, я через газеты «Кыргыз Туусу», «Алиби» и «Фабула» уже обращался к вам с идеей о сборе произведений великого кыргызского писателя на иностранных языках для проведения «Всемирного фестиваля книг Айтматова». Благодаря вашей поддержке в июне 2011 года мы провели фестиваль, на котором было представлено более 300 книг на 80 с лишним языках. Выставку украсил 7-томник, изданный в Германии к 80-летию писателя.

Наша совместная с вами инициатива продолжает жить, книжный фонд постоянно пополняется. Многие почитатели таланта Ч. Айтматова привозят и присылают нам монографии, сборники, статьи, посвященные творчеству Чингиза Торекуловича. Буквально на днях мы получили от казахстанских коллег список произведений писателя, изданных в их стране. Юноша-кыргыз из Китая Курман Турган привез нам сборник трудов китайских исследователей и переведенный роман.

В настоящее время многие наши соотечественники часто выезжают по различным делам за рубеж, кто-то постоянно там работает. Произведения Ч.Айтматова переведены почти на 180 языков мира, и если мы смогли бы собрать эти книги в полном объеме, сделали бы дело огромной важности, пополнив фонд «Библиотеки книг Айтматова».

На мой взгляд, посольства Кыргызстана могли бы открыть специальные айтматовские сайты на языках тех стран, где они расположены, помещать там сведения о книгах кыргызского писателя, устраивать читательские обсуждения.

Уважаемые сотрудники

Министерства иностранных дел!

Уважаемые работники диппредставительств!

Вы делаете очень многое для подъема не только экономики и политического авторитета Кыргызской Республики, но и распространения нашей культуры за рубежом. Обращаюсь к вам ещё с одной идеей. В 2008 году вскоре после кончины Чингиза Айтматова я направил властям

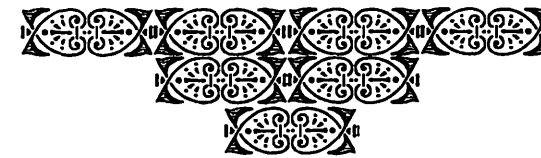
страны и к вам, дипломатам, обращение, состоящее из 17 пунктов. Один из пунктов был таков. Памятники А.С. Пушкину есть везде, где любят культуру и литературу. Его именем названы проспекты и улицы. Нам следует позаботиться о том, чтобы и имя Ч. Айтматова звучало в названии улиц многих стран, считающих себя поборниками культуры, чтобы там стояли памятники великому кыргызу с мировым именем.

Думаю, что наши посольства могли бы обратиться с официальными письмами к руководству соответствующих стран, читателям творчества Ч.Айтматова, переводчикам его произведений с предложениями увековечить память гения. Положительное решение данного вопроса стало бы для нас, кыргызстанцев, непреходящей гордостью.

Эту работу следует начать уже сегодня в ознаменование подготовки к 85-летию со дня рождения Чингиза Айтматова.

г. Пекин

«Кыргыз Туусу», 4 декабря 2012 г.

«АЙТМАТОВ НАЗВАЛ АКАДЕМИЮ НАУК СИМВОЛОМ СТРАНЫ...»

– Абдылдажан Амантурович, недавно Вы были в Пекине, конечно, там речь шла и о Чингизе Айтматове?

– Практически все участники международного саммита «Исследование эпических произведений» говорили мне о том, что любят книги Айтматова и выражали соболезнования. Беседы с ними очень взволновали меня. Вероятно, и поэтому тоже прямо из Пекина я обратился в Министерство иностранных дел и к Чрезвычайным и Полномочным послам Кыргызстана с инициативой проработать вопрос об установке памятников Чингизу Айтматову по всему миру. Это свое обращение я послал и в вашу редакцию. Свободное время я посвятил походам в книжные магазины. Во всех магазинах есть отделы «Русская литература». Много я перелистал книг, изданных в самом Китае на русском языке, в основном это хрестоматии и антологии, в которых большое место занимают произведения Айтматова. Например, в книге «Хрестоматия русской литературы» (Пекин, 2010) написано:

«Ч.Т. Айтматов родился 12-ого декабря 1928 года в аиле Шекер Таласской долины Киргизии.

Айтматов начал печататься с 1952 года. В 1958 году в журнале «Новый мир» была опубликована его повесть «Джамийла», которая принесла Айтматову широкую популярность. Эта повесть о молодой киргизской женщине, «которая во время войны, когда муж находился на фронте и после ранения лечился в госпитале, решила изменить ему и открыто на глазах своих односельчан, уйти из родного аила со своим любимым. В 1961 году вышли в свет повести «Тополек мой в красной косынке», «Первый учитель» и «Верблюжий глаз». Потом эти четыре его ранних повести вошли в книгу «Повести гор и степей». В 1963 году за эту книгу Айтматов был удостоен Ленинской премии. Повесть «Прощай, Гульсары!» была опубликована в 1965 году в журнале «Литературный Киргизстан». Это произведение означает новый этап в творчестве Айтматова. Сам Айтматов так пишет об этой повести: «... в ней, как я думаю, мне удалось нарисовать картину современной национальной жизни, киргизский национальный характер. Я стремился воспроизвести не национальный орнамент, а поставить существенные вопросы нацио-

нального бытия, проникнуть в социальные конфликты и противоречия». Эта повесть была удостоена Государственной премии СССР в 1968 году.

Важными произведениями Айтматова в 70-тые годы являются «Белый пароход» (1970), «Ранние журавли» (1975), «Пегий пес, бегущий краем моря» (1977). Повесть «Белый пароход» ставит в центр повествования семилетнего мальчика, который выступает нравственным судьей дел взрослых. Для этого мальчика существуют мир реальный и мир волшебный. Когда миф сталкивается с реальностью, их встреча становится для мальчика трагедией. За повесть «Белый пароход» Айтматов был награжден Государственной премией СССР, а за повесть «Ранние журавли» он был удостоен Государственной премии Киргизской ССР им. Токтогула Сатылганова в 1977 году.

В романе «И дольше века длится день» (1980) автор «сопрягает быстротекущий нынешний день с веком, а переломный исход нашего XX века – со временами минувшими и грядущими». Айтматов, опираясь на легенды и мифы, первый раз в своем творчестве прибегает к использованию фантастического сюжета, чтобы с космических высот посмотреть на то, что происходит на земном шаре, чтобы еще лучше познать и интерпретировать действительность.

«Плаха» (1986) это роман об актуальных проблемах человечества в данный момент истории. Писатель признается, что в «Плахе» хотел бы «отразить всю

сложность мира, чтобы читатель вместе со мной прошел через духовные пространства и поднялся на более высокую ступень». В романе Айтматов рассказывает об общечеловеческих проблемах нравственности: о наркомании, о жестокости в обращении с окружающей природой, о потере смысла жизни, об отсутствии идеала и веры... Этот роман, как крик души, напоминает о том, что все человеческое общество должно быть в ответе за общечеловеческую катастрофу. В 90-ые годы Айтматов написал романы «Облако над Чингизханом» (1990), «Свобода умирать» (1993), «Тавро Кассандры» (1994) и др., которые показывают новые духовные искания писателя. Айтматов в этих произведениях, особенно в романе «Тавро Кассандры», поставил вопрос о поиске нового современного человека с новым мышлением – космического монаха Филофея, открытия которого демонстрируют духовную эволюцию человечества. Творчество Айтматова отличается удивительным слиянием национального и интернационального. Его ранние произведения дышат свежестью, чистотой гор и степей, восславляют чистую, верную любовь и красоту человеческой души, подтверждают молодость и радость человеческого бытия. Айтматов умеет глубоко заглянуть во внутренний мир своих героев и показать лучшие качества их национального характера. С середины 80-ых годов постановка глобальных проблем является одной из заметных особенностей его произведений, в которых преобладает

философское размышление о смысле бытия и о ценностях общечеловеческой культуры. Писатель в противоречивом и дисгармоничном сегодняшнем мире ищет согласия, единства и гармонии. Мифы, легенды, фольклор и народные песни являются важным средством создания романтического и фантастического фона романов Айтматова. Айтматов, как остросовременный писатель, тонко чувствующий актуальные проблемы планеты, получает все более широкое признание читателей всего мира. Проблемы, поставленные Айтматовым в его произведениях, всегда волнуют и привлекают внимание людей XX века. Его творчество является важным достоянием мировой литературы».

Подобные хрестоматии предназначены для высших учебных заведений.

– А как с литературой на китайском языке?

– Мне попало 24 различных издания на китайском языке. Скоро мне их пришлют для пополнения фонда «Библиотеки айтматовских книг». Совсем недавно мне сообщили, что вышел восьмитомник на уйгурском языке, содержание и структура которого повторяет издание типографии «Бийиктик» – восемь томов на кыргызском языке. В Пекине я поручил тамошним молодым исследователям Адылу, Токону и Нургуль собирать и обобщать все материалы, касающиеся Айтматова. Кроме того, договорились, что Нургуль начнет работу над кандидатской диссертацией «Исследование, переводы произведений Чингиза Айтматова в Ки-

тае и их влияние». До этого времени китаянка Пен Мей под моим руководством защитила диссертацию «Изучение творчества Чингиза Айтматова». Конечно, есть еще много материалов по этой теме. О непреходящем интересе китайцев к творчеству нашего великого писателя свидетельствуют книги, которые подарил мне китайский кыргыз по имени Курман «Гигант мировой литературы XXI века Айтматов» и «Айтматов в Китае».

– Известно, что когда Чингиз Айтматов был с президентом СССР М.С. Горбачевым в качестве его советника в Китае, какой-то молодой китайский кыргыз позвонил писателю по телефону и сказал, что он «прообраз Мальчика из повести «Белый пароход», правда это или нет?

– В то время и я не поверил в правдоподобность этого случая. Подумай сам, как они могли встретиться или даже поговорить по телефону, в китайскую резиденцию даже муха не может залететь!? Но когда в Китае я увидел фотографии, где Чингиз Торекулович находится в окружении юных китайских кыргызов, то полностью поверил в этот факт. Оказалось, что юноша этот был сотрудником телефонной кампании. Дозвонившись до Чингиза Торекуловича, он сказал: «Здравствуйте, ага, я тот самый мальчик из «Белого парохода», который, уплыв по реке с Иссык-Куля, приплыл до Китая». Каков молодец, а, во-первых сумел дозвониться, а во-вторых, зная, что ему никто не поверит, организовал встречу писателя со

своими друзьями!? Вообще китайским кыргызам нужно сказать спасибо. Они отмечают дни рождения и кончины Чингиза Айтматова различными мероприятиями. Мне особенно понравилось, что эти дни они объявили днями чтения книг, обмениваются ими, устраивают коллективные читки. Нам бы тоже неплохо было поучиться у них.

– Вы, наверное, помните, Абдылдажан Амантурович, в то время обстановка в Китае была весьма напряженная, на площади Тянь-ань-мэнь погибли тысячи молодых людей. Вероятно, и до них добрался тогда дух перестройки?

– Пытаясь перестроить, мы все коренным образом поломали!? Китай пошел по своему пути развития. Я специально побывал на площади Тянь-ань-мэнь. Помните, как Айтматов в «Тавре Кассандры» описывает события, свидетелем которых он стал: «На большом экране, засветившемся в центре сцены, возникла многлюдная площадь Тянь-ань-мэнь с промелькнувшим на фасаде неизменным портретом Мао Цзедуна с каменным выражением лица, в сером кителе вождя. Страшное столпотворение на площади под каменным взглядом Мао напоминало бушующий людской океан. Китайцы неистовствовали и орали, как на пожаре. Комментатор сообщал, что такое на площади было только в 1989 году, при подавлении студенческих волнений. «Слушайте единый выкрик Тянь-ань-мэнь, – продолжал комментатор».

Я помню с каким волнением рассказывал Чингиз Торекулович о той своей поездке.

– *Какие мероприятия к дню рождения Айтматова устраивают институт, клуб, академия наук?*

– Коллектив института языка и литературы им. Ч. Айтматова собрал средства, на которые 7 декабря в рекреации 4 этажа будет установлен не очень большой памятник писателю. Автор скульптуры Жолдош Бусурманкулов, спасибо ему, вник в наше положение. Он сейчас готовит еще одну скульптуру для «Библиотеки айтматовской книги». По моему мнению, было бы неплохо установить работы Ж.Бусурманкулова разных форм в вузах и каждой школе страны. 10 декабря Кыргызская телерадиокомпания проводит презентацию моей книги «Аалам кезип, Айтматовдон салам айт!..» Эта книга состоит из более 40 поэм и стихов. Их будут художественно читать наши известные артисты Д. Байдебетов, К. Осмонов, Б.Одуракаев, Т.Сманбеков, Э. Бекболиев, Ш. Касмалиева, М.Козукеев, Ж.Кочорбаева. А именно 12 декабря – день рождения Ч.Айтматова и День национальной литературы – мероприятия начнутся утром на Ата-Бейите, а закончатся вечером в Кыргызском драмтеатре. Этот день будет отмечаться в разных формах в вузах и школах.

– *Вероятно, Национальная академия наук занимала особое место в душе писателя? Ведь он был Вашим академиком?*

– Он очень высоко ценил место и роль Академии наук. Только за последние 10 лет он пять или шесть раз находил время прийти к нам, побеседовать с учеными, высказать свои мысли по поводу того, как сохранить Академию. Он считал, что государство должно считать достойное существование Академии своей приоритетной задачей, ведь она такой же символ страны как Герб, Флаг, Гимн.

– *Недавно Жогорку Кенеш учредил премию имени Ч. Айтматова в размере 30 000 долларов. А ваша премия клуба Айтматова остается?*

– Да, я считаю, это дело хорошее. Эта премия для исследователей из стран СНГ. Было бы неплохо, если бы тюркские государства тоже учредили свою премию.

Премия же нашего клуба имеет 20-летнюю историю. Клуб Айтматова будет продолжать выполнять свою миссию и функцию. Дело не в денежном эквиваленте премии, а в том, чтобы выбрать самого достойного кандидата. В последнее время появилась тенденция когда люди, которые ни слова об Айтматове не написали, а, наоборот, старались при случае навредить ему, вдруг резко переменились, стали искать в Айтматове личные выгоды, выставляя себя завзятыми айтматоведом.

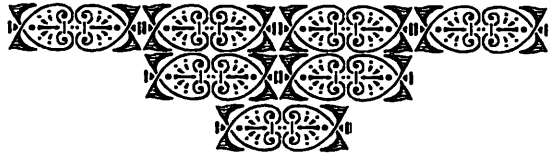
– *Спасибо за беседу!*

Беседовал

Мирлан ДУЙШЕНБАЕВ

«Де-факто». 7 декабря 2012 года

«ВСПОМИНАЯ ОБ АЙТМАТОВЕ, МЫ ВОСПОЛНЯЕМ
СВОИ ДУХОВНЫЕ МИРЫ...»

– 15 января прошлого года в городской библиотеке № 1 открылся памятник Айтматову. К тому же и название несколько непривычное: «Библиотека айтматовских книг». Много библиотек носят разные славные имена, но это название какое-то особенное, с подтекстом. Я задал вопросы инициатору открытия памятника великому писателю академику Абдылдажану Акматалиеву. Первый из них звучал так: «Какое отношение Вы имеете к этому культурному очагу – библиотеке?»

– Отношение самое прямое. А история сегодняшнего мероприятия такова. Лет двадцать назад у меня зародилась идея: собрать в одном месте все книги Айтматова, вышедшие на разных языках по всему миру. Подумай сам, разве плохо будет оставить для потомства, которое, я уверен, будет знать много языков, книги их великого земляка на «всяк сущих» в мире наречиях?! Да и подмога им будет в изучении языков. Долго мучила меня эта мечта, а затем я написал письмо от имени Международного клуба Айтматова и пошел на прием к тогдашнему мэру

Бишкека Жумабеку Ибраимову. Это было в начале декабря 1993 года. Как сейчас помню, день был пасмурный, очень холодный. Около шести вечера я увидел свет в окне Жумабека Ибраимова и уверенно переступил порог мэрии. В те времена там не было пропускного режима, не стояли суровые милиционеры с неприступными лицами. Постучавшись, я услышал негромкий, очень вежливый голос «Войдите». Быстро прочитав письмо, он поднял голову: «А что эта библиотека не имеет имени?» «Имени Льва Толстого» – ответил я. «Да, проблема, что будем делать с именем великого русского писателя? Конечно, идея заманчивая: собрать все книги известного на весь мир писателя, не мала ли будет эта библиотека?» Я, почувствовав, что лед тронулся, заговорил убежденно: «Агай, многие очаги культуры носят имена русских писателей, поэтому мы не предлагаем переименовать, а назвать «Библиотека айтматовской книги», а так библиотека очень большая, вместительная». Мэр оказался человеком весьма решительным, в уголке нашего письма размашистым почерком он напи-

сал «Мире Джангарачевой, решить положительно». Представь, как я обрадовался?..

– Чингиз Айтматов был в курсе?

– Нет, он бы, конечно, был против.

– А как он отреагировал на эту весть?

– Через два дня я, получив постановление мэрии, собрал членов клуба и предложил на завтра же провести презентацию. Все согласились. Вечером я поехал к Чингизу Торекуловичу, показал бумаги. Его так же как и тебя очень удивила моя фраза «Библиотека будет не Вашего имени, а Ваших книг». «А разве так можно?» – спросил он. «Будет очень хорошо, если завтра Вы придете на презентацию и подарите свои книги». На следующий день мы с моим другом Сайниддином заехали к нему домой, чтобы забрать его.

– Хорошее дело вы сделали. Я видел архивные материалы, фотографии, но осталась ли запись его выступления на этом открытии?

– К сожалению, мы упустили много исторических моментов, наверное, по молодости, да и опыта никакого, обрадовались присутствию Айтматова!

– О чем говорил великий писатель, неужели нет стенограммы, хоть каких-то записей?

– Есть, один из членов клуба Дилдебек Андашев, как оказалось, записывал его речь. Да и я вечером того дня кое-что записал в свой дневник. Вот о чем говорил в тот день Чингиз Торекулович:

«Удивительный день сегодня для меня. Мелис часто говорил мне о клубе, я и верил и сомневался, но сегодня убедился,

что вы все молодые люди с четкими позициями в жизни, знающие, что делать. Перед вами много дел, я уверен, вы много добьетесь в жизни. И это меня радует. Возвращаясь на днях из Алматы, по пути в Талас наблюдал в дороге неприятные моменты, настроение упало донельзя. Сегодняшняя встреча с вами здорово взбодрила меня, дала уверенность, что все будет хорошо. В Талас мы ехали на машине, настоящая зима, холодно. Со мной немцы – съемочная группа – хотят снять телефильм. Я, как хозяин, хотел по пути накормить их, напоить горячим чаем, но, как на грех, все придорожные сельские кафе на замке. Вдоль дороги приземистые самодельные ларьки, крытые целофаном, в них только батареи бутылки и сигареты.

Зашли в какое-то кафе, и там не лучше, чем в ларьках. Вдоль дороги в Кара-Балте молодые люди и пешие, и на конях поголовно пьяные. И стар, и млад все торгуют чем-то мелким. Конечно, это наводило на грустные размышления, неужели это то, что мы ожидали от суверенитета, чего мы достигли?! Но вот встретился с вами и надежда вновь ожила. Я думал клуб – небольшая организация, но теперь вижу, вы большая и серьезная сила. То чем вы занимаетесь – дело нужное, но в то же время – весьма ответственное. Мои вчерашние наблюдения и переживания в дороге по поводу поголовного пьянства и деградации молодежи, теперь я верю, хоть сразу и не уйдут, но постепенно будут уменьшаться. Меня радует, что вы без чьего-либо принуждения,

по зову своих душ собрались вместе, чтобы хоть что-то улучшить на своей земле. Даст бог, буду помогать вам в меру своих сил, когда вернусь на родину.

Кто-то из ребят тут задавал вопрос о моем новом романе, это хорошо, что вы интересуетесь новинками литературы. Этот роман я пока думаю назвать условно по-киргизски «Свободное толкование снов», потом, наверное, определимся с окончательным названием. Роман этот написан в философском ключе под влиянием моего пребывания на Западе. Много сил ушло на эту работу, но я рад, что завершил роман и сдал в печать. Можно сказать, что это своеобразный творческий отчет за время пребывания за границей. У московских критиков роман вызвал положительные отклики. В книге много философских терминов. Даст бог, по возвращении на родину сам сяду за написание варианта на киргизском языке.

Я решил все гонорары за издание моих книг на территории Кыргызстана перечислять на счет вашего фонда. Это будет моей помощью фонду. Вы мои современники и единомышленники независимо от того, молодые вы или постарше. Быть единомышленниками в сфере культуры прекрасно, об этом можно только мечтать. За рубежом и особенно в Японии придается огромное значение обучению детей. Конечно, сложно их догнать, но воспитание нравственности и образование подрастающего поколения – дело первоочередной важности. Ваше движение очень современно, планы прекрасные и весьма нужные, но, прошу, не ограничи-

вайтесь только Айтматовым, планируйте и решайте те проблемы, что будут полезны для всего народа».

– *Возвратимся в день сегодняшний, памятник хороший. Присутствующим всем понравился, а здесь и писатели, и деятели культуры, ученые, читатели. Кто автор, где достали средства на него?*

– Автора зовут Жолдош Бусурманкулов. Он поработал от всей души. Подобные памятники стоят дорого, но Жолдош попросил средства только на материалы. Эту по сути весьма символическую сумму собрали сами лауреаты клуба Айтматова и академики Общественной академии Айтматова. Ты же видишь как этот памятник сразу украсил библиотеку.

– *Как идет сбор книг писателя?*

– Фонд постепенно пополняется, мы еще собираем книги, сборники, статьи об Айтматове. Даст бог, эта библиотека со временем станет «Айтматовским центром».

– *Я слышал, есть люди, которые против установки памятников. Кто-то в прошлый раз сказал: «Кыргызстан превратился в страну памятников, но ведь установка памятника – еще на признак уважения...»*

– Не стоит обращать внимания на все, что говорится, у нас ведь демократия! Но скажу свое личное мнение. На этот памятник не ушло ни копейки государственных средств. Нужно выбрать место в центре города, установить там хороший памятник. В каждом городе Узбекистана стоят памятники Навои, в Казахстане – Абай, в Туркменистане – Махтумкули, в Азер-

байджане – Насими, в Иране – Фирдоуси. А сколько памятников Пушкину в России! Мы очень радуемся, когда в Турции и других странах устанавливают памятники Айтматову, а кто мешаает нам найти средства и установить памятники у себя?! Памятники – одна из форм почитания. Я понимаю, что во всем нужна мера. Те объекты образования и культуры, которые носят его имя, могут установить памятник или бюст, разве плохо? В Китае, например, установлено три памятника Манасу, разве это не свидетельство растущего уважения к Кыргызстану? В Турции тоже три памятника, а почему не установить нам?! И с присвоением объектам его имени тоже следует думать. Лучше не присваивать, чем делать это абы как. Может это имеют в виду те, кто против установки памятников? Есть и такие, что не здороваются со мной, говоря, что я везде защищаю Айтматова.

– *Ведь Ваши слова «Айтматову не уделяют внимания» кто-то воспринимает по-иному? Что Вы имели в виду?*

– Да, я тоже слышу разного рода недовольство моими словами. Да, Чингиз Торекулович прожил хорошую жизнь. Я имею в виду отношение к его имени после смерти. Сам знаешь, что 80-летие писателя мы не смогли достойно отметить, впереди 85-летие, как бы опять не опростоволоситься. Тут делить нечего. Наше отношение к памяти Айтматова нужно не ему, а нам, следующему поколению.

– *Я согласен, можем опять опозорить*

ся. Готовитесь ли Вы к установке памятника в Ата-Бейите?

– Эта проблема касается всех нас. Говоря памятник, не имеем ли мы в виду нечто грандиозное, сделанное из мрамора, гранита или бронзы?.. Многие из нас, вероятно, именно это и имеют в виду. По моему, нужно закрыть его могилу каким-то пологом в виде памятника. Наша задача не памятник, а сохранение его могилы. Тяжело смотреть как зимой могильный холм засыпан глубоким снегом, а весной и осенью его орошают дожди. Там всегда много иностранцев, прибывших поклониться праху великого человека, мне стыдно перед ними...

Я думаю, хорошо, не будем устанавливать памятник Айтматову. Пройдут годы, придет новое поколение, и что, будущие кыргызы будут ездить за границу, чтобы посмотреть, узнать, каким человеком был их знаменитый пращур?! Но тут нужно соблюсти какие-то рамки.

– *В этом году Айтматову 85 лет. Установка памятника 15 января этого года – первый шаг к юбилею. Наверное, власти думают, что делать...*

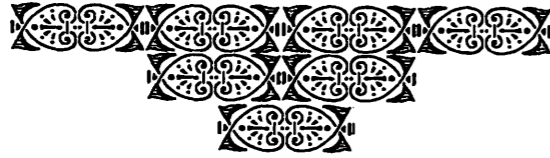
– Конечно! Учреждения культуры, науки и образования, конечно, не будут стоять в стороне. Юбилей нужен не Айтматову, а нам. Вспоминая Айтматова, мы очищаем и восполняем свой внутренний мир, углубляем и расширяем свою духовность...

– *Благодарю за беседу!*

Беседовал

*Темирбек АЛЫМБЕКОВ
«Алиби», 22 января 2013 года*

«КРИТИКА АЙТМАТОВА ВЫЗЫВАЛА ПАНИКУ И СТРАХ...»

– Абдылдажан Амантурович, Вы, конечно, хорошо знаете творческую лабораторию Чингиза Айтматова. В последнее время пошли разговоры о находке новых произведений писателя, что это за рукописи?

– Рукописи известных писателей всегда вызывают интерес читателей. Я недавно был обрадован и одновременно огорчен, увидев рукопись повести 50-х годов прошлого века «Лицом к лицу». Обрадовало меня то, что хорошо заметна работа автора над рукописью, поиски им нужных слов и выражений, редакторская правка. Огорчило то, что рукопись не сумели аккуратно сохранить: текст, написанный химическим карандашом носит следы попадания влаги, от которой записи расплываются. Некоторые страницы практически нечитаемы. Есть несколько рукописей, о наличии которых уже два года идет разговор, я видел 3–4 рукописи. Роман «Флейта и земля» в целом можно считать завершенной вещью, он состоит из более чем 150 страниц машинописного текста. Кстати, именно под таким названием в 1974 году в журнале печатался фрагмент на болгарском языке.

Почему Айтматов не напечатал его на русском или кыргызском языке для меня тайна.

– Как Вы думаете, что послужило причиной того, что роман не увидел света?

– Не возьму на себя смелость дать точный ответ на твой вопрос. Но если обратиться к творчеству писателя тех лет, думаю, можно рискнуть с предположением. Произведение, судя по всему написано в конце 60-х начале 70-х годов прошлого века. Это были годы, когда к писателю-лауреату Ленинской и Государственных премий предъявлялись весьма высокие требования. Сложно было предлагать новые идеи, тем более Айтматов в это время был занят творческими поисками вокруг повести «Белый пароход» и, вероятно, последней и было отдано предпочтение. А может сыграли роль какие-то субъективные жизненные обстоятельства.

– А сейчас можно довести до читателей это произведение, что нужно для этого сделать?

– Довести, конечно, можно, но нужно подумать, стоит ли осуществлять массо-

вое издание. Ведь потом Чингиз Айтматов написал «И дольше века длится день...», «Плаху», «Тавро Кассандры» и другие великие произведения. Будет ли правильным вновь возвращать читателей к Айтматову 70-х годов века минувшего?! На мой взгляд, более верен другой путь: осуществить академическое издание романа «Флейта и земля». История мировой литературы знает подобные случаи, когда после кончины знаменитых авторов их отдельные неопубликованные произведения таким путем попадали к читателям. Для науки подобные вещи очень нужны, заинтересованные читатели могли бы познакомиться с академическим изданием.

– Значит, ваша академия могла бы это дело взять в руки?!

– Да, но для этого нужно заручиться согласием семьи писателя, выслушать их мнение!

– Если рукопись попадет к Вам, найдутся ли средства на издание? Успеете ли к 85-летию писателя?

– Будем стараться, если осуществлять академическое издание, нужно выполнить ряд требований научного характера: дать пояснения, подготовить вступительное слово. Вообще было бы очень правильно это сделать, во-первых, Ч. Айтматов был нашим писателем-академиком, во-вторых, для Национальной академии наук это дело стало бы поводом для гордости.

– Мы говорили о судьбе произведения, не могли бы Вы рассказать, о чем роман?

Тем более супруга писателя в интервью «Азаттыку» сказала, что с рукописью можете ознакомиться только Вы.

– В контексте сказанного, наверное, будет неправильным мне пересказывать роман. Действие его охватывает период с 30-х до 70-х годов. Из истории мы знаем о трудовом подвиге строителей БЧК – Большого Чуйского канала. Тогда не было тракторов, экскаваторов и иной техники, канал был выкопан лопатами и кетменями. Мало кто сейчас об этом говорит, все постепенно забывается. Что заставляло тысячи людей ударно трудиться? Дружба, идея единства, лозунг «Один – за всех, и все – за одного», железная дисциплина, романтические мечты. Все это вело народ вперед, к коммунизму. Люди трудились тогда ради будущего страны, а не так как сейчас – только для себя. Айтматов был очень рад завершению строительства канала, воды которого вызвали к жизни тысячи гектаров земли.

Чингиз Торекулович в одном из эпизодов «Ранних журавлей» упоминает о строительстве БЧК. В повести отец Султанмурата возвращается со строительства БЧК, где он был ездовым на телеге, станхановцем. Юноша вместе с младшим братом Ажимуратом с гордостью встречают отца. Короткая характеристика писателя «отец похудел, до черноты загорел на солнце» дает возможность понять, что стройка не была легкой.

Если обратиться к давним источникам, то Совет министров СССР в 1940 году

издал постановление «О строительстве в Киргизской ССР Орто-Токойского водохранилища и Большого Чуйского канала». В те годы это было самым крупным строительством ирригационных объектов. В их строительстве одновременно было задействовано 33 тысячи человек не только из Чуйской области и других районов Кыргызстана, но и Курдайского, Красногорского, Луговского районов Казахстана. В газетах есть сообщение о том, что колхозники артели «Кум-Арык» Жайильского района (звеньевой А. Жалбаев) отличились особо ударным трудом. К 24 июня 1941 года основные работы в западной части канала были завершены. С началом Великой Отечественной войны строительство канала было приостановлено, а в 1942–1944 годы – возобновилось.

– *Название произведения звучит как-то странно. Что означает здесь флейта?*

– Чингиз Торекулович был в душе очень близок к музыке, любил и глубоко понимал ее. Композитор Мурат Бегалиев рассказывал, как быстро Айтматов написал слова песни «Тоска по Иссык-Кулю» и даже напел ему мелодию, которую хотел бы! Я тоже помню, как иногда он напевал какие-то свои мелодии. В повести «Прощай, Гульсары!» писатель с помощью игры Жайдар на темир-комузе показывает нам психологическое состояние Танабая! Конечно, недаром он обратился к древнему музыкальному инструменту кыргызов – флейте, ведь она – символ любви и глубокой печали.

– *Герои, наверняка, в соответствии со своим временем, коммунисты?!*

– Сейчас слово «коммунист» превратили в ругательство. Настоящие коммунисты работали не за страх, а за совесть для людей, страны. Это слово означает понятие «общественный, народный». Нельзя называть коммунистами тех, кто пробравшись в их ряды, решал свои корыстные интересы. Разве плохи были идеалы коммунистов?! Свобода, равенство, справедливость – были девизом их жизни. Подлецы и прохиндеи, обвинившие партию коммунистов, как повиллика, привели великую страну к развалу! Какими истинными коммунистами были айтматовские Дуйшен, Танабай, Чоро, Эдигей! Многие читатели хотели быть похожими на них, считали их за идеал. Например, и я был коммунистом, до сегодняшнего дня стараюсь честно делать свое дело, не гонялся за льготами. Не стал сбегать из партии, хаять ее, как те, кто пробравшись в руководители партийных органов и развалив всю работу, теперь опять «сидят на коне». Партбилет свой я не рвал всенародно, он хранится у меня дома. Я стараюсь и сегодня жить и работать по-коммунистически и горжусь этим. И в этом произведении Айтматов дает нам глубокие образы коммунистов, в первую очередь, раскрывая нам их богатый внутренний мир, прекрасные человеческие качества!

– *Чингиз Айтматов и сам ведь был коммунистом?!*

– Да, и, будучи коммунистом, резко критиковал в своих статьях, интервью,

выступлениях, книгах недостатки, присущие деятельности коммунистической партии и отдельных ее руководителей! Критика Айтматова вызывала панику и страх в огромной стране, партийная система вынуждена была признать критику и пытаться обуздать негативные моменты, исправлять их. В одно время он своим партийным словом с высокой трибуны помог труженникам-хлопкоробам Узбекистана избавиться от обвинений в приписках. Трагические события декабря в Алма-Ате он напрямую связал с ошибками ЦК КПСС в кадровой политике. Он первым заявил об отсутствии школ на кыргызском языке в столице республики, поднял вопрос о необходимости широко отметить 1000-летие эпоса «Манас». Вообще, каждое следующее произведение писателя – критика, справедливая оценка состояния общества. В романе, о котором мы говорим, тоже есть образы истинных коммунистов.

– *Наверное, и в этом произведении есть мифы, легенды, символы?..*

– Писатель в повести «Прощай, Гульсары!» в качестве эксперимента синтезировал древние легенды «Сказания о Кожожаше» и «Охотнике Карагуле», чтобы с их помощью глубже раскрыть психологию Танабая! Это у него прекрасно получилось, и он стал использовать не только кыргызский фольклор. Художественная сила Айтматова – в сопряжении проблем древности и сегодняшнего дня и выработке на этой основе новых художественных идей!

– *Может назовете хоть имена героев?*

– Байымбет Асакеев, Заводской...

Писатель в одной из своих статей говорил: «Люди конца 50-х годов отличаются от людей хотя бы 30-х годов. У нынешнего рабочего, колхозника, интеллигента есть новые черты по сравнению с рабочим, колхозником, интеллигентом первой пятилетки. В чем его отличие, в чем духовный прогресс личности нашего сегодня? Об этом следует поразмыслить. Это даст огромный человеческий материал, чрезвычайно поучительный и интересный». В романе «Флейта и земля» автор продолжает эту мысль.

– *Как айтматовед, Вы, вероятно, в свое время дадите оценку и этому произведению?*

– Я жду это время. Вообще, есть мысль поднять проблему творческой лаборатории писателя. Я уже обращался к причинам, вызвавшим работу над «Белым парходом», «И дольше века длится день», «Плахой». Что послужило толчком к созданию этого давнего романа, в каких условиях он создавался, каково соотношение реального и художественной фантазии? Поиски ответов на эти вопросы, думаю, были бы интересны и читателям, и литературоведческой науке.

– *Могли бы Вы рассказать о письмах читателей к Айтматову?*

– В 1988 году читатель из Венгрии Дежье Надь Дьер написал Валентину Распутину: «И Ч.Айтматов в одном из его интервью говорит, что писателям надо обращаться уже к корням, к прошлому, чтобы

открыть глаза читателя, напоминая ему о том, что состояние природы и нашей морали было критическое».

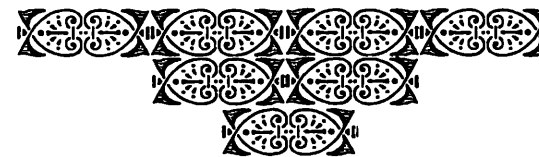
И Виктор Астафьев получил в свое время письмо аналогичного содержания от читательницы из Литвы Раисы Кувалиной: «Эти обычаи складывались годами и веками. Кто и как сумел сделать нас манкуртами, что мы все это сумели забыть?..»

Чингиз Айтматов тоже получал много писем от читателей со всего мира. К со-

жалению, о многих из них мы не знаем. В 1991 году в книге «От «Джамили» до «Плахи» я приводил тексты некоторых писем. Отдельные письма писателю были даны и в моей книге «Читатель и «Плаха».

– И мы вместе с Вами будем с нетерпением ждать новых, пусть и незавершенных, произведений Чингиза Айтматова. Спасибо большое за беседу!

Мирлан ДУЙШЕНБАЕВ
23 августа, 2013 г.

«АРХИВ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА Я ЖДУ С БОЛЬШОЙ НАДЕЖДой...»

– Абдылдажан, какие у тебя есть новости? Наверное, у тебя совсем нет времени, подготовка к 85-летию Чингиза Айтматова отнимает слишком много сил и времени?

– Сейчас, как ты верно заметил, в школах, вузах, учреждениях науки на республиканском и международном уровнях проходят или планируются самые разные мероприятия, посвященные к творчеству Чингиза Айтматова. Я получил приглашения принять участие в юбилейных мероприятиях из России, Турции, Казахстана, Азербайджана. Планирую принять участие в таких конференциях, уверен, все они будут проведены на самом высоком уровне.

– А как у нас, в Кыргызстане?

– Конгресс «Чингиз Айтматов и его Иссык-Кульский форум», который мы планировали провести в сентябре, отодвинут на 14–15 ноября. Хочу очень надеяться, что эта дата не изменится.

– А какие конкретные мероприятия намечены?

– На Ата-Бейите будет завершен и открыт памятник-комплекс, в доме, где жил

писатель, – музей. В филармонии планируется проведение торжественного заседания с участием президента, затем – научный конгресс на Иссык-Куле.

– В этом году увидели свет на английском, немецком и французском языках твои книги «Чингиз Айтматов: Человек и Вселенная», «Чингиз Айтматов». Как их принимают читатели?

– Книжки только еще доходят до читателя, но уже есть теплые отзывы. Вот, к примеру, сообщение из нашего посольства в Японии. Лира Сабырова пишет: «... Библиотеки из-за рубежа спрашивают Ваши книги. Совсем недавно такая просьба поступила из Национальной библиотеки Казахстана, я сумела отправить им и книги и их электронные версии».

– Вероятно, и стихи посвящаешь великому писателю?

– Опубликовал все стихи, которые я написал в честь Чингиза Торекуловича. 13 октября видел сон, давно уже он не снился мне. Чингиз агай, Казат Акматов и я беседуем у писателя дома. Я думаю «Чингиз Торекулович за границей, видно, очень соскучился по нам, как хорошо

было бы если побольше людей вроде Казата Акматова стали его наперсниками». В какой-то момент я вышел наружу, они остались вдвоем в комнате. Слышу агай, зовет меня «Мелис, Мелис». Я захожу домой, а Чингиз Торекулович говорит: «Если болит спина, приляг вот здесь» и показывает мне место рядом с собой. Я прилег, а Айтматов берет в руки комуз, говорит: «Расскажу тебе отрывок из «Семетей», ты его хорошо знаешь». Здесь я, к сожалению, проснулся. Долго лежал, сожалея, что не услышал хоть кусочек.

– В одном из стихотворений ты писал, чтобы Айтматов снился своим читателям...

– Было такое! Я думаю, если он будет сниться, очистятся наши души. Сколько негатива – воровства, насилия, грабительства – появилось и буйным цветом расцвело в нашей жизни, только Айтматов, я уверен, способен очистить нас и наши помыслы. А может он и снится многим своим читателям...

– А читатели делятся с тобой своими снами?

– Именно 13 октября, когда мне приснился Чингиз агай, я встретил прокурора Сокулукского района Замирбека Калиева. Я его до сего времени не знал, он сам подошел ко мне. Мы познакомились, и он рассказал мне свой сон. Он никогда не встречался с Айтматовым. Вроде я провожу какое-то собрание, они с Чингизом Торекуловичем пришли в зал. Замирбек попросил автограф и протянул писателю книгу. Айтматов стал писать поже-

вание на русском языке. Когда Замирбек указал ему на это, писатель сказал: «Ты прав», стал писать на кыргызском, а затем произнес: «Будьте счастливы вместе со своим сыном!» и крепко пожал его руку. Замирбек пошел искать фотографа, чтобы сняться на память вместе с женой. Фотограф оказался парнем дунганской национальности. «Я тоже очень люблю творчество Айтматова», – сказал он и стал фотографировать. В это время прокурор проснулся. Что интересно, своего сына он назвал Чингизом в тот год, когда Айтматову исполнилось 60 лет...

Недавно мне позвонил известный ученый-педагог, член-корреспондент НАН Кыргызской Республики Эсенбек Мамбетакунов и рассказал два своих сна. Расскажу один из них. Вроде мы встретились втроем на улице. Только прошел дождь, прохладно и свежо, на улице грязь. Айтматов вроде бы в кирзовых сапогах. Он протягивает нам с тобой какой-то старый коричневый чемодан, мы беремся за него с двух сторон, а Чингиз Торекулович поднимает с земли какую-то палочку и рисует на крышке чемодана окружающую нас природу. Потом писатель протягивает Эсенбеку Мамбетакуновичу острый железный предмет и просит нарисовать следы, которые отпечатались на мокрой земле. Он рисует и видит, как эти следы четко видны на картине. А я вроде бы все растягиваю крышку чемодана, которая становится все больше, а затем рисунок, все укрупняясь, переходит в окружающий нас мир.

– Хорошие сны. Пусть они принесут удачу! Все, кто видит сны, потом какое-то время думают о них. Наверное, их тоже нужно собирать?

– Да, есть у меня такие мысли.

– Всех наших читателей интересует архив писателя, неоконченные произведения, письма...

– Архив сейчас приводится в порядок. Оказалось, много произведений осталось незавершенными, сейчас думаем, как их довести до читателей. Рукопись романа «Земля и флейта» в чем-то перекликается с давним, практически юношеским рассказом «Мы пойдем вперед». Если в рассказе речь идет о строительстве Волго-Донского канала, то в романе писатель рассказывает о Большом Чуйском канале. В рассказе чувствуется, что молодой писатель ограничен в раскрытии психологии своих героев, ему не хватает мастерства, впрочем, это может происходить и в силу того, что автор опирается на материалы газетных публикаций. В романе же глубоко проработаны все образы, писатель опирается на реальную жизнь. В рассказе строительство канала проходит под жестоким гнетом манапа

Боронбая, который и будет владеть каналом, в романе же люди по своей воле осуществляют стройку, они поддерживают партию и Правительство потому что знают: канал будет служить людям.

В сопоставляемых произведениях явно ощущаются творческие искания автора, если вначале автора больше интересует внешняя канва, связанная со строительством, то в романе уже писателя интересует внутренний мир героев, их психология. Оба эти произведения связаны одним временем, и тот и другой каналы начинали строиться до Великой Отечественной войны, потом строительство было заморожено и завершено уже после войны. В них прославляется трудовой подвиг народа. В советское время строительство каналов становилось историческим событием, демонстрирующим единство людей страны, их нерушимую дружбу.

Я тоже очень надеюсь, что архив Чингиза Айтматова вскоре дойдет до читателей.

– Благодарю за беседу!

Темирбек АЛЫМБЕКОВ
«Алиби», 28 октября 2013 г.

«АЙТМАТОВ – ВЕЧНАЯ ЛЕГЕНДА!..»

Нет в мире человека равного академику Акматалиеву Абдылдажану в пропаганде творчества Чингиза Айтматова. Мы посчитали необходимым в дни празднования юбилея писателя побеседовать с айтматоведом № 1 о том, что сделано и что предстоит сделать в этом плане.

– Создается впечатление, что празднованию юбилея Чингиза Айтматова Турцией придается большее значение, чем Кыргызстаном. Только в этом году в Турции установлен памятник писателю, в Анкаре его именем названа улица, в разных городах 4 паркам присвоено его имя. По сравнению с этим то, что делается у нас кажется намного скромнее. Что Вы можете сказать по этому поводу?

– В этом году исполнилось 5 лет как с нами нет великого писателя, будь он жив, мы бы отметили 85-летний юбилей. Но остается только сожалеть! Вообще я против того, чтобы помпезно отмечать юбилей покойных людей. Мне кажется слова «отмечать юбилей», «торжество» здесь совершенно неуместны и даже звучат кощунственно. В таких случаях, уверен, следует употреблять слово «помянуть». Мы должны их вспоминать в эти дни. Вот

с этих позиций, Мирлан, я и попытаюсь ответить на твой вопрос. Да, иногда мы доходим до скандалов, если кто-то говорит, что мы не можем воздать должное своим великим личностям, как это делается за рубежом. Да его именем называются проспекты, парки, устанавливаются памятники, и мы можем этим гордиться: Айтматов – гений мирового уровня.

А что у нас? У нас всегда очень много отговорок, особенно когда это касается Айтматова. Подумай сам, мы ждали по инструкции, чтобы прошло 5 лет с момента смерти, чтобы назвать его именем улицу. Но до сегодня нет улицы его имени. Я все это время бьюсь как рыба об лёд, но власти хранят «гордое молчание». Разве плохо звучало бы, если бульвар Эркиндик переименовали в бульвар Айтматова, или Киевская улица стала улицей Айтматова. А Почему нельзя взять Чуйский проспект или Жибек Жолу для переименования?! Или, скажем, Первомайский район столицы не сделать Айтматовским! Хорошо еще при поддержке моральной и материальной президента страны установлен памятник.

– Создается впечатление, что на уровне государства мало кто заинтересован

по-настоящему на высоком уровне провести этот день, какие-то бездушные, предельно формализованные мероприятия, лишённые духовности. Иначе бы в Москве в одной из библиотек не установили его бюст, совершенно на него непохожий...

– В нас самих не хватает уважения и почитания к Айтматову. Я уверен, что рядовые читатели будут еще долго от души читать его произведения, думать над поставленными вопросами, переживать вместе с героями. А что власть?! И к 80-летию, и к 85-летию не было нормально организованной подготовки. Идея инициативной группы как-то второпях, сумбурно отразилась в планах Министерства культуры и туризма. Единственно, уровень этих мероприятий несколько подняло участие президента А.Ш. Атамбаева в открытии памятника на Ата-Бейите.

Теперь о бюсте в Москве. 12 000 долларов внес человек по имени Эмиль Тугельбай из Германии, 3 000 – наш посол в России Болот Жунусов. Спасибо им большое от всей души. Обвинять Министерство культуры тоже не приходится: с ними проект бюста не согласовывался. Вся вина – на авторе, скульпторе Франгуляне. С него и спрос.

– Артистов провожают в последний путь аплодисментами, ибо рукоплескания для них – всё. Для писателей, наверное, самое главное – издание их книг. К сожалению, я не слышал, чтобы к 85-летию Айтматова вышли какие-то сборники, многотомники или неопубликован-

ные до сих пор произведения на кыргызском или русском языках. Говорили, что будет издан 8-томник, как в Казахстане, но потом разговоры сошли на нет...

– Я поддерживаю твои слова. Произведения писателя должны доходить до его читателей. Бессмертие писателя – в его книгах. Мы читаем произведения зарубежных авторов в новых изданиях, а Айтматов ведь наш! Массовыми тиражами его книги выходили только в советское время, потом уже при независимости к 70, 80-летию книги выходили тиражами в 1000 экз. Вот так мы относились к творчеству великого сына кыргызского народа в годы суверенитета. На издание 8-томника на двух языках у государства денег нет, а на проведение тоев и юбилеев несравнимо менее известных личностей страны миллионы находятся. К тому же не надо забывать, что средства, вложенные государством в издание его книг, возвратились бы в казну многократно умноженные. В Москве ждет своей очереди издание 1 тома, думаю к дню рождения – 12 декабря – мы книгу эту получим.

– Чем Вы объясните, что до сих пор нет на кыргызском языке его книги бесед с Дайсаку Икэдой, киноповести «Смерть», написанной Айтматовым совместно с таджикским писателем Б. Садыковым, многих статей? Жаль, что до сих пор кыргызоязычный читатель незнаком с такой работой как «Ода величью духа», отличающейся масштабностью поднимаемых вопросов, философской глубиной.

– Беседа с японским философом Дайсаку Икэдой поднимает самые важные

вопросы бытия. Сейчас мало еще отзывов и мнений об этой беседе, видно, разговор, широкое обсуждение еще впереди. На кыргызский перевод еще нет потому что мало кто способен на это дело, вообще переводить Айтматова очень ответственное дело, нужно учитывать его стиль, мировоззрение, психологию, философию, подтексты и многое другое. Ну а по поводу киноповести «Смерч», вначале надо ознакомить кинозрителей с фильмом.

– Вы однажды говорили о неизвестных доселе рукописях из архива писателя. Если не секрет, расскажите, пожалуйста, о них, а также, какова будет их судьба?

– Я видел несколько рукописей писателя в его архиве. Мой отзыв о романе «Флейта и земля» вскоре выйдет в новой книге. Я горд и рад оттого, что высказываю первым свое мнение о произведении из архива. Думаю, был бы жив писатель, эта рукопись была бы отредактирована и дошла до читателей. Видел я и рукопись «Повесть о Сан-Франциско». Издательства интересуются ею, но решение – за семьей.

– Недавно была передача о доме Р. Гамзатова, которая превращена в музей. Есть ли какие-то движения по организации музея Айтматова?

– Дом-музей Ч. Айтматова открылся 14 ноября. На открытии были гости из-за рубежа. Все сохранено как при жизни Айтматова. Мы ознакомились с экспонатами, мы – это турок Рамазан Коркмаз, немка Имтрауд Гучке и другие. Я делился с ними воспоминаниями, давал пояснения, потом сфотографировались. Я присел на тот

стул, на котором всегда сидел, когда мы с Чингизом Торекуловичем пили чай. Журналисты очень заинтересовались этим фактом, фотографировали. Среди фотографий на стенах я с большим волнением увидел и себя Книжки, награды, полученные писателем, все выставлено на обозрение.

– Какова судьба личных вещей писателя с его дачи в Переделкино?

По радио и ТВ было много сказано о даче в Переделкино. Конечно, жаль, что власти Москвы забрали дачу, но и их нужно понять. Они предоставили семье писателя почти пять лет на обустройство в этом доме музея, но, по словам сотрудницы нашего посольства в Москве, мы ничего не сделали. Во-вторых, дача была предоставлена Фондом Союза писателей Айтматову на временное пользование, но если бы мы два-три года назад устроили там музей власти Москвы бы не тронули. Теперь поздно жалеть. Из-за своей неповоротливости мы лишились исторического здания в Москве – Центра Айтматова. На этой даче когда-то бывал и я, ночевал на его кровати. Именно на этой даче я впервые получил разрешение писателя опубликовать отдельно повесть «Белое облако Чингизхана» в издательстве «Баласагын». Когда я слышу слово «Переделкино» услужливая память дает воспоминание о том, как Чингиз Торекулович играет в снежки с маленьким тогда сыном Эльдаром. Личные вещи, конечно, у сына Санжара, который живет там.

– Какие действия предпринимаются по выпуску полного собрания сочинений писателя?

– В издательстве «Бийиктик» хранится компьютерный набор всех произведений. Я верю, что найдутся люди, готовые помочь с деньгами. Многие, вероятно, и не знают, что произведения Айтматова уже давно не издаются, могут думать, что тут все нормально, уверяю вас, это не так.

– Наверное, и Ваши книги об Айтматове ждут с нетерпением наши читатели. Слышал, Вы только в этом году издали три книги, посвященные Айтматову, если не секрет, где Вы находите средства?

– Совсем недавно ко мне с письмом обратился наш посол в Украине Улукбек Чиналиев, вот, что он пишет: «Сегодня из новостей интернета узнал о книге, вышедшей в свет, «Чынгыз Айтматов», автором которой являетесь Вы.

Судя по отзывам, это замечательный научный труд, который будет интересен для читателей Украины и зарубежных гостей.

Посольство в последние годы напряженно и последовательно работает по пропаганде бессмертного наследия Чингиза Айтматова в Украине.

В преддверии 85-летия писателя-гуманиста намечен ряд мероприятий общенационального масштаба. Среди них Всеукраинская художественная выставка, премьеры спектакля «Белый пароход», литературно-творческая экспозиция в Национальном музее литературы Украины и другие.

Уважаемый Абдылдажан Амантурович, если Вас не затруднит, прошу направ-

вить в адрес посольства Ваш труд с дарственной подписью Национальному музею литературы Украины».

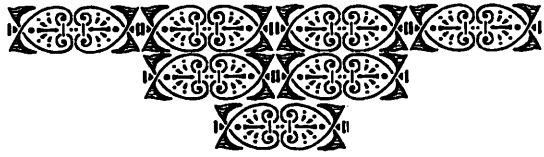
Тираж моих книг, стыдно сказать, 300–500 экземпляров! Спасибо спонсорам, находятся люди, помогают с деньгами. Ну а произведения Айтматова, конечно, нужно издавать массовым тиражом.

– Как, по-Вашему, что еще предстоит сделать в связи с Айтматовым?

– Все не перечислить, но я всегда говорю, что было бы хорошо каким-то образом собрать документальные видеосъемки, фотографии с участием Айтматова в заграничных встречах, в республиках бывшего Союза. По-моему, это не так сложно сделать, если к этому делу всерьез подключатся Министерство иностранных дел, Министерство культуры, Государственный архив. Это исторически важные, очень нужные стране материалы. Если это не сделаем мы, современники писателя, завтра будет поздно. Следует собрать воспоминания его друзей и знакомых, материалы радио и телевидения. Ибо многие из современников писателя, словно осенние листья, дрожат на ветру, готовые сорваться и улететь в вечность. Приведу лишь один пример. Человек, который однажды помог Эрнесто Хемингуэю донести чемодан до порта, позже превратился в легенду. Айтматов был, есть и будет легендой, вечной легендой. Те, кто с ним общались вблизи через сорок-пятьдесят лет обязательно станут легендарными личностями.

Мирлан ДУЙШЕНБАЕВ
«Де-факто», 6 декабря 2013 г.

«АЙТМАТОВСКАЯ ВСЕЛЕННАЯ ОСТАНЕТСЯ НЕПОСТИЖИМЫМ ФЕНОМЕНОМ...»

– Абдылдажан Амантурович, Вы много времени посвятили изучению творчества Чингиза Айтматова, Вместе с тем и многие литературоведы мира обращаются к его феномену, но мы не можем и по прошествию 50 лет сказать, что поняли писателя. Возможно ли полное изучение его феномена?

– Судя по вопросу, ты неплохо знаком с публикациями по этому вопросу. Каждый исследователь рассматривает творчество Айтматова с позиций своего общего уровня, знаний, взглядов на мир. Каждый, конечно, хочет понять, сделать достоянием читательской общественности те «скрытые» проблемы и мысли великого писателя. Кого-то из писателей достаточно один раз прочитать, чтобы понять полностью, в творчестве же Айтматова сокрыто много художественных тайн, иносказаний, которые долго служат предметом размышлений, поисков читателей. В каждой из его книг много подтекста. Айтматов, трудясь на казавшемся бы давно обработанном мировыми классиками поле, показывает, что это поле все еще является целиной, которую нужно под-

нимать. Он вскрыл целые пласты жизни, добыл, образно говоря, «литературное золото», добавил на литературную географическую карту свои художественные краски, водрузил на открытые им материке свой флаг... Я думаю, феномен Айтматова не был до конца понят в XX веке, не будет до конца раскрыт и в веке XXI. Может, в этом и есть суть творчества великого писателя. На одном из тюркских языков была издана моя книга под названием «Манасчиголосый Айтматов». На протяжении многих веков для всего мира является непостижимым тайна ремесла манасчи, откуда и как приходит вдруг к обыкновенному человеку этот дар сутками рассказывать слушателям прекрасный стихотворный дастан в миллион строк?! Я надеюсь и очень хочу, чтобы художественный мир, вселенная Айтматова, словно феномен манасчи, так и остался в веках непостижимым явлением. Пусть мир с изумлением смотрит на нас, кыргызов, а мы с гордостью будем вписывать в скрижали истории новые страницы! Ради «Манаса» и Айтматова и с их именами наш народ дол-

жен быть образцом справедливости, великодушия, образованности!

– Вероятно, именно поэтому Вы в своих статьях, интервью, стихах и книгах не устаете прославлять Манаса и Айтматова?... Да и последнюю свою книгу Вы назвали «Кыргыз тили, «Манас», Айтматов»...

– Я вырос на шедеврах устного народного творчества, акынской поэзии, произведениях профессиональной литературы. С молодых ногтей их образцы стали идеалом для ребят моего поколения. Кто если не мы будем заботиться о кыргызском языке?! Я всю сознательную жизнь занимаюсь проблемами кыргызского языка и литературы и считаю это своим гражданским долгом. Мало принять закон о государственном языке, утвердить его указом президента, тут нужна перманентная, каждодневная работа, чтобы придать ей ускорение. Это долг каждого кыргыза. Как молчать, если по-настоящему государственный язык живет только далеко в горных аилах и никак не может получить прописку в городах, и государственных учреждениях. Если специалист по кыргызскому языку, работающий в Министерстве образования и науки, пишет письмо своему коллеге в Академию наук на официальном языке – о чем можно говорить?! Кому польза от такой заботы о государственном языке?!

«Манас», Айтматов – мои духовные визитки, мой паспорт, два крыла моего духовного мира. Об этих феноменах кыргызов я буду писать книги, буду говорить

и прославлять их пока хватит моих сил. Говоря языком эпоса, я – их чоро, защитник и воин. Поэтому присутствие «Манаса» и Айтматова в названии моей книги – не для красоты, а проистекает из сути её содержания.

– Абдылдажан Амантурович, Вы много написали о Чингизе Айтматове. Какая своя книга или статья Вам нравится больше других?

– В каждой статье есть мысль, которая волнует в тот момент и требует объяснения. Я не стану оценивать свои работы, ранжировать их по степени важности. Но отмечу, что с особым волнением я работал над статьями по романам писателя «Плаха», «Тавро Кассандры» и «Когда падают горы». Может быть поэтому они более других интересны специалистам, их переводят на иностранные языки, печатают в журналах других стран. Особо ценна для меня статья о неопубликованном романе Ч.Айтматова «Флейта и земля». Это от того, что я первый прочитал рукопись и написал свое мнение об этом романе раньше других. Что-то подобное было и с романом «Когда падают горы». Тогда Чингиз Торекулович был ещё жив. Я написал большую в тридцать листов статью. Айтматов выслал мне диск и рукопись. Уже потом я распечатал рукопись в трех экземплярах и отдал Кенешбеку Асаналиеву, Казату Акматову, Самсаку Станалиеву. Во-вторых. Эту статью Чингиз Торекулович не успел прочитать...

– Я слышал, что Вы предлагали Самсаку Станалиеву написать историчес-

кий роман об Айтматове, почему сами не стали этого делать?

– Я ближе к поэзии, поэтому написал около 40 стихотворений, посвященных Ч. Айтматову, многие свои мысли о великом человеке донес до читателей в форме стихов и статей. В жанре романа в настоящее время очень плодотворно работает Самсак Станалиев. Я едва уговаривал его перевести роман «Когда падают горы». Считаю, что он сумел приблизиться к художественному миру Айтматова, поэтому и предложил написать роман. Он недавно обещал принести готовую рукопись, подождем...

– В стихах, статьях, интервью Вы переживали, что на Ата-Бейите нет памятника писателю, а теперь вот с участием президента он недавно открыт, Вы довольны?

– Теперь, да, пять лет могила писателя оставалась сиротливой, и, конечно, душа моя не знала покоя. А теперь словно мы отдали какой-то долг Чингизу Торкуловичу. Наш президент произнес очень душевную речь, которая всем понравилась. Ата-Бейит нужен нам, живым как символ Чести, Справедливости, Истины, Чистоты, Будущего. Думаю, теперь тема Ата-Бейита зазвучит в моей душе в ином ракурсе.

– Осталось ли в Вас что то, что не смогли в свое время сказать Айтматову?

– Я бы предпочел не отвечать на этот вопрос, что-то должно остаться невысказанным. Конечно, я часто делился с Айтматовым своими секретами. В душе каж-

дого человека есть мысли, которыми ты можешь поделиться только с человеком, которому веришь. Недаром кыргызы говорят «Секрет между двумя людьми – секрет, а между тремя – всем известная песня».

– Наверное, секретом останется и содержание его последнего письма в Министертво иностранных дел. Вы знакомы с его содержанием?

– Да!

– Каждый из современников хотел быть ближе к Айтматову, кто-то это делал с помощью лесты, кто-то старался услужить. Многих удивляло, почему писатель избрал Вас в качестве наперника, младшего друга, Вам завидовали...

– Никогда не думал, что судьба сведет меня с великим писателем. Кто был Он, а кто был я в то время?! Айтматов – Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, депутат Верховного Совета СССР, член ЦК Компартии Киргизии, всемирно известный писатель. А я никому не известный младший научный сотрудник академии наук Киргизской ССР. Вот так мы и встретились. Когда мы в далеком 1980 году впервые обменялись рукопожатием, я ощутил своей ладонью какую-то особую теплоту и понял, что он принял меня в свой мир. Эта теплота сохранилась на все время, пока мы общались, я старался не обмануть его ожиданий, не пытался, как некоторые, решить с его помощью какие-то свои личные проблемы. Более чем через десять лет, а именно в

1992 году я получил от Айтматова письмо, в котором были такие слова: «Я верю в тебя, как в себя». Разве может быть честь выше этой!?

– *Международный клуб Айтматова Вы открыли первым в Кыргызстане. А сейчас этих клубов и фондов множество...*

– В 1987 году я собрал друзей-единомышленников, и мы открыли клуб. Тогда всем руководила Коммунистическая партия, много пришлось мне пройти со-

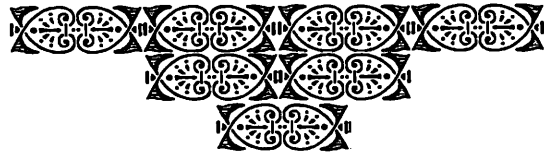
беседований в разных комитетах, объясняя, что в Италии существует клуб Данте, в Америке – клуб Марка Твена. В те времена было очень сложно открыть какой-нибудь фонд, у нас это получилось. Клуб уже многие годы выполняет свою функцию, сейчас в нем более тысячи членов.

– *Благодарю за беседу!*

Эрнис БАЛБАКОВ
«Фабула», 10 декабря 2013 г.

ДА, МЫ НАЗЫВАЕМ АЙТМАТОВА
ГЕНИЕМ...

– *Абдылдажан, мы с тобой давние друзья, давай начнем разговор без эквивалентов с того, что открылся дом-музей Айтматова...*

– Я согласен, на 14 ноября пришелся день, который ждали многие – мы стали свидетелями открытия дома-музея Чингиза Торекуловича. Гости конгресса и наши земляки с интересом знакомились с домом-музеем. Экскурсия началась со столовой комнаты, где Айтматовы ели и пили чай. Мария Урматовна и я были экскурсоводами. Все сохранено как было при жизни Айтматова: мебель, посуда. Стул, на котором всегда сидел я, когда приходил к ним, напротив – стул, на котором всегда сидел великий писатель. Наверное от волнения, рассказывая гостям, я почему-то присел на стул. Дальше зал, где обычно принимали гостей, в углу фортепиано, на стенах картины кисти Суйменкула Чокморова. Изменения произошли в комнате, где Айтматов обычно отдыхал: вместо телевизора, дивана и кресел установлены застекленные стеллажи с наградами писателя – Ленинская и Государственные премии, значки депутатов

Верховного Совета СССР и Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, удостоверение «Герой Социалистического Труда», подписанное Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым. На втором этаже – рабочий кабинет и спальня. Фотографии на стенах дают представление о великих друзьях и знакомых Чингиза Торекуловича: Луи Арагон, Гарсиа Маркес, Евгений Евтушенко, Михаил Горбачев, Артур Миллер, Питер Устинов, Федерико Майор и другие. Много плакатов, афиш. Украшают дом-музей его книги, опубликованные за рубежом. Это действительно шедевры полиграфического искусства.

– *Ты так живописал, что я чувствую себя человеком, побывавшим в доме-музее, но конечно, каждый читатель должен посмотреть его своими глазами, походить, подумать, вдохнуть атмосферу, где жил и творил Айтматов. А теперь о Ата-Бейите. Наверное, ты чувствуешь себя как человек, сбросивший с плеч тяжелую ношу? Признаемся, и мы долгое время переживали.*

– Темике, что об этом много говорить,

власть была совсем равнодушна. Было больно видеть его могилу, омываемую дождями и обдуваемую ветрами. Было стыдно перед гостями из-за рубежа и туристами, которые спрашивали «Почему могила Чингиза Айтматова такая неухоженная?» Теперь другое дело, можем показывать с гордостью упокой великого писателя.

Был там в прошлые выходные, там было человек с полтысячи: люди из айлов, студенты, школьники. Все они пришли поклониться праху великого писателя, жертвам политических репрессий 1937 года, патриотам, погибшим 7 апреля 2010 года. Вот история, вот воспитание! Там я подумал, будущее страны нужно воспитывать именно начиная с Ата-Бейита. И еще одна мысль была в моей голове: почему бы тем многим тысячам бишкекчан, которые с раннего утра в орозо, курман-айт приходят на центральную площадь не справлять свои молитвы на Ата-Бейите?!

– *Мы называем Айтматова гением, в чем его гениальность?*

– Да, он гений. Наш земляк имеет свое достойное место в ряду мировых гениев. О его гениальности пишут и философы, и литературоведы, и искусствоведы, и культурологи, и футурологи, и психологи, и социологи, и политологи. Если гений, гениальность есть вершина мудрости, таланта, если это собрание всех высших качеств личности, то все это с лихвой присутствовало в личности Айтматова. Если гений – это личность на протяжении веков слу-

жащая всему человечеству, то Айтматов – именно такая личность. У гения нет ни временных, ни пространственных рамок, он не принадлежит к какому-либо времени, обществу, эпохе. У гениальности Айтматова тоже нет рамок. Что отличает Айтматова от других гениев – его простота, великодушные, мудрость провидца. Его гениальность будут изучать еще наши далекие потомки.

– *Сам Чингиз Айтматов назвал Саякбая Каралаева «гением XX века»! Кого он еще причислял к гениям?*

– Конечно, Сагымбая Орозбакова, весь кыргызский народ, Создавший и сохранивший эпос «Манас». Он писал о гениальности Шекспира, Пушкина, Льва Толстого, Шостаковича. Айтматов не очень-то разбрасывался в этом плане, да и себя никогда не причислял к числу гениев. Это уже мы его современники по всему миру сразу же причислили его к гениям. Знаменитому французскому писателю Анатолю Франсу принадлежит фраза: «Гений – совесть прошлого, мозг будущего». Мне представляется, что это сказано об Айтматове, который является совестью человечества и его будущим.

– *Интересно, а сам он чувствовал себя гением?*

– Гениальность начинается с простоты, хоть он и не показывал прилюдно, что он – гений, но в душе его гнездились это качество.

– *Кто для тебя Айтматов в первую очередь?*

– Прежде всего он великодушный человек. Великодушные – постоянный эпитет Манаса. Так вот Айтматову этот эпитет тоже подходит как нельзя кстати.

– *Молодежь сейчас не читает книг. Каким читателем был Айтматов? Какие книги он предпочитал?*

– Чингиз Торекулович прежде всего читал мировую литературу, в спальне рядом с кроватью на тумбочке всегда было 4–5 книг, а рядом – очки. Иногда я смотрел, что это за книги. В основном это были книги по философии, истории, много читал научных трактатов. Очень интересовала его литература о животных. В своих статьях «Книги разбудившие нас», «Основное – книга» он призывал молодежь больше читать. Сейчас экс-президент Роза Исаковна Отунбаева закрутила Проект «Читаем Айтматова». Участники – от младших школьников до взрослых людей. Произведения нашего великого писателя читают ребятам звезды.

– *Как чаще всего ты обращался к Айтматову, «Чингиз Торекулович», «Чингиз ага», «Чингиз ата» или «Чыке»?*

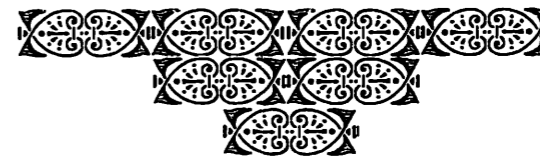
– Читатели чаще всего обращались к нему так, как ты перечислил, соответственно своему возрасту. Я же всегда обращался «Чингиз агай». Меня всегда коробило, когда молодые люди с фамильярностью произносили: «Чыке». Чингиз Торекулович на это практически не реагировал. Его уже несколько лет нет с нами, но до сих пор отдельные молодые журналисты по радио и телевидению говорят «Чыке», я хочу посоветовать им держать все-таки дистанцию.

– *Ты больше половины своей жизни служишь на благо Айтматова, не устал, не разуверился?..*

– Этот труд – требование моей души, судьба, если хочешь. Поэтому эту часть своей жизни и работы я не остановлю, тем более получаю истинное наслаждение от работы над статьями, стихами, интервью и практической работы. Я верю, что моя работа принесет пользу народу.

– *Спасибо за беседу!*

Темирбек АЛЫМБЕКОВ
«Алиби», 10 декабря 2013 г.

«ЧИНГИЗ ТОРЕКУЛОВИЧ В ДУШЕ БЫЛ ОДИНОК...»

– *Об Айтматове сегодня много говорят, пишут, как по Вашему, какой след оставляют эти материалы в сознании читателей?*

– Конечно, каждый человек вправе писать то, что он видел, ощущал, понял. Главное, не придумывать, не лгать. По отношению к Айтматову это важно вдвойне, хотя, я понимаю, трудно удержаться, чтобы не приврать, не продемонстрировать свою значимость. Но для истории важно попытаться собрать даже, может быть незначительные, на первый взгляд, факты. Известно афористическое высказывание Пушкина в его заметке о Вольтере: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства». В русле нашей беседы немного видоизменим, да простит нас великий поэт, начало этого афоризма «Всякая строчка о великом писателе...».

В твоём вопросе я слышу некоторую озабоченность, тревогу за то, что многие материалы повторяются, идет их перепев. Я против такого, конечно, это плагиат, а проще говоря форменное воровство. В последнее время такие факты наблюдают-

ся и по отношению к творчеству Айтматова. Меня беспокоит возникновение какого-то соперничества в данном процессе, люди забывают об элементарной этике, озабочены попытками стать «пионерами», «поднять целину». Появляются, как грибы после дождя, низкопробные, абстрактные статейки, наполненные общими фразами. Спору нет, каждый исследователь вправе обращаться к Айтматову, но здесь нужно понимание того, что в океан айтматоведения следует бросаться, очистив свою душу и мысли, с намерением сказать новое слово. Особенно это касается кандидатских и докторских диссертационных исследований.

А какие-то читательские впечатления, воспоминания, конечно, нужны и важны, только меня волнует, что отдельные воспоминания больше напоминают самовосхваления.

– *Часто ли встречаются случаи, когда Вы повторяете свои мысли?*

– В статьях или интервью я пытаюсь дать какие-то новые факты или углубить недосказанное, взглянуть на проблему под иным ракурсом. В этом случае

что-то может и повторяется, но все время долдонить одно и то же – это показатель конца творческого потенциала. И хотя научная этика позволяет цитировать свои прежние труды, я не сторонник такого дела. Есть у нас специалисты, которые всю жизнь цитируют сами себя. Меня беспокоит и тот факт, что участились случаи иногда буквального, иногда с вариациями, повторения моих публикаций или высказываний.

Многие современники с большой теплотой вспомнили о Чингизе Торекуловиче. Меня очень взволновали слова доктора филологических наук Феликса Кузнецова, секретаря Союза писателей России Евгения Сидорова, общественного деятеля, известного певца Полада Бюль-Бюль оглу.

В последнее время ко мне приходит много почитателей творчества Айтматова, рассказывают о своих встречах с писателем. На мои предложения написать об этом, опубликовать в газетах, ссылаются на отсутствие времени. Я стараюсь убедить их в том, что это очень интересный и нужный материал, история. И опять приходят на ум сетования Пушкина на то, что мы ленивы и нелюбопытны. Один армянский литературовед и писатель на тридцати страницах прекрасно описал свою встречу с Чингизом Айтматовым в Ереване, короткий отдых с шашлыками.

– Недавно в столице и на Иссык-Куле прошел конгресс «Чингиз Айтматов и его Иссык-Кульский форум». Ваши впечатления о нём?

– Мы в очередной раз, мягко говоря, опростоволосились. И это не только мое

впечатление. Не смогли на достойном уровне провести 80 и 85-летие Ч. Айтматова. Почему?! Потому что начали подготовку в последний момент, организаторы-устроители оказались не на высоте, но таков их уровень. Все у нас в последние годы стало проходить как-то, мягко говоря, местечково, второпях, абы как. Самое страшное, на мой взгляд, мы давно привыкли к своей материальной нищете, второсортности, к тому, что нас перестали уважать даже ближайшие соседи. Это, к стыду, постепенно переходит и на сферу духовности. За достоинство и честь страны и народа еще продолжают биться полуголодные спортсмены на соревнованиях, а культура, образование, здравоохранение давно и заметно деградируют. Не согласен? Кто прибыл на наш конгресс, какие знаменитости или айтматоведы?! Было приглашено, я особо подчеркиваю, приглашено более 100 человек. Да, были немка Имтрауд Гучке, поэт и трибун Мухтар Шаханов, искусствовед Андрей Золотов, участник Иссык-Кульского форума Форти, а кто остальные?! Что они сделали для Айтматова, литературы, искусства?!

Боясь лишиться части скудной госказны, мы не пригласили великих государственных, общественных и творческих друзей и современников Айтматова. Да такие личности как Михаил Горбачёв, Федерико Майор, Зульфия Ливанелли, Олжас Сулейменов, Евгений Евтушенко и многие другие сочли бы за честь прибыть за свои личные средства на 85-летие своего великого друга, чтобы помянуть его

добрым словом на его земле. Ан нет! Многочисленные приглашенные – друзья, знакомые, руководители кандидатских и докторских диссертаций наших работников аппаратов министерств, преподавателей университетов, по большей части причастных к имени Айтматова только в качестве читателей. Вот мы и провели юбилейный конгресс в честь великого сына кыргызского народа на уровне заурядной читательской конференции, правда международной. Поймите правильно, во мне сейчас говорят два человека: оскорбленный гражданин с остатками чувства собственного достоинства и специалист-литературовед.

– Кто из ныне здравствующих старших и младших современников был наиболее близок к Айтматову, каковы были их взаимоотношения?

– Назову несколько имен, Тургунбай Садыков, Бексултан Жакиев, Омор Султанов, Кенеш Жусупов, Болот Шамшиев, Геннадий Базаров. Сейчас я слышу, как они частенько сожалеют о том, о чём по отношению к Айтматову. Да, действительно, после того как Чингиз Торекулович вернулся, сдав Посольство, на родину, не все сумели уделить ему должное внимание, не поддержали его морально. Он оказался душевно одинок, не с кем ему оказалось поделиться мыслями, сомнениями. Не смогли друзья-современники в этот момент оказаться рядом. Это душевное одиночество, на мой взгляд, тоже отразилось на общем ухудшении здоровья писателя.

Особо любил Айтматов делиться мыслями с Казатом Акматовым, который всегда прямо говорит то, что думает. В своей новой книге Казат Акматович об этом пишет. Очень важны для нас воспоминания Б. Жакиева, О. Султанова, К. Жусупова, Б. Шамшиева, Г. Базарова.

Наблюдая за тем как казахские поэты и писатели Абдужамил Нурпеисов, Олжас Сулейменов, Абиш Кекилбаев, Шерхан Мурзатаев, Нурлан Орозалин и другие встречали Айтматова, как душевно общались с ним за чаем, я всегда с обидой и сожалением думал: «Почему наши поэты и писатели не могут так собираться вокруг Чингиза Торекуловича?»

– Абдылдажан Амантурович, сколько раз Чингиз Айтматов был у Вас дома в гостях? Ну Вы то, вероятно, были у него дома тысячу раз?

Я не считал, иногда я бывал у него по 5–6 раз на дню. Всякий раз волновался, переступая порог, как в первый раз. Не могу точно назвать, сколько раз он был у нас в гостях, приходя, он не торопился, шутил, смеялся. Жалею, что мало осталось фотографий. Чингиз Торекулович очень любил домашнюю пищу. Попробовав кусочек баранины, сразу же безошибочно определял это мясо с Нарына, это с Чуя, это с Таласа. Бывал он у нас по разным поводам: делил наши радости, поддерживал в горе...

И детям, и нам с супругой его очень не хватает...

– Спасибо за беседу.

Мирлан ДУЙШЕНБАЕВ
«Де-факто». 20 декабря 2013 г.

«АЙТМАТОВ И ЛЮБИЛ КАК АЙТМАТОВ...»

– Абдылдажан Амантурович, я прочитал много Ваших трудов, не раз беседовал на страницах печати, задавал вопросы, получал ответы на них. Но есть вопрос, который я не осмеливался до сих пор задать. Разрешите поинтересоваться сейчас, есть ли вообще в любви великого писателя в реальной его жизни и в том, как это отразилось в творчестве?

– Да, действительно об этом мы никогда не говорили, ибо никто не вправе даже пытаться войти в личную жизнь человека, ведь каждый из нас – хозяин своей судьбы. Но я оценил твою весьма удачную попытку «одним выстрелом убить двух зайцев» – узнать о личных любовных переживаниях Айтматова в связи с изображением этого чувства в его творчестве. Не буду конкретизировать, но, думаю, людям мыслящим будет понятно...

Можно заметить, что свои тайные мысли Чингиз Торекулович стал раскрывать, начиная с повести «Джамиля». Джамиля – реальный персонаж, об этом много говорилось. Совсем недавно друг детства Чингиза Торекуловича Сейтаалы агай написал воспоминания о Джамиле, отметил

глубокое уважение Айтматова к ней. Помните, – в повести Сейит, глядя на уходящих Данияра и Джамилю, рыдая, бьется на земле, понимая, что и он по-детски любил Джамилю! Подросток называет ее «моя душа, цветочек, золотце». Сразу видно, что это – детская любовь самого писателя. О том, что повесть носит автобиографический характер свидетельствуют и другие события в книге. В повести «Тополек мой, в красной косынке» Ильяс слушает по своему радиоприемнику музыку балета «Чолпон», это используется писателем для того, чтобы показать внутренний мир героя. А ведь именно этот балет в конце 50-х годов в Ленинграде познакомил Айтматова с Бюбюсарой Бейшеналиевой! По балету «Чолпон» был снят художественный фильм, главную роль в котором сыграла Б. Бейшеналиева. Любовь этих двух неординарных людей была искренна и трагична! Слова Ильяса «Судьба девушки Чолпон, ищущей свое счастье и любовь, вошла в наши сердца. Моя Чолпон рядом, в моих объятиях» разве – не слова самого писателя, обращенные к великой балерине! Таких небольших фактов лич-

ной судьбы много на страницах произведений Айтматова. Еще один пример, В повести «Прощай, Гульсары!» в образе Бюбюжан, да и Гульсары много от Бюбюсары Бейшеналиевой (чувствуете, как перекликаются даже имена?!), а мятущийся Танабай – разве не сам Айтматов? В повести один к одному описан и жизненный треугольник: Керээз-эже – Чингиз Торекулович – Бюбюсара Бейшеналиева.

Писатель никогда не скрывал тех счастливых дней, что прошли рядом с Бюбюсарой Бейшеналиевой, никто и ничто не смогло затушить пламя чувств, охвативших этих двух людей с момента первой встречи. Недаром сам Айтматов вспоминал, что это высокое чувство любви навсегда вошло в его сердце и никогда не забывалось! Их прогулки по ночному Ленинграду, бессонные ночи, беседы сразу напоминают нам страницы из последнего романа писателя «Когда падают горы», описывающие пребывание Арсена и Айданы в Хайдельберге. Арсен собирался написать для Айданы либретто оперы о Вечной невесте для исполнения в сопровождении симфонического оркестра. В таком романтическом ключе много раз мечтали и Айтматов с Бюбюсарой эже! Айдана в последнем романе называет Арсена романтиком, и Бюбюсара Бейшеналиева часто в шутку называла Чингиза Айтматова романтиком. Сам писатель признавался: «Ни с чем невозможно сравнить, какое влияние на мою жизнь и творчество оказала эта безгранично талантливая личность, мой тополек».

Эрнис, коль мы пошли на столь откровенную беседу, не могу не отметить и то, что Чингиз Айтматов, не скрывая своих чувств, при всех плакал, провожая в последний путь любимую женщину. Люди старшего поколения рассказывают об этом легенды. Народный поэт Кыргызстана Суюнбай Эралиев вспоминал: «Чингиз Айтматов еще раз прилюдно показал, что он столь же велик в ипостаси мужчины, навсегда прощающегося с любимой женщиной, как велик в литературе». Все описания переживаний его героев, теряющих любимых женщин, напоминают жизненные перипетии автора. Душа самого Айтматова, а также его героев вмещают глубокие чувства, весьма ранимы. Рыдает подросток Сейит, обнимая теплую землю «Джамиля, Джамиля!», рыдают и взрослые персонажи Ильяс, Танабай, Эдигей. Рыдает и Филофей-Крыльцов, потерявший Руну, понимая, что без нее нет ему счастья в жизни.

Искренний плач, идущий из глубин души, способен очищать, вызывать уважение, славит любовь, ее глубину и святость.

Используя, чуть переиначив, оценку Луи Арагоном повести «Джамиля», можно сказать, что любовь Чингиза Айтматова и Бюбюсары Бейшеналиевой «Самая великая в мире, чистая и глубокая любовь». Так я воспринимаю. Они не виноваты, что встретились с Любовью, недаром в романе «Когда падают горы» сказано: «Для них в этом мире есть только одна любовь, которая предназначена только для них дво-

их». Чингиз Айтматов никогда не предавал свою любовь, не скрывал своих чувств от людей, именно поэтому я написал стихотворение «Самое лучшее сказание о Любви».

— Образ Бюбюсары Бейшеналиевой, словно лучики солнца, рассыпаны на страницах всех произведений писателя. К примеру, в романе «Тавро Кассандры» Роберт Борк в Японии с делегацией участвует в ночной поездке на теплоходе. Сам писатель как-то говорил, что это зарисовка с его путешествия в Италии, когда он, тоскуя по Бюбюсару, выходит в ночное море. А разве слова из «Когда падают горы» «Наша любовь родилась из созвучия наших душ» не касается их взаимоотношений!

— *Тема любви — одна из главных в творчестве Айтматова, без нее нет красок в произведениях, в каких еще книгах изображены наиболее важные события жизни писателя?*

— Если внимательно присмотреться, можно это заметить во всех произведениях. К примеру, в «И дольше века длится день...» образ Эдигея несет в себе все перипетии жизни Чингиза Торекуловича конца 70-х — начала 80-х годов прошлого века: изменения в семейной жизни, образы Раймалы и Бегимай, треугольник Укубала — Эдигей — Зарипа. То, что в жизни никому не расскажешь, писатель высказал в книге. Поэтому читатель воспринимает тему любви в романе как то, что происходило в его жизни. В образе Зарипы, отношения с которой завершились так печально, нетрудно увидеть тоску писате-

ля по несостоявшейся любви к Бюбюсару, а в легенде о Раймалы и Бегимай — подтекст реальных событий, связанных с Марией Урматовной. В те дни, когда за роман «И дольше века длится день...» Чингиз Торекулович был удостоен Государственной премии СССР, я пригласил его впервые с Марией Урматовной в гости. В то время я и воспринимал их как Раймалы и Бегимай.

— *Вы прочитали неопубликованную рукопись романа «Флейта и земля», в нем тоже есть события жизни писателя?*

— Да, конечно, после ознакомления с рукописью, я написал статью «Флейта — символ любви и печали», которую опубликовал в новой книге. И в этой книге есть большая и печальная любовь. По-моему, прототип героини вновь Бюбюсара Бейшеналиева. Между главным героем Байымбетом и казахской певицей Шолпан при первой же встрече возникает огромная симпатия, быстро переросшая в любовь. Обрати внимание, Айтматов делает Шолпан не балериной или танцовщицей, а певицей. К тому же казахское Шолпан это Чолпон, а Чолпон — Бюбюсара. Ведь Чингиз Айтматов впервые узнал Бюбюсару Бейшеналиеву по балету «Чолпон», а во-вторых, Бюбюсара эже сверкала самой яркой звездой Чолпон на небосклоне кыргызского искусства.

— *Абдылдажан Амантурович, что еще можете добавить по найденной новой рукописи?*

— Если продолжать тему любви, то последняя встреча Байымбета и Шолпан со-

стоялась около театра оперы и балета! Писатель неспроста указывает это место. Конечно, тут много из жизни. Бюбюсару Бейшеналиеву всю жизнь проработала в этом театре, здесь ее часто ждал Чингиз Торекулович, здесь многое было переговорено и пережито!..

— *Почему и Танабай, и Эдигей, будучи семейными людьми, хотят уйти к другой женщине?*

— И в жизни, и в произведении это сложная, огромная проблема. Каждый начинает свой жизненный путь по-разному, любовь к кому-то приходит рано и навсегда, к кому-то поздно. Можно понять Джамилю, Асель, но как быть с состоянием Джайдар и Укубалы. Танабай и Эдигей хорошо и с благодарностью к ним относятся, как их обвинять?

Их судьбы практически идентичны, оба они не скрывают, что любят Бюбюжан и Зарипу и вместе с тем чувство ответственности перед Джайдар и Укубалой и детьми не позволяет их бросить. В такой же ситуации ведь в свое время оказался и Чингиз Айтматов! Как же в произведениях не могло остаться следа!? Читателей ведь интересует в произведениях сюжеты, основанные на жизненных событиях. «Не виноваты, не виноваты те, кто охвачены любовным недугом!» — написал я в одном из своих стихотворений. Недаром айтматовский Ильяс говорит: «Одно дело уважать человека, совсем другое — любить».

— *Любила ли Сейде Исмаила?*

— В повести нет слов «любит — не любит». Но, вероятно, она простила мужа-

дезертира и стала помогать ему, потому что любит! Она отрывала пищу даже от своего ребенка, чтобы накормить мужа, мерзла и пряталась от людей. А у Исмаила, конечно, на первом месте свое эго.

— *Наверное, у Чингиза Айтматова было много крылатых выражений о любви?*

— В каждом произведении писателя можно заметить его неизменное отношение к любви. Именно от того, что он очень высоко ценил это чувство в его произведениях превалируют чистота, красота, прекрасное. Например, о Данияре он написал: «Оказалось, он не дал потухнуть чувству любви в своей груди, жил вместе с ним». И сам Чингиз агай — человек, пронесший через всю жизнь большую любовь. Прочитаю тебе фрагмент из романа «Когда падают горы»: «... у любви нет, не должно быть никаких причин, чтобы отказаться от дара вечности, ибо любовь — это двуединный путь влюбленных к вечности и намеренное разрушение чувственного поля любви есть посягательство на вечность. Ведь это любовь есть устремленность к бессмертию, и каждому дано ступить той тропой, предначертанной Богом... (Только кто как ступает — вот вопрос)». В этом же романе автор пишет: «Любовь любит одиночество, это ревнивое и очень тонкое чувство».

Чингиз Торекулович всегда подчеркивал важное место этого чувства в жизни человека. Действительно, как представить жизнь людей без любви!

— *Абдылдажан Амантурович, а были ли случаи когда вы с писателем беседовали о любви?*

– Мы говорили о любви его героев, в том числе и о любви Кадичи, ведь она тоже хотела быть счастливой.

– *Задам прямой вопрос, в Чингизе Айтматове была ревность?*

– Конечно, ведь и он – человек со всеми присущими людям страстями. Без ревности нет любви, в ревности тоже много положительного. Это чувство находится между любовью и ненавистью. Если его слишком много приходит ненависть, а если – в норме, то она помогает сохранять любовь.

– *Каковы Ваши взгляды на любовь? Согласны ли Вы с мнениями Айтматова?*

– Конечно, согласен. Может это происходит от нашей какой-то внутренней, душевной близости. Тридцать лет назад в своей статье «Будь приносящей удачу, чистое чувство», опубликованной в молодежной газете «Ленинчил жаш», я писал: «Любовь – это чистое чувство между девушкой и юношей, основанное на близости душ, общ-

ности интересов, это праздник чувств, уважения и понимания другого человека, самая высокая степень понимания!» У Чингиза Торекуловича я научился тому как следует относиться к любви.

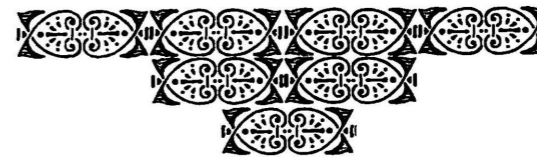
Кто бы не был, если он достоин Любви и в состоянии подняться до неё, в его жизни всегда будет присутствовать Любовь.

– *Может ли рыночная экономика влиять на любовь?*

– Каждый человек по своему воспринимает любовь. Но это чувство не зависит ни от власти, ни от богатства, ни от времени. Разве нет сегодня среди нас Ромео и Джульетт, Болотов и Ак-Мёёр, Толегенов и Кыз-Жибек?! Формула любви – вера молодых друг в друга, умение разделять все радости и печали. Любовь всегда высока, там, где правит бал богатство и власть, Любви нет места!

– *Благодарю за беседу!*

Эрнис БАЛБАКОВ
«Фабула», 14 января 2014 г.

«МАНАС» И АЙТМАТОВ – МОИ ТВОРЧЕСКИЕ СУДЬБЫ...»

– *Известный китайский ученый Макелек Омурбай сказал о Вас: «У кыргызов есть две святыни – их «Манас» и Чингиз Айтматов. Завидую Абдылдажану Акматалиеву, ему посчастливилось многие годы служить этим святыням. И действительно более двадцати лет Ваша судьба тесно связана с этими двумя феноменами. Ваше обращение к духовным символам кыргызов случайно или есть в этом какая-то закономерность?*

– Это творческая судьба. Я с детства интересовался «Манасом» и малыми эпосами. Еще до школы я бегло читал и «Манас», и «Семетей», и «Сейтек». А события, описываемые в «Эр Табылды» и «Курманбеке», мне казалось, происходят сию минуту за недалекими горами нашего района Кара-Кужур. В том, что в моей детской душе угнездились народные обычаи и традиции, психология кыргызов огромную роль сыграли эпосы и моя бабушка, которая просила меня прочитать ей отрывки из них. Сейчас я понимаю, это лучшее воспитание, которое мне могли дать мои родные. Откуда мне тогда было знать, что «Манас» станет моей судьбой. Начиная с 1992 года, когда

я стал директором Института литературы и искусства Академии наук, и до сего времени, а это более двадцати лет, я по мере сил и возможностей принимаю участие в подготовке, издании и пропаганде «Манаса».

В 1995 году в своем выступлении на торжественном заседании, посвященном 1000-летию эпоса «Манас», Чингиз Айтматов, перечисляя известных манасоведов, неожиданно упомянул и мое имя. Мой однокурсник Жамгырбек Бокошев, ныне доктор философских наук, профессор, поздравил меня с тем, что Айтматов назвал и мое имя. Это, конечно, был большой аванс, ко многому обязывающий. Я не манасовед, считаю себя, как и многие мои соплеменники, рядовым манасолобом. Под моим руководством наш коллектив издал 7 книг по варианту Сагымбая Орозбакова, 7 книг по варианту Саякбая Каралаева, по вариантам Шапака Рысмендиева, Тоголока Молдо, Мамбета Чокморова, Жусупа Мамае, Исы Жумабека уулу, Ибрая Абдырахманова, Уркаша Мамбеталиева издана трилогия эпоса «Манас». Я не жалел ни сил, ни времени на подготовку

к изданию, поиск средств, ибо из бюджета денег не выделялось. Кроме того за эти годы организовал более 30 международных и республиканских конференций по «Манасу» и знаменитым манасчи.

– А как Вы пришли к Айтматову?

– В 60-е годы Б. Ашымбаев написал прекрасную книгу об Айтматове, потом была книга известного литературоведа К. Асаналиева, статьи К. Бобулова, М. Бобугулова, А. Садыкова, Б. Керимжановой, С. Жигитова, К. Артыкбаева. Позже обратились к творчеству великого писателя Л. Укубаева, Н. Сыдыков, Ж. Рыскулова, Е. Шагалова, Ж. Бакацова.

Я обратился к творчеству Айтматова со студенческих лет, а точнее с момента написания дипломной работы, объектом которой были эстетические открытия произведений Айтматова и их влияние на литературу народов СССР. Многие национальные советские литературы сформировались под влиянием Айтматова, я встретился со многими писателями, выслушал их мнения, потом совершенно случайно встретился с ним самим. Судьбе было угодно, чтобы он тепло меня принял, с тех пор я занимаюсь исследованием его творчества, пишу о нем самом научные, публицистические статьи, стихи.

Могу с уверенностью и гордостью сказать, что к «Манасу» и Айтматову я пришел, подготовив свою душу.

– Написал бы Чингиз Айтматов еще книги после «Когда падают горы» или отошел бы от творчества, проживи он дольше?

– Несомненно, у него было много планов, творческих задумок. Последний роман он сам оценивал как весьма удачную и глубокую свою работу. Разрушение гор – это не только природные катаклизмы, сколько разрушение человеческих душ. Проблемы глобализации писатель воспринимал с некоторой настороженностью, поэтому в своем последнем романе он показал, какие негативные воздействия оказывают на кыргызский народ процессы глобализации, происходящие в Европе и Азии, как стремительно размываются нравственные устои и насколько важно сейчас защитить национальные ценности, внедрить их в психологию и души подрастающего поколения. Вспомним, если Арсен всей душой стремится к устному народному творчеству, фольклору, то Айдана получает наслаждение от эстрадной музыки Запада! Не все даже подготовленные читатели поняли, что автор основной упор делает не на разрушение гор, а на «падение» внутреннего мира людей, разрушение нравственных начал в человеке.

– Каковы Ваши дальнейшие планы по «Манасу» и Айтматову?

– Даст Бог, осуществим академические издания эпоса «Манас» по вариантам Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева. Правительство наконец выделило нам долгожданный миллион сом, если в нынешнем году мы получим еще один миллион, то завершим с изданием «Манаса». Затем займемся поисками средств на «Семетей» и «Сейтек». Перед нами стоит и

задача издания «Частотного словаря эпоса «Манас».

Если говорить об Айтматове, то стоит задача издать на кыргызском и русском языках полное академическое собрание сочинений писателя. А дальше будем трудиться.

Да, недавно получил письмо от директора Института мировой литературы имени А.М. Горького, академика А.Б. Куделина следующего содержания: «Сегодня серьезное и глубокое изучение творчества Ч. Айтматова невозможно без подготовки текстологически выверенного и научно-комментированного академического издания. Одним из основных направлений работы могла бы стать фронтальная проработка айтматовского архива с тем, чтобы выявить рукописные варианты, авторские редакции, планы, черновые автографы, первоначальные наброски, письма, дневники, записи. Желательно также предусмотреть систематический указатель всех изданий на кыргызском, русском и зарубежных языках».

Такая мысль уже давно мучила и меня. Я поднимал этот вопрос в статье «Будущее начинается сегодня», опубликованной в «Кыргызстан маданияты» в 1988 году к 60-летию Чингиза Айтматова. Конечно, подобное единомыслие с московскими коллегами не может не радовать.

– Мы лишь условно выделили в Вашей многогранной деятельности то, что сделано по «Манасу» и Айтматову. Вами много сделано для кыргызской литературы, языка, культуры. К примеру, 40 то-

мов «Эл адабияты», 10 томов «Залкар акындар», 10 томов «Кыргыз адабиятынын тарыхы», 125 дисков «Залкар куулар», 33 тома «Түрк дүйнөсүнүн адабияты», 2 тома «Дүйнөлүк поэзиянын антологиясы», «Балдар адабиятынын антологиясы», 8-митомники Чингиза Айтматова и Казата Акматова, 2-х томник «Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү», 4 тома «Орусча-кыргызча сөздүк», 3 тома Махмуда Кашкари «Түрк сөздөр жыйнагы», 3 тома Жусупа Баласагына «Кут алчу билиг»... Этот список трудов, к которым Вы имеете непосредственное отношение, можно продолжать. Вполне могло быть так, что без Ваших усилий эти великие труды не стали бы достоянием рядовых читателей. Этим можно гордиться и хвастаться...

Действительно, сделано много, я горжусь, но не хочу хвастаться. Считаю, что каждый почел бы за честь иметь отношение к этой работе для своего народа. Наблюдая за тем, что делается в этом плане у наших братьев-соседей, не хочется отставать. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить коллег, своих учеников, сторонников, которые поддерживали, помогали мне. В те времена Правительство не обращало на нас внимания, мы вынуждены были, как говорят кыргызы, «сами резать свою пуповину». Ведь много еще среди нас тех, кто и с огромными бюджетными вливаниями ничего не делают для других!

– Насколько Ваша идея о выработке национальной идеи общественными науками претворилась в жизнь?

– К этой работе мы приступили только в середине года. Коллективы институтов языка и литературы, истории и культурного наследия, философии и политико-правовых исследований на круглых столах широко обсудили с коллегами эти проблемы, издали сборники статей. Могу отметить, что впервые представители общественных наук стали системно говорить об основах и содержании национальной идеи. Если мы признаем, что опорой идеологии является национальная идея, то следует из года в год вести эту работу, издавая серию трудов. Нужно собрать под одной обложкой все идеи и на этой основе воспитывать подрастающее поколение. Не нужно бояться слова «национальный», мы не националисты, а патриоты, которые хотят вспомнить и сохранить все самое главное, что выработано нашими предками за тысячи лет. Наши национальные идеи по форме являются местными, а по содержанию включены в рамки ценностей всего человечества. Ведь вовсе не абстракция общечеловеческие идеи, они – суть собрание идей всех народов мира!

– *Достаточно ли средств выделяется на общественные науки?*

– Общественные науки – специфическая форма научной деятельности. С момента обретения независимости общественные науки оказались между двух взаимоисключающих факторов. Первое, в результате ликвидации тоталитарной

цензуры и краха советской идеологии открылись возможности свободной научной деятельности. Прежние политические табу были сняты, на повестке дня оказались оригинальные научные проблемы. Это, конечно, положительно отразилось на развитии науки. Второе, мы все являемся свидетелями беспрецедентно низкого финансирования науки государством, связанного с кризисом и недостатком бюджета, это особенно сильно ударило по общественным наукам. Многие научные идеи не получают развития из-за отсутствия средств. Мы убедились, что недостаток внимания к развитию общественных наук приводит к самым непредсказуемым последствиям, связанным с изменением сознания общества, падением нравственных устоев и др. Общественные науки, всегда служившие основой и опорой идеологии, ныне особенно нуждаются в государственной поддержке.

– *Каковы планы на новый год?*

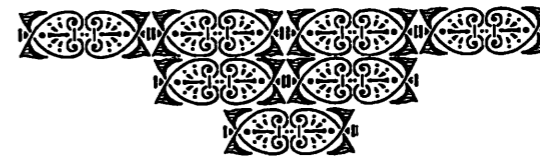
– Вынашиваю идею создать карту материального и нематериального наследия народа. Ученые меня поддерживают, а как получится, покажет время.

– *А личные планы?*

– Потрудимся пока на благо общества, людей, а на личные проблемы всегда можно выкроить время.

– *Спасибо за беседу!*

Темирбек АЛЫМБЕКОВ
«Алиби», 14 января 2014 г.

«АЙТМАТОВ, ЧТО, СТАЛИН ЧТО ЛИ»

– *Раньше читатели знали Вас как ученого, а в последнее время они узнали Вас, говоря современным языком, как менеджера. Вы занимаетесь изданием трилогии «Манас», 40-томной серии «Народная литература», серии «Выдающиеся акыны» и т.д. Сегодня день рождения писателя мирового масштаба – Чингиза Айтматова. Что еще, кроме Ваших собственных трудов об Айтматове, Вы предложили читателю? Давайте начнем наш разговор с этого.*

– Дай мне вспомнить, Даирбек. Я собирал стихи об Айтматове, подумывал об издании сборника. Отнес материалы в издательство «Мектеп», показал руководителям, попробовал уговорить – ни в какую. Даже попрекнули: «Айтматов, что, Сталин что ли?» Тогда я впервые стал свидетелем столь завистливого, мелочного, жадного отношения к выдающемуся, прославленному на весь мир писателю и был очень удивлен этим. Однако с юношеской резкостью и прямоотой я высказал им свое мнение: «Я, что, брал поэтов за руки и заставлял их посвящать стихи Айтматову? Гамзатов, Мустай Ка-

рим, Дудин, Шкурлоо ведь не кыргызы, они другой национальности». Сказал так – и забрал стихи. А позже, когда началась подготовка к 60-летию Айтматова, добавил новые стихи, посвященных ему, и предложил сборник Союзу Писателей. Руководителю секции поэзии Сооронбаю Жусуеву он понравился, более того – он сам написал стихотворение для него. Анатай Омурканов на общественных началах его прорецензировал. Книга вышла красочным изданием в 1989 году под названием «Ызаат» («Почтение»). Позже, уже после смерти Чингиза Торекуловича, сборник был дополнен еще, и в 2008 году вышла объемная книга под названием «Айкөлдүгү Манас баба өндөнүп» («Великодушием подобный Манасу»). С тех пор собранных стихов стало больше, а средств нет.

Если посмотреть, то ни одному из прозаиков не было посвящено столько стихотворений. Это тоже говорит о поэтичности айтматовского мира. Недавно я дал одному из соискателей диссертационную тему «Художественная природа стихов, посвященных Айтматову».

– *Кстати, а Вы публиковали письма читателей к Айтматову?*

– Да! Писем было очень много. Чингиз Торекулович не успевал сам их прочитать. Некоторые конверты так и оставались неоткрытыми. Они всегда лежали на виду. Когда я видел, что они пришли из разных уголков мира, мне так хотелось их почитать. Почувствовал он это или заметил, но однажды Айтматов попросил меня привести их в порядок. Больше месяца я с упоением читал их. Затем предложил Чингизу Торекуловичу: «Есть очень интересные мнения, было бы неплохо их опубликовать». «Решай сам», – коротко ответил он. Я их скомпоновал и отправил по почте в Москву известному литературоведу Георгию Гачеву. Он написал предисловие и отправил письма обратно. Я начал искать средства. Мне помогли руководитель общества книголюбов Аскер Карыбаев и председатель Союза журналистов Абдыкадыр Султанбаев. Я выпустил их под названием «От «Джамили» до «Плахи». Книга была тепло принята читателями бывшего союза.

– *Чингиз Айтматов связывает с Вами и отдельное издание повести «Белое облако Чингизхана».*

– Это действительно так. Мы открыли в Бишкеке филиал московского молодежного издательства, назвали «Баласагын». Когда я учился в докторантуре, меня назначили главным редактором. После этого директор Султан Орозалиев обратился ко мне за советом о том, как нам выпустить первую книгу филиала. В тот момент

я как раз должен был ехать в командировку в Москву. Я поставил себе целью взять рукопись у Чингиза Торекуловича. Я встретился с ним на даче, подписали договор, затем выпустили книжку. Предисловие и послесловие были написаны мной и Георгием Гачевым.

– *Позже Вы взяли за издание 5-томного, 8-томного сборников произведений.*

– Я раньше думал, что читателям не составляет труда найти книги Чингиза Айтматова. А оказалось, что, хотя они и издавались отдельно на кыргызском языке, 3-томник был издан лишь 1983 году. Я запланировал к 70-летию писателя выпуск 5-томника, к 80-летию – 8-томника. Мне помогли в этом издательства «Шам» и «Бийиктик». Недавно до читателя впервые дошел 8-томник Айтматова «Великие горы» на русском языке.

– *Абдылдажан Амантурович, какова судьба неизданного произведения Айтматова «Флейта и земля»? Читатели ждут его с нетерпением!*

– Я ознакомился с рукописью. Видимо, произведение это было написано в начале 70-х. По проблематике оно созвучно повести «Прощай, Гульсары». Мои объемные статьи о ней были опубликованы на кыргызском и русском языках. Я узнал, что родные писателя готовят это произведение к печати. Очень верю, что оно будет издано.

– *Сейчас возводятся памятники Айтматову. Какой из них Вам нравится?*

– Два памятника в Таласе точно передают внешность писателя. Также и па-

мятник в «Рух ордо». Я тоже постарался, чтобы имя Айтматова было присвоено Институту языка и литературы, и там был установлен его памятник. Также были поставлены памятники в айтматовской библиотеке, мужском лицее имени Айтматова. Все они отражают образ Чингиза Торекуловича, его взгляды.

– *То, что Вы сделали, – это тоже вечный памятник великому писателю Чингизу Айтматову. Вами написаны научные труды о нем, посвящены ему стихи, изданы произведения писателя, даже памятники возведены. И все это Вы сделали от*

чистого сердца, с чувством глубокого почтения. Чингиз Торекулович уже при жизни был очень благодарен Вам, а сейчас благодарна и его душа. Всем этим Вы служите и кыргызскому народу. Успехов Вам и на научном, и на поэтическом, на менеджерском и на общественном поприще, Абдылдажан Амантурович! Спасибо Вам за беседу!

Беседовал
Даирбек МЕЙМАНОВ

«Алиби»

12 декабря 2014 г.

ЧИНГИЗ ТОРЕКУЛОВИЧ ПОЛНОСТЬЮ МНЕ ДОВЕРЯЛ

– Абдылдажан Амантурович, Вы человек, который много времени провел с Чингизом Айтматовым. А как завязались ваши отношения? Чем Вы ему понравились?

– Я желал и мечтал встретиться с Айтматовым еще будучи студентом, т.е. в 70-е годы. Я волновался каждый раз, когда видел его фотографии в газетах и журналах, по телевидению, читал его статьи, беседы и произведения. Первый раз я увидел его издали – во Дворце спорта, на премьере фильма «Белый пароход». Интересно, что именно я выдвинул инициативу и организовал студентов, чтобы пойти на фильм «Белый пароход» и драму «Ночь на Фудзияме». Все три-четыре раза был зрителем в зале. Позже, когда я писал дипломную работу по произведениям Чингиза Айтматова, я много раз во сне видел его и даже разговаривал. Мне повезло, и 1 октября 1980 года я познакомился с ним на научной конференции. Об этом я подробно рассказал в моей написанной в виде дневника книге «Этюд об Айтматове». Из дневника читатели могут получить информацию о жизни, человеческих качествах Чингиза Торекуловича и другие сведения о нем.

Ты вот спрашиваешь, Сымбат, чем я ему понравился. Думаю, что чистотой своего внутреннего мира. А чем еще я мог бы привлечь внимание великого писателя, который изумлял весь мир? Чингиз Айтматов – большой психолог. Вот и разглядывал, наверное, мои человеческие качества, мою совесть. Иначе, хотя он мне и не говорил: «Я тебе верю, как самому себе», он не писал бы мне писем. Чингиз Торекулович полностью мне доверял. А доверие – это то, что ценится гораздо выше и богатства, и власти!

– Думаю, что Вы много беседовали с ним не только о литературе, культуре, обществе, нации, международных отношениях, но и о личных отношениях, семье, друзьях, о превратностях жизни.

– Да, это так! О друзьях, например. У Чингиза Айтматова поначалу было много друзей, товарищей в жизни. Но, сам знаешь, когда творческий человек достигает каких-то высот, у него сразу появляется много завистников, злопыхателей! Вот и в окружении Айтматова, когда его «Жамиля» прогремела на весь мир, когда он стал лауреатом Ленинской премии в 35 лет, стали проявляться истинные

черты некоторых людей. В конце концов остались лишь немногие. Ты, вижу, хочешь спросить, кто они? Я назову пока лишь тех, кого уже нет. Если речь пойдет о нынешних, сразу найдутся те, кто станет причислять к ним себя. Так вот. Это – Кенешбек Асаналиев, Шаршен Усубалиев, Суйменкул Чокморов, Толомуш Океев, Калтай Мухамеджанов, Михаил Ульянов, Фридрих Хитцер, Кайсын Кулиев, Расул Гамзатов, Мустай Карим, Давид Кугультинов и др. Айтматов свято хранил дружбу, никогда не предавал, было у него такое качество. Поэтому и мне давал много советов по этому вопросу. Приводил в пример дружбу Танабая и Чоро из повести «Прощай, Гульсары!». Между друзьями может быть обида, но зависть, скряжничество – злейшие враги дружбы.

– Говорят, что в последние годы стало много людей, которые, как только Айтматов приезжал из-за границы, сами написав предисловие к своим книгам, торопились заполучить под ним подпись Айтматова. Какое ощущение было у него после того, как он ставил подпись? Он Вам рассказывал об этом?

– Насколько я знаю, тех, кто обращались к нему с просьбой написать предисловие к своим книгам, было, действительно, немало. Бывало он рассказывал мне, что к нему обратился тот или иной человек. Иногда давал мне эти книги для ознакомления. Я прямо высказывал свое беспристрастное мнение. Только после этого он сам брал в руки эти книги.

– Поговаривают, что во времена правления Бакиева он лишился дипломати-

ческой службы за границей, да и столкнулся с прохладным к себе отношением. Что он говорил тем, кто не считался с ним в дни Бакиева?

– Мы это не обсуждали. Но это было нелегкое время для Айтматова.

– Что говорил Ч. Айтматов о будущем кыргызского народа, Кыргызстана?

– Даже находясь на чужбине, он всегда скучал по отчизне. В разговоре по телефону или приезжая в Бишкек, первым делом спрашивался о благополучии людей. Непременно думал о будущем Кыргызстана. Отмечал, что самосознание нашего народа стало намного выше, чем у соседей, говорил о благах демократии. Но ему не нравились те, кто, прикрываясь демократией, поднимал шум. Говорил, что демократия подразумевает порядок, работу. Верил в будущее Кыргызстана.

– Приближается 80-летие Айтматова. Следовало ли государству взять под свою опеку его здоровье, безопасность, жизнь?

– Когда государство брало под постоянную опеку первых секретарей Компартии Турдакуна Усубалиева и Апсамата Масалиева, мы предлагали сделать то же самое и в отношении Чингиза Айтматова, писали об этом. Но получили ответ, что он не является государственным деятелем. Это была отговорка. Когда бы государство проявило должную заботу, Айтматов прожил бы дольше. Даже когда у Айтматова дважды возникали проблемы с сердцем, этому не придали значения.

– Сколько человек защитили кандидатские, докторские диссертации по творчеству Айтматова?

– Можно порадоваться тому, что в Кыргызстане сформировалось айтматововедение. Какая научная работа не писалась бы, обойти стороной творчество Айтматова невозможно. А количество айтматововедов растет и за рубежом.

– *Кстати, каково положение академии наук, действительным членом которой, академиком был Айтматов, ее хотят расформировать? А то все время говорят о реформе.*

– Недавно прошло заседание членов комиссии по реформе академии. Обсуждался сложный вопрос о том, должна ли быть академия государственной или общественной. Члены комиссии: вице-премьер-министр Э.Сариева, заведующий отделом образования, культуры и спорта А.Муратов, особенно проректор университета «Манас» А. Кулмырзаев, профессор З. Дербишева, заместитель министра Ж.Мамбеталиева, статс-секретарь по финансам З. Баяманова и др. поддержали нас и пришли к выводу, что академия должна быть государственной. Можно сказать, что это было одним из исторических событий в судьбе академии. Если бы возобладало мнение об общественном статусе академии, она стала подобием таких современных общественных организаций, как союзы писателей, журналов, художников, композиторов и т.д.!

– *И все же есть, наверно, такие, кто выступает за общественность академии?*

– Оказывается, есть. За общественную работу ведь денег не платят. При жизни

Айтматов называл академию лицом нации, одним из государственных атрибутов и открыто выступал против тех полуграмотных политиков, которые хотели закрыть академию. Мы хорошо знаем о том тяжелом положении, в котором академия оказалась после 2005 года.

Ну а что касается реформы, оптимизации, то они нужны. Но реформа не делается за один день или за одно собрание. Пока есть кыргызский народ, академия, нам еще предстоит пройти не одну реформу. Как говорят некоторые, просто механическое объединение академии и высших учебных заведений не приведет к развитию и расцвету науки. У кыргызов есть хорошая поговорка: «Семь раз отмерь, один раз отрежь», или «Не то что мясо, я и тарелку найти не могу».

– *Что мы могли бы сказать в преддверии дня рождения Айтматова – 12 декабря?*

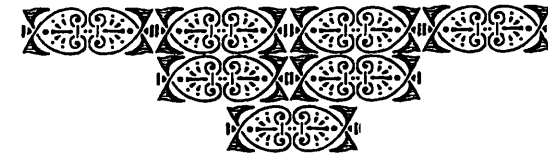
– Недавно я разговаривал с Казатом Акматовым, и оказалось, что мы думаем об одном и том же. Надо объявить 12 декабря «Днем Айтматова» и отметить его. Ну а день литературы можно объединить с днем культуры. А то и не знаешь, в какой из них какие мероприятия проводить. Да, Айтматов – представитель литературы. Но хотелось бы, что ему был посвящен отдельный день. Ну и, конечно же, мы так или иначе перейдем к литературе.

– *Спасибо Вам за беседу!*

– *Беседовала*

Сымбат МАКСУТОВА

«Эркин-Тоо» 12 декабря, 2014 г.

АЙТМАТОВ УМЕЛ И ПРОЩАТЬ, И ПРОСИТЬ ПРОЩЕНИЯ

– *Абдылдажан Амантурович, я хочу поговорить с Вами о великом писателе Чингизе Айтматове. Вы уже написали множество статей, давали интервью на эту тему. Как Вы думаете, сегодняшнему обществу не хватает Айтматова?*

– Ни в творчестве, ни в жизни место Айтматова никогда не будет заполнено. Именно в этом заключается гениальность, величие выдающихся людей. Каждый из них интересен тем, что тесно связан с тем местом, где он находится, с тем временем, в котором живет. Но тем самым эти люди создают и определенную трудность для человечества. В этом смысле нам всегда будет не хватать Айтматова: и сегодня, и завтра, и в будущем. В одном из моих интервью я сказал: «С течением времени тень, образ Айтматова будет лишь увеличиваться, выделяясь все отчетливее». Точно также дух Айтматова, как и дух Манаса, вечен для кыргызского народа. Оба они питают наш мир, в сегодняшнем процессе глобализации вдохновляют нас жить как независимая нация, возлагают на нас ответственность, обязывают нас. Мы не должны воспри-

нимать это как пустой призыв, как нечто преходящее, но должны достойно соответствовать этому в нашей повседневной жизни. Возможно, мысль Айтматова, его идея, что «для человека самое трудное – это ежедневно оставаться человеком», это и есть та самая идеология, которую мы, зажегши светильник, ищем среди бела дня?!

– *Создается впечатление, что сколько бы мы не старались предложить молодежи «Манас», Айтматова, все никак не получается сочетать это с образом сегодняшнего времени...*

– Мы сами испортили свое общество, сами во всем виноваты. Но мы не можем теперь равнодушно оставить его на откуп самому себе! Есть поговорка: «Сколько ни скрывай болезнь, смерть все сделает явным». Наше общество больно, и мы все должны приложить усилия к его оздоровлению. И лекарство здесь – культура, литература, искусство, освобождение сознания людей от порочных легковесных западных идей и наполнение его такими качествами, как благородство, нежность, великодушные, доброта, терпимость, смире-

ние, прощение и прочие, которые дают истинное образование, способствуют развитию науки и знания, расширяют кругозор.

– Как Вы сами сказали, если уж говорить о «Манасе», то именно в «Манасе», Айтматове эти вещи получили свое ясное отражение. Вот Вы заговорили о прощении, а ведь среди прочих качеств Айтматова, обычно выделяют именно его особое умение прощать.

– Совершенно верно. С какими только преградами, препятствиями не сталкивался он на своем пути! Не сказав ни слова в противовес тем, кто критиковал его повести «Лицом к лицу», «Джамиля», «Прощай, Гульсары», «Белый пароход», художественный фильм «Первый учитель», не храня на них зла, он просто продолжал свои творческие поиски. Он победил их мизерность, зависть, злопыхательство, наглость, вражду простым терпением. Оставил все на суд совести и времени. Творческое достоинство Айтматова вывело его на мировую арену, одерживая новые победы, достигая новых успехов, он продолжал прощать мелочность людей, так что не осталось никого, кого бы он не простил. Они же, чувствуя себя полноценными людьми, словно тени следовали за Айтматовым. Я говорю так, потому что сам все это видел и знаю.

– А Вы помните какой-нибудь случай, когда Айтматов сам просил прощения?

– Можно рассказать о том, что касается меня самого?

– Конечно!

– Это было так: в начале 90-х годов Чингиз Торекулович стал послом СССР в Люксембурге. Как-то летом Айтматов приехал в отпуск в Бишкек. Мы сидели вместе, пили чай. «Мелис, – обратился он ко мне, – есть одно важное дело, говорю о нем только тебе. Ты знаешь Азамата Алтая, он мне прислал 1000 долларов США, сказав, чтобы я использовал их на что-нибудь. Подумай до завтра, что мы можем сделать». Я не знал, что сказать, для меня это было неожиданным. На следующий день пришел к нему и предложил две вещи: первое – выпустить сборник произведений молодых авторов, второе – помочь журналу «Ала-Тоо», который испытывал тогда финансовые трудности. В то время 1000 долларов – это были большие деньги. Чингиз Торекулович выбрал помочь журналу «Ала-Тоо». После подробного разговора, я с облегчением отправился домой. Будучи очень занят, я не связывался с ним два-три дня. Когда пошел к нему, его не оказалось дома. Теща его сказала мне: «Чингиз не в духе, из дому пропали американские деньги, ты не знаешь?» – и взглянула на меня с каким-то подозрением. Я с тревогой спросил об Айтматове, оказалось, что он улетел в Москву. Я растерялся. «Ведь Чингиз Торекулович говорил о деньгах только мне?! Что делать? Интересно, кто их взял?» – думал я, ломая голову. Не заметил, как дошел домой. Сразу же позвонил в Москву. Слава Богу, Чингиз Торекулович оказался дома, он собирался пойти куда-то по делам. Я торопливо стал

рассказывать, как ходил к нему домой, что там услышал. «Они, что, сказали об этом тебе?» – прервал он меня, даже не дослушав. – Я же просил не говорить». Я еще больше разволновался, даже вспотел, стал сбивчиво объяснять. «Мелис, послушай, когда я приезжал в Москву, я переделал костюм, тогда и оставил, приехав сюда, нашел их в кармане. Ты не думай ничего такого! Я же доверяю тебе, как самому себе», – сказал он и положил трубку. Скажу честно, я не поверил его словам, подумал, что он просто меня успокоил, и еще большее забеспокоился. Тем временем прошло месяца три-четыре. Однажды позвонила ко мне тогдашний ректор женского пединститута Рахат Ачилова и сказала, что едет в командировку в Люксембург. Я передал через нее длинное письмо Чингизу Торекуловичу, в котором сообщал, что все еще угнетен той проблемой. Прошло немного времени, и я получил от Айтматова ответ следующего содержания: «Я же сказал тебе, что все в порядке, когда говорил с тобой по телефону из Москвы. Не думай ни о чем. Это того не стоит. В той случайности я сам виноват. Менял бумаги в Москве и забыл то, что специально приготовил. Позже, когда я вернулся в Москву, все лежало на месте. Так что это я должен перед тобой извиняться. Я тебе верю так, как верю самому себе».

– Очень интересная история. Этот небольшой случай лишней раз показывает нам величие, простоту, человечность Айтматова. Кстати о письмах. А нельзя ли

собрать и издать переписку писателя с великими людьми, такими, как, например, Шостакович...

– Сейчас семья Айтматова приводит в порядок его архив, есть кое-какие мысли. Возможно, до читателя дойдут его неопубликованные произведения...

– Вы писали о произведении «Земля и флейта» ...

– Да. Там говорится о событиях, связанных с Большим Чуйским каналом. Кстати, одно время о Большом Чуйском канале писали многие наши поэты во главе с классиком Алыкулом Осмоновым.

Жизни лучшей да будет проложен канал.
И времен справедливых раскинутся реки.
Хлынет радости свет как потоки со скал,
Возвышая величье труда человека.
Расплескавшись и пенясь, стремится вперед,
Все вбирая в себя, он – канал коммунизма.
Благодеяние людям земли он несет,
Расцветает великого братства единство.

В известном смысле, это можно назвать творческой встречей Алыкула Осмонова и Чингиза Айтматова. Оба они придавали большое значение Большому Чуйскому каналу. Произведение Айтматова значимо и сегодня.

– Каковы Ваши предложения по увековечиванию памяти Чингиза Айтматова?

– По какой-то причине вот уже восемь лет ничего не сдвигается с места. Когда я недавно ездил в Астану, мне показали просторную, чистую новую улицу, которой будет дано имя Айтматова. Вокруг –

новые здания. По-моему, если бы мы дали название «бульвар Айтматова-Эркиндик», это тоже звучал бы здорово. Потому что там находится Русский драматический театр имени Айтматова, парк имени Айтматова. Если бы и бульвар носил его имя, все было комплексно, в одном месте. К тому же Эркиндик (Свобода)

дополняет Айтматова, а Айтматов – Эркиндик.

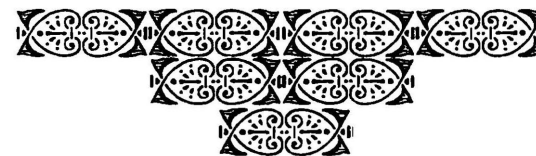
– *Спасибо за беседу!*

Интервью взяла

Амантур МУСАГҮЛ уулу

«Де-Факто»

27 февраля, 2015 г.

ОН ОПРАВДАЛ НАУЧНОЕ ЗВАНИЕ

А.Акматалиев широко известен не только в нашей республике, но и далеко за ее пределами, как крупный ученый - литературовед, внесший колоссальный вклад в развитие отечественной науки. Его научные труды, посвященные исследованию кыргызской литературы и литературоведения, вызывают большой интерес у общественности. Их отличает фундаментальное и академическое исследование актуальных и глубоко не изученных, а в некоторых случаях и совершенно не исследованных проблем кыргызского литературоведения. Я был первым оппонентом его докторской диссертации, которая отличалась оригинальностью решений поставленных проблем, широтой диапазона, глубоким знанием основ отечественной литературы. И в последствии я внимательно следил за его научной деятельностью, за его творческим ростом, и поэтому я очень хорошо знаком с его научными работами. Поэтому, можно сказать, что становление А.Акматалиева, как крупного научного деятеля происходило на моих гла-

зах. Самое ценное в трудах А.Акматалиева, что не может не вызвать к себе уважения, заключается в том, что ему удалось познакомить ближнее и дальнее зарубежье с кыргызской литературой и литературоведением.

Творчество представителей национальных культур Евразии стало одним из центров мировой литературы в конце XX века. Одну из ярчайших страниц здесь составляет наследие Ч.Айтматова, благодаря чему в международных филологических исследованиях утвердился термин, обозначающий новое авторитетное научное направление - айтматоведение. Кыргызстан и его Национальная академия наук в последние годы стали всемирным айтматоведческим центром.

Работа доктора филологических наук А.Акматалиева актуальна, ибо изучение и исследование литературных взаимосвязей выявляет вклад каждого народа в развитие мировой культуры, закономерности развития отдельных национальных литератур. Что касается литературных взаимосвязей литератур, то их изучение дает

возможность выявления роли крупных писателей, поэта в развитии этих литератур, именно поэтому в данном исследовании творчество Ч.Айтматова рассматривается в его взаимодействии с национальными литературами Средней Азии и Казахстана.

Процессы этого взаимодействия сложны, нередко противоречивы, могут исследоваться многогранно и с различных сторон. В исследовании А.Акматалиева творчества кыргызского писателя исследуется усвоение эстетического опыта Ч.Айтматова, подробно анализируется "Белый пароход", "И дольше века длится день", "Тавро Кассандра", "Плаха", "Когда падают горы" и др. в его взаимосвязях с русской и мировой литературой.

Его труды переведены на многие языки мира: английский, немецкий, французский, русский, казахский, турецкий, что свидетельствует о необычной популярности и научном интересе к его трудам в мире.

Он неутомимый организатор и инициатор кыргызской науки. Можно сказать, что он "генератор" самых ярких, новых и оригинальных идей, которые с успехом претворяют в жизнь. Благодаря его усилиям, кыргызская филологическая наука на сегодняшний день имеет такие монументальные научные труды, как: академическое издание эпоса "Манас" (9 томов), серия "Народная литература" (30 том), "История кыргызской литературы" состоящая из 7 томов и др.

Труды А.Акматалиева, изданные в период обретения Кыргызстаном независимости, насчитывает порядка 400. Он не только прекрасный научный деятель, но и замечательный руководитель, который в период жесточайшего мирового экономического кризиса, не сложил руки, а активно искал и находил спонсоров и, тем самым вложил огромный труд и энергию в развитие кыргызской литературы и литературоведения.

И в этом смысле заслуга А.Акматалиева, как перед отечественной наукой, так и перед Национальной академией наук Кыргызской Республики неопределима. Он как руководитель Института языка и литературы им. Ч.Айтматова провел и продолжает проводить колоссальную работу в целях повышения престижа НАН КР в мировой научной среде. Научными трудами А.Акматалиева НАН КР может только гордиться, так как они представляют собой бесценную кладовую национальной литературы и культуры.

Я высоко оцениваю научные труды А.Акматалиева и руководимого им института, так как являюсь членом Ученого совета института уже 20 лет, и рождения этих академических трудов происходило на моих глазах. А.Акматалиев своей ответственностью и добросовестностью, своим трудолюбием, широтой взглядов и фундаментальностью своих научных исследований, а также огромным вкладом в развитие кыргыз-

ской литературы и литературоведения, оправдал научное звание члена - корреспондента академии наук Кыргызской Республики, которое было ему присуждено в 2000 году.

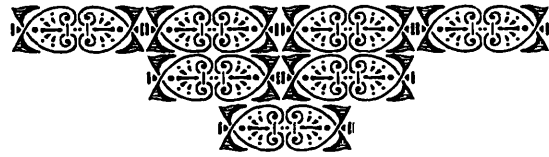
Поэтому я твердо убеждена, что директор института языка и литературы им.

Ч.Айтматова, Абдылдажан Акматалиев достоин звания академика НАН Кыргызской Республики.

Ч. ЖОЛДОШЕВА.

член-корреспондент НАН КР, доктор филологических наук, профессор.
«Кут билим», 21-май 2010.

РЫЦАРЬ НАУКИ

«В лице Акматалиева А.А. академическая наука приобретает очень серьезного, деятельного учёного и активного организатора исследовательских работ. Необходимо учесть акматалиевский интеллектуальный имидж, достойно проявившихся в последние годы на многочисленных международных конференциях и симпозиумах, чему в ряде случаев я сам свидетель. Вместе с тем, не маловажно отметить и оценить исключительную работоспособность Акматалиева А.А., благодаря чему Институт НАН КР сохранил и поднял научную активность и дееспособность в труднейшие кризисные дни, несущие нынешней эпохе».

Ч. Айтматов, Брюссель, 2003

Задумывались ли вы когда-нибудь о том, что является самой сильной чертой киргизской нации? Главная черта киргизов, на мой взгляд, уникальная в своем роде, гуманитарная одаренность, великий поэтический дар. Да, именно у нации, а не только у отдельных ее представителей.

Это многие отмечали, и об этом многие писали, начиная с Абрамзона и кончая современными последователями.

«Киргиз всегда говорит красиво и складно, очень красноречиво, соблюдая определенный ритм и плавность в своей речи».

Не ручаюсь за точность цитаты, но за смысл отвечаю в полной мере. Киргизы - кочевники и свой творческий гений они воплощали в слове. Отсюда - величайший на планете эпос "Манас", отсюда великолепная устная поэзия, отсюда сказительское мастерство акынов-импровизаторов, отсюда Ч.Айтматов и А.Осмонов.

Ч.Айтматов писал об этом в своем последнем романе "Когда падают горы": "позволю себе прибегнуть к древним метафорам в постижении исконного понимания универсальность слова как такового, понимания, унаследованного от кочевых философов давно минувших времен: "Слово выпасает Бога на небесах, Слово доит молоко Вселенной и кормит нас тем молоком все-ленским из рода в род, из века в век. И потому вне Слова, за пределами Слова нет и Бога, ни Вселенной и нет в мире силы такой, превосходящей силу Слова, и нет в мире огненного пламени, превосходящего жаром пламя и мощь Слова".

Это наше главное качество, наша основная характерная черта, определяющая нашу уникальность, и значит, в этой сфере гуманитарной науки, в сфере исследования словесного наследия, в сфере изучения современного художественного слова мы, безусловно, находимся на самых передовых, продвинутых позициях, так как именно в этой сфере интеллектуальной деятельности мы наиболее аутентичны, что вполне объяснимо. И, пожалуй, одним из наиболее преданных, последовательных и ярких деятелей в этой филологической ("Филология – наука о слове!") является д.ф.н., проф. А.А. Акматалиев.

Всю свою жизнь он положил на алтарь служения филологической науке, на алтарь служения великому Слову. Он настоящий рыцарь Слова, рыцарь литературоведческой науки, наверное, столько – сколько он знает, о художественном Слове, не знает в нашей стране никто.

Мы сейчас переживаем не лучшие времена, но профессор А.Акматалиев относится к той категории людей, которые, несмотря, ни на какие трудности, подвижнически делает свое дело, упорно, не жалуясь и не возмущаясь, возделываясь, образно говоря, свой сад, героически и с любовью служит своей науке, как самый преданный ее рыцарь.

Такая преданность своему делу не может не вызывать глубокого уважения. Он не жалуется на то, что зарплата научного работника у нас иногда ниже зарплаты водителя, что наука финансируется по остаточному принципу, что заниматься

наукой - куда менее престижно, чем торговать на базаре, что научные командировки в ведущие научные центры – это что-то из области фантастики и т.д. и т.п. Он ни на что не жалуется.

Он делает свое дело и поэтому, при таких условиях и в таких обстоятельствах, он просто герой.

Для А. А. Акматалиева его работа это больше, чем его профессия, для него - это жизнь, его главное дело, его страсть. И он служит своему делу с истовостью средневекового рыцаря.

Я его очень давно знаю. Мы вместе начинали свою трудовую деятельность в секторе взаимосвязей национальных литератур института языка и литературы АН Киргизской ССР в качестве младших научных сотрудников. Тогда нашим сектором руководил выдающийся литературный критик, блестящий мыслитель С. Джигитов. В институте в то время работал еще один выдающийся критик и литературовед К.А.Асаналиев.

Нам посчастливилось работать бок о бок со всеми этими замечательными людьми, и мы многому у них научились. Вообще следует отметить, что в Кыргызстане сложилась очень сильная литературоведческая школа, пожалуй, сильнейшая в регионе и А. Акматалиев блистает среди своих коллег и соратников, как звезда первой величины. И это не удивительно. Киргизская литература дала миру великого писателя Ч. Айтматова, а А. Акматалиев является лучшим на сегодня исследователем его творчества. Он знает о

творчестве Ч. Айтматова все. Он долгие годы был рядом с ним, общался, беседовал, сопровождал в поездках, практически входил в круг самых близких его сподвижников. Такое тесное общение обогатило кругозор и мировоззрение проф. Акматалиева. Да и в целом наличие столь могучей творческой личности всегда ускоряет процесс развития общественной мысли, поднимает ее на новый уровень, вот почему мы так сильны в гуманитарной сфере науки. Если в чем другом отстаем, то здесь мы точно многих обгоняем. И роль проф. Акматалиева в дальнейшем продвижении филологической науки невозможно преувеличить.

Проф. Акматалиев работает в Академии наук всю свою жизнь, начинал младшим научным сотрудником и, пройдя все ступени, дослужился до директора института языка и литературы им. Ч.Т.Айтматова.

Он является признанным лидером целой отрасли отечественного литературоведения – айтматоведения и нет в этой области более признанного авторитета.

Он выдающийся организатор науки. Он изыскивает любые возможности, чтобы издавать труды своего института, причем некоторые из осуществленных им проектов, без преувеличения, грандиозны. Достаточно назвать издание семитомника "История кыргызской литературы"; тридцати томов "Устной народной поэзии"; серии "Великие акыны"; издание эпоса "Манас" в вариантах С.Орозбакова и С.Каралаева, переиздание - догголненное и откор-

ректированное "Кыргызского толкового словаря", издание восьми томов произведений Ч.Айтматова, участие в создании "Литературы тюркского мира", изданной в Анкаре в восьми томах.

Он подготовил целую когорту высококлассных научных кадров в области киргизской литературы и сравнительного литературоведения.

Под его научным руководством подготовлено 12 докторских и 57 кандидатских диссертаций. Он долгое время возглавлял Спецсовет по защите докторских и кандидатских диссертаций при КНУ и НАН КР. А.Акматалиев, пожалуй, самый узнаваемый и самый известный за пределами нашей республики литературовед и филолог. Он является почетным профессором целого ряда отечественных и зарубежных вузов, он член Спецсовета по защите докторских диссертаций казахского Национального Университета им. Аль-Фараби.

Его приглашал в свой родной университет в Японии для чтения лекций выдающийся мыслитель и философ XX века Дайсаку Икеда и он стал обладателем высшей почетной награды университета Сока (Япония).

Вот что написано в посвящении: "Вы внесли огромный вклад в общее развитие гуманитарных наук, в дело повышения уровня высшего образования.

Посвятив себя восстановлению эпоса "Манас" - гордости киргизского народа, - вы своими трудами обогатили и приумножили национальную культуру человечества.

В знак признания Высших заслуг позвольте вручить Вам, великому ученому,

Высшую почетную награду Университета Сока за выдающуюся многолетнюю и плодотворную деятельность", - основатель Университета Сока Дайсаку Икеда, Ректор Кинносурэ Комуро.

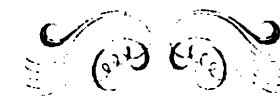
А еще проф. Акматалиев А. А., кажется единственный на сегодня киргизский литературовед, к которому обращался Нобелевский Комитет Шведской Академии с просьбой о выдвижении кандидатуры на получение Нобелевской премии по литературе. Что еще нужно для того, чтобы подтвердить международную известность нашего ученого?

Сегодня мало кто стремится заниматься академической наукой. Это очень трудная и во многом не очень благодарная стезя. И при общем падении уровня образования и гуманитарной культуры особенно заметной становится подвижническая деятельность таких редких людей, как проф.

А.А.Акматалиев, всю свою жизнь положившего на алтарь служения науке.

Трудно представить себе кто еще в большей степени, чем А. А.Акматалиев может претендовать на звание академика в области литературоведения, чем он. Ведь что такое высокое звание академика? Это, конечно, признание неоспоримых заслуг ученого в сфере его научной деятельности, но при этом - это еще и возложенная на него обязанность заниматься дальнейшими исследованиями в своей области науки, помогать развитию и становлению новых научных кадров, способствовать повышению уровня гуманитарного образования в стране. А проф. А.А.Акматалиев трудностей никогда не боялся и с честью с ними справлялся. Будет справляться и в дальнейшем.

*Д.Ф.Н., проф. КРСУ И. ЛАЙЛИЕВА,
"Комсомольская правда", 9 июня 2010.*

ПРЕДСКАЗАНИЕ Ч. АЙТМАТОВА

Толщиной (939 страниц) и размером (в лист писчей бумаги) отличается новая книга "Кыргызская литература: история и время" Абдылдажана Акматалиева, директора Института языка и литературы имени Чингиза Айтматова Национальной академии наук.

Вообще-то Акматалиев может претендовать на титул наиболее плодовитого на сегодняшний день автора в Национальной академии. Как начал публиковать научные труды более четверти века назад, так список его книг и статей продолжает ежегодно бурно пополняться. Всего на сегодняшний день три десятка авторских книг и около 500 статей.

Главные темы акматалиевских публикаций - эпос "Манас" и творчество Айтматова. И литературный процесс между этими двумя веками и вокруг них.

В самоновейшем сборнике своих научных трудов профессор ищет истоки великого эпоса в памятниках письменности головокругительной старины - в древнетюркских рунах VI-VIII веков. И рассказывает о том, что даже признанные классические варианты Сагымбая Орозбако-

ва и Саякбая Каралаева опубликованы пока далеко не полностью. В рукописном фонде Института языка и литературы ждут встречи с широким читателем десятки тысяч записанных манасоведами строк.

Выдающиеся манасчы щедро вкрапливали в предания тысячелетней давности некоторые реалии новой и новейшей истории типа войн с Наполеоном и участия в них кыргызов и даже другой нетрадиционный сюжет - о мифической встрече Ильи Муромца и Манаса Великодушно-го. Об этом планируется рассказать отдельно - в приложениях к будущему академическому изданию эпоса.

И в биографии Айтматова, своего старшего большого друга, Акматалиев находит и делает достоянием гласности удивительные историко-литературные факты.

К примеру, выяснилось, что хронологически первое свое интервью шестилетний (!) Чингиз вместе с другими воспитанниками детского сада во Фрунзе - Бишкеке дал летом 1935 года Фрунзенской комсомольской газете "Ленинчил жаш". Малыш с гордостью поведал кор-

респонденту Райкану Шукурбекову, что хочет быть шофером и читает не только детские книжки, но и вполне взрослые газеты и журналы. Шукурбеков зафиксировал для газеты, а в конечном счете и для истории литературы, что Чингизик: "Очень опрятен и дисциплинирован. К этому приучили его дома. Мы с Чингизом беседовали более часа. Он не смущается, прямо высказывает свои мысли... Он уже учится писать".

Или найденные Акматалиевым редкостные факты, что, собственно, писательством Айтматов занялся в неполные 18 лет, студентом Джамбульского зооветеринарного техникума. Дебютировал стихами, однако техникумовский педагог Алексей Васильевич Штубендорф посоветовал попробовать силы в прозе. Вместе с комсоргом техникума Василием Ступнико-

вым Чингиз отправил свои опусы в областную газету. Оттуда ответили, что ни стихи Василия, ни рассказы Чингиза "не считают возможным" напечатать.

- Не поняли. Ничего, не сегодня, так завтра опубликуют. Я им докажу, что могу писать, что стану писателем, - предсказал Василию совсем юный Айтматов. Известным в Джамбуле-Таразе поэтом стал и Ступников.

Таких находок в книге немало. Тираж разумеется, маленький. Но Акматалиев обещает, что все крупнейшие библиотеки республики ее получат. И общедоступная для всех бишкекчан городская Библиотека айтматовской книги у пересечения улиц Тыныстанова и Боконбаева - тоже.

Александр ТУЗОВ,

«Вечерний Бишкек», 21 апреля 2010.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВА Ч. АЙТМАТОВА	1
НЕ ВОПИТЬ БЫ И СТЕНАТЬ НАМ У КРАЯ ПРОПАСТИ	51
МНОГОЗНАЧНОСТЬ «ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ!»	59
«ПЛАХА» И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА	65
КОСМОС АЙТМАТОВА – ЧЕЛОВЕК И ВСЕЛЕННАЯ	108
ВСЕЛЕННАЯ, ЧЕЛОВЕК И ЖААБАРС	129
В АМЕРИКЕ ОБ АЙТМАТОВЕ ИЛИ ВЗЛЁТ С «ПОЛИГОНА» МАНАСА В КОСМОС МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	156
НУЖЕН ЛИ СЕГОДНЯ ЧИНГИЗХАН?	159
ИДЕИ СВОБОДЫ И НЕЗАВИСИМОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ч. АЙТМАТОВА	188
ФЛЕЙТА - СИМВОЛ ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ	194
МУХТАР АУЭЗОВ И ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ	220
ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ И ГАБРИЭЛЬ ГАРСИЯ МАРКЕС	224
ЧИНГИС АЙТМАТОВ И ВАЛЕНТИН РАСПУТИН	228
ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ И ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ	233
РАЗГОВОРЫ С АЙТМАТОВЫМ	236
БЕЛОЕ ОБЛАКО ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА ОБЕРЕЖЕТ НАС ОТ БЕД	245
«ПОСЛЕ СЛОВ О ГАЧЕВЕ АЙТМАТОВ СРАЗУ ПОГРУСТНЕЛ...»	247
ЧИНГИЗУ АЙТМАТОВУ БЫЛА ПРИСУЖДЕНА НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ, НО...	253
АЙТМАТОВ СВОИ ОБИДЫ ПРЯТАЛ ГЛУБОКО, ДА И КОМУ ИХ БЫЛО ГОВОРИТЬ...	258
«АЙТМАТОВ ПОНИМАЛ ЖИЗНЬ КАК НЕУСТАННЫЙ ТРУД...»	264
«УПАСИ ЛЮДЕЙ ОТ ПАГУБНЫХ МЫСЛЕЙ...»	269
«АЙТМАТОВ ХОТЕЛ НАПИСАТЬ «МАНАС» ПРОЗОЙ, НО...»	274
«И АЙТМАТОВ - ФУТУРОЛОГ...»	278
«КОГДА ВЗДЫХАЛ ЧИНГИЗ ТОРЕКУЛОВИЧ, МНЕ КАЗАЛОСЬ - РУШАТСЯ ГОРЫ...»	281
«ПЛАКАЛИ ВСЕ, БУДТО ВНОВЬ ПОЧИЛ МАНАС...»	285
«АВТОМОБИЛИ ЕЛЬЦИНА И АЙТМАТОВА СТОЯЛИ РЯДОМ...»	289
«МЫ ВСЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ»	292
«ХРАНИ НАС, БОЖЕ, ОТ ИКСРОДОВ...»	297
«АЙТМАТОВЕДЕНИЕ - НАУКА МИРОВОГО МАСШТАБА...»	301

КАК ПРИСВАНВАЛОСЬ ИМЯ АЙТМАТОВА...	306
«ВЛАСТЬ НЕ ЖАЛЕЛА ОТ АЙТМАТОВА ПОЧЕСТЕЙ И НАГРАД, НО...»	310
ЗАСУЕТИЛИСЬ, НАЗЫВАЯ ЕГО «АЯТОЛЛА АЙТМАТОВ...»	315
ПАМЯТНИКИ АЙТМАТОВУ И УЛИЦЫ ЕГО ИМЕНИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	321
«АЙТМАТОВ НАЗВАЛ АКАДЕМИЮ НАУК СИМВОЛОМ СТРАНЫ...»	323
«ВСПОМИНАЯ ОБ АЙТМАТОВЕ, МЫ ВОСПОЛНЯЕМ СВОИ ДУХОВНЫЕ МИРЫ...»	328
«КРИТИКА АЙТМАТОВА ВЫЗЫВАЛА ПАНИКУ И СТРАХ...»	332
«АРХИВ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА Я ЖДУ С БОЛЬШОЙ НАДЕЖДой...»	337
«АЙТМАТОВ - ВЕЧНАЯ ЛЕГЕНДА!..»	340
«АЙТМАТОВСКАЯ ВСЕЛЕННАЯ ОСТАНЕТСЯ НЕПОСТИЖИМЫМ ФЕНОМЕНОМ...»	344
ДА, МЫ НАЗЫВАЕМ АЙТМАТОВА ГЕНИЕМ...	348
«ЧИНГИЗ ТОРЕКУЛОВИЧ В ДУШЕ БЫЛ ОДИНОК...»	351
«АЙТМАТОВ И ЛЮБИЛ КАК АЙТМАТОВ...»	354
«МАНАС» И АЙТМАТОВ - МОИ ТВОРЧЕСКИЕ СУДЬБЫ...»	359
«АЙТМАТОВ, ЧТО, СТАЛИН ЧТО ЛИ»	363
ЧИНГИЗ ТОРЕКУЛОВИЧ ПОЛНОСТЬЮ МНЕ ДОВЕРЯЛ	366
АЙТМАТОВ УМЕЛ И ПРОЩАТЬ, И ПРОСИТЬ ПРОЩЕНИЯ	369
ОН ОПРАВДАЛ НАУЧНОЕ ЗВАНИЕ	373
РЫЦАРЬ НАУКИ	376
ПРЕДСКАЗАНИЕ Ч. АЙТМАТОВА	378

Акматалиев Абдылдажан

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ: ЖИВИ И ПОМНИ

Техн. редактор *Жусупбекова А.*

Корректоры *Касымгелдиева М., Тойчубек кызы Ж.*

Компьютерная верстка *Абдыкалыкова А.*

Сдано в набор 06.06.15. Подписано к печати 10.08.15.

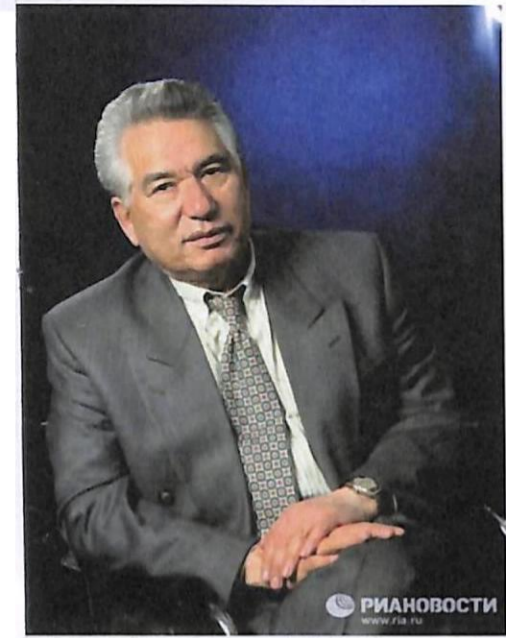
Формат бумаги 84x108^{1/4}, 24,0 п.л.

Тираж 400. Заказ № 1962.

Отпечатано в типографии ОсОО "Имак Офсет"

Институт Языка и литературы имени Ч.Айтматова

2
847873

**Абдылдажан Акматалиев
(Мелис)**

Академик, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки КР, дважды лауреат Государственных премий в области науки и техники КР, лауреат премии Ленинского комсомола Киргизии, член Союза писателей, член Союза журналистов.